

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2022

№ 79

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Банкова Т.Б. О параметрах лингвокультурологического комментария в «Словаре сибирского свадебного обряда»	5
Волошина С.В. Культурно-языковой ландшафт современной сибирской деревни как результат взаимодействия культур (на примере д. Берёзовка Первомайского района Томской области)	21
Иванцова Е.В. Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности	40
Иссерс О.С. Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов)	59
Некрасова И.М. Семантика составного именного сказуемого с позиционными связками (сопоставительный аспект)	84
Никитина Е.Н., Онипенко Н.К. Синтаксис и семантика эмотивных глаголов (к проблеме лингвистической интерпретации текстов, написанных авторами с психическими расстройствами)	109
Степаненко А.А., Резанова З.И. Местоимения в автоматической жанровой и гендерной атрибуции текстов	131
Чепурная А.И. Некооперативные стратегии в американском политическом диалогическом дискурсе (на примере жанра пресс-брифинга)	155

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гнюсова И.Ф. Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в.	167
Дзапарова Е.Б. Варлам Шаламов – переводчик Бориса Муртазова	190
Зусева-Озкан В.Б. Лирическая маска «рыцаря под забралом» в поэзии Серебряного века: стереотипы и разнообразие интерпретаций	208
Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература как имагологический и идеологический инструмент: по материалам периодического издания «Кавказ» (1846–1884 гг.)	240
Обласова Т.В. «Самодостраивающийся сверхсюжет» о поэте-пророке в русской поэзии XIX–XX вв.	262
Шуринова Н.С. Игра как средство трансгрессии в романе Шань Са «Играющая в го»	274

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Гаврикова И.Ю. Рецензия на книгу: Попов Д.В. Стиль «плетение словес» в посланиях Ивана Грозного. – М., 2021. – 143 с.	287
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Bankova T.B. On the parameters of linguoculturological commentary in the <i>Dictionary of the Siberian Wedding Rite</i>	5
Voloshina S.V. The cultural and linguistic landscape of a modern Siberian village as a result of cultural interaction (on the material of Beryozovka, a village in Pervomaysky District, Tomsk Oblast)	21
Ivantsova E.V. Functioning of the speech genre of request in the discourse of the dialect language personality	40
Issers O.S. Discursive self-identification of Russians in the game genres of the Runet (on the example of demotivators)	59
Nekrasova I.M. The semantics of the nominal predicate with positional copula verbs (a contrastive aspect)	84
Nikitina E.N., Onipenko N.K. Syntax and semantics of psych verbs (on the problem of linguistic interpretation of texts written by persons with mental disorders)	109
Stepanenko A.A., Rezanova Z.I. Pronouns as machine learning markers in genre and gender text attribution	131
Chepurnaya A.I. Non-cooperative strategies in American political dialogic discourse (based on the press briefing genre)	155

LITERATURE STUDIES

Gnyusova I.F. Siberia's cultural landscape in the understanding of Siberian writers and publicists of the 19th century	167
Dzaparova E.B. Varlam Shalamov – a translator of Boris Murtazov	190
Zuseva-Özkan V.B. The poetic persona of the “knight behind the visor” in the works of Nikolay Gumilyov and Maria Levberg, and the literary tradition	208
Nikonova N.Ye., Danielyan T.R. Translated literature as an imagological and ideological tool: On the materials of the periodical <i>Kavkaz</i> (1846–1884)	240
Oblasova T.V. The “self-building plot” about the poet-prophet in Russian lyric poetry of the 19th and 20th centuries	262
Shurinova N.S. Game as a tool for transgression in the novel <i>La Joueuse De Go</i> by Shan Sa	274

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Gavrikova I.Yu. Book review: Popov, D.V. (2021) <i>Stil' “pletenie sloves” v poslaniyakh Ivana Groznogo</i> [The style of “weaving words” in the epistles of Ivan the Terrible]. Moscow: Pero	287
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 800.872/2+802.0+808.2
doi: 10.17223/19986645/79/1

О параметрах лингвокультурологического комментария в «Словаре сибирского свадебного обряда»

Татьяна Борисовна Банкова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, tatabank@mail.ru*

Аннотация. Показана необходимость теоретического осмысления и научного обоснования принципов построения лингвокультурологического комментария в лексикографических работах. Определены его параметры в «Словаре сибирского свадебного обряда». На их основе представлена процедура комментирования в виде пошаговой инструкции. Рассмотрена логика вычленения фрагментов из массива материала, которые впоследствии преобразовываются в исследовательские формулы, и на их базе строится комментарий.

Ключевые слова: диалектный язык, традиционная культура, культурная коннотация, лингвокультурология, лингвокультурологический словарь, параметры лингвокультурологического комментария, обрядовое слово

Источник финансирования: статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.09.2020).

Для цитирования: Банкова Т.Б. О параметрах лингвокультурологического комментария в «Словаре сибирского свадебного обряда» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 5–20. doi: 10.17223/19986645/79/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/1

On the parameters of linguocultural commentary in the *Dictionary of the Siberian Wedding Rite*

Tatiana B. Bankova¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tatabank@mail.ru*

Abstract. The aim of this article is to determine the parameters of a linguocultural commentary, which is a form of interpretation of lexical units in the *Dictionary of the Siberian Wedding Rite* created at the Russian Language Department of Tomsk State University, and on their basis to present the commenting procedure. The dictionary is made on the material of the dialects of the Middle Ob region, which objectify the traditional local culture. The key intention of the Dictionary is the most complete presentation of cultural information that is significant for the peasant com-

munity. This information is extracted from materials, converted into research component formulas based on which the commentary is built. The purpose of the commentary is to describe the word as expressing its cultural meanings based on the numerous facts of living dialect speech. To implement the idea, the lexicographic method, the method of linguoculturological commenting or interpretation were used. In the course of compiling the Dictionary, groups of vocabulary units were identified that have a typical structure in the construction of a commentary, namely, nominations: (1) items involved in the rite; (2) ritual (sacred) units proper; (3) characters participating in the wedding; (4) verbs denoting ritual actions; (5) stages of the rite. The components required for the commentary are provided by a collection of illustrative material. The research positions of the compiler of the dictionary of a linguoculturological type are as follows. (A) Any personal statement is considered as an expression of the universal attitude of the bearer of the peasant culture because it is a translation of the collective cultural codes stored in memory. (B) The illustrative part contains all the available material that formed the basis of the linguoculturological commentary. (C) Variants of statements realizing in their content the general subject of speech and having a close cultural meaning become a source of formation of a component of a linguoculturological commentary. (D) The totality of the commentary's components, built in a typical (by belonging to a lexical group) logic of description, constitutes the content of the entire commentary. The conclusions are as follows. The genetically multicomponent essence of traditional culture and the wedding rite makes it possible to present the interpretation of the ritual lexeme as a text that is based on the hierarchy of components initially laid down in the structure of the word. A special procedure for representing the cultural connotative component of the semantics of a word is assumed. The obligatory expansion of the zone of word interpretation occurs due to information representing the originality of the peasant culture. The commentary determines the composition of the components of interpretation, isolates them from the real existence of the linguistic unit. In turn, the identified components form the basis of the commentary-word interpretation. The content of the commentary varies depending on the group of vocabulary units: each unit has a typical construction of its commentary, composed by combining research formulations based on semantic fragments arranged in accordance with Siberian ritual traditions. The presented procedure can become a universal algorithm for subsequent lexicographic research works that objectively represent the cultural semantics of the dialect lexicon.

Keywords: dialect language, traditional culture, cultural connotation, linguoculturography, linguoculturological dictionary, parameters of linguoculturological commentary, ritual word

Financial Support: The study was supported by the TSU Competitiveness Improvement Programme (Project No. 8.1.09.2020).

For citation: Bankova, T.B. (2022) On the parameters of linguoculturological commentary in the *Dictionary of the Siberian Wedding Rite*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/1

На сегодняшнем этапе развития российской лексикографии лингвокультурологические словари прочно закрепились в типологическом реестре. Они уже имеют собственную историю становления: это осмысление и разработка принципов построения, поиски приемов описания и способов адекватного представления культурных коннотаций в значении лексических единиц. Лексикографические разработки последнего времени отме-

чены стремлением соединить в словотолковании лингвистические сведения с информацией о культурных реалиях, обозначаемых лексемой.

Имеющиеся в практике словарного дела работы позволяют определить-ся с основными типами и жанрами современных лингвокультурологических словарей¹.

В типологии Т.А. Голиковой томские диалектные лингвокультурологические словари занимают особое место. По мнению автора, они подтвердили право на существование диалектной лингвокультурологии, развивающейся с учетом принципов диалектной лексикографии, так как охватывают максимальное количество материала, объединяют разносторонние характеристики слова: семантические, энциклопедические, этнографические и т.д. [1. С. 50].

Заметим, что «культурологический подтекст» наличествует практически во всех словарных трудах томской диалектологической школы. Он прослеживается в принципах отбора материала и словотолковании лексем, в системе помет, сопровождающих их.

Нехватка культурного объема при толковании лексемы в томских диалектных словарях нередко восполняется иллюстративным материалом статьи. В совокупности он дает представление о культурном содержании единицы. Функциональные же пометы характеризуют актуальность слова в коммуникации и его прикрепленность к экспрессивно-эмоциональным высказываниям.

Наполнение иллюстративного материала по-разному представляет культурное содержание, свернутое в слове. Например, в «Вершининском словаре» лексема ОБЗАДАЧИТЬСЯ истолкована так: 'договорившись о какой-л. сделке, дать (получить) задаток'. – *Он пришел, и мы с им обзадачились: я ему платок, а он мне деньги* [ВС². Т. 4. С. 183]. Очевидно, что в описании не проявлена обрядовая семантика единицы, хотя содержание явно указывает на ситуацию предсвадебного обмена. В «Полном словаре диалектной языковой личности» обрядовое значение слова поддерживается иллюстрацией, где актуализированы номинации вещей, используемых в качестве задатка, а также констатация его невозвращения в случае расторжения свадебной договоренности: *Отдали, отдали [задаток]. Ага, сестра его принесла, мне платье принесла и серёжки. Отдали, отдали. А которые... могли бы не отдать. От Катерина Васильевна говорила: ее сестра, Авдотья Васильевна, в Калтае обзадачилась – серёжки хороши и кольцо, кольцо итдала – не отдали; Обзадачутся они с парнем... обзадачутся, задатки дадут [при сватанье]* [ПСЯЛ. Т. 2. С. 273]. Функциональная помета «устаревающее» (устаревающ.) в ПСЯЛ фиксирует факт «культурных приоритетов» – синонимической замены номинации на более частотную в настоящее время: МАТКА. 2. Устаревающ. – *А теперь больше «балки» зовут. А раньше «матка», так и звали «матка». От у меня тут* [в комна-

¹ О типологии современных лингвокультурологических словарей см. подробнее [1].

² Список сокращений томских диалектных словарей, использованных в статье, см. в конце статьи.

те] и подполяв. Пол-то прибивают [к ней]. От эдак матка лежит, а доски так. И прибивают [ПСЯЛ. Т. 2. С. 133].

Заметим, что в томских лексикографических работах последнего времени последовательно выдерживается ориентир на максимальное представление культурной специфики в разных частях словарной статьи.

Диалектные лингвокультурологические словари делают акцент на семантике лексической единицы, актуализируя ее культурную составляющую. В этой связи возникает проблема ее адекватного представления. Средством репрезентации культурных коннотативных компонентов в семантике слова служит лингвокультурологический комментарий.

Цель настоящей статьи – определение параметров лингвокультурологического комментария, который является формой толкования лексических единиц в создаваемом на кафедре русского языка Томского государственного университета «Словаре сибирского свадебного обряда» [2], и на их основе представление процедуры комментирования.

Термин «лингвокультурологический комментарий» неодинаково трактуется в словарных трудах, что объясняется разными объектами комментирования и целью самого комментария. Объединяет же эти лексикографические работы сама идея подобного описания, которое фиксирует и представляет в зоне толкования культуроспецифическое значение лексических единиц, релевантное для лингвокультурной общности.

Цель комментария как формы представления культурнозначимых единиц – прояснение и интерпретация культурной семантики слова с акцентом в словотолковании на тех компонентах, которые закрыты для представителей инокультуры (т.е. элитарной, традиционно-профессиональной и пр. в типологии Н.И. Толстого¹).

Необходимость теоретического осмысления и научного обоснования принципов построения комментария обусловлена отсутствием монографических работ, посвященных проблеме словотолкования с лингвокультурологической точки зрения. Поэтому несколько преждевременным кажется заявление, что «основные принципы организации и описания материала в словаре лингвокультурологического типа на настоящий момент в основном сложились. Это антропоцентрический подход, прагматическая ориентация (учёт адресата), преодоление противопоставления энциклопедического и лингвистического способов лексикографирования» [4. С. 221].

Кроме того, спорным до сих пор являются объем и содержание лингвокультурологического комментария, а также языковое оформление и последовательность включения его компонентов, сконструированных на основе анализа имеющегося в распоряжении лексикографа материала.

Приемы лингвокультурологического истолкования широко используются в лексикографической практике, хотя его параметризация в теоретическом отношении ранее подробно не рассматривалась.

¹ См. подробнее [3. С. 15–26].

Заметным достижением можно считать культурологический комментарий, сделанный авторами «Большого фразеологического словаря русского языка», который, «дополняя и во многом проясняя толкование, восстанавливает на основе образного основания «внутренней формы» фразеологизмов и формы их содержания фон «окультуренного» сознания мира человеком и тем самым способствует прояснению мотивированности культурно значимых смыслов в значении фразеологизмов и их употреблении» [5. С. 12]. Комментарий устанавливает связь между языковым значением фразеологизма и современными установками культуры через описание ситуаций, в которых возможно функционирование фразеологизма. Установки культуры, считают авторы, осознаются носителями языка, так как они бессознательно владеют культурно значимыми смыслами.

Другим примером удачного и концептуального подхода к комментированию культурозначимого компонента семантики слова является «Словарь русской пищевой метафоры» [6], который в структуру комментария включает информацию энциклопедического характера, связанную с историей возникновения и функционирования гастрономического объекта. Составители определяют его место в современной пищевой традиции, указывают на значимые свойства продуктов питания, на их символическое, обрядово-ритуальное существование [7. С. 19]. Очевидно, что в описании делается акцент на объеме культурной информации, необходимой для изъяснения культуроспецифичной единицы.

В настоящий момент очевидно неослабевающее внимание к народной культуре. Объяснить его можно широким спектром научных интересов – от определения истоков своеобразия русской культуры до вопросов, связанных с национальной идентичностью. Заметными продуктами деятельности по ее «возрождению и сохранению» являются словари или их проекты. Отметим, что появление диалектных лингвокультурологических словарей в российской лексикографической практике – важный шаг в развитии лингвокультурологии. Так, изданный коллективом ученых кафедры русского языка Томского госуниверситета «Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием)» [8] является первым опытом представления лексических и фразеологических единиц, относящихся к «детской» сфере традиционной культуры.

Обрядовая жизнь любого народа – мощнейший инструмент его сплочения. Сохранность основных этапов обрядового комплекса обусловлена установкой на соблюдение традиций, на межпоколенную трансляцию опыта предков, воплощенного в самой его структуре, в закрепленных за ним прескрипциях, а также номинациях, обслуживающих идеализированное обрядовое существование коллектива.

Свадебный обряд сопровождает развернутый во времени и пространстве акт перехода члена традиционного коллектива в новый социальный статус. Исследование его с точки зрения лингвокультурологии позволит выяснить, как обрядовая жизнь преломилась в судьбе представителя кре-

стьянского сообщества, а также показать реальное существование обрядового слова в речевой практике диалектоносителей.

«Словарь сибирского свадебного обряда» строится на материале говоров Среднего Приобья¹, объективирующих традиционную локальную культуру. Ключевая мысль работы – максимально полно представить значимую для крестьянского коллектива культурную информацию. Она извлекается из имеющихся материалов, затем преобразуется в исследовательские формулы-компоненты, которые являются базой для разворачивания комментария. Его задача – описать слово в контексте реализации культурных смыслов на базе многочисленных фактов живой диалектной речи.

Таким образом, лингвокультурологический комментарий – форма толкования значения культурнозначимых единиц, содержание которого выстраивается на основании данных, извлеченных из фактов живой речи диалектного коллектива.

В ходе работы выявлены группы словарных единиц, имеющих типовую структуру в построении комментария к ним. На этом основании выделены номинации: 1) предметы, вовлеченные в обряд; 2) собственно обрядовые единицы; 3) персонажи-участники свадьбы; 4) глаголы, обозначающие обрядовые действия; 5) этапы обряда.

Как уже было сказано, лингвокультурологический комментарий призван раскрыть компоненты культурной составляющей лексического значения обрядового слова, проявленные в реальной коммуникации диалектоносителей. Он строится по типовой формуле как текст с прозрачной композицией, базирующейся на исконных, заложенных в самой структуре диалектного слова компонентах культурного содержания.

Исследовательская позиция составителя словаря сводится к следующему:

а) любое персональное высказывание считается выражением универсального мироотношения носителя народной культуры, так как оно является трансляцией сохраненных в памяти коллективных культурных кодов;

б) в иллюстративной части помещается весь имеющийся материал, легший в основу лингвокультурологического комментария;

в) варианты высказываний, реализующие в своем содержании общий предмет речи и имеющие близкий культурный смысл, становятся источником формирования компонента лингвокультурологического комментария;

г) совокупность его компонентов, выстроенных в типовой (по принадлежности к лексической группе) логике описания, составляет содержание всего комментария.

Каждая группа номинаций имеет собственную композицию словотолкования. Покажем это на примерах построения лингвокультурологического комментария единиц различных групп.

1. Номинации обрядовых предметов. К ним относятся лексические единицы, обозначающие как исконно обрядовые (сакральные) атрибуты,

¹ Об источниках Словаря см. [9. С. 28–38].

так и приобретшие этот статус в ходе обряда¹. Например, слово *венец*, имеющее изначально обрядовое (сакральное) значение, истолковано следующим образом: головной убор куполообразной формы, возлагаемый во время церковного бракосочетания на голову жениха и невесты; брачный знак в виде короны. Изготавливается из металла различного цвета; в вершине В. – небольшой крест, внутри, по ободу, В. проложен тканью. Во время обряда надевается на головы брачующихся, иногда В. держит над головой жениха молодой человек из числа гостей; девушка – над головой невесты; в некоторых случаях В. над молодыми держат девушки-подружки.

Компоненты комментария расположены по типовой схеме, которая имеет две части – общую и детализирующую. 1. **Общая часть:** 1) предмет; 2) его общая характеристика; 3) общие функции предмета; 4) знаком чего является, что символизирует. 2. **Детализирующая часть:** описание предмета: 1) материал, из которого он изготовлен; 2) особенности изготовления и пр.; 3) манипуляции, совершаемые с помощью предмета или над ним.

Покажем, какие контексты послужили базой для компонентов комментария: *Венцы – это в церкви на жениха с невестой надевали. Они такие круглы, как шапка, и крестыверху высоки, как у церкви. Венцы и стальные, серебряны и золоты быват* (Том. В.-Кет.). В иллюстрации актуализированы следующие компоненты комментария: указана характеристика (описание) предмета (*такие круглы, как шапка, и крестыверху высоки*), его функция (*в церкви на жениха с невестой надевали.*), что является содержанием общей части; детализирующая оформляется на основании сведений о материале (*стальные, серебряны и золоты быват*).

Им на голову венцы надевали. Они не из красного железа, а как золотые такие, блестят, крестик маленький есть, и так они с решеткой. Вот обряд такой красивый в церкви (Том. Кож.); *Венец сделан, как обруч круглый, а изукрашен, от так, платками оббит* (Кем. Кем.). В примерах содержится информация об обрядовой функции предмета (*невесте и жениху надевают венец*); особенностях изготовления (*изукрашен, от так, платками оббит*).

Венчаются, подружки две держат венцы такие большие, у молодых над головой подружки держат (Том. Крив.). *Свадьбы раньше хорошо гуляли. В церкви венчались. На невесте свадебное платье, уваль до самых колен. В церкви молодые стоят рядом. За ими стоят за женихом – парень, а за невестой – девушка, и венцы над ими держат* (Том. Том.); *Поп венчает. Как везде венчают. Венцы кладут на голову. Потом идёт с церкви вся публика, молодёжь там* (Том. Шег.). Контексты определяют общие функции предмета (*венчаются, венчает*) и манипуляции, совершаемые при помощи предмета (*над головой держат; парень и девушка венцы над ими держат; кладут на голову*).

¹ Термин «сакральный» используется для характеристики номинаций, обозначающих предметы и явления, имеющие только обрядовую функцию. О динамике «сакрального» и «профанного» см. [10].

Представим процедуру выявления компонентов лингвокультурологического комментария для словарной статьи **колокольчики, кол(о)кольцы**. В текстах, посвященных свадебному обряду, данные слова зафиксированы только во множественном числе. Из иллюстраций извлекаются следующие фрагменты высказывания, которые в дальнейшем служат материалом для компонентов комментария. Контексты объединяются общим содержанием, на их базе вычленяются следующие группы:

1) транслирующие семантику выхода из профанного мира через акцентирование праздничности (необыденности) ситуации: *Свадьба с **колокольцами с светами**, двенадцать-тринадцать лошадей* (Том. Шег.); *Кто на свадьбу из родственников, тот лошадь со двора ведёт для обозу, поезду свадебного. С **колокольцами, сбруя начищена до блеску***¹ (Том. Шег.); *Тут ешо на коров, которы домой не ходят, колокольчики привязывают. Гремят. А тогда, ета, в свадьбу, к коням привязывали, к дуге* (Том. Шег.);

2) указывающие на локализацию предмета. Заметим, что наш материал отменяет стереотипное представление о том, что колокольчики размещаются в праздничном убранстве лошади исключительно на дугах: *По невесту поедут, к **дугам колокольцы привяжут**. Свадьбы делали большие и мало пили, всего четверть вина выпивали. Много коней было на свадьбе, и всех наряжали: бумажку бантиком завяжут, тут косячки остаются, и на гриву, на хвост навешивают колокольцы, и шибко весело было. Шля така на спину надевается, и туда навешиваются на концы вот шаркунцы* (Том. Шег.); *Колокольцы на шею одевают* для звону. Гля форсу были так во всю шею такие мелкие шаркунчики (Том. Шег.);

3) организующие звуковой аккомпанемент свадьбы: *В церкву едем на лошадях. Это оказываца свадебный поезд. Лошадьми правют бояры. С **колокольцами, с песнями мы едем*** (Том. Шег.); *У нас брат женился, Гена-то, с **колокольцами, с гармошкой**. Кони – вот свои были* (Том. Зыр.);

4) сигнализирующие о выходе из бытового времени; о приобщении к коллективному участию в сакральном действе: *От я тада, как помню, небольшая была. И вот мы уж, ребяташки, стоим. Едут! С **колокольцами, слышим, где-где колокольцами. Все нарядные, красивые! Едут*** (Том. Колп.); *Там ленты разны навязаны на дугах, дуги все раскрашены: чёрны, жёлты там, всяки разны... Колокольчики, шаркунцы. Кто там едет, свадьба **дак где слыхать!*** (Том. Том.); *Раньше свадьбы весёлые были. Теперь-то походят и выйдут. А раньше гуляли по неделе. Лошадей соберут пар шесть-семь, поезд называется, лентами, **колокольчики** всякие. Народу всегда много, весело. Чуть ли не вся деревня играет, поёт* (Том. Зыр.);

5) представляющие факты эстетического отклика на происходящее: *Раньше **каки** поезда делали. Там лошади **таки** красивы. Страшно **глядеть было!** Поез[д], навязывали. Там **восемь-двенадцать лошадей с колокольчиками*** (Том. Колп.).

¹ Полу жирным шрифтом выделены фрагменты высказывания, на базе которых конструируется компонент лингвокультурологического комментария.

Выделенные контекстные группы – основа комментария, который выглядит следующим образом: **КОЛОКОЛЬЧИКИ, КОЛ(О)КОЛЬЦЫ.**

1. **Общая часть:** Обязательный атрибут свадебного убранства лошади, символизирует переход в сакральное время. Привязывается на дугу упряжи лошади, её шею, хвост и гриву. 2. **Детализирующая часть:** Звон К. является обязательным музыкальным сопровождением свадьбы, сигналом проведения свадебных ритуалов для крестьянского коллектива. Входит в комплекс эстетического оформления свадьбы¹.

2. **Собственно обрядовые (сакральные) единицы**². Такие лексические единицы имеют исконную обрядовую семантику. Например, лексема **калым**. Её реализация в высказываниях сопровождается, как правило, глагольными единицами: *брать, взять, выговаривать, давать, запросить* и др., что высвечивает в значении слова явную ритуальную семантику, закреплённую в устойчивых словосочетаниях, конкретизирующих их регулятивную функцию. Например, в распоряжении составителя Словаря имеются материалы, значительно расширяющие количество культурных компонентов значения слова (заметим, что ни в одном томском диалектном словаре лексическая единицы *калым* в обрядовом значении не зафиксирована). Они актуализируются в высказывании следующим образом:

1) плата (в основном в денежном эквиваленте), которую вручали самой невесте или ее родителям (родственникам): *Продали корову, и невесте отдали калым* (Том. Крив.); *Приходит сватать, сколько невесте калыму платить, а потом попу за венчание. Придут, высватают невесту, калым дают* (Кем. Мар.); *Хрёсна, отец, мать – четвёрты. Приходят, уговорятся, калым, вина выражают, девичник, вечерка, поезд, лошадей 10–15 собирают, кисти блестят* (Том. Кож.).

Компоненты ритуальной семантики выявляются с помощью уточнения: кому предназначалась плата (невесте, родителям, родственникам), поэтому частотны глаголы *дать-давать, брать-взять, платить*: *Если на калым берёт, то она и не знает. Может, где закон и другой. Жених даёт денег сколь, покупает всё равно* (Том. Кож.); *Сват спрашивает: «Поглянулась [невеста]?» Выражают невесту, берут калым, назначают свадебный день* (Том. Том.). *«С добрым словом, со сватаньем. У вас Леночка (или Олечка), у нас есть женишок». Тогда посватаются. С невестинной стороны советуются. Тогда большии калымы брали за невест* (Том. Кож.); *С жениха калым, когда по-доброму сватают* (Том. Кож.); *Девки согласились, отец и мать калым берут* (Том. Шег.); *Невеста должна взять калым с жениха. Ну если беденькая, то и мясо даже выговариват, муку белую* (Том. Крив.);

2) фиксируется величина платы за невесту, как правило, подчеркивается ее большой размер: *Калым по сто раньше давали и по пятьдесят рублей* (Том. Кож.); *Запросили калым шестьдесят рублей* (Том. Шег.);

¹ Разделение толкования на общую и детализирующую части используется для представления логики его выстраивания. Далее выделение частей будет снято.

² Подробнее о собственно сакральных номинациях см.: [10].

Большой калым надо за невесту платить (Том. Шег.); Начали меня собирать [готовить к свадьбе]. Всё со слезами. А вон [жених] смертельный богач был, ума-то у их совсем не было. Наши запросили на отбой **калым-то восемьсот рублей да восемь вёдер вина**. Думали, может не будут платить. А они деньги выложили (Том. Кож);

3) оговаривается, что может использоваться в качестве калыма (как замена денежной платы): **Плотят калым, рублей по сто. Невеста сидит две-три недели. Потом собирают поезжан. Холостой жених деньгами платит, скотом тоже давали** (Том. Кож); **Невеста с жениха брала калым. Вином, мясом. Это тут, когда просватают её, так выкупают, калым давали** (Том. Шег.); **Калым – двадцать пять – пятьдесят рублей или постели. Жениховы родители дают калым невесте** (Том. Том.); **Калым берут. Денег выдадут сколько. Денег сто рублей. Я выходила, и ведра два муки, и мяса, и масла** (Том. Том.);

4) кроме того, слово калым функционирует в значении 'приданое невесты': [Пришли сватать], а я и говорю: «Мне бы калым надить. Ящик купить, махры-то куда складывать, к венцу на платье надо купить». Ничё ж не было. Вот так жили, только небо коптили. Они согласились (Том. Шег.).

Таким образом, выстраивается следующее толкование: **КАЛЫМ**. 1. Плата, выкуп в виде денег или других материальных ценностей, вручаемая родителям (или другим родственникам) за невесту. 2. Приданое невесты.

Выделим фразеологизмы и истолкуем их: ♦ **БРАТЬ (НА), ВЗЯТЬ, с кого, ДАТЬ (ДАВАТЬ) КАЛЫМ**. Необходимое условие свадебного договора, обеспечивающего материальную сторону обряда и начало самостоятельной совместной жизни молодоженов. ♦ **ВЫГОВАРИВАТЬ КАЛЫМ, с кого**. 1. Определять заранее размер платы за невесту; 2. Определять размер и компоненты приданого.

3. Номинации персонажей-участников свадьбы. То, как представляются свадебные персонажи в Словаре, достаточно подробно уже было показано в на примере слов **бояр, боярин**: «В лингвокультурологическом словаре необходимо проявить ритуально значимые признаки, закрепленные за лексемой, номинирующей свадебный персонаж: 1) само наименование, имеющее, как правило, прозрачную внутреннюю форму; 2) принадлежность стороне жениха или невесты; 3) его (их) родственный; социальный (положение в общинной иерархии); возрастной статус; 4) обрядовые действия, совершаемые персонажем; 5) наличие у него обрядовых атрибутов; 6) обрядовые функции» [11. С. 84].

Аналогичным образом дается комментарий номинации персонажа, имеющего менее значимую позицию в обряде. Он строится по приведенной выше типовой формуле: 1. **Общая часть**: 1) участник обряда; 2) принадлежность стороне жениха или невесты; 3) родственный статус; 4) обрядовые действия персонажа. 2. **Детализирующая часть**. Его второстепенная роль подчеркивается отведенным ему местом (не главным) за свадебным столом. Приведем словарную статью полностью:

ПРИДАНЩИК(И). Участник(и) свадебного обряда со стороны невесты. Обычно близкий человек или родственник (брат, племянник), который заранее отвозит приданое невесты в дом жениха и передаёт его боярам или дружке после выкупа. Не имеет собственного (почетного) места за свадебным столом. – На первый день едут от жениха на конях к дому невесты. Приданщик, везут к невесте, везут *тамот-ка* придано (Том. Шег.); Придано везёт брат или племянник. Богато живут – ящик, матрас везут. Тот, кто возит придано, зовётся приданщиком (Том. Шег.); Свахи с мужниной стороны. Бояры. Знакомство. Дальне родство, за чужими, за чужими. Приданщик едет с приданым. Раньше говорили: «Свадьба бежит» (Том. Молч.); Все, кто ехал на свадьбу, назывались *поезжанами*. Там бояра, все гости. Приданщик, который везёт невестино имущество, всё, что ей дали отец и мать, приданое (Том. Том.); Потом приданое невестино везут, приданщик везёт его. Его угощают вином, и он отдаёт приданое (Том. Шег.); Добром замуж выходила, девичник, с подружками, с разными, придано привозют, дружка, бояре встречают приданщиков, чего ешь у невесты (Том. Пар.); Им подадут вино, они, значит, тогда проносят [приданое]. Пронесут, и уже эти сидят за столом, эти, *которы...* называют их приданщики. Ну вот, они сидят за столом все, их тут уж угостят. А потом приезжает жених с невестой, значит, дружка и весь поезд. Тогда за стол садятся. А приданщики долой (Том. Том.); А приданшшыков уж – ну, ешь куды посадить, де-нибудь, ну, на заднем месте (Том. Том.); А как приехала свадьба, приданшшыки к чёртовой матери из-за стола – на последне где-нибудь [место], подальше (Том. Том.).

4. Глаголы, обозначающие обрядовые действия. К основному (денотативному) значению глаголов, наделенных в контексте свадьбы обрядовой семантикой, в комментарии добавляется компонент, выводящий их в статус обрядовых единиц. Например, в глаголах **НРАВИТЬСЯ**, **НДРАВИТЬСЯ** к основному значению ‘производить на кого-л. хорошее, приятное впечатление, вызывать расположение к себе’, добавляется фрагмент, актуализирующий обрядовую семантику слов, ‘что является неременным условием начала свадебных приготовлений, при котором девушка дает согласие на брак и переходит в статус невесты, а юноша – в статус жениха’. – Раньше сваты спрашивали, нравится тебе наш **женишок**. Нравится, тогда рукобитье. Не нравится, несколько раз приезжат, уговариват (Кем. Л.-Куз.); Он постарше меня на два года. Соседи были. Пришёл **посватать-ся**. У меня-то ещё тут были **женихи**. Я за их-то не шла. Чёт не нравились (Том. Зыр.); **Невеста** отвечат, ндравится или не ндравится (Том. Молч.); Ндравится **жених**, не посмотрела, что хромой, вышла, жили хорошо (Том. Колп.); Посмотришь, *кака* девка нравится, **сватов засылай, свадьбу играли** (Том. Пар.).¹

Если же само действие имеет ритуальный характер, то в комментарий вводится обязательный компонент: *ритуальный (ритуальное)*, а также содержится указание на ту часть обряда, когда оно совершается (выделяется курсивом):

¹ Жирным шрифтом выделены части высказываний, свидетельствующие о наличии сакрального компонента в значении слова.

КАТАТЬ ♦ КАТАТЬ НЕВЕСТУ. Вozить; совершать ритуальный объезд деревни женихом (или родственником) и невестой после *просватанья*. – Девушка просватается, сидит в невестах, девушки ей всё налаживают к свадьбе. Жених катает её на лошадях (Том. Кож.); Просваталась невеста, согласилась она, жених катает невесту, по деревне, всю объедут (Том. Зыр.).

КАТАТЬСЯ. Ездить на чем-л. ради развлечения. Ритуальное действие, совершаемое свадебной молодежью во время *девичника*. – Делали, как это ево, господи, – вечер. Готовились невеста, жених. А потом невеста готова – девок собирают, в бане помоемся. Катаются. Коли есь брат, так девок катат и невесту. А потом тогда уж утром приезжают, жених приезжат (Том. Зыр.); Пока родители готовятся, недели две, девки, парни катаются (Кем. Мар.).

КАТАТЬСЯ ♦ КАТАТЬСЯ НА МОЛОДОЖЁНАХ (МОЛОДЫХ). 1. Ритуальное шуточное действие, совершаемое ради развлечения *на второй день свадьбы*. – Да вот поженятся, и на молодых катаются. На второй день, свалят их на сани и едут, а сами приговаривают: «На молодых кататься, на молодых кататься» (Кем. Л.-Куз.).

2. Фраза, произносимая участниками ритуала; обязательное его словесное сопровождение. – На масленице, когда днём катаются на лошадях, вечером идут [кататься те], у кого лошадей нет. И на молодых катаются. Свалят на сани [молодожёнов], а сами приговаривают: «На молодых катаются, на молодых катаются». И вот эти дальше все велятся – куча мала (Кем. Л.-Куз.).

Некоторые глагольные лексемы сопровождаются дополнительными сведениями: кем осуществляется (указание на лицо содержится в скобках) или какое ритуальное действие при этом сопровождает лексикографируемый глагол. Например,

НАГОВАРИВАТЬ. Говорить необходимое, предписанное регламентом обряда (о дружке, священнике). – Дружка – распорядитель. Всё, чё делать, наговариват (Том. Крив.); Приедут брать [невесту], такой человек, дружко, как наговариват – заслушамся (Том. Том.); В церкву приехали, поп венцы надел, наговариват, наговариват. Кругом обведёт. Три раз. (Том. Пар.).

НАСКАЗЫВАТЬ. Говорить что-л. предписанное регламентом свадьбы в соответствии с фольклорным репертуаром, необходимым для проведения церемонии; сопроводать какое-л. действие (о дружке). – Дружка, умеет который, наказывает: «Есть в светлой светлице, во белой гриднице отец родимый и мать родимая, благословите своих деток в путь-дорогу» (Том. Пар.); Когда это приезжали, всё наказывали [дружки] (Кем. Мар.); А это токо дружка знает все эти приговоры, подходит к гостям, наказывает, говорит, что делать (Том. Молч.).

Многочисленные манипуляции с предметами во время проведения свадебного обряда порождают большое количество фразеологизмов вокруг переходных глаголов:

♦ ПОКРЫТЬ (ЗАКРЫТЬ) ЛЕНТЫ (ЛЕНТОЧКИ) (ДЕНЬГАМИ). Ритуальное действие, свидетельствующее о совершении выкупа невесты у её подруг; символизирует его окончание. – В тарелке ленточки белые, голубые, розовые. Девушки тут соскочут: «Нет, не отдадим. Покройте ленточки!» Маленькие рюмочки берут, выпивают (Том. Том.); Ленты выкупают. Девки просят покрыть ленточки. Жених покрывает, выкупает их. В карман положит (Том. Молч.); Когда приходят поезжане, выкупают невесту, на стол, на коленки кладут ленту, и пока не закроют её поезжане деньгами, невесту не отдают (Том. Том.).

Лингвокультурологический комментарий этой словарной единицы фиксирует ритуальность, символичность действия, где предмет, вовлеченный в обряд, является заместителем невесты.

5. Номинации этапов обряда – более сложные по коннотативной структуре лексические единицы. Их значение – комплекс компонентов, куда входят названия действий, совершаемых участниками ритуала, номинации самих участников и предметов, привлеченных для его проведения. Задача комментария – указать на место этапа в общей системе обряда, затем представить: 1) хронологическое описание разворачивания церемонии; 2) время проведения; 3) его участников; 4) их функции и действия. Главное условие комментирования таких словарных единиц – соблюдение хронологического принципа, так как «проигрывание» обряда, которое заключается в четком следовании эпизодов и последовательном появлении в заведённом порядке предметов, вовлеченных в действо, по мнению традиционного коллектива, обеспечивает его сакральную действенность и прогнозирующую силу.

Приведем пример комментария этапа свадебного обряда – *баня*:

БАНЯ ♦ ВЕСТИ, ВОДИТЬ (СВОДИТЬ) (НЕВЕСТУ) В БАНЮ. Обязательный ритуал перед венчанием. Проводится накануне утром, или в субботу.¹ Б. готовят подруги невесты. Они украшают веник цветами, приносят в Б. вино, воду, сладости. Невеста просит благословения у родителей на посещение Б. Мытьё сопровождается свадебными песнями и причитаниями. В конце на невесту надевают чистое бельё, расчёсывают ей волосы, заплетают косу, повязывают ленту. Она просит у присутствующих прощения. Во время проведения ритуала жених ожидает в предбаннике. В процессе одевания невесты в Б. подруги просят у него и его товарищей выкуп (несколько раз). – С утра баню истопят, человек шесть-семь девушек с невестой пойдут в баню. Вино унесут, конфеты, вымоются, придут, невесте голову вычешут (Том. Зыр.); Перед тем как просвататься, подруги веник наряжают и ведут невесту в баню. (Том. Шег.); Невесту ведут под ручки в баню её подружки, бутылку несут, там вино или вода. Полюют ей, поют, а веник весь в цветах, цветы делают. В бане парили, невесту моют. А там её моют её подружки и плачут об ней и приговаривают (Том. Крив.); Свекровка завязывает два веника, девки приезжают и ведут невесту в баню, несут с собой вина, так как везде придется откупаться вином. (Том. Колп.); За неделю отстрочки до свадьбы девишник. Невесту ведут в баню. А когда жениху приехать, девки плачут с причетом, волоса расчёсывают (Том. Шег.); Коса у меня на зачёс была, кверху заплетали одну. Ленты ввязывали в косу. «Благослови, матушка, во путь, во дороженьку, во божью церкву», – невеста говорит, когда ведут в баню (Том. Колп.); Потом, значит, в субботу девушки невесту в баню ведут, моют, парют, поют там свадебны песни. Ну вот, девушки оденутся там, говорят: «На невесту платте не налазит!», они там, парни, дадут, девушки выпьют и платье наденут. Потом выведут в передбанок: «Пальто не сходится!», ну, жених опять там маленько по глоточку. Приведут там, поют (Том. Пар.); Её водют в баню, невесту моют. Моют в бане подружки, одевают всё чисто на неё (Том. Том.); Девки созывают. Шитье – которые шьют на невесту. Девки

¹ Выделены фрагменты, иллюстрирующие логику расположения компонентов комментария.

баню топят, ведут мыть невесту, такая уж положения, невеста прощения у всех просит (Кем. Мар.); Потом, значит, жених ходит, парни ходят с женихом на этот девшник. Потом, значит, в субботу девушки невесту в баню ведут, моют, парют, поют там свадебны песни. Жаних веник везёт. В передбанке сидит с друзьями с бутылкой (Том. Пар.); Собирайся-ка, невестушка, / Во нашу парушку, / Полочки-то у нас дубовые, / Мыло-то камфорово, / Венички-то шелковые, / Да наша баня хороша, хороша (Том. Колп.).

Таким образом, в комментарии сохранена народная (сакральная) логика следования одного эпизода за другим для закрепления действенности обряда с параллельным представлением его участников, их действий, а также предметов, над (с) которыми производятся манипуляции. В толковании актуализировано: 1) время проведения (описание идет в хронологическом порядке) *накануне утром, или в субботу*; 2) названы участники: *невеста, ее родители, подруги, жених и его товарищи*; 3) их действия – главные и сопровождающие их (представляются по мере разворачивания обряда): *украшают веник; приносят воду, вино, сладости, просит благословения; сопровождается песнями и причитаниями; надевают чистое бельё, расчёсывают ей волосы, заплетают косу, повязывают ленту; просит прощения, просят выкуп; выкупают выход*; а также локусы: *ожидает в предбаннике*; 4) предметы, вовлеченные в обряд: *веник, вода, вино, сладости, волосы, коса, лента*.

Итак, генетически многокомпонентная сущность традиционной культуры и свадебного обряда в частности позволяет представить словотолкование обрядовой единицы «Словаря сибирского свадебного обряда» как текст-изъяснение, который базируется на изначально заложенной в структуре слова иерархии компонентов.

Лексикографическое описание в Словаре предполагает особую процедуру предъявления культурной составляющей обрядовой лексики. Обязательное расширение зоны словотолкования происходит на основе сведений, содержащихся в привлеченном материале. Они представляют своеобразие локальной крестьянской культуры, объективированной говорами Среднего Приобья. Лингвокультурологический комментарий высвечивает культурную составляющую семантики слова, определяет состав ее компонентов, вычленив их из реального бытования языковой единицы. Выявленные компоненты, в свою очередь, ложатся в основу комментария-словотолкования.

Содержание текста-изъяснения устанавливается в зависимости от того, к какой группе словарных единиц отнесено слово. Каждая группа имеет типовую структуру в построении комментария, так как его задача – максимально проявить культуроспецифичность обрядовой единицы. Например, при описании предметного мира решается исследовательская задача указать на обрядовое бытование номинаций, выявив их символическую семантику; в глагольных лексемах – сделать акцент на превращение их профанной семантики в обрядовую, установив иерархию через представление главного и сопровождающего действия, а также через манипуляции над (с) предметом; в презентации этапа обряда – сосредоточиться на хронологическом его развертывании.

Лингвокультурологический комментарий строится на соединении формулировок, сконструированных на базе извлеченных из материалов смысловых фрагментов, расположенных в соответствии с сибирскими обрядовыми традициями. Такая процедура может стать универсальным алгоритмом для последующих лексикографических трудов, призванных объективно представить культурную семантику диалектного лексикона.

Источники примеров

ВС – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 4: Н–О. 368 с.

ПСЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Т. 2: И–О. 388 с.

Локальные пометы

Том. – Томская область; В.-Кет. – Верхнекетский район; Зыр. – Зырянский район; Карг. – Каргасокский район; Кож. – Кожевниковский район; Колп. – Колпашевский район; Крив. – Кривошеинский район; Молч. – Молчановский район; Пар. – Парабельский район; Том. – Томский район; Шег. – Шегарский район; Кем. – Кемеровская область; Ижм. – Ижморский район; Кем. – Кемеровский район; Л.-Куз. – Ленинск-Кузнецкий район; Мар. – Мариинский район; Юрг. – Юргинский район; Яшк. – Яшкинский район.

Список источников

1. Голикова Т.А. Современные лингвокультурологические словари: типология, лингводидактический потенциал // Осенние коммуникативные чтения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2020. С. 45–67.

2. Банкова Т.Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Т. 1: А–З. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.

3. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 512 с.

4. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб. : МИРС, 2009. 291 с.

5. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-Пресс-Книга, 2006. 784 с.

6. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.

7. Грекова М.В. Лексикографическая параметризация общезыковой образной системы в «Словаре русской пищевой метафоры» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 24 с.

8. Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.

9. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М., Агапова Н.А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 200 с.

10. Банкова Т.Б. Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 14–23.

11. Банкова Т.Б. Об особенностях толкования лексических единиц в диалектном лингвокультурологическом словаре // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 77–91.

References

1. Golikova, T.A. (2020) [Modern linguocultural dictionaries: typology, linguodidactic potential, effectiveness of intercultural communication]. *Osenne kommunikativnye chteniya* [Autumn Communicative Readings]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 29 November 2019. Moscow: Russian New University. pp. 45–69. (In Russian).
2. Bankova, T.B. (2018) *Slovar' sibirskogo svadebnogo obryada* [Dictionary of the Siberian Wedding Rite]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
3. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
4. Zinov'eva, E.I. & Yurkov, E.E. (2009) *Lingvokul'turologiya: teoriya i praktika* [Linguoculturology: Theory and practice]. Saint Petersburg: MIRS.
5. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy* [A Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Culturological commentary]. Moscow: AST-Press-Kniga.
6. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Grekova, M.V. (2017) *Leksikograficheskaya parametrizatsiya obshcheyazykovoy obraznoy sistemy v "Slovere russkoy pishchevoy metafory"* [Lexicographic parametrization of the general linguistic figurative system in the Dictionary of Russian Food Metaphor]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Ugryumova, M.M. (ed.) (2018) *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskimi kommentariyami)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob region (with linguoculturological commentary)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Bankova, T.B., Ugryumova, M.M. & Agapova, N.A. (2017) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovye voploshcheniya* [Constants of Russian Folk Culture: Linguistic embodiments]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Bankova, T.B. (2008) Profanoe i sakral'noe v tekste sibirskoy svad'by [Profane and sacred in the text of the Siberian wedding]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 14–23.
11. Bankova, T.B. (2019) On the peculiarities of the interpretation of lexical units in a dialectic linguocultural dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 77–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/5

Информация об авторе:

Банкова Т.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tatabank@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.B. Bankova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatabank@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 16.07.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 14.04.2021;
approved after reviewing 16.07.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья
УДК 81'27; 81'42
doi: 10.17223/19986645/79/2

Культурно-языковой ландшафт современной сибирской деревни как результат взаимодействия культур (на примере д. Берёзовка Первомайского района Томской области)

Светлана Владимировна Волошина¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, vsv1304@yandex.ru*

Аннотация. Описаны культурно-языковой ландшафт д. Берёзовка Томской области – места компактного проживания эстонцев – на основе записей речи её жителей, вывесок и табличек, её текстовых репрезентаций в СМИ и социальных сетях. Выявлено, что в Берёзовке сосуществуют разные типы языковых личностей: билингвы и монолингвы. Среди двуязычных жителей – представители активного и пассивного эстонско-русского билингвизма. На формирование культурно-языкового ландшафта повлияли первые жители деревни – эстонцы, советская эпоха, взаимодействие представителей разных этносов и культур.

Ключевые слова: Берёзовка, Томская область, эстонский язык, сибирские эстонцы, билингвизм, культурно-языковой ландшафт, языковой ландшафт деревни

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Волошина С.В. Культурно-языковой ландшафт современной сибирской деревни как результат взаимодействия культур (на примере д. Берёзовка Первомайского района Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 21–39. doi: 10.17223/19986645/79/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/2

The cultural and linguistic landscape of a modern Siberian village as a result of cultural interaction (on the material of Beryozovka, a village in Pervomaysky District, Tomsk Oblast)

Svetlana V. Voloshina¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vsv1304@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to describe the cultural and linguistic landscape of the Beryozovka village, which is located in Pervomaysky District of Tomsk Oblast, a place of a compact residence of Estonians that was founded in 1902. The research material is audio recordings of the speech of six residents of Beryozovka, interviews

with more than 10 villagers given to students of the Faculty of Journalism of Tomsk State University in 2007 for the media project Inner Estonia (<http://www.siberia-estonia.ru/>), photos of signboards, plates with the names of the streets and objects of the village, texts from the account Yanov Khutor in social networks. All the informants are descendants of immigrants from Estonia. Diverse research methods and procedures were used to analyze the cultural and language landscape of the village of Beryozovka. The description of the cultural and language landscape of the specified territory is carried out taking into account the following procedures: (1) identification of the connection of the language situation with the history, location, demographic characteristics of the village; (2) recording of villagers' oral speech during field expeditions and using interview methods: thematic, focused and unfocused interviews; (3) characteristics of the language personalities of the village, determination of their types by proficiency in one or more languages, living in the village from birth or moving from other villages, cities or countries; (4) description of fragments of speech portraits of the villagers using the method of speech portraiture; (5) identification and description of discursive practices of this social and communicative space – for example, analysis of the linguistic component of the Jaanipäev (St. John's Day) holiday or other national holidays, as well as different types of signs in the village. The author has found that different types of language personalities coexist in Beryozovka: bilinguals and monolinguals. Among the bilingual residents, there are representatives of active and passive Estonian-Russian bilingualism. The manifestation of Estonian-Russian bilingualism in the village is characteristic of the present time, but each next generation of native speakers lose their bilingualism. Russian is spoken by representatives of the older generation (octogenarians), and they use mainly Estonian, their children (sexagenarians) are bilinguals, but Russian has become active for them, the younger generation often speaks and understands Estonian less, most of them are already monolingual. The factors of the loss of the Estonian language are the lack of a language environment and school education, and communication in the family in Russian. The formation of the cultural and linguistic landscape was influenced by the first inhabitants of the village – Estonians, the Soviet era, the interaction of representatives of different ethnic groups.

Keywords: Beryozovka, Tomsk Oblast, Estonian, Siberian Estonians, bilingualism, cultural and linguistic landscape, linguistic landscape of village

Financial Support: The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Voloshina, S.V. (2022) The cultural and linguistic landscape of a modern Siberian village as a result of cultural interaction (on the material of Beryozovka, a village in Pervomaysky District, Tomsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 21–39. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/2

Изучение языкового (лингвистического) ландшафта территории стало популярным в последние 20 лет. Это, как представляется, вызвано, с одной стороны, экстралингвистическими причинами: распад Советского Союза, глобализационные и миграционные процессы, вопросы национальной идентичности и рост национальной самосознания и т.д. повлияли на языковую ситуацию в регионах, изменение которой отмечают сегодня не только исследователи. С другой стороны, это определяется собственно

лингвистическими причинами и логикой внутреннего развития современного языкознания – утратой или трансформацией говоров, необходимостью изучения современной языковой ситуации в регионах и, соответственно, становлением научной отрасли, изучающей языки и диалекты отдельного региона и пока именуемой исследователями как лингвистическая регионалистика [1], региональная лингвистика [2], лингворегионоведение / лингворегионология [3], предмет изучения которой – специфические явления и вариации языка, обусловленные «этнической картиной региона, влиянием территориального диалекта, особенностями использования национального языка различными социальными группами в зависимости от целей и условий коммуникации» [3. С. 49].

Разных номинации этого нового направления объединяет то, что все они отражают его междисциплинарный характер, интеграцию лингвистики и регионоведения, краеведения, этнологии, культурологии и истории. Тенденция к интегративности наук повлияла и на осмысление феномена *языкового ландшафта*: это понятие часто рассматривается в тесной связи с культурой, историей регионов, что отражается в терминах «этноязыковой ландшафт» [4, 5], «культурно-языковой ландшафт» [6], в том числе в рамках междисциплинарных исследований [7]. Как отмечает Т.А. Демешкина, методологическую основу междисциплинарного подхода составляют признание и экспликация связи между разнородными объектами (физическими, социальными, языковыми), влияющими на формирование друг друга [8].

Обзор работ, посвященных изучению *языкового ландшафта* той или иной территории, показал, что этот термин имеет разные интерпретации, а понятие *культурно-языкового ландшафта* в исследованиях используется пока редко и, по мнению лингвистов, «требуется дополнительного разъяснения» [9. С. 24].

В рамках социолингвистики терминологические сочетания «языковой ландшафт», «лингвистический ландшафт», «семиотический ландшафт» преимущественно используются при изучении языковых особенностей городского пространства (вывесок, объявлений, билбордов, дорожных знаков, табличек с названиями улиц и мн. др.) (см., например, [10–12]). А. Павленко определяет языковые (лингвистические) ландшафты (*linguistic landscapes*) как «совокупность всех знаков и текстов, которые составляют языковое лицо современных городов, включая официальные (например, таблички с названием улиц, дорожные знаки, информационные табло, мемориальные доски), коммерческие (вывески, афиши, билборды) и неофициальные надписи (объявления, граффити, плакаты)» [13. С. 496].

Однако наряду с языковым ландшафтом городов [14–19] изучаются также языковой (лингвистический) ландшафт стран [12, 20–25], отдельных регионов России [26–29].

Культурно-языковой ландшафт пока изучается на примере полиэтнических регионов [7, 8] и городов [9, 30].

Языковой и культурно-языковой ландшафт сельской местности в настоящее время не являются такими же популярными объектами исследований, но встречаются работы, посвященные изучению языковой ситуа-

ции в деревнях и сёлах [31–34] и составляющих языкового ландшафта сибирского старожильского села [35]. Безусловно, речь жителей сёл и деревень изучается диалектологами, представляющими результаты диалектологических экспедиций и фонетические, лексические, грамматические особенности тех или иных говоров, коммуникативные и когнитивные аспекты изучения диалектов и использующими при этом термин «диалектный ландшафт» [36–40]. Однако языковая ситуация меняется, говоры трансформируются, их черты нивелируются, при этом существуют такие сельские поселения, в которых изначально функционировало несколько языков, в том числе говоров, и без обследования современной языковой ситуации таких территорий исследование языкового ландшафта того или иного региона будет неполным.

В данной статье осуществляется попытка восполнить эти лакуны, представить первичные наблюдения о языковой ситуации в сибирской деревне как результат взаимодействия культур на примере д. Берёзовка Томской области. Диалектный ландшафт Томской области изучен хорошо, однако современная языковая ситуация в сёлах требует проведения исследований, включения в зону внимания не только старожильских сёл – территории распространения говоров Среднего Приобья, но и сёл, появившихся в Томской области в XX в.

Цель статьи – описание культурно-языкового ландшафта д. Берёзовка Первомайского района Томской области.

Материалом исследования выступают аудиозаписи речи 6 жителей д. Берёзовка, интервью более 10 жителей, данные студентам факультета журналистики ТГУ в 2007 г. для медиапроекта «Внутренняя Эстония» (<http://www.siberia-estonia.ru/>), фотографии вывесок, табличек с названиями улиц и объектов деревни, тексты из аккаунта «Янов хутор» д. Берёзовка в социальных сетях. Все информанты – потомки переселенцев из Эстонии.

Термин *языковой ландшафт* в работе понимается более широко. Вслед за Н.А. Красовской мы полагаем, что языковой ландшафт региона может рассматриваться как системное явление, многоаспектный комплекс, который включает базу говоров, существующих на определенной территории, современную устную речь ее жителей, текстовые репрезентации региона, язык местных СМИ, визуальные проявления предыдущих исторических эпох, визуальные (графические) представления всех городских пространств региона, совокупность ономастических черт региона [41]. Ввиду того, что языковые единицы, ономастикон отражают также культурные особенности, национальную специфику, как и в исследованиях полиэтнического города [9], использование термина «культурно-языковой ландшафт» видится более релевантным и актуальным при изучении языковой ситуации в регионе, признанном трансграничным, понимаемом как исторически сложившаяся территория, которая в течение длительного времени существовала в по-, между- и надграничных состояниях и в настоящее время сохраняет их «следы» в инфраструктуре, средствах жизнеобеспечения, социально-правовых нормах, менталитете и языке населения; ключе-

вым признаком трансграничного пространства является его «многослойность» [7]. Применительно к Сибири это качество отражается в сложно составленной языковой, культурной палитре региона с отличиями в картинах мира населения, проживающего в прилегающих к основным транспортным магистралям и удаленных от них районах [7]. Языковая многослойность Сибири, и в частности д. Берёзовка, связана с сосуществованием на ее территории местного населения и переселенцев (ссылных и добровольных мигрантов), говорящих на разных языках и диалектах и являющихся представителями разных этносов и культур.

Для анализа культурно-языкового ландшафта д. Берёзовка предполагается сочетание разных исследовательских методов и процедур.

Так, описание культурно-языкового ландшафта указанной территории возможно:

1) через выявление связи языковой ситуации с историей, расположением, демографическими особенностями деревни;

2) запись устной речи жителей деревни: проведение полевых экспедиций и использование методов интервью: тематических, сфокусированных и несфокусированных интервью;

3) характеристику языковых личностей деревни, определение их типов по владению одним или несколькими языками, проживанию в деревне с рождения или переселению из других деревень, городов или стран;

4) описание фрагментов речевых портретов жителей деревни с использованием метода речевого портретирования, предполагающего «описание особенностей речи индивида с опорой на доступные для наблюдения факты, позволяющее составить общее представление о его идиолекте» [42];

5) выявление и дальнейшее описание дискурсивных практик данного социокоммуникативного пространства, например анализ языковой составляющей праздника Янов день или других национальных праздников, а также вывесок и табличек в деревне.

Рассмотрим каждый из указанных параметров описания.

1. Берёзовка – это деревня, возникшая в начале XX в. на территории Сибири – в 1902 г. Деревня была основана переселенцами из Эстонии и первоначально носила эстонское название Kaseküla (ныне Берёзовка).

По данным Исторической энциклопедии Сибири, к концу XIX в. резко возросла миграция эстонцев в Сибирь, чему способствовали строительство Транссибирской магистрали [43] и землеустроительные работы, насаждение хуторского хозяйства, усилившие земельный голод в Эстонии [44. С. 47]. К 1918 г. в Сибири уже проживало около 40 тыс. эстонцев, и в 1860–1917 гг. в Западной Сибири было основано 67 эстонских поселений [43], среди которых д. Казекюла (Берёзовка), куда в 1902 г. переехало из Эстонии 102 семьи [43. С. 47].

В 1913–1914 гг. жители построили в Берёзовке начальную школу, в 1927 г. была построена школа крестьянской молодёжи [45]. Обучение в обеих школах Берёзовки велось на родном эстонском языке, который отменили в 1937 г. [45. С. 399].

В 1932 г. берёзовцы создали колхоз с эстонским названием «Сяде», что в переводе на русский язык означает «Искра». Эстонское название колхоза существовало до 1937 г. В середине 1950-х гг. колхоз получил название им. Хрущёва, в 1965 г. ему было возвращено первоначальное название – «Искра» [45. С. 399]. В настоящее время деревня носит название Берёзовка.

Деревня входит в состав Куяновского сельского поселения Первомайского района Томской области, однако меняла административную принадлежность несколько раз: сначала входила в состав Асиновского района, затем – Зырянского и с 1961 г. – Пышкино-Троицкого (ныне Первомайский).

Берёзовка находится примерно в 200 км к северо-востоку от Томска. Удаленность от города способствует сохранности многих языковых и культурных особенностей проживающего в деревне населения. Эту мысль также подтверждают факты из истории. «В 1920-е гг. подавляющее большинство эстонцев Сибири проживало в сёлах. Это создавало условия для сохранения языковой и культурной изолированности их от других народностей Сибири» [43. С. 585]. В 1922 г. в Томской губернии 55 % эстонцев не владели русским языком [44. С. 47]. С усилением русификации во второй половине 1980-х гг. из сибирских эстонцев свободно владели эстонским языком 46,3 %, из них 37,5 % говорили, но не умели читать и писать по-эстонски [43. С. 585].

На территории деревни живут люди разных национальностей. Согласно паспорту Куяновского сельского поселения от 2018 г. в Берёзовке проживало 452 человека¹. По данным жителей деревни, ежегодно подготавливающих статистику по численности населения, на июль 2021 г. в деревне постоянно проживает 230 человек. Это территория компактного проживания эстонского населения, однако здесь также живут чуваша, украинцы, русские, латыши, немцы, даргинцы. Здесь вместе со стихийно созданным в результате миграционных процессов и экономических, политических, социальных трансформаций ландшафтом с 2016 г. существует сознательно сконструированный культурный и языковой ландшафт – Янов хутор, воспроизводящий исторический быт эстонцев.

2. Чтобы выяснить современную языковую ситуацию в деревне, наряду с изучением текстовых репрезентаций региона требуется сбор материала в полевых экспедициях. Автором исследования совместно с М.А. Толстой, доцентом кафедры русского языка Томского государственного университета, были осуществлены два экспедиционных выезда в д. Берёзовка – в июне и июле 2021 г., в результате чего была записана устная речь 6 двуязычных жителей деревни (представителей эстонско-русского билингвизма), общий хронометраж записей составляет около 9 часов звучащей речи. Интервью проводилось на русском языке. Возраст информантов от 60 до 87 лет. Все они на данный момент постоянно проживают в Берёзовке.

С информантами проводились как тематические, сфокусированные интервью, так и несфокусированные. Безусловно, для более полного пред-

¹ URL: <http://www.kuyanovskoe.ru/internet/resource>

ставления о культурно-языковом ландшафте Берёзовки необходимо продолжение записей устной речи жителей деревни, представителей разных национальностей.

3. Первичные наблюдения в деревне, встречи с информантами показали, что в Берёзовке проживают как монолингвы, так и билингвы.

На основании сделанных 6 аудиозаписей речи можно выделить следующие типы языковых личностей информантов-билингвов:

а) представители пассивного билингвизма. Пассивный билингвизм – «ситуация, при которой индивид способен понимать второй язык в письменной и / или устной форме, но не может говорить и писать на этом языке» [46. С. 42].

К такому типу относится один информант, рожденный в семье, в которой мать – русская, отец – эстонец. Информант немного понимает эстонскую речь и поёт песни на эстонском языке, но не говорит и не пишет по-эстонски: *Я могу понять, о чём речь. <...> Бабушка разговаривала с отцом, мама русская у нас, бабушка умерла потом, речь эстонская не звучала, но я всё время с бабушкой была. <...> Она разговаривала с отцом, и нам она говорила тоже [по-эстонски] и жила она с нами в нашем доме;*

б) представители активного билингвизма. Активный билингвизм – «ситуация двуязычия, при которой коммуникант активно использует навыки порождения речи на двух языках в письменной и устной формах» [46. С. 38].

К такому типу билингвизма относятся 5 информантов, которые свободно говорят по-эстонски, понимают эстонскую речь. Они относят себя к «чистым» эстонцам (*Ихня семья род'илися тоже в Сибири, эстонцы чистые*), у которых оба родителя были эстонцами. Все они освоили русский язык в школе. Среди них есть как те, кто постоянно говорит на эстонском языке и русский язык использует редко, так и те, кто чаще использует русский язык.

Два информанта, возраст которых 86 (окончила 3 класса школы) и 87 лет (окончила 7 классов в школе и год обучалась на счетовода), чаще говорят по-эстонски, они отмечают, что их дети реже используют эстонский язык, а внуки его уже не знают и мало, кто понимает: *Я щас всё говорю по-эстонски. Всё по-эстонски, она [дочь] по-русски отвечает. Ну она тоже умеет, но она уже, она всё по-русски. Как-то она грубее, но все понимает, я всё по-эстонски, я ничё. Где надо, я по-русски говорю; Богенс мой [о муже и сыне информанта 86 лет], он как-то стесняется из-за этого акцента, что он немножко, как говорила сегодня, не мягко [говорит], но когда мы поём и когда он слушает, он говорит: «Мягче надо петь». Он разговаривает с матерью на эстонском, у него мать жива; А сын женился, сама она эстонка и он эстонец, вырастили детей русских, по-эстонски не умеют. Тут живут, но они не умеют. Карлины дети (внуки). Эндла кормила по-русски [смеется]. И между собой они по-эстонски язык не знают. Я говорю: «Вы русские дети, не мои внучата». Ну, смеюсь иногда.*

Оба информанта выучили русский язык в школе: *В школу я пошла, ни одного русского языка не знала. Ни одного! А учительница была эстонка*

<...>. Да, и словарик был такой желтый, книжка большой, таких букв не было, теперь буквы, всё. Да не было, но всё помаленьку. Курица – *kana*, *kana* – курица, *kukk* – петух, *koju* – домой, *kodu* – дом, вот так научились. <...> 4 класса у нас в деревне было, а перешла в пятый класс в Березовку, а детдом тут был, они же по-русски, всё по-русски разговаривают, а я, я два года сидела в пятом классе. Ещё путем не разговаривала, где что не выговаривала...; [Когда вы начали изучать русский язык?] Ну когда латыши сюда приехали, сколько мне было, мне 11 лет было, наверное, или потом мы в школу ходили маленько, Кира Мартыновна ещё учительница была. Три класса я ходила. Писать тоже маленько умею, фамилию свою умею, столько я научила. Три класса я только кончила. <...> вот латыши разговаривали по-русски, ну и тогда мы тоже кое-что, научили.

Сферы использования эстонского языка шире, чем у более молодых информантов, они используют его в быту: при общении с детьми, соседями, при написании писем и т.д.: *Всё по-эстонски говорю, где надо – по-русски. С сыном, дочерью по-эстонски говорю, с соседкой по-эстонски. Почему я свой родной язык забуду? Я его помню. Сегодня письмо опустила в Латвию, по-эстонски всё пишу. <...> Кур держим. [Вы разговариваете с ними?] Ну так, конечно. Иногда и зло, иногда и хорошо. Всяко бывает. [По-эстонски с курами разговариваете?] Конечно, я по-русски не, только там, где надо.*

Более молодые информанты (возраст 60–65 лет) также начали изучать русский язык в школе и в настоящее время используют эстонский язык только при общении с матерью, русский же язык закрепился в качестве активного: *Ну, говорю [по-эстонски], но большую часть уже это. Сначала думаю, понимаете, поэтому и получается, мы говорим то одно слово, то второе, пока переведёшь.... Ну я до 4 класса вообще не знал русского языка. А потом у нас же школа была своя, учитель был эстонец, так и обучал по-русски всё, а между собой все разговаривали по-эстонски. Потом я с четвёртого в Орехово в интернат. Четыре класса было у нас в деревне, а дальше уже. А там одни русские, и украинцы были, и белорусы там, и эстонцы. Домой придёшь, мама с тобой по-эстонски, а ты уже чешешь по-русски, потому что там надо знать, правильно разговаривать. Ты же изучаешь русский язык.*

В Берёзовке, по мнению информантов, в настоящее время больше говорят на русском языке, около 30 % жителей говорят на эстонском.

4. Как уже отмечалось, интервью с билингвами проводилось на русском языке, поэтому имеющиеся аудиозаписи позволяют составить только фрагменты их речевых портретов. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют информанты, возраст которых 86 и 87 лет, так как в их речи встречаются особенности, обусловленные влиянием эстонского языка и сибирских говоров. Представим некоторые наиболее яркие речевые особенности, присущие информантам.

На **фонетическом уровне**, прежде всего, проявляются наличие акцента и такие характерные черты, как:

– фрикативное произношение «г» – [ɣ] наряду с использованием «г» взрывного: *Но [ɣ]де-то в Тарту жили, возле Тарту [ɣ]де-то; Они бо[ɣ]аты были, зато эти сюда в колхоз заставили, все забрали у нас; В 37-м году, когда их хотели выслать туда...* Проявление в речи фрикативного [ɣ], возможно, связано, с влиянием эстонского языка, в котором «g» произносится всегда глухо [47. С. 8];

– мягкий [л'] преимущественно в глаголах в форме ед. ч. прошедшего времени, что обусловлено влиянием эстонского языка [47. С. 8]: *У нас бы[л']а корова, хозяйство бы[л']а, я не мог[л']а бросить, бросить и поеха[л'];* жарко бы[л']о, упа[л']а; *Пойдем в ко[л']хоз, а это, это сосед сказа[л']...*;

– твердый [р] на конце слова, которому в русском литературном произношении соответствует [р'] : *Отца моего в колхоз как приехали в Сибир[р]. Они перешли сразу туда в Малиновку, хутор; Раньше копны делали, тепе[р] рулоны; А были же бураны, как и сейчас также. Только что тепе[р] чистят дорогу;*

– непоследовательная замена [щ] на [ш]: *Когда я там е[ш]о родился, тогда они строили;*

– непоследовательное проявление мягкого цоканья: *Сахару не было тогда, ни[ц']его не было; Три пе[ц']ки, сейчас у нас тоже пе[ц']ка есть.*

На **словообразовательном уровне** отметим наличие форм, обусловленных, возможно, влиянием сибирских говоров: *Садитесь, куда хотите.* В исследованиях русских говоров Среднего Приобья отмечается, что «разноспрягаемый в русском литературном языке глагол ХОТЕТЬ примыкает в говорах к 1-му спряжению, приобретая соотношение основ данного типа: *хочу, хочешь, хочет, хотим, хотите, хотят*» [48. С. 173].

На **морфологическом уровне** проявляются:

– непоследовательная грамматическая родовая категоризация существительных, местоимений, прилагательных и глаголов: *Брат ездила сколько раз, она сказала, что такая место хорошая. И зачем они в эту Сибирь приехали?; Пришёл наша дедушка, любила сильно работать, и моя мать, отец любила сильно работать;*

– непоследовательный выбор предложно-падежных форм и форм числа: *У нашего дедушки было много земля; А дед, когда выскочил с окно, у него еще пистолетом стрелял, а мимо ухо пошло, хорошо в ухо не попало, а то мы остались бы сиротой; А у нас вода не было, мы таскали там; Отец играл гармошку, скрипку, гитару, мандолину;*

– глагольные формы с постфиксом **-ся**: *А я родилася как? На хуторе; А все девки за кого-то замуж вышли, **пожен'ились**, увезли наших девок; А куда они **делися**?! А у меня в трудовой книжке ни одного дня, а раньше я тоже работала, я **училася**;*

– особенности формообразования: отличное от литературной нормы образование личных форм глаголов: *У меня внучка **спрашует**: разве было такое?; Щас я с Латвией **разговарую**, переписываюсь;*

– вопросительно-относительное местоимение **чё** и отрицательное **ничё**, характерные для русских говоров Среднего Приобья [48. С. 171]: *Я всё по-*

эстонски, я *ничё*. Где надо, я по-русски говорю; **Чё**, вот так было; Снегу нету, все мерзлое, скользко, **чё-то** не понравилось так. **Чё** толку, в марте, у нас в марте если бы, у нас сухой климат, а там сырой климат.

На лексическом уровне отметим использование:

– просторечных, разговорных слов: *дедушка приехал один, избушку поставил, а потом поехал за семьёй, ихня семья родилась, родились тоже в Сибири; ...маленько там была ферма. Надо каждый день ходить туда, кормить лисы, а лисы чёрные были;*

– использование диалектных лексических единиц: *содим свой огородчик, картошку содим; всё переделали, с малых лет литовкой косили;*

– эстонских слов: *Весна придет, а тут эти kuresaapad, это как их... Если точно перевести, – «журавлиные сапоги»; Да, не в Берёзовке, в Лиллиенгофке, у нас отдельный колхоз жили – «В. Клименти» – это соединенные все колхозы: С'ядэ, Берёзовка. «Süde» – это «искра» в переводе на русский; – Tere, tere, скажи!; – Tere, tere! [Что это значит?] Здравствуйте, девочки!; Раньше у нас эстонские танцы, очень красивые танцы были – этот караян, коробочка; Она же не забыла свой деревенский язык. Отличается. У нас улица, у них tänav. Мы привыкли, уже эстонский и русский перемешали.*

Поскольку оба информанта всегда жили в деревне и в основном работали в колхозе, в речи встречаются слова тематической группы «хозяйство»: *копна, солома, лобогрейка, лисоферма, жать, хозяйство, скот, покос, копнить, молотить и мн. др.: Рожь жала, вязала снопы лобогрейкой, локomobilь молотил, я отгребала зёрна, солому; Я работала в лисоферме. В лисоферме была...*

На синтаксическом уровне отметим отсутствие ярких речевых особенностей. В речи информантов встречаются разнообразные простые и сложные конструкции: *Обеспечила коня себе и телегу; Освальд кончил войну и там остался жить; Когда на пенсию пошла, пошла искать документы, говорят: «Нету, В. Клементий документов!»; Нас было много, иногда 30 человек где-то, один впереди топчет дорогу, второй, конная дорога была; Ну и стали, это, колодцы копать. Вот этот колодец, который у нас здесь; Я много работала, а почему старость никак не берет?*

Выделяется также ряд черт, которые, могут быть объяснены устным, спонтанным характером речи:

– контекстуально-неполные высказывания: *Я тогда, как раз в пятьдесят восьмом году соединили. Ну что, вышла в пятьдесят шестом году замуж, родила троих детей; Но три дня, тогда были высланы, были какие-то вредные мужики, которые сказали, что это в Сибири, они какие-то предатели...;*

– номинативные высказывания: *Вот, на хуторе родилась, а тридцать седьмой год, коллективизация эта, ну чё нас заставили отца и мать переехать в деревню; Бабушка приехали с Эстонии. И там Нарва город, половина русского, половина эстонского; А у нас ещё машину купили, и тогда я вышла. Ой, у меня эта вышивка – ой-ой, ой! Шифоньеры все полные!;*

– высказывания с повторами актуальных компонентов: *В том конце пруд был, в нашем конце пруд был, мы тоже около пруда жили; Везде можно жить, мы всю жизнь тут. Лучшие моей жизни щас нету*, как я росла, как я м'аленька была, *лучше жизни нет щас*.

5. С 2016 г. в Берёзовке существует этнокультурный комплекс – Янов хутор, на территории которого расположены мельница, эстонская рига (музей), летняя веранда «Мартынов двор» и т.д. Янов хутор демонстрирует символическое кодирование пространства, воссоздание образа Эстонии: *Когда я съездила в Эстонию, меня музеи под открытым небом впечатлили. Туда всё свезли, всё оригинальное. У нас реконструкция. <...> В Эстонии любой камень – легенда. От них заражаешься. Мы подумали, что бы нам такое же сделать; Да и сам музей – настоящий экспонат. Это точная копия традиционного жилья эстонских крестьян – риги, строения, объединяющего под одной крышей жилое и хозяйственное помещения; Благодаря Янову хутору мы культуру эстонскую возрождаем. Когда приехал в 2015 году посол, он был впечатлен, так скажем. Мы пели же на эстонском*.

В социальных сетях также актуализируется этнический компонент как неотъемлемая часть деревни и района: *Янов хутор – этнокультурный комплекс в Первомайском районе, где воссоздан исторический быт эстонцев – приглашает познакомиться с эстонским Дедом Морозом Йыулуваны, его супругой Матушкой Зимой и сказочными гномами-помощниками*.

Жители села наряду с проведением экскурсий в Яновом хуторе отмечают традиционные эстонские праздники: Kõünlapäev (День свечей), Vastlapäev (Вастляпяев, Масленица), Янов день, Михкли (День урожая) и др.: *А тем не менее удивительное рядом – Янов хутор и его «новый» традиционный эстонский праздник День свечей (Kõünlapäev)*. Национальные праздники, блюда, как и эстонский язык, для березовских эстонцев – один из маркеров их этнической самоидентичности: *У нас резиденция Деда Мороза, мы оформляем вот этот домик, Деда Мороза одеваем, наши все мужчины трое, из них двое уже Дедом Морозом побывали, нам важно, чтобы он разговаривал на эстонском*.

Одним из наиболее ярких эстонских праздников, отмечаемых в деревне, выступает Янов день, который проходит 23 июня. История проведения праздника в Берёзовке и динамика традиции празднования, сценарий на протяжении более чем столетия уже рассмотрены исследователями [44]. Можно отметить вариативность праздничной культуры в селе, отражающей региональную специфику. Янов день в Берёзовке празднуют ежегодно, как и в Эстонии, однако организаторы позиционируют сам праздник как Янов день сибирских эстонцев со своим сценарием, сибирским вариантом его проведения. При сохранении многих компонентов модели праздника, которые характерны для его проведения на исторической родине (дата, зажигание костра, плетение венков, танцы и песни, национальные костюмы и т.д.), существуют определенные отличия: *Мы сохраняем культуру сибирских эстонцев. Это уже сложилось больше века. Своя уже культу-*

ра. <...> В принципе как такового сценария эстонского не было ни одного. Вообще на чем мы: кто-то нам газету прислал из Эстонии, как там у них празднуется. <...> Вот собрали мы, ну как, он же сродни Ивану Купале. Ну а потом уже появилась легенда о Сальме и Яне в интернете. Мы ее стали использовать, ну что-то по кусочкам, по крупинкам. Я не скажу, что это Янов день именно эстонский. Это Янов день сибирских эстонцев. У нас ответы есть на это. А сибирские эстонцы – это мы, мы всё равно с русскими тесно живём. Таким образом, видна причастность к общей культуре эстонцев, их восприятие себя как эстонцев и эстонцев из Эстонии как «своих», в то же время отмечается наличие «своего», сибирского варианта праздника и «чужого», эстонского: Там [в Эстонии] более академично проходит, там концерты, группы, костер зажгли, всё. Вот фольклор больше у нас. Вот так они. Лена приехала сейчас, соседка моя, уехала в Эстонию с дочерью. И вот они приехали на днях, в гости приходили. Она говорит: «Я не хожу на Янов день там. Мне неинтересно».

Сценарий праздника трансформируется ежегодно, остаются также постоянные элементы, которые получают свое название и интерпретацию: Есть у нас такой обряд – обетная каша, я уже даже не помню, где я его нарыла. И пишем мы его – обетная, не обедная. Была традиция кормить – ну как бы праздник этот то ли бедных угощать, может быть, от слова «бедных», а мы решили, что гостей будем угощать. То есть не обижаем, что они бедные. Мы сначала чаем поили, вот там 12 трав, вот как-то даже бутерброды были у нас. Ну, мы начали с каши, и вернулись мы опять к каше; Мы же теперь пиво варим. Мы начинали, когда Янов день в 90-е годы, мы тоже пиво варили тогда, больше флягами. Не всё так было красиво как сейчас, но делали его как надо.

В дни проведения праздников (Янов день и др.) и в будни используются русский и эстонский языки: исполняются песни на эстонском, готовятся эстонские блюда и используются их эстонские названия: Ещё печенье – *piparkook* (пипаркоок). Оно с корицей и перцем. Ну, вот мы теперь на масленицу, она отмечается один раз, у русских неделю, а у эстонцев она один раз, во вторник во второй день новолуния, и вот на этот день у эстонцев пекутся булочки. Мы тоже теперь уже, второй год печем булочки вот эти, *vastlakuklid* (вастлакуллид). Они такие булочки пекутся, выбирается, шапочка срезается, серединка выбирается, туда варенье кисленькое, либо смородиновое, либо брусничное, сверху сбитые сливки, шапочкой накрывается, и вот они один раз в год пекутся эти булки. Вместе с тем эстонцы отмечают, что местный эстонский язык и современный эстонский на исторической родине отличаются: Вот, например, мы называем ведро «*ämber*», а там – «*rang*», электрическая лампа у них – «*riipn*», а мы говорим «*lamp*». Лодка «*raat*», а у нас тут тоже «лодка». У нас половина на русский лад [49].

На территории деревни также можно встретить вывески и таблички на русском и эстонском языках: например, дважды встречается надпись на эстонском языке *Tere tulemast!* (Добро пожаловать!) – на табличке при въезде в Янов хутор и на вывеске у Дома культуры.

Отчетливо прослеживается и влияние советской эпохи: названия улиц в деревне отражают их расположение: *Центральная, Луговая, Школьная, Лесная, Первомайская*. Интерес представляют и народные названия улиц: *У нас переселение чувашей было. У нас целая улица есть, мы ее называем Чебоксары*.

Таким образом, отметим, что деревня Берёзовка Томской области – один из примеров соединения культур, языков, этносов. В деревне проживают монолингвы и билингвы. Проявление эстонско-русского двуязычия еще характерно для настоящего времени, однако с каждым следующим поколением носителей языка происходит утрата билингвизма. Представители более старшего поколения (80-летние) владеют как русским, так и эстонским языками и используют преимущественно эстонский язык, их дети (60-летние) – билингвы, однако активным для них стал русский язык, более молодое поколение реже говорит на эстонском языке и понимает его, большинство из них уже являются монолингвальными языковыми личностями. Факторами утраты эстонского языка выступает отсутствие языковой среды, обучение в школе и общение в семье на русском языке. На формирование культурно-языкового ландшафта оказали влияние первые жители деревни, ее основатели – эстонцы, советская эпоха, что нашло отражение в названиях улиц деревни, государственная политика (политика переселения), взаимодействие представителей разных этносов. В статье представлен анализ первичных наблюдений, для более полного описания культурно-языкового ландшафта деревни необходимы новые экспедиционные выезды с целью выявления и описания разных типов языковых личностей, в том числе монолингвальных.

Список источников

1. Бахвалова Т.В. Лингвистическая регионалистика: из опыта преподавания // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 116–121.
2. Брысина Е.В. Региональная лингвистика: содержание и направления развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (145). С. 150–155.
3. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение как направление «внешней» лингвистики и интеграционная модель исследования языка и культуры // Yearbook of Eastern European Studies. 2015. № 5. С. 44–59.
4. Амалбекова М.Б. Феномен билингвальной личности в этноязыковом ландшафте Казахстана. Астана, 2009. 121 с.
5. Авакова Р.А., Салкынбай А.Б. Миграция населения и этноязыковой ландшафт Казахстана // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2012. № 1 (21). С. 246–248.
6. Садуов Р.Т. Культурно-языковой ландшафт в национальном регионе как отражение картины мира лингвокультурного сообщества // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова. Н. Новгород, 2021. С. 220–222.
7. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.

8. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы VII Конгресса РОПРЯЛ, Екатеринбург, 6–9 октября 2021 г. Вып. 7. СПб., 2022. С. 122–126.
9. Садуов Р.Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 23–29.
10. Федорова Л.Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 6. С. 70–80.
11. Jaworski A., Thurlow C. (eds.) Semiotic Landscapes: Language, Image, Space. London ; New York : Continuum, 2010. 321 p.
12. Мур И.Ю. Лингвистический ландшафт как средство анализа языковой ситуации и языковой политики в постсоветском пространстве // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т. СПб., 2015. С. 109–114.
13. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 3. С. 493–514.
14. Баранова В.В., Федорова К.С. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1 (6). С. 103–121.
15. Бубнова И.А. Языковой ландшафт мегаполиса и проблемы современного российского общества: явные и скрытые связи // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. статей по материалам конференций «Полифония большого города – 7, 8». М., 2018. С. 5–13.
16. Картушина Е.А. Многоязычие в языковом ландшафте городской среды (на примере города Хельсинки) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 71–75.
17. Иванова Н.И. Дистрибуция языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска: социолингвистический аспект // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 71–76.
18. Винокуров В.В. Специфика языкового ландшафта Вильнюса в контексте норм языковой политики Литвы (на примере старого города) // Вестник развития науки и образования. 2018. № 2. С. 52–58.
19. Федорова Л.Л. Русский язык в Армении: языковая ситуация и языковой ландшафт современного Еревана // Slavica Helsingiensia. 2019. Т. 52. С. 87–99.
20. Калегина Т.Е., Тахтарова С.С. Влияние французского языка на формирование лингвистического ландшафта стран Магриба // TERRA LINGUAЕ : сб. науч. статей. Казань, 2015. С. 198–201.
21. Протасова Е.Ю. Вариативность лингвистического ландшафта России // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1 (4). С. 91–102.
22. Абрамова Е.И. Газельский язык в лингвистическом ландшафте Шотландии // Общественные науки. 2011. № 7. С. 97–101.
23. Новикова Е.Г. Лингвистический ландшафт современной Канады в контексте регионально-культурной политики // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2016. № 1 (4). С. 29–33.
24. Бородин Д.С. Английский язык в лингвистическом ландшафте Швеции // Филологос. 2018. № 36 (1). С. 5–11.
25. Лю Ц. Лингвистический ландшафт: направления исследований и тенденции в КНР // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2019. № 4. С. 119–129.
26. Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / Ю.Д. Абаева, Б.Ж. Будаев, И.Д. Бураев [и др.] ; отв. ред. Н.Н. Широкова. Новосибирск, 2005. 198 с.

27. Бекасова Е.Н. Лингвистический ландшафт Оренбуржья: перспективы прошлого // Шестые Моисеевские чтения : материалы Междунар. науч. конф. студентов и преподавателей, посвящённой 95-летию со дня рождения Б.А. Моисеева. Оренбург, 2021. С. 17–25.

28. Садуов Р.Т. Языковой ландшафт как перспективное направление исследований языковой ситуации в регионе (на примере Республики Башкортостан) // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 2. С. 192–195.

29. Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А., Сагдиева Э.А. Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии : материалы пятой междунар. науч. конф. : в 2 т. Смоленск, 2016. С. 76–79.

30. Садуов Р.Т. Коммуникативный потенциал русского языка в г. Нур-Султан сквозь призму культурно-языкового ландшафта // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования : сб. статей по материалам LV Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 28–31.

31. Исламова Ю.В. Языковая ситуация села Нялинское Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры в историческом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 46–52.

32. Будаева С.З. Территориальные аспекты языковой ситуации (на примере села Чаган-Морин Закаменского района Республики Бурятия) // Региональная Россия: история и современность : материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре, 2021. С. 39–43.

33. Араева Л.А., Керексибесова У.В. Особенности разноязычного общения в селе Кош-Агач Республики Алтай // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 269–276.

34. Процукович Е.А., Морозова О.Н., Андросова С.В., Булатова Н.Я., Черноградская О.Н. Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Т. 3. № 3. С. 74–85.

35. Иванцова Е.В. Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 61–80.

36. Плотникова А.А. Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура во взаимодействии // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 152–154.

37. Блохинская А.В. История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2011. № 9. С. 25–34.

38. Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Диалектный ландшафт Отрадненского района Краснодарского края (по материалам полевой экспедиции) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования-2015. СПб., 2015. С. 41–72.

39. Кошарная С.А. К вопросу о диалектном ландшафте Белогорья // Современные достижения и новые направления филологии : сб. науч. трудов по итогам Международной научной конференции. Белогород, 2018. С. 97–103.

40. Москвина Т.Н., Павленко А.Н. Диалектный ландшафт немецких говоров Алтайского края и возможности его лексикографического описания // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 4. С. 68–72.

41. Красовская Н.А. Языковой ландшафт: возможные подходы к использованию термина // II Милоновские краеведческие чтения : сб. науч. статей. Тула, 2020. С. 36–39.

42. Иванцова Е.В. Методы анализа диалектной языковой личности // Демешкина Т.А., Тубалова И.В., Волошина С.В., Иванцова Е.В. Новые направления в русской диалектологии: Массовый открытый онлайн-курс. Томск : ТГУ, 2017. URL: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=новые-направления-в-русскойдиалектологии> (дата обращения: 16.07.2021).

43. Лоткин И.В. Эстонцы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 584–586.

44. Рындина О.М. Этническая традиция в современной культуре: Янов день березовских эстонцев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 45–53.

45. Земля первомайская : сб. научно-популярных очерков / под ред. Я.А. Яковлева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 548 с.

46. Жукова И.Н., Лебедево М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М. : Флинта : Наука, 2017. 632 с.

47. Пяль Э. Учебник эстонского языка. Таллин : Эстонское гос. изд-во, 1955. 311 с.

48. Русские говоры Среднего Приобья / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. Ч. 1. 201 с.

49. Мороко Е., Назарова А., Ленишина А. [и др.]. Между Берёзовкой и Касакюлой // Русский репортер. 2017. № 10–11 (427). URL: https://expert.ru/russian_reporter/2017/10/mezhdu-berezovkoj-i-kasakyuloj/ (дата обращения: 10.09.2022).

References

1. Bakhvalova, T.V. (2015) Linguistic regional studies: from teaching experience. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2 (65). pp. 116–121. (In Russian).

2. Brysina, E.V. (2020) Regional linguistics: content and directions of development. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (145). pp. 150–155. (In Russian).

3. Novikova, T.F. (2015) Linguoregional studies as a trend of “external” linguistic and integration model of language and culture studies. *Yearbook of Eastern European Studies*. 5. pp. 44–59. (In Russian).

4. Amalbekova, M.B. (2009) *Fenomen bilingval'noy lichnosti v etnoyazykovom landshafte Kazakhstana* [The Phenomenon of Bilingual Personality in the Ethno-Linguistic Landscape of Kazakhstan]. Astana: [s.n.].

5. Avakova, R.A. & Salkynbay, A.B. (2012) Migratsiya naseleniya i etnoyazykovoy landshaft Kazakhstana [Population migration and ethno-linguistic landscape of Kazakhstan]. *Vestnik Bishkekского humanitarnogo universiteta*. 1 (21). pp. 246–248.

6. Saduov, R.T. (2021) [Cultural and linguistic landscape in the national region as a reflection of the worldview of the linguistic and cultural community]. *Yazyki i kul'tury: funktsional'no-kommunikativnyy i lingvopragmaticheskiy aspekty* [Languages and Cultures: Functional-communicative and linguopragmatic aspects]. Proceedings of the 2nd International Conference in memory of S.G. Sterligov. Nizhny Novgorod. 12–13 May 2021. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. pp. 220–222. (In Russian).

7. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2

8. Demeshkina, T.A. (2022) [Cultural and linguistic landscape of a cross-border region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [The Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Proceedings of the 7th ROPRYAL Congress. Yekaterinburg. 6–9 October 2021. Vol. 7. Saint Petersburg: ROPRYAL. pp. 122–126. (In Russian).

9. Saduov, R.T. (2020) Field research of the cultural and linguistic landscape in a multiethnic region. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 1. pp. 23–29. (In Russian). DOI 10.17516/2311-3499-098

10. Fedorova, L.L. (2014) Linguistic landscape: city and crowd. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 6 (13). pp. 70–80. (In Russian).

11. Jaworski, A. & Thurlow, C. (eds.) (2010) *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*. London; New York: Continuum.
12. Moore, I.Yu. (2015) [Linguistic landscape as a means of analyzing the linguistic situation and language policy in the post-Soviet space]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian Language and Literature in the Space of World Culture]. Proceedings of the 13th MAPRYAL Congress. Granada, Spain 13–20 September 2015. Saint Petersburg: MAPRYAL. pp. 109–114. (In Russian).
13. Pavlenko, A. (2017) Linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. 3 (21). pp. 493–514. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514
14. Baranova, V.V. & Fedorova, K.S. (2017) (In)visibility and (non)existence: labor migrants and the St. Petersburg linguistic landscape. *Gorodskie issledovaniya i praktiki – Urban Studies and Practices*. 1–2 (6). pp. 103–121. (In Russian).
15. Bubnova, I.A. (2018) [Megalopolis language landscape and problems of modern Russian society: obvious and hidden connections]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Proceedings of the Polifoniya bol'shogo goroda – 7, 8 [Polyphony of Big City – 7, 8] Conference. Moscow: MAKSS Press. pp. 5–13. (In Russian).
16. Kartushina, E.A. (2017) Multilingualism in the linguistic landscape of the urban environment (for example Helsinki). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8. pp. 71–75. (In Russian).
17. Ivanova, N.I. (2017) Distribution of languages in the linguistic landscape of Yakutsk: Sociolinguistic aspect. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of the Humanities*. 4 (21). pp. 71–76. (In Russian).
18. Vinokurov, V.V. (2018) Specificity of the Vilnius language landscape in the context of Lithuanian language policy norms (on the example of the old city). *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya – Bulletin of Science and Education Development*. 2. pp. 52–58. (In Russian).
19. Fedorova, L.L. (2019) Russkiy yazyk v Armenii: yazykovaya situatsiya i yazykovoy landschaft sovremennogo Erevana [The Russian language in Armenia: the linguistic situation and the linguistic landscape of modern Yerevan]. *Slavica Helsingiensia*. 52. pp. 87–99.
20. Kalgina, T.E. & Takhtarova, S.S. (2015) Vliyanie frantsuzskogo yazyka na formirovaniye lingvisticheskogo landschafta stran Magriba [The influence of the French language on the formation of the linguistic landscape of the Maghreb countries]. In: *TERRA LINGVAE*. Kazan: TAI. pp. 198–201.
21. Protasova, E.Yu. (2015) Variability of the Russian linguistic landscape. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 1 (4). pp. 91–102. (In Russian).
22. Abramova, E.I. (2011) Gael'skiy yazyk v lingvisticheskom landschafte Shotlandii [Gaelic language in the linguistic landscape of Scotland]. *Obshchestvennye nauki – Social Science*. 7. pp. 97–101.
23. Novikova, E.G. (2016) Lingvisticheskii landschaft sovremennoy Kanady v kontekste regional'no-kul'turnoy politiki [Linguistic landscape of modern Canada in the context of regional and cultural policy]. *Evraziyskiy vestnik gumanitarnykh issledovaniy*. 1 (4). pp. 29–33.
24. Borodina, D.S. (2018) English in Swedish Linguistic Landscape. *Filologos*. 36 (1). pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.24888/2079-2638-2018-36-1-5-11
25. Lyu, Ts. (2019) Linguistic landscape: research development trends in China. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda – Moscow University Translation Studies Bulletin*. 4. pp. 119–129. (In Russian).
26. Shirobokova, N.N. (ed.) (2005) *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landschafta Sibiri* [Ways of forming the linguistic landscape of Siberia]. Novosibirsk: UIHPP SB RAS.

27. Bekasova, E.N. (2021) [Linguistic landscape of Orenburg region: prospects of the past]. *Shesty Moiseevskie chteniya* [The Sixth Moiseev's Readings]. Proceedings of the International Conference. Orenburg. 20–22 November 2020. Orenburg: Orenburgskaya kniga. pp. 17–25. (In Russian).
28. Saduov, R.T. (2021) Linguistic landscape as a promising approach to investigate language situation in a region (case study of the Republic of Bashkortostan). *Uspekhi gumanitarnykh nauk – Modern Humanities Success*. 2. pp. 192–195. (In Russian).
29. Gabdrakhmanova, G.F., Makhmutov, Z.A. & Sagdieva, E.A. (2016) [State languages of the Republic of Tatarstan in the linguistic landscape of the region]. *Teoreticheskie problemy etnicheskoy i krosskul'turnoy psikhologii* [Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology]. Proceedings of the 5th International Conference. Smolensk. 27–28 May 2016. Smolensk: Smolensk State University. pp. 76–79. (In Russian).
30. Saduov, R.T. (2021) [Communicative potential of the Russian language in Nur-Sultan through the lens of linguistic and cultural landscape]. *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennye vzglyady i nauchnye issledovaniya* [Culturology, Art History and Philology: Modern views and scientific research]. Proceedings of the 55th International Conference. Moscow. 10 December 2021. Moscow: Internauka. pp. 28–31. (In Russian).
31. Islamova, Yu.V. (2015) The linguistic situation of the village Nyalinskoe Khanty-Mansiysk autonomous okrug-UGRA in historical perspective. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 4 (23). pp. 46–52. (In Russian).
32. Budaeva, S.Z. (2021) [Territorial aspects of the linguistic situation (on the example of the village of Tsagan-Morin in the Zakamensky district of the Republic of Buryatia)]. *Regional'naya Rossiya: istoriya i sovremennost'* [Regional Russia: History and modernity]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Komsomolsk-on-Amur. 10 December 2021. Komsomolsk-on-Amur: Amur State University of Humanities and Pedagogy. pp. 39–43. (In Russian).
33. Araeva, L.A. & Kereksibesova, U.V. (2018) Peculiarities of multilanguage communication in Kosh-Agach district of the Republic of Altai. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2 (15). pp. 269–276. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-2-269-276
34. Protsukovich, E.A. et al. (2017). Sociolinguistic situation in the Ivanovskoe settlement, Selezdzhia district, Amur region. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 3 (3). pp. 74–85. (In Russian). DOI: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_74_85
35. Ivantsova, E.V. (2021) The rules of a dialect language personality's speech behavior as a component of the Siberian old-resident village languagescape. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 61–80. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/74/4
36. Plotnikova, A.A. (2007) Carpatho-Balkan dialect landscape. Language and culture in contact. *Voprosy yazykoznanija*. 5. pp. 152–154. (In Russian).
37. Blokhinskaya, A.V. (2011) Istoriya slavyanskogo zaseleniya Amurskoy oblasti v svyazi s formirovaniem ee dialektного landshafta [History of Slavic settlement of the Amur region in connection with the formation of its dialect landscape]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh*. 9. pp. 25–34.
38. Borisova, O.G. & Kostina, L.Yu. (2015) Dialektnyy landshaft Otradnenskogo rayona Krasnodarskogo kraya (po materialam polevoy ekspeditsii) [Dialect landscape of the Otradnensky district of Krasnodar Krai (based on the materials of the field expedition)]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya–2015* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Materials and Research–2015]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of RAS. pp. 41–72.
39. Kosharnaya, S.A. (2018) [On the question of the dialect landscape of Belogorye]. *Sovremennye dostizheniya i novye napravleniya filologii* [Modern Achievements and New

Directions of Philology]. Proceedings of the International Conference. Belgorod. 12–13 February 2018. Belgorod: Epitsentr. pp. 97–103. (In Russian).

40. Moskvina, T.N. & Pavlenko, A.N. (2020) Problems of lexicographical description of the Altai German dialects. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 4 (13). pp. 68–72. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.14

41. Krasovskaya, N.A. (2020) [Linguistic landscape: possible approaches to the use of the term]. *II Milonovskie kraevedcheskie chteniya* [The Second Milonov Local History Readings]. Proceedings of the Regional Conference. Tula. 18 November 2020. Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. pp. 36–39. (In Russian).

42. Ivantsova, E.V. (2017) Metody analiza dialektnoy yazykovoy lichnosti [Methods of analysis of dialect linguistic personality]. In: Demeshkina, T.A. et al. *Novye napravleniya v russkoy dialektologii: Massovyy otkrytyy onlayn-kurs* [New Directions in Russian Dialectology: A massive open online course]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=novye-napravleniya-v-russkoydialektologii>. (Accessed: 16.07.2021).

43. Lotkin, I.V. (2009) Estontsy v Sibiri [Estonians in Siberia]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 584–586.

44. Ryndina, O.M. (2016) Ethnic traditions in modern culture: Jani day of Berezovka Estonians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (21). pp. 45–53. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/5

45. Yakovlev, Ya.A. (ed.) (2001) *Zemlya pervomayskaya : sb. nauchno-populyarnykh ocherkov* [Pervomaysk Land: Collection of popular science essays]. Tomsk: Tomsk State University.

46. Zhukova, I.N. et al. (2017) *Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Dictionary of Terms of Intercultural communication]. Moscow: Flinta; Nauka.

47. Pyall', E. (1955) *Uchebnik estonskogo yazyka* [Textbook of the Estonian Language]. Tallin: Estonskoe gos. izd-vo.

48. Palagina, V.V. (ed.) (1984) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob region]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University.

49. Moroko, E. et al. (2017) Mezhduberezovkoy i Kasakyuloy [Between Berezovka and Kasakula]. *Russkiy reporter*. 10–11 (427). [Online] Available from: https://expert.ru/russian_reporter/2017/10/mezhduberezovkoj-i-kasakyuloj/. (Accessed: 10.09.2022).

Информация об авторе:

Волошина С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Voloshina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022;
одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 02.09.2020;
approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья
УДК 808.56
doi: 10.17223/19986645/79/3

Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности

Екатерина Вадимовна Иванцова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, ekivancova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются функциональные характеристики речевого жанра просьбы, отличающегося высокой частотностью и вариативностью в речи сибирской крестьянки. При анализе дискурсивных сфер бытования данного жанра выявлены используемые адресантом тактики и стратегии и их языковые средства. Функционирование жанра просьбы в дискурсе носителя старожильческого говора отражает как универсальные, так и специфические черты этого элемента жанровой системы, свидетельствует о высоком уровне речевой культуры диалектной языковой личности.

Ключевые слова: речевой жанр просьбы, народно-речевая культура, диалектный дискурс, диалектная языковая личность, среднеобские говоры, культурно-языковой ландшафт

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Иванцова Е.В. Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 40–58. doi: 10.17223/19986645/79/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/3

Functioning of the speech genre of request in the discourse of the dialect language personality

Ekaterina V. Ivantsova¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ekivancova@yandex.ru*

Abstract. The article considers the speech genre of request within the framework of the study of the speech culture of the dialect speakers of the Middle Ob region. The features of its functioning were analyzed using the methods of linguopersonology – the study of speech of a specific language personality typical of this society. The article is based on the author's recordings of spontaneous speech of a Siberian peasant woman, collected for over 24 years. The analysis of the informant's discursive prac-

tice shows that the speech genre of request functions in the domestic sphere, the ethical sphere and the sphere of customs and rituals. Each of the spheres differs in the composition of the addressees of request and their intentions, language means and methods of their use. The informant's speech is dominated by requests from the domestic sphere with an appeal for help in the interests of the addresser. They are diverse in the variety of grammatical constructions, etiquette formulas and tactics that soften the categorical imperative with appropriate markers. The addressees of such requests are relatively homogeneous: these are fellow villagers, relatives, acquaintances from the city. Requests in the ethical sphere imply a motive in favor of not only the addresser, but also the addressees – close relatives. These are exhortations that represent the norms of personal behavior and at the same time take into account the interests of the partner. They may be related to monetary settlements (requests to accept money for purchases), situations perceived by the addresser as dangerous (requests to abandon bad habits) or potentially conflictual (requests for apologies). Such requests are expressed by poorer sets of grammatical forms and motive softening tactics, but “negative requests” (e.g., *do not buy, do not drink, do not be offended*, etc.) and emotional statements are widely represented. Requests in the sphere of customs and rituals are related to the area of the sacred in traditional culture. They have heterogeneous addressees (real persons, pagan and Orthodox characters) and intentions of the requester (requests for alms, blessings, forgiveness, care, treats, etc.). Many texts with requests are clichéd (legend, prayer, carol, etc.); they do not have etiquette formulae and the categorical softening tactics. They were partially archaized or underwent semantic transformation. The exception is the active functioning of requests at farewell in the ritual of receiving guests. Therefore, the variations of the speech genre of request recorded in the idiolect discourse in the domestic sphere reflect the living conditions and age of the dialect speaker – her ideas about what is due in the ethical sphere, traditions on the basis of which the language personality was formed in the sphere of customs and rituals. The genre under study partly allows us to reconstruct the system of values (family ties, communication, health, food, prosperity in the household) and the rules of life (following the way of one's family, moral and religious norms, conflict-free existence) of the bearer of traditional culture. The implementation of the genre of request in the peasant woman's speech is evidence of effective speech interaction that supports communicative balance in traditional rural communities, and an obvious example of a high level of speech culture of a dialect language personality.

Keywords: speech genre of request, folk speech culture, dialect discourse, dialect language personality, dialects of Middle Ob region, cultural and linguistic landscape

Financial Support: The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ivantsova, E.V. (2022) Functioning of the speech genre of request in the discourse of the dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 40–58. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/3

Введение

Утвердившаяся на рубеже XX–XXI вв. антропоцентрическая парадигма закономерно вызывала развитие коммуникативной лингвистики, в том числе в сфере изучения речевых жанров. Как отмечает В.В. Дементьев, «жанровое

оформление коммуникативного поведения относят к основным постулатам коммуникативной лингвистики» [1. С. 8]; генристика помогает выявить модели коммуникации с учетом ситуации и сферы общения, интенций, стратегий и тактик участников общения, форм речи и ряда других параметров [1. С. 8].

Теория и практика изучения речевых жанров (РЖ) в наши дни разрабатывается преимущественно с опорой на данные устного и письменного дискурса носителей русского литературного языка или при сравнении русского языка с языками других народов. Некодифицированные формы национальной языковой системы в жанровом аспекте изучены гораздо слабее, однако в русистике можно говорить о формировании диалектной жанрологии. С 90-х гг. это направление развивается в томской диалектологической школе. Исследовался состав РЖ в речи старожилов Среднего Приобья, были описаны РЖ автобиографического рассказа, воспоминания, предположения, пожелания, оценки и некоторые жанрообразующие концепты [2–5]. По материалам русских говоров Среднего Поволжья Я.В. Мызниковой также рассматривался РЖ воспоминания [6].

С формированием лингвоперсонологического аспекта науки о языке изучение системы речевых жанров органично вошло в комплексный анализ феномена диалектной языковой личности, инициированный в начале 80-х гг. автором данной статьи. Намеченная ранее жанровая типология расширялась и углублялась в работах томских диалектологов Л.Г. Гынгазовой и Т.А. Демешкиной [2. С. 95–101; 7–9] на идиолектном материале; целостное описание жанровой системы диалектоносителя было осуществлено О.А. Казаковой [10]. И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой описан ряд РЖ диалектоносительницы из Псковской области Е.Я. Тищенко [11, 12].

Вместе с тем пока нельзя говорить об исчерпывающем анализе речевых жанров даже в масштабах идиолекта отдельной языковой личности. В диссертационном исследовании О.А. Казаковой дано системное представление простых и сложных РЖ с учетом их структурной иерархии и интенций говорящего, освещается вопрос о коммуникативных стратегиях и тактиках в монологических и диалогических жанрах дискурса, однако акценты в работе делаются прежде всего на типах жанров (по типологии Т.В. Шмелевой), а каждый отдельный жанр описан довольно лаконично.

В настоящей статье в рамках исследования культурно-языкового ландшафта трансграничного региона Среднего Приобья, подразумевающего в том числе изучение речевой культуры его жителей [13], более детально рассматривается функционирование РЖ просьбы в дискурсе сибирской крестьянки. Исследование опирается на данные авторского архива записей спонтанной речи коренной жительницы старожильского с. Вершинино Томской обл. В.П. Вершининой (1909 г. рождения), полученные методом включения в языковое существование говорящего в течение многолетнего сбора материала (1981–2004 гг.).

РЖ просьбы не случайно привлекает внимание исследователей. На разном языковом материале выявлено, что он отличается высокой степенью

вариативности, тесно связан со многими другими речевыми жанрами, дает богатый материал для изучения речевого поведения носителей языка, отражает черты национальных культур. Дефиниции этого жанра достаточно разнородны, однако большинство ученых акцентируют внимание на том, что просьба предполагает побуждение адресата к выполнению некоего действия, в котором заинтересован проситель, а ее осуществление не является обязательным и зависит от решения адресата [14, 15].

Анализ показал, что РЖ просьбы в идиолектном дискурсе сибирской крестьянки является частотным и реализуется в различных дискурсивных сферах.

Просьбы в бытовой сфере

В большинстве случаев просьбы информанта связаны с бытовой сферой. Постоянное обращение за помощью обусловлено возрастом, физическим состоянием и условиями жизни одинокой пожилой женщины, живущей в сельской местности, в неблагоустроенном доме. Ее просьбы касаются в первую очередь покупки продуктов в городе, деревенском магазине или у жителей села, поддержания в порядке домашнего хозяйства (принести воды из колонки, помочь с ремонтом, заготовить на зиму дрова, скинуть с крыши снег...) и трудоемких сельхозработ (весенняя вспашка земли на огороде и в поле, посадка и уборка картофеля). Обращены они обычно к односельчанам и родственникам, иногда – к знакомым из города: *А я Ане [жене племянника] говорю, говорю: «Аня, ты мне покопи ячечек! Десяточек скопи». А она говорит это: «Ладно»; [соседу:] Ты помоги мне окно выставить; Я [говорю родственникам, сажая картофель]: «Наташиш'те мне ведро картошки, я не могу потти'» [по рыхлой земле]» – они припру'т.*

Чаще всего при вербализации просьбы встречаются повествовательные высказывания с императивной формой глагола, обозначающего каузируемое действие. Как правило, в таких конструкциях говорящий использует обращение по имени, а также личные местоимения второго и первого лица (ты, мне): *Пошла копать [картошку], Валя Мотина идёт. Говорю: «Валя, уташиш' мне». Она мне уташиш'ла четыре ведра; Я говорю: «Привези мне воз навозу, Лексе'й!» Он гыт: «Ладно, привезу»; Коля, ты мне почти чув'л там [в печке], залезь к Па'ске.*

Воздействие, оказываемое на адресата при озвучивании просьбы, и возможность отказа просителю вызывают необходимость смягчения императивного начала, использование языковых средств и тактик, связанных с категорией вежливости. Как отмечает Н.И. Формановская, «императивно выраженная просьба в общении может “прочитываться” адресатом с точки зрения той или иной степени внимания, вежливости, мягкости или требовательности, проявленных к нему. Именно постулат вежливости, прагматические задачи вызвали к жизни целый ряд сопутствующих императиву выражений для отражения вежливых отношений между “я” и “ты”» [16. С. 70].

Языковые средства, используемые языковой личностью в ситуации просьбы о помощи, активно репрезентируют стратегии вежливости и смягчения при адресации императивного начала. Они реализуются через этикетные формулы, обращение по имени или имени-отчеству, фонетические, грамматические и лексические показатели, а также особые содержательные приемы выражения просьбы, снижающие степень «давления» на адресата.

При употреблении императивных форм побуждения, воспринимаемых собеседником как наиболее категоричные, адресант широко привлекает формулы речевого этикета.

Наряду с утратившим мотивированность *пожалуйста* (*Катя, дай мне, пожалуйста, попить водички мне дай*) употребляются также синонимичные к этому слову формулы вежливости, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму. Так, этикетные устойчивые словосочетания *будь до'бра / до'бренька, будь добрый, будьте до'бры* соотносятся со значением слова *добрый* в значении «расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, сочувствия к ним, готовности помочь» [17. Т. 1. С. 410]: *Это... сходи к Татьяне, будь добрый, попроси у ей... [Скажи:] «Тётя Вера присила кисточку...»;* *Катя! Ступай сорви там, поishi [огурцы в огороде], будь до'бренька.*

Другой ряд вариативных формул речевого этикета содержит мотивы труда. Призыв *потрудись* как бы подчеркивает значимость потенциального оказания услуги адресатом: *В.П. Гутя, потрудись, мне поставь [банки]! А.П. Давай. В.П. Разломило кры'льца все* (ср.: трудиться «прилагать усилия, стараться сделать что-л.» [17. Т. 4. С. 417]. Этикетные формулы *не затруднись, не посчитай за трудность*, напротив, акцентируют несложность просьбы: *Кать, то блинki бы состряпала, увези [муку домой] не затруднись; А она пришла, дала – хоро-оши конфеточки, да каки'-то арома'тны прям, хоро'ши. Я говорю: «Тома, купи, не поishiтай за трудность, я говорю, купи мне!».* Еще одно устойчивое выражение связано с понятием лени, противопоставленным действию, труду: *Сходи, Катя, в погреб, не поленись*¹.

К средствам подчеркивания вежливости наряду с формулами речевого этикета Н.И. Формановская относит также «удвоение выражения просьбы», где адресантом используется не только императив, обозначающий действие, но и перформативный глагол [16. С. 70]. Такие конструкции отмечены в речи крестьянки – как правило, в сочетании в этикетными формулами: *Катя, попрошу тебя: повесь скатёрку, пожалуйста; Попрошу тебя, будь до'бра: вот к этой к Нине по молоко сходи.*

На фонетическом уровне обращение говорящего с просьбой всегда отличается особой просительной интонацией.

¹ Отметим, что ни одно из этих этикетных средств с компонентом «труд» не зафиксировано во фразеологических словарях и «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая. В этот источник включены только выражения *если вас не затруднит* и *если вам не трудно (не затруднительно)* [18. С. 165].

Смягчение императивных форм при побуждении может передавать частица -ка. Наши записи спонтанной речи подтверждают наблюдения Е.Г. Которовой, отмечающей, что присоединение -ка к глаголу встречается при незначительной симметричной просьбе или при более высоком статусе адресанта в сравнении с адресатом [19. С. 71]: *Петровна, **подай-ка** мне там пирожок с чем-нибудь!*; *Катя! **Достань-ка** мале'нько карто'шек.*

Вопросительные конструкции также смягчают категоричность этого императивного РЖ, на что указывает Е.А. Земская [20. С. 184]. Просьбы в форме вопроса обозначают каузируемое действие глаголами изъявительного наклонения в будущем времени или сослагательного наклонения, в том числе с отрицательной частицей *не*: *«Молочка мне **дашь**, – я говорю, – **банку?**» Она говорит: «Ладно»; Я говорю: «**Володя! Ты бы Елену [сестру В.П.] привёз, хоть бы на недельку суда!**»; Я говорю: «**Ты мне не сошьёшь платье?**» Она гыт: «Сошью»; **Ты не пособи'ла мне побелить бы, мале'нько?** По мнению Т.В. Лариной, «вопросы с отрицательной частицей *не* <...> отличаются большей степенью вежливости, так как допускают отрицательный ответ и предоставляют адресату возможность выбора» [21]. Для снижения категоричности вопросительных форм побуждения используются и модальные единицы *может, может быть / мо'же быть, нельзя*: Я говорю: «**Может, ты посо'бишь мне банки вытаскать?**» – он полез [в погреб]; А я говорю: «Валерий Михалыч! Ты, **мо'же быть**, я говорю, нам пилу... "Дружбу" достанешь? Пилу». Я говорю: «Всё людей просить надо, дак... своя-то "Дружба" будет, дак лу'чче»; Взяла да Крошко'-то позвонила [в город], от наших. Я говорю: «Там **нельзя** сахарку купить у вас?» Они говорят: «Можно».*

При смягчении воздействия на адресата говорящий, кроме того, использует такие тактики, как:

– подчеркивание незначительности просьбы: *Саша, ты не дашь мне тележку, навоз **мале'нько** потаскаю?*; *Сотри там **мале'нько** со стола;* Я говорю: «Юра, ты бы достал мне лаку. **Хоть баночку литро'ву, мне больше не надо там...** ну пусь бы и два [литра], дак ничё». Чаше других в этом случае привлекается маркер *маленько*;

– указание на несложность для адресата выполнения просьбы. Обращение за помощью озвучивается как высказывание о возможных планах или известных говорящему действиях собеседника, с учетом которых ему не составит труда сделать что-л. для адресанта как бы попутно, не прилагая особых усилий: *Нина пошла, я говорю: «Там урюк, Нина, продают, **может, ты пойдёшь [в магазин], себе купишь, и мне!**»; Я говорю: «Татьяна! Таня, ты, говорю, **всё равно же на'ймываешься – пособи' мне побелить?**»; А потом Ольга пришла, я говорю: «Ольга! Ты поедешь куды'-нибудь, будете запрягать коня, говорю, к Физе Иванне?» Она говорит: «Не знаю. Будем, может». Я говорю: «**Запрягите да меня итторта'йте заодномя' туды', к Ми'трий Михалычу**» – там гуляли;*

– с этой же целью оговаривается совместное участие в выполнении сложного дела, о котором просит адресат: Я говорю: «**Побели, Оля, мне**

*там чува'л, печку, а тут я сама побелю» – рука-то не подыма'тся вверх-то у меня!; Я хотела, просила одну женичину была, штукатур... маляр. Я ходила к ей. Я говорю: «Посо'бишь мне? Хоть на кухне там-ка? Всё итскребу'я – ну, сама, а ты, – говорю, – **вымажешь мне**». Она говорит: «Ладно».*

Этикетное оформление просьбы во многих случаях дополняется привлечением диминутивов, которые усиливают вежливость обращения за помощью: *Я говорю: «Ты купи мне **маслица**» – она купила; Я говорю: «Нина, это... ты мне **покопи сметанки, баночку, хоть поллитрову**».*

Диалектоносителем широко используется тактика аргументации.

Озвучивая просьбу, адресант стремится обосновать ее причины, чтобы адресат убедился в необходимости выполнения просимого: *Дочери сказали: то ли в третьей стадии, то ли чё ли уж рак [у односельчанина]. <...> Ну я Ге'ны говорю: «Увези меня, это, к Лексе'ю Макарычу свози, **попроведаю**»; Она пропуска'т [молоко через сепаратор]. Я говорю: «Нина, продай мне **мале'нько** [сметаны], **ша'нежки охота постряпать**»; Гутя, может, где увидишь, купи мне столовый нож, **нету ножа**. Виды аргументов в каждой конкретной ситуации индивидуализированы. Ср. мотивировки просьб с разными коммуникантами:*

*А пошла [к соседке], яишницу [хотела пожарить неожиданно приехавшей во время ремонта гостье]... у Тани пошла, говорю: «Таня, дай мне пару яичек **взаймы**». Я говорю: «**Пол [выкрашенный] подсохнет, сёдня [высохнет] – дак сёдня отдам, а так за'втре**» – обещание (скорого возврата одолженного);*

*А но'нче просила [родственника], я говорю: «Ты давай забор, перего-раживай [мне], **я тебе отдам**, – говорю. – **Деньги отдам, хоть на хлеб**. Я говорю: «**Тебе десятку [10 тысяч] отдам**» – обещание (оплаты труда);*

*[Воры залезли в дом хозяйки, выставив оконную раму.] Пошла, гляжу, это идёт один мушшйна, я говорю: «Ваня! Зайди ко мне на минутку!» – он зашёл. Я говорю: «Вставь окно!» Я говорю: «**Морози'на, всё равно, хоть и... декабрь**» – пояснение (необходимости срочной помощи из-за погодных условий);*

*Катя! Ты ему [ребёнку] помой **мале'нечко [виноград]**, пожалуйста. **У меня вишь чё, руки-то грязны** – оправдание (при невозможности сделать просимое самой).*

Приведенные примеры показывают, что исследуемая языковая личность предпочитает рациональные аргументы. Вербализация своих эмоций в этих случаях встречается редко: *Ты от придёшь с работы – давай городить [упавший забор]? **Помоги моему горю**.*

Информант практикует также тактику подготовки собеседника к восприятию просьбы. Прежде чем попросить о чем-либо, говорящий может спрашивать адресата о наличии / отсутствии чего-либо необходимого для просителя, осведомляться о намерениях слушающего, узнавать, не будет ли его просьба слишком обременительной или тяжелой. Оценив реакцию

коммуниканта на заданный вопрос, диалектоносительница переходит непосредственно к просьбе: *Вот чё, подруги: нет [в городе] календарей таких, листики-то отрываются кото'ры, не видите? [Есть.] Есь? Купи'те, пожалуйста. Пожалуйста. Будьте до'бры; В.П. [соседке] На почту не пойдёшь? <...> Календарь купить мне надо. А.П. А-а. Ну е'сли увижу, куплю; Я говорю: «Гутя, чижело' тебе приташишь битончик мне ягодки? Купила бы там, в городе, битончик бы взяла там».*

Еще один вариант мягкого побуждения реализуется в форме косвенной просьбы, имплицитно предполагающей обращение за помощью через намёк. Зафиксированы в этом случае вопросы о наличии чего-либо («есть / нет вопрось»): *Георгий вышел за ворота', я говорю: «Гоша, у тебя нету никакой досо'чки, хорошенькой такой, гладенькой?» Он гыт это: «Есь».* *А... Ну, и так опеть всё. А я вышла да прибываю, лавочку-то. А он это, несёт до'ску-то.* Обращение к соседу с целью найти дощечку для починки лавки не озвучивается. Психологическое давление на адресата минимально: формулировка вопроса дает ему возможность как оказать помощь, так и отказаться из-за отсутствия просимого. Аналогично речевое поведение субъекта с завуалированной просьбой купить в городе ткань на юбку: *Знашь мне чё, Катя, надо? Юбку мне надо. На юбку матерьял, поди, есь, вся'ки матерьялы там? Мне чёрный, ли коричневый – от вза'все таскать. Недорогой бы. Нету, поди?* Женщина сообщает о необходимости сшить юбку (*мне надо...*), но затем ограничивается только вопросом, есть ли подходящая ткань в городских магазинах; собеседник должен сам понять намек о помощи и откликнуться на него.

Изучавшая РЖ побуждения в бытовой разговорной речи Г.М. Ярмаркина делает вывод, что текстовые данные отражают как спонтанные, так и риторические просьбы, «сформированные в условиях предварительного обдумывания», «при условии сознательного отбора языковых средств, спланированной стратегии и тактики речевого воздействия на адресата» [22. С. 4, 19]. Реализация РЖ просьбы в дискурсе диалектной языковой личности, во многом сходном по составу бытовых коммуникативных ситуаций с речевыми записями этого исследователя, представлена, на наш взгляд, только в спонтанном варианте. Правила обыденной риторики отражаются не в планировании говорящим того или иного высказывания (доказать наличие такого планирования в повседневной устной речи представляется проблематичным) – их возможно реконструировать, выявляя закономерности речевого поведения, в том числе при вербализации речевых жанров в дискурсе конкретного индивида или определенной страты социума.

Приведенный выше идиолектный материал свидетельствует о достаточно широком круге этикетных и смягчающих побуждение маркеров в РЖ просьбы. В то же время обратим внимание на разную степень их проявления в дискурсивной практике исследуемой языковой личности. На выбор говорящим языковых средств влияют социально-ролевые отношения коммуникантов и характер просьбы, с которой обращается адресант, с учетом потраченного на нее времени и усилий [19. С. 67].

Минимальный уровень этикетности и смягчения просьбы наблюдается у информанта при обращении к вполне определенному кругу лиц; это: а) близкие родственники, взаимопомощь между которыми для крестьянки считается само собой разумеющейся (она тоже оказывает им посильную помощь); б) односельчане, если обращение за помощью к ним оценивается просителем как очень незначительное или предполагается, что ее выполнение будет оплачено, в) сельский соцработник, в чьи обязанности входит помощь по хозяйству одиноким престарелым людям. Ср. рассказ крестьянки об организации побелки в доме, где представлены все три категории адресатов: племянник Коля, который рано потерял мать и В.П. во многом ее заменила, односельчанка Зоя, готовая работать за угощение и деньги, и сотрудник социальной службы Ольга: *А тут одна пьянчужка-то хо'ит, я попросила, говорю: «Зоя, это, помоги мне побелить», – говорю. Не «помоги», а «побели, – говорю, – мне». И Ольге, кото'ра ходит за старухами. <...> Я говорю: «Оля, ты придёшь? В пятницу. Я говорю, это... «Я хочу побелить, ты посо'бишь мне побелить тут-ка, помыть, – говорю, – мне... А ты, Коля, пособи' махри'шки потрясти всё».* В подобных случаях при побуждении к действию этикетным маркером обычно является только обращение; просительная интонация вытесняется тональностью делового распоряжения, поскольку говорящий считает, что вправе брать на себя управленческие функции при коммуникативном взаимодействии с названными типами адресатов. О.А. Казакова квалифицирует такие случаи как просьбу-распоряжение [10. С. 61–63], однако, на наш взгляд, их можно характеризовать в качестве самостоятельного РЖ распоряжения, при котором адресант выступает в роли руководителя, распределяя обязанности, направляя деятельность привлекаемых для помощи лиц. От приказа (как и от просьбы) распоряжение отличается нейтральной тональностью, от просьбы – отсутствием этикетных формул и языковых показателей, смягчающих побуждение к действию, уверенностью субъекта в том, что его указания будут выполнены.

При обращении за помощью к другим категориям односельчан, более дальней родне и городским знакомым вербализованная просьба, как правило, содержит описанные выше языковые средства смягчения императивного начала. Их число возрастает прямо пропорционально дистанции между адресатом и адресантом, сложности и важности достижения ожидаемого результата для просителя.

Итак, РЖ просьбы в бытовой сфере дискурса диалектоносительницы содержательно является просьбой о помощи. Такие просьбы представлены разнообразными грамматическими конструкциями, реализуются через прямую или косвенную форму побуждения. Информант широко использует средства речевого этикета, различные тактики и маркеры, смягчающие категоричность императива и выражая свою просьбу максимально деликатно. Уровень этикетности просьбы снижается при обращении к близким родственникам, в ситуации помощи на условиях оплаты услуг или с учетом обязанностей адресата; в этих случаях просьба замещается распоряже-

нием. Идиолектная реализация данного жанра РЖ в сфере быта отражает прежде всего такие материальные ценности языковой личности, как пища, дом, хозяйство и дающая урожай земля.

Просьбы в этической сфере

Хотя в речи исследуемого информанта преобладают просьбы, связанные с материальными потребностями и физической помощью, дискурс крестьянки не ограничивается этой областью. Встречаются просьбы, предполагающие побуждение в пользу не только адресанта, но и адресата, выходящего на первый план. Это призывы, репрезентирующие нормы поведения языковой личности и в то же время учитывающие интересы партнера. Они могут быть связаны:

— с ситуациями денежных взаиморасчетов. Отказ гостей принять деньги за незначительные покупки или гостинцы всегда вызывает у крестьянки споры и просьбу расплатиться. Она не хочет наносить ущерб дарителям и не любит быть обязанной. Адресатами таких просьб являются чаще всего близкие знакомые, приезжающие навестить ее из города: *Ты деньги-то взяла? Ты пожалуйста возьми, за хлеб-то там [купленный во время проживания у хозяйки дома]; Катя! Ты теперь кода' при...[едешь]? Ты мне, пожалуйста, не покупай ничё так на свои деньги там! Ли покупай, дак деньги бери [за покупки].* Реже в идиолектном материале зафиксированы просьбы принять деньги в «товарно-денежных спорах» с односельчанами: *Я говорю [принесшему пойманную рыбу]: «Знашь чё, Лексе'й, ты бы взял деньги с меня.¹ Я бы развязана была, не шиыталась бы, что я до'лжна»;*

— ситуациями, оцениваемыми языковой личностью как потенциально опасные для адресата. В этих случаях информант считает, что возможные действия лица могут негативно повлиять на его здоровье или благосостояние и просит воздержаться от них: *А я всё говорю Мише [сыну]: «Миша!» Я говорю: «Ты не кури, у нас в родне прямо совсем не курили никто!»; Я ему говорила тогда': «Володя, ты не напивайся [на поминках жены]! Пожалуйста, не пей, тебя разорят, утаишут!» И мясо утаишут, ешь чё утаишить, всё равно; Не пей ши'бко-то, пожалуйста, Коля, я тебя прошу, прямо из милости! Не пей!* Такие просьбы адресуются близким родственникам;

— ситуациями, осознаваемыми информантом как конфликтные. Если слова говорящего могут задеть чувства собеседника, адресант использует просьбу-извинение: *А я думаю: о'споди, пошто' [калитка во двор открыта]? <...> А потом Ольга приходит, я говорю: «У тебя мамочка вчара' не упива'ла?» Говорю: «Ты не обидься, Оля!» <...> Я говорю: «Поди, по вино приходила ко мне, это я так думаю». Наряду с призывом не обидься высказывание, дискредитирующее родственницу адресата, смягчается диминутивом мамочка.*

¹ В данном случае это высказывание можно рассматривать и как предложение.

В отличие от просьб бытового характера в просьбах этической сферы редко используются формы сослагательного наклонения (*ты бы взял деньги с меня*), не зафиксированы вопросительные конструкции, модальные единицы, единичны смягчающие негативное высказывание лексемы (*малюшка*). При этом неоднократно отмечены так называемые «отрицательные просьбы» (*не покупай, не кури, не пей, не обидься...*), нетипичные для просьб о помощи, а вербализация просьбы часто носит эмоциональный характер. В составе тактик отсутствуют косвенные просьбы. Аргументация в основном встречается в просьбах, где языковая личность пытается предотвратить какие-то негативные последствия в жизни близких родственников, опираясь на свои представления об этических нормах и жизненных ценностях (в числе последних – родня, здоровье, гармоничное общение).

Просьбы в сфере обычаев и обрядов

Речевой жанр просьбы в этой сфере связан с областью сакрального в традиционной культуре, тесно переплетающихся языческих и христианских верований как одной из ее ценностей.

В памяти диалектоносительницы сохранились действия и слова матери, приобщавшей детей к обряду угощения домового – хранителя дома и домашнего скота – в день сорока святых мучеников: *«Со'роки-святые'» праздник называется. Девятого марта по-старому. Со'роки-святые' – и вот скворчки прилетают. Мама нам тесто дас, а мы лепим. Вся'кив пташечек налепим... Она каки'-то булочки стря'пат... Дедушке-сусе'душке. Вот: «Дедушка-сусе'душка, попо'й мою скотинушку, пона'стовай нас, не забывай». Булочки эти испечёт в печке, и отец ли кто пойдёт: «Поло'жьте там под сле'гу или под ма'тку в подпо'льях». Обращение к «дедушке-суседушке» с просьбой *пона'стовать* семью подразумевало присмотр, уход, заботу, оберегание от всего негативного (на'стовать – «присматривать, ухаживать за кем-, чем-либо; беречь кого-, что-либо; заботиться о ком-, чем-либо» [23. С. 192]).*

В легенде о хлебе «на собачью долю», также запомнившейся крестьянке еще в детстве из материнских рассказов, встречается просьба о подаянии: *А это мама говорила. А это... пошёл Ису'с Христос. И попросил под окошком: «Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного!» – под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок.* Эта клишированная форма почти без изменений повторяется в рассказе информанта о странствующих нищих, проходивших через Вершинино: *Подойдут под окошко – летом: «Сотворите святую ми'лостинку, ради Христа истинного» – от так от про'сят. Подают, подавали [им], всегда подавали.*

В воспоминаниях отражена и обращенная к хозяевам дома просьба ряженых об угощении в обрядовом тексте колядования во время Святков, когда пришедшие прославляют Рождество: *«Рожество' славим Христе' бо-*

же наш» – просла'вуют его, пропоют – **«Ну, хозяин с хозяйюшкой, если нету денег полтины, то дайте хлеба ломти'ну».**

Кроме мифологических персонажей язычества (дедушка-суседушка) и реальных людей, в том числе односельчан (просьба о подаянии, колядование), адресатом просьб в области сакрального может быть также Бог. Такие просьбы в жизни верующего человека отражаются прежде всего в молитве – форме богопочитания, содержащей восхваление всевышнего и обращенную к нему благодарность [24]. Хотя исследуемая языковая личность выросла в семье глубоко верующих родителей, ее религиозные взгляды сформировались как неоднозначные и отчасти противоречивые (см. подробнее [25]). Молитва в связи с этим занимала факультативное место в ее жизни: *Вот это мама всё наша молилась, читала так, вся'ки молитвы. А я научилась, а тоже... ну, редко кода' так... почитаю, – кода' делать нечего. А так... не ши'бко я, ч'итаю.* В полевых условиях собирателем были записаны несколько пересказанных крестьянкой вслух молитв, лишь одна из которых включала компонент просьбы: *[А ещё какую-нибудь знаете молитву?] Я забува'ю тоже... «Отче наш! Отче наш, [неразборчиво несколько слов], да святится имя твоё, да при'дет будет царьствие твоё, да будет воля твоя, яко на земле, хлеб наш даждь нам днесь, не введи нас во искушение, но изба'ви нас от лукавого».*

В спонтанной коммуникации просьба, обращенная к высшей силе, встречается редко. Как правило, это просьба о прощении – показатель нарушения говорящим нравственных и религиозных норм: *Я говорю: «А кака' мука? Если высиий сорт... я говорю: мне высиий сорт [надо], а такой... тёмну мне не надо – **прости меня, господи, грешницу!** может, грех (хлеб и всё, что с ним связано, почитается и в народной традиции, и в православии; разборчивость по отношению к сортам муки воспринимается как грех); М.П. Видишь, ей [слепой женищине] операцию не стали делать, сердце слабое. В.П. Угу. Да ста'ра тоже, – поди, не стали делать. Ой! **Прости меня, господи, грешницу** (нарушением этических норм считаются бездоказательное обвинение и осуждение).*

Как отмечает Л.Г. Гынгазова, в остальных случаях лаконичные клишированные формы с лексемой *Бог* или *Господи* из первичного обращения к всевышнему с просьбой трансформируются в устойчивые выражения с различными смыслами [25]. В их числе – фразеологизмы *боже избавь, не дай бог, спаси бог помилуй* с семантикой желательности / нежелательности (*Я говорю: «Каки' мне худы' сны снились всё. Прям **не дай бог!**»); господи (о'споди) прости, не дай господь*, используемые для передачи негативных эмоций (***Осподи прости, другой раз пирог упал!***); *прости (ты) бог, прости (ты меня) господи* с семантикой извинения при использовании сниженных слов и выражений (*Я говорю: «Я кого... **прости бог, соплей перешибить, и то, всё равно ись хочу**»)*) и др.

В разных ситуациях наблюдаются ритуальные просьбы о благословении. Их адресатами преимущественно выступают родители, которые бла-

гословляли своих детей в особо значимые моменты жизни не только от своего имени, но и от лица Господа [26]. Одним из наиболее важных значимых событий считается благословение на брак: *Это, Степан опе'ть за-прёг кони'шка, поехали [к родителям невесты]. Приезжа'м, заи... заходим в и'збу, – я стала в ноги так от кланяться: «Ну, тя'тя, баслови'те меня». <...> Ну и баслови'л.*

В речи информанта зафиксированы, кроме того, просьбы односельчан о благословении, обращенные к умирающим родителям: *...а потом же он [сын] к ей пришёл, кода' она стала болеть, он говорит: «Мама, прости меня» – мне Нинка Данилина сказывала. «Мама, баслови' меня. Мама, прости меня, баслови' меня!» – «Бог тебя баслови'т». Всё равно, мать дак мать и есть. Всё равно сказала. Эта просьба сопровождается раскаянием сына, который просит не только благословения, но и прощения за принесенное матери горе. Аналогичная просьба-покаяние иногда звучит и на похоронах: *Ну, она так плакала: «Ой, мамочка! Родна' моя кормилица, мамочка! Прости меня за всё. Много я тебе горя принесла». Она же ребёночка принесла в девках, Рая-то. Ну а... позор же, как вроде бы.**

Получить благословение было важно также перед началом трудовых действий, соотносимых с сакральными сущностями. В идиолектном дискурсе встречается упоминание о молодой невестке, которая ежедневно просила у родителей мужа благословения на доение коровы: *...постар'ьше меня была [односельчанка], четвёртого году [1904 года рождения], Ольга Иванна. Он вышла вза'муж, от тут, к Лёньке от к этому – и тоже пойдёт: «Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня!» – корову пойдёт доить. [Каждый день?] Ка'жный раз, в день два раза. Угу, угу. Ка'жный раз доили, и... помолится богу, пойдёт. «Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня».*

Просьба о благословении на труд, а также на ночной отдых адресовалась не только родителям, но и Господу. Этому обычаю следовали отец и мать крестьянки перед началом посева: *Поедут сеять, я помню, тя'тя – поедет сеять, дак мама богу помолются, свечку зажгут. Помолются, басловя'сь. <...> Зажгут свечку, помолются, [когда] первый раз сеять поедут, пшеничку. Продолжение традиции наблюдается в ее собственной речи: [начиная сажать пироги в печь:] **Господи, баслови'!**; [ложится спать:] **О'споди, баслови' Христос**; Ну ладно, спать будем. **О'споди, баслови'!** Покойной ночи. Иногда в ситуации отхода ко сну звучит и лаконичная просьба о прощении: *Ой! О'споди, прости меня!**

Часть перечисленных обычаев и обрядов в сибирском старожильском селе Вершинино к периоду сбора речевого материала архаизировалась, сохранившись только в воспоминаниях информанта старшего поколения. Ушел в прошлое обряд кормления домового, уже не просили благословения на доение коровы. Вместе с тем в конце XX – начале XXI в. сельчане продолжали колядовать в рождественские праздники, встречались и случаи обращения к родителям за благословением и прощением. Однако наиболее сохранным среди зафиксированных можно считать обряд приема гостей.

Ситуация приема гостей имеет ритуальный характер. Гость – значимая в культуре разных народов мира персона: в мифологических представлениях он воспринимался в качестве посланника Бога или самого Бога, принявшего человеческий облик [27. С. 122–126]. Сакральные истоки этого ритуала уже не осознаются диалектоносителями в наши дни, но важность такого события поддерживается и сейчас регулярным взаимным посещением родственников или друзей в селе или в городе, подчеркнутым вниманием к гостям, ритуализацией отдельных этапов общения с ними.

По данным имеющегося архива, просьбы при общении с гостями широко представлены в момент прощания, которое маркирует прерывание контактов гостивших людей с хозяином дома и одновременно намечает возобновление их коммуникации в будущем.

Следование ритуалу при расставании предполагает вербальные (просьбы приезжать или приходить еще, передача приветов, выражение благодарности) и невербальные формы (проводы до порога дома или до ворот, вручение гостинцев). В составе языковых средств много этикетных формул, в которых звучат призывы хозяйки навещать ее и впредь (*Ну ладно, пошли? До свидания. **Приезжайте** кода'. **Проведайте** ба'ушку; Ну, Катенька, спасибо тебе за всё до'бро, **не забывай меня***) или задержаться в гостях (***Останься, Петровна, ночуй!***). Важное место в ситуации прощания занимает передача приветов общим знакомым: ***Привет там Катерине Петровне большу'чий-пребольшу'чий; Георгиевну-то видишь ка'жный день, а'ли нет? Там ей большой привет передай.*** Привет может быть передан диалектоносительницей даже лично не известному человеку с целью выразить доброжелательное отношение к гостю и наметить перспективу возможных контактов не только с постоянно приезжающей навестить информанта горожанкой, ставшей близким человеком, но и с членом ее семьи: ***Привет там своей мамочке передай, хоть я её и не знаю, – передай там.*** При нарушении правил уважительного прощания с проводами гостей до ворот звучит просьба *не обижаться*: *Я уж не пойду провожать [из-за плохого самочувствия], Катерина Вадимовна, **не обижайтесь на меня.*** Если приезжавшие дарят гостинцы или небольшие подарки при встрече, то хозяйка вручает ответные знаки внимания при их отъезде и просит принять эти дары: ***Огурчиков-то возьми! Не хошь? Ну ты возьми, пожалуйста; Хоть десяточек возьми, Катя! Картошки, они же хоро'иш; [дарит на память полотенце:] Да Катя, ну возьми! Не обижай меня [отказом].***

Не менее насыщено просьбами хозяйки застольное потчевание гостей (этот речевой жанр подробно описан в [28]).

Таким образом, просьбы в сфере обычаев и обрядов отличаются разнообразием адресатов (наряду с родственниками, односельчанами и знакомыми в их составе представлены сакральные персонажи православия и язычества), частой передачей просьб адресантов в составе чужой речи. Во многих случаях тексты просьб данной сферы отличаются клишированностью, отсутствием этикетных средств и тактик, смягчающих побуждение к

действию, частичной архаизацией или семантической трансформацией (исключение составляют просьбы в ситуации приема гостей).

Заключение

Исследование дискурса диалектной языковой личности показало, что РЖ просьбы функционирует в бытовой сфере, этической сфере и сфере обычаев и обрядов. Доминируют просьбы бытовой сферы, что обусловлено условиями жизни и преклонным возрастом информанта.

Для РЖ просьбы в речи сибирского старожилы характерно наличие многих черт, отмеченных учеными на материале разных языков. В их числе – негомогенность этого жанра, создающая сложности типологизации разновидностей просьб, появление переходных, гибридных форм (просьба-извинение, просьба-покаяние и др.), привлечение говорящим маркеров вежливости с учетом прагматического подхода; их можно считать универсальными.

Вместе с тем исследуемый идиолектный материал позволяет выявить особенности исследуемого жанра в речи сибирской крестьянки.

Высокая частотность РЖ просьбы в дискурсе В.П. Вершининой и в большинстве случаев позитивная реакция адресатов на эту форму побуждения соотносятся с выводами лингвистов о русской национальной ментальности, для которой более свойственна солидарность, чем дистанцирование (в отличие, например, от немецкой и английской) [19. С. 69–70; 21; 29. S. 178–185].

Просьбы в речи крестьянки отражают систему ценностей носителя традиционной культуры (пища, дом, плодородная земля, здоровье, родственные связи, гармоничное общение, верования) и соотносимые с ними жизненные правила (поддержание порядка в своем хозяйстве, участие в жизни родни, следование укладу своей семьи, нравственным и отчасти религиозным нормам, традициям, бесконфликтность существования). Обращает на себя внимание широкая представленность просьб в сфере обычаев и обрядов с сакральными истоками: воспроизведение соотносимых с ними текстов способствует сохранению традиций как основы крестьянского мира.

Особо следует отметить, что обращение информанта с просьбой к собеседнику характеризуется гибким выбором разнообразных тактик и языковых средств в зависимости от типа дискурсивной сферы, коммуникативной ситуации, отношений адресанта и адресата. Выявленные тактики и их маркеры соотносимы со стратегиями вежливости и смягчения категоричности, которые, в свою очередь, можно считать частными проявлениями генеральной кооперативной стратегии речевого поведения информанта.

Эффективное речевое воздействие, по определению И.А. Стернина, предполагает достижение говорящим поставленной цели и при этом сохранение коммуникативного равновесия – нормальных отношений с участниками общения [30. С. 56]. Владение навыками такого воздействия в

спонтанной речи – свидетельство высокого уровня речевой культуры диалектной языковой личности. Очевидно, что дающие наибольший эффект приемы владения словом, поддерживающие устойчивое равновесие и комфортность сосуществования в традиционных сельских сообществах, сформировались в среде диалектоносителей в результате многовекового отбора элементов языка и выработки приоритетных речевых стратегий. Они передавались из поколения в поколение через устный канал связи по традиции. Черты такого речевого поведения длительное время сохранялись в старожильческих селах, прежде всего у представителей старшей возрастной группы.

Дальнейшее постижение сущности феномена языковой личности носителя традиционной культуры предполагает его исследование в коммуникативном аспекте, в том числе через детальный анализ системы речевых жанров диалектного дискурса.

Список источников

1. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
3. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.
4. Демешкина Т.А., Волошина С.В. и др. Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 278 с.
5. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концепт «СЕМЬЯ» в устных автобиографических рассказах жителей Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 39–68.
6. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 66–72.
7. Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикологии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 40–48.
8. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск, 2001. С. 167–174.
9. Гынгазова Л.Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности // Русский язык как средство реализации диалога культур. Хабаровск, 2005. С. 46–56.
10. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 200 с.
11. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 3. М., 2008. С. 414–427.
12. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации: Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М., 2018. С. 95–107.
13. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы VII Конгресса РОПРЯЛ, Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года. Вып. 7. СПб., 2022. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 122–126.

14. Бирюлин А.Г. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 42 с.
15. Вежбица А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 131–159.
16. Формановская Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984. № 6. С. 67–72.
17. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.
18. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
19. Которова Е.Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 65–77.
20. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие. М. : Наука, 2006. 238 с.
21. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с. <https://iknigi.net/avtor-tatyana-larina/286-kategoriya-vezhlivosti-i-stil-kommunikacii-tatyana-larina/read/page-19.html> (дата обращения: 20.08.22).
22. Ярмаркина Г.М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 149 с.
23. Словарь русских народных говоров. Т. 20. Л. : Наука, 1985. 376 с.
24. Мишланов В.А. Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов : Колледж, 2003. С. 290–302.
25. Гынгазова Л.Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.
26. В чем сила родительского благословения // Кириллица. URL: <https://cyrillitsa.ru/tradition/54368-v-chyom-sila-roditelskogo-blagosloven.html> (дата обращения: 25.08.22)
27. Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л. : Наука, 1990. 170 с.
28. Иванцова Е.В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов, 2011. С. 269–279.
29. Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart / hrsg. Von I. Ohnheiser. Innsbruck : Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996. S. 174–185.
30. Стернин И.А. Деловое общение: учеб. пособие. Воронеж : Родная речь, 2009. 184 с.

References

1. Dement'ev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow: Znak.
2. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektного vyskazyvaniya: aspekty semantiki* [Theory of Dialect Utterance: Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektной kommunikatsii* [The speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
4. Demeshkina, T.A. (ed.) (2016) *Portrety rechevykh zhanrov: raznye diskursivnye praktiki* [Portraits of Speech Genres: Different discursive practices]. Tomsk: Tomsk State University.

5. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) The concept “family” in the oral autobiographical stories of Siberians. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 27. pp. 39–68. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/27/3
6. Myznikova, Ya.V. (2014) Communicative specificities of the dialect speech genre “reminiscence story”. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 4 (28). pp. 66–72.
7. Gyngazova, L.G. (1998) Zhanr otsenki v yazyke lichnosti [Genre of evaluation in the language of personality]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Problemy leksikologii, motivologii, derivatologii* [Problems of Lexicology, Motivology, Derivatology]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40–48.
8. Gyngazova, L.G. (2001) [About the speech genre of memories (based on the material of a language of personality)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki* [Relevant Branches of Functional Linguistics]. Proceedings of the All-Russian Conference Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka [The Linguistic Situation in Russia at the End of the 20th Century]. Kemerovo. 1–3 December 1997. Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–174. (In Russian).
9. Gyngazova, L.G. (2005) Ritual'nye zhanry v yazyke dialektnoy lichnosti [Ritual genres in the language of a dialect personality]. In: *Russkiy yazyk kak sredstvo realizatsii dialoga kul'tur* [Russian Language As a Means of Realizing the Dialogue of Cultures]. Khabarovsk: KhGT. pp. 46–56.
10. Kazakova, O.A. (2007) *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect Linguistic Personality in the Genre Aspect]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
11. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2008) Stroenie i zhanrovye osobennosti dialektного текста [Structure and genre features of dialect text]. In: Kasatkin, R.L. (ed.) *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 414–427.
12. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2018) Mifologicheskii rasskaz kak zhanr dialektного monologa v sovremennoy russkoy derevne [Mythological story as a genre of dialect monologue in the modern Russian village]. In: Kalnyn', L.E. (ed.) *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. Vol. 19–20. Moscow: Institute for Slavic Studies of RAS. pp. 95–107.
13. Demeshkina, T.A. (2022) [Cultural and linguistic landscape of a cross-border region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Proceedings of the 7th ROPRYAL Congress. Vol. 7. Yekaterinburg. 6–9 October 2021. Saint Petersburg: ROPRYAL. pp. 122–126. (In Russian).
14. Biryulin, A.G. (1992) *Teoreticheskie aspekty semantiko-pragmaticheskogo opisaniya imperativnykh vyskazyvaniy v russkom yazyke* [Theoretical aspects of semantic and pragmatic description of imperative statements in the Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
15. Vezhbitska, A. (2007) Angloyazychnye stsennarii protiv “davleniya” na drugih lyudey i ikh lingvisticheskie manifestatsii [English-language scenarios against “pressure” on other people and their linguistic manifestations]. *Zhanry rechi – Speech Genres.* 5. pp. 131–159.
16. Formanovskaya, N.I. (1984) Sposoby vyrazheniya pros'by v russkom yazyke (pragmaticheskii podkhod) [Ways of expressing a request in Russian (a pragmatic approach)]. *Russkiy yazyk za rubezhom.* 6. pp. 67–72.
17. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 14. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian Speech Etiquette]. 2nd ed. Moscow: AST-PRESS.
19. Kotorova, E.G. (2016) The speech behavior pattern of “request” in Russian and German: a contrastive study. *Zhanry rechi – Speech Genres.* 1 (13). pp. 65–77. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77

20. Zemskaya, E.A. (2006) *Russkaya razgovornaya rech'*. *Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian Colloquial Speech. Linguistic analysis and problems of learning]. Moscow: Nauka.
21. Larina, T.V. (2009) *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [Category of Politeness and Style of Communication: Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. [Online] Available from: <https://iknigi.net/avtor-tatyana-larina/286-kategoriya-vezhlivosti-i-stil-kommunikatsii-tatyana-larina/read/page-19.html>. (Accessed: 20.08.22).
22. Yarmarkina, G.M. (2001) *Obydennaya ritorika: pros'ba, prikaz, predlozhenie, ubezhdenie, ugovory i sposoby ikh vyrazheniya v russkoy razgovornoy rechi* [Everyday rhetoric: request, order, suggestion, persuasion, persuasion and ways of their expression in Russian colloquial speech]. Philology Cand. Diss. Saratov.
23. Sorokoletov, F.P. (1985) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.
24. Mishlanov, V.A. (2003) Molitva kak rechevoy zhanr [Prayer as a speech genre]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and Indirect Communication]. Saratov: Kolledzh. pp. 290–302.
25. Gyngazova, L.G. (2005) Kartina mira yazykovoy lichnosti dialektonositelya: naivnaya religiya [The picture of the world of a dialect speaker's linguistic personality: naive religion]. In: *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and Society in Synchrony and Diachrony]. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 158–165.
26. Kirillitsa [Cyrillic]. (2017) V chem sila roditel'skogo blagosloveniya [What is the power of parental blessing]. *Kirillitsa* [Cyrillic]. [Online] Available from: <https://cyrillitsa.ru/tradition/54368-v-chyom-sila-roditelskogo-blagosloven.html>. (Accessed: 25.08.22).
27. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.L. (1990) *U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.
28. Ivantsova, E.V. (2011) Rechevoy zhanr potchevaniya v traditsionnoy narodnoy kul'ture [The speech genre of regaling in traditional folk culture]. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 7. pp. 269–279.
29. Rathmayr, R. (1996) Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. In: Von Ohnheiser, I. (ed.) *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. pp. 174–185.
30. Sternin, I.A. (2009) *Delovoe obshchenie* [Business Communication]. Voronezh: Rodnaya rech'.

Информация об авторе:

Иванцова Е.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Ivantsova, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2022;
одобрена после рецензирования 11.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 04.09.2022;
approved after reviewing 11.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/79/4

Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов)

Оксана Сергеевна Иссерс¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
isserso@mail.ru

Аннотация. Рассматривается конструирование дискурсивной самоидентификации россиян на примере одного из популярных развлекательных жанров Рунета – демотиваторов. Цель исследования – проанализировать конструкции русской / российской идентичности, определить их основные блоки путем анализа репрезентаций в поликодовых текстах демотиваторов. Установлено, что обязательным компонентом модели национальной самоидентификации русских в рассматриваемой дискурсивной практике является демонстрация изобретательности, смекалки, силы русской женщины, ценности родного языка. Также самосознание россиян характеризуется через иронически осмысляемые негативные идентификаторы – внешнюю суровость, недостаточно комфортабельные условия жизни, особую ментальность.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, этническая идентификация, национальная идентификация, демотиватор, интернет-дискурс, русские, дискурсивные практики

Источник финансирования: исследование проведено при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 62890805 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Иссерс О.С. Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 59–83. doi: 10.17223/19986645/79/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/4

Discursive self-identification of Russians in the game genres of the Runet (on the example of demotivators)

Oxana S. Issers¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, isserso@mail.ru

Abstract. Ethnic and national identities are one of the many possible forms of collective identity, and they have a discursive dimension as well. It is one of the main

markers of any type of identity and self-identification. It is possible to establish the representations of identity in language and speech by observing national discursive practices, as well as to reveal the features of self-reflection of native speakers in this respect. The article examines the design of the discursive self-identification of Russians on the example of one of the popular entertainment genres of the Runet – demotivators. The objective of the study is to analyze the Russian identity structures and determine their main blocks (clichés). The material was chosen according to the fact that game discourses and genres presented in them are spheres of the formation and transformation of national identity, they are less susceptible to ideological regulation than others, and therefore reflect spontaneously emerging stereotypes and attitudes of the mass consciousness of native speakers. The empirical base of the study was formed from the Internet sources through search inquiries that were aimed at various discursive identifiers (visual and verbal) associated with the problem under study: *Russian person / Russian people / every Russian / Russian woman / Russian man*; attributive ethnic characteristics, markers of territory and living conditions, as well as linguistic characteristics. The author infers that self-irony as a trait of the Russian national character is the motive for the creation of many demotivators. One can single out positive / ambivalent and negative self-identification among the topics and problems relevant to network creativity. It was found that the nationality meaning was given by a generalized ethnic identifier in the studied texts: *Russian person / Russian people*, etc., as well as indications of attributive features by key references: *only Russians ... / guess the country by the facial expression (from the photo) / this country can't be defeated*. An indispensable component of the Russian national self-identification model is the demonstration of ambivalent features – ingenuity, resourcefulness, the strength of a Russian woman, and the value of the native language. Moreover, the self-awareness of Russians is characterized by ironically interpreted negative identifiers such as external severity, insufficiently comfortable living conditions, and a special mentality. The author comes to the conclusion that the study of the peculiarities of the self-identification of Russians in discourses not regulated by the authorities allows designing the corresponding ideas in their dialectical diversity and thereby revealing the specifics of ethno-national self-awareness.

Keywords: identity, self-identification, ethnic identification, national identification, demotivator, Internet discourse, Russians, discursive practices

Financial Support: The present study was carried out with the financial support of a grant from St. Petersburg State University (Project No.62890805: Modelling the Communicative Behavior of Russian Metropolis Residents in the Social, Speech and Pragmatic Aspects Using Artificial Intelligence Methods).

For citation: Issers, O.S. (2022) Discursive self-identification of Russians in the game genres of the Runet (on the example of demotivators). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 59–83. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/4

Введение

Специалисты считают, что мы живем в мире сложных идентичностей. Постоянно находясь в состоянии изменения и трансформации, они становятся все более множественными, фрагментарными, зависимыми от контекста.

В современных гуманитарных исследованиях понятие «идентичность» представлено в таком многообразии различных концепций, что делает за-

труднительным описание всех теоретических подходов, предложенных даже за последние 20–30 лет. Тем не менее возможно выделить две методологически различающиеся группы: эссенциалистские и конструктивистские концепции идентичности [1. Р. 96]. Приверженцы первого подхода исходят из предположения, что идентичность является чем-то естественным, ее свойства и другие измерения заданы изначально и, следовательно, в значительной степени постоянны. Скептическая оценка идентичности как однородной и постоянной структуры была выражена Р. Водак и ее соавторами [2. Р. 48–49].

Сторонники конструктивистского подхода предполагают, что идентичность является главным образом конструкцией и может быть составлена из целого ряда блоков (или клише) [3. Р. 16]. С этой точки зрения идентичность – это не то, чем являются человек или группа (коллектив), а то, чем они – лицо или группа – *хотят быть* [3. Р. 16].

В качестве отправной точки исследования представляется актуальным следующее определение идентичности: «Это концепция, используемая для построения сообщества и чувства сплоченности и целостности <...> позволяющая создать впечатление, что все люди равны в данном воображаемом сообществе» [4. Р. 387]. Аналогичное определение с более выраженным акцентом на национальную идентичность содержится в [5].

Для анализа нашего материала необходимо учитывать историю концепции коллективной идентичности применительно к самосознанию жителей России, в частности ее проявления как русской национальной идентичности (относящейся к этносу) и/или российской национальной идентичности (по отношению к государству). Особенности самоидентификации россиян в разных ситуациях и контекстах требуют рассмотрения соответствующего концепта в его диалектическом взаимодействии применительно к специфике рассматриваемых дискурсов и условий их функционирования.

Многие исследователи обращают внимание на механизмы построения коллективной идентичности, отмечая, что индивидуальные и коллективные идентичности многократно перекрещиваются в личности человека [2, 6–13]. Однако в отличие от личности человека коллективные идентичности не имеют физической основы и поэтому требуют постоянного строительства внутреннего и внешнего образа группы (или коллектива) [10. Р. 132]. Группа воспринимает себя как группу только при выполнении действий по конструированию признаков групповой идентификации и их репрезентации в дискурсах. Это означает, что такие действия, а также их репрезентации являются составными элементами коллективной (национальной) идентичности.

Коллективная идентичность всегда фрагментарна: она состоит из различных блоков в зависимости от ситуации и контекста и вряд ли может стать логически завершенной, даже если именно такая целостность и завершенность являются целью конструкции идентичности.

Ввиду выбора в качестве материала исследования одного из популярных игровых жанров Рунета – демотиваторов особого внимания заслужи-

вает вопрос о возможностях контроля за построением коллективной идентичности. Это процесс, в значительной степени развивающийся независимо от индивидуальных действий и в этом сопоставимый с изменениями языка [14]. Его результаты подвергаются эффективному контролю в разной степени – в зависимости от сферы функционирования (ср., например, политическую коммуникацию и взаимодействие в социальных сетях и мессенджерах).

Существенный аспект коллективной идентичности касается вопросов власти в дискурсе и над дискурсом, точнее, вопросов о том, кто строит коллективную идентичность исходя из его / ее позиции силы и какими средствами, опираясь на какие ресурсы и для какой цели [15]. Коллективная идентичность, таким образом, является объектом борьбы между различными политическими и социальными агентами, имеющими различные ресурсы в своем арсенале, призванные определять, кто принадлежит к данной группе (или коллективу), а кто нет. Это делает идентичность инструментом создания социальной сплоченности внутри группы (коллектива) и в то же время инструментом постулирования различий между собой и другими, поскольку каждая идентичность основывается на взаимодействии «вовлечения и исключения» как важнейших социальных практик [16]. Следствиями этих практик являются отношения между «своими» и «чужими», поскольку личность всегда соотносит себя с другим / другими [2. Р. 59; 17. Р. 233]. Для нашего анализа важно иметь в виду, что коллективные идентичности основаны на процессах диссимилиации и ассимиляции как в социальных практиках, так и в дискурсивных [6. Р. 151–152].

Аспект различия в коллективной идентичности требует маркировки границ, разделяющих «свое» и «чужое». Границы могут представлять собой как «жесткие факты», например территориальные границы, так и «мягкие факты», например культурные и/или социальные границы между группами (коллективами) [18. Р. 255–256; 19. С. 51]. Естественно, что без границ нет идентичности.

Указанные выше аспекты концептуализации идентичности являются методологически значимыми для данного исследования и позволяют сфокусировать внимание на теоретических предпосылках, актуальных для описания дискурсивных конструкций национальной самоидентификации.

Под дискурсивными конструкциями идентичности мы будем понимать набор дискурсивных знаков, которые обнаруживаются в дискурсивных практиках на определенном этапе развития конкретного социума и позволяют установить тождество либо различие субъектов и объектов с другими субъектами и объектами. Дискурсивные знаки могут иметь как вербальную, так и невербальную природу, и их сочетание в поликодовом тексте может создавать различные эффекты взаимодействия, контраста и др., которые в конечном счете определяют динамику и неоднозначность интерпретации рассматриваемых конструкций.

Национальная самоидентификация и ее репрезентация в дискурсивных практиках

Национальная идентичность является одной из множества возможных форм коллективной идентичности и воспринимает себя как нацию только при совершении актов строительства идентичности и их репрезентаций [20. С. 178–180; 21. С. 121–125; 22. С. 359–363; 23. С. 122–125].

Один из основных компонентов конструкции идентичности – самоидентификация. Отнесение себя к этнической, конфессиональной, территориальной, государственной общности формирует представления о своей группе – «образ Мы».

В «образ Мы» включаются автостереотипы (представления о себе), которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представления о других), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности. Весь этот набор представлений присутствует на групповом уровне идентичности. Вопрос «кто мы?» – это вопрос о системе приоритетов и символах, способствующих осознанию общности, сплочению ее в единое целое.

Л.В. Русских определяет идентичность как «результат процесса идентификации, устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, их самоидентичность» и отмечает, что «приписывание этническим общностям определенных культурных и социальных характеристик», формирование стереотипов, «с помощью которых легче объяснять культурное своеобразие того или иного этноса, является необходимым этапом формирования идентичности» [20. С. 183]. Заметим, что это в полной мере относится и к процессу самоидентификации.

Таким образом, можно сказать, что самоидентификация, как и идентичность, – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других.

Этот подход актуален для анализа этнической / национальной идентичности жителей современной России. Понятия этнической и национальной идентичности нередко отождествляются – в силу того, что процесс национальной самоидентификации является многоуровневым и включает в том числе и этап дифференциации и классификации этносов, формирующих нацию. В отличие от национальной идентичности, как отмечают исследователи, этническая идентичность более постоянна, поскольку основана на общем происхождении и общей культуре, а не на экономических, политических и идеологических характеристиках, которые могут со временем изменяться [20. С. 180; 24. С. 20].

Философ Ю.Г. Волков, анализируя теоретические основания социальной идентичности на примере самоидентификации россиян, пришел к выводу, что российская идентичность выявляется скорее в социокультурном измерении, выборе духовных ценностей, но «амбивалентна по отношению к гражданско-правовому состоянию»: это проявляется в том, что «духовно-нравственное измерение идентичности доминирует над формально-

правовым, социальным и территориальным» [25. С. 13–22]. Российская идентичность видится автору как групповая принадлежность к истории, культуре, цивилизации, которая «дает наибольшую возможность для ощущения национального консенсуса» [25. С. 13–22].

С этим подходом согласуется мнение Л.В. Русских, которая на основании изучения проблемы российской идентичности приходит к выводу, что в сознании россиян существует противоречие двух типов идентичности, а преобладает этническая, а не национальная идентичность [20. С. 181].

В исследовании С.В. Крюковой и Е.А. Кожемякина, выполненном на материале президентских новогодних обращений к россиянам и посланий Федеральному Собранию, отмечается, что «за последние сто лет национальная идентичность россиян претерпевала фундаментальные трансформации как минимум дважды: после революции 1917 г. и после распада СССР в 1991 г. Даже за последние несколько десятилетий очевидны идентификационные изменения, которые можно наблюдать на лингвистическом уровне: в 1980-е гг. руководство страны обращалось к соотечественникам как к “советским гражданам”, в 1990-е – как к “россиянам”, сегодня – как к “российским гражданам”, “гражданам России”. В то же время для всего мира соотечественники всегда оставались “русскими”» [26. С. 2].

В нашем материале именно эти номинации (*русские, русский человек, русские люди*) являются преобладающими для самоидентификации, т.е. репрезентируют базовый идентифицирующий признак. Из рассмотренных демотиваторов лишь в единичных используются номинации *россияне, россиянин, россиянка*. С другой стороны, идентификация страны проживания и особенностей российской жизни дает основания для установления признаков национальной идентичности граждан России. В связи с этим в исследовании потенциальная двойственность идентичности жителей России, вслед за Ю.Г. Волковым, Э. Хобсбаумом и др., может быть обозначена как этнонациональная, поскольку в материале не прослеживаются четкие различия этих типов.

Этническая и национальная идентичности имеют особое дискурсивное «оформление» – это один из основных маркеров любого типа самоидентификации. Наблюдая национальные дискурсивные практики, можно установить репрезентации идентичности в языке и речи, а также выявить особенности авторефлексии носителей языка по этому поводу. Ведь представления о своем народе, его характерных чертах, культуре часто не нейтральны, они эмоционально окрашены, к ним вырабатывается определенное отношение, причем не только позитивное, как, например, чувство гордости. Это может быть в том числе и самоирония, смущение, стыд и др.

Анализ конструкций этнической и национальной идентичности предполагает изучение различных типов дискурсов (как институциональных, так и межличностных), которые специфичны по своим функциям, структурам, принадлежности к социальным практикам. В качестве источников для исследования языкового моделирования национальной идентичности используются тексты разных жанров. Однако чаще всего в поле зрения попа-

дают «серьезные» жанры, в первую очередь политического дискурса (выступления высших должностных лиц государства, пресс-конференции, интервью и др.) [26]. В качестве перспективного материала для наблюдения за конструированием идентичности можно рассматривать рекламные тексты (см., например, [27]). В последние годы в фокусе исследовательского интереса оказались также медиатексты и комментарии к ним [28, 29].

В то же время осмысление феномена национальной идентичности в «несерьезных» жанрах (анекдотах, частушках, мемах, карикатурах и т.п.) обладает особым объяснительным потенциалом, поскольку позволяет выявить структуры национального самосознания, отражающие стихийную социальную рефлексию (см., например, исследование этностереотипов в русских анекдотах [30]). Развлекательные, игровые жанры не ставят целью вскрыть причины и пути формирования национальной ментальности, они лишь показывают (явно или опосредованно) те или иные черты идентификации и самоидентификации носителей языка [31].

В качестве источника данных о национальной идентичности можно рассматривать такие малые поликодовые юмористические тексты, как демотиваторы, мемы, интернет-комиксы, являющиеся примером сетевого творчества, получившего в последние годы широкое распространение. Исследование таких жанров в аспекте репрезентации в них структур идентичности сделает картину национально-этнического самоопределения более полной. Иными словами, скажи мне, над чем ты смеешься, и я пойму, кто ты!

Игровые дискурсы и представленные в них жанры рассматриваются как репрезентативные сферы формирования и трансформации этнонациональной идентичности, они менее других подвержены идеологическому регулированию, а потому отражают стихийно складывающиеся стереотипы и установки массового сознания.

Цель, материал и методы

Цель исследования – проанализировать конструкции русской / российской идентичности в одном из развлекательных поликодовых жанров интернет-коммуникации – демотиваторах, определить их основные блоки (клише) путем анализа репрезентаций в поликодовых текстах демотиваторов.

Демотиваторы представляют собой поликодовые тексты, сочетающие обязательные элементы – как вербальный, так и визуальный (последний может иметь также вербальный характер, например фото объявления). Классический демотиватор «включает в себя три основных элемента: изображение в рамке на чёрном фоне, выступающее иллюстрацией; лозунг, набранный крупным шрифтом и представляющий тему демотиватора; более мелкую расшифровывающую надпись, которая объясняет идею демотиватора и одновременно вносит элемент иронии через противоречие всех трёх элементов» [32. С. 102–103] (рис. 1).

Рис. 1. Структура демотиватора

Как было указано во Введении, в конструктивистских концепциях исходят из того, что идентичность динамична, фрагментарна и может быть составлена из целого ряда клише (блоков). В рамках когнитивного подхода этнонациональную идентификацию можно рассматривать как структуру, включающую существенные для группового сознания идентификаторы, устанавливающие тождество или различие с кем-либо / чем-либо [33]. Семантическое наполнение выделенных единиц определяется исходя из характера рассматриваемых текстов (вербального или поликодового), сложившихся дискурсивных практик и дискурса в целом. Дискурсивная идентификация может быть осуществлена различными методами: за счет выявления ряда идентифицирующих признаков, путем анализа нарративов, а также через выявление субъектной позиции в дискурсе [34–37]. Дискурсивные практики репрезентации «своих» и «чужих» могут быть описаны и через стратегии их конструирования [38]. Для анализа нашего материала целесообразным представляется «признаковый» подход, суть которого заключается в выявлении конструирующих идентичность значимых признаков, каждый из которых получает «узнаваемую форму в соответствии с именем или мандатом, принимаемым субъектом и/или налагаемым на него» [34. С.109]. Маркерами идентичности в этом аналитическом подходе выступают тематические доминанты. Данная методика, в основе которой лежит выделение тематических доминант репрезентации идентичности, продуктивно используется при исследовании этнической, национальной, межкультурной и других видов идентичности в различных типах дискурсов [28, 29, 35]. Она позволяет выявить на репрезентативном материале основные идентифицирующие признаки, актуальные для рассматриваемого объекта в конкретных дискурсивных практиках. Не исключено, что в других дискурсивных формациях объект может идентифицироваться по другим показателям.

В соответствии с задачами и предметом нашего исследования к числу значимых идентифицирующих признаков можно отнести внешние признаки (поведенческие, в том числе физиономические), условия проживания и

быта, а также внутренние (личностные) признаки, в число которых входит и ментальность.

Исходя из этой гипотезы материал исследования был извлечен из нескольких интернет-источников путем направленной выборки. В качестве репрезентативных для сбора материала рассматривались те сайты и платформы с демотиваторами, тематика которых соответствовала задачам исследования – проблеме самоидентификации россиян, т.е. в фокусе внимания были «демотиваторы про русских» (<https://kaifolog.ru/demotivatory/6878-demotivatory-pro-russkih-279-45-foto.html>; <https://kaifolog.ru/demotivatory/5609-chisto-russkie-demotivatory-203-45-demotivatorov.html>; <https://demotivatorium.ru/demotivators/tags/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F/>; <https://demotos.ru/russkie-demotivatory> и др.). Представленные на сайтах коллекции включают более 800 демотиваторов указанной тематики. Это количество не является конечным, поскольку пользователи Интернета располагают «конструктором демотиваторов», который позволяет генерировать все новые поликодовые тексты. Для формирования эмпирической базы исследования необходимо было отобрать в первую очередь те примеры, в которых идентифицирующие признаки были эксплицированы, причем наиболее убедительно.

Поисковые запросы были сформированы так, чтобы выявить различные дискурсивные идентификаторы (визуальные и вербальные), ассоциируемые с исследуемой группой:

1) обобщенный (базовый) этнический идентификатор: *русский человек / русские люди / каждый русский / наши люди / русская женщина / русский мужчина*;

2) атрибутивные этнонациональные признаки: *только русские... / угадай страну по выражению лица / эту страну не победить*;

3) идентификаторы территории и условий проживания: *угадай страну по фотографии / по картинке*;

4) языковые признаки (*«великий и могучий русский язык»*);

Некоторые коллекции демотиваторов включают другие идентифицирующие маркеры, которые не содержат указанных лексем и словосочетаний, однако имплицитно идентифицируют русских (например, *мужик, баба, Министерство образования* – имеется в виду РФ). Однако для целей нашего исследования были отобраны те идентификаторы, которые являются «ядерными» для рассматриваемой дискурсивной практики. Общее количество анализируемого материала – более 300 поликодовых текстов. Они были отобраны путем отсева полностью тождественных примеров, представленных в коллекциях различных сетевых ресурсов (не менее 30% демотиваторов повторяются), а также тех образцов, в которых варьируется визуальный либо вербальный компонент. Например, текст «Угадай страну по фотографии / картинке» может сопровождаться различными фотографиями – с изображением аварийного состояния российских дорог, иронически оцениваемых условий проживания (фото улиц, домов, детских площадок и др.) и т.п. В материале с этой целью для анализа было достаточно

использовать несколько примеров, репрезентирующих конкретный идентифицирующий признак. С другой стороны, инвариантная семантика обнаруживается и в вербальном компоненте демотиваторов. Так, изобретательность русских как идентификатор актуализирована не только в серии «Как тебе такое, Илон Маск?», но и в других – «Только русские...», «Русский тюнинг, бессмысленный и беспощадный», «Эту страну не победить» и т.д. Для представительной выборки важно было включить в эмпирическую базу те образцы, которые демонстрируют один и тот же идентифицирующий признак, но различаются по вербальному компоненту.

Количественная оценка частотности тех или иных идентифицирующих признаков, актуализированных в демотиваторах о русских, представляется проблематичной в силу того, что во многих случаях в конструировании самоидентификации участвуют иронически осмысляемые амбивалентные признаки (например, изобретательность и разгильдяйство). В то же время можно отметить, что наибольшая частотность зафиксирована по поисковым запросам с базовым этническим идентификатором (*русский человек, русские, только русские* и др.) – около 40% выборки. Менее 30 % примеров получено по запросу 2, нацеленному на выявление атрибутивных этнонациональных признаков. Остальные запросы (в том числе и с косвенно идентифицирующими русскую идентичность маркерами) представлены в выборке приблизительно 30% примеров.

Разумеется, список запросов, которые позволяют собрать репрезентативный материал, является открытым – возможны иные формулировки, которые дадут возможность выявления не представленных в нашем материале идентифицирующих признаков. Дискурсивная конструкция всегда предполагает сеть множественных идентификаций.

После формирования эмпирической базы исследования была выполнена тематическая классификация, на основании которой были сгруппированы примеры, где одинаковое семантическое наполнение различалось лишь визуальной составляющей либо вариацией текстовой части. В результате установлено, что конструкцию самоидентификации в рассматриваемой дискурсивной практике Рунета формируют несколько тематических направлений, которые актуализированы в многочисленных контекстах. Для иллюстрации каждого из них были выбраны от одного до трех наиболее показательных примеров. Описание строится с учетом взаимоотношений вербального и визуального компонентов демотиватора, что позволяет выявить потенциал иронического осмысления тех или иных особенностей дискурсивной самоидентификации россиян через призму рассматриваемой дискурсивной практики.

Результаты и обсуждение

Самоирония и самокритика как черты русского национального характера являются мотивом для создания многих произведений комических жанров, в том числе анекдотов, частушек, мемов, демотиваторов и т.п. Но по-

добная «дискредитация идентичности» встречается не только в них. Основываясь на анализе комментариев к медиатекстам, Т.Л. Каминская отмечает, что дискредитация идентичности регулярно встречается в данной дискурсивной практике и выражается при помощи лексики с отрицательным значением, риторических вопросов и восклицаний, иронии, сравнения, игры слов [29. С. 13].

Среди тем и проблем, актуальных для сетевого творчества, можно выделить позитивную / амбивалентную и негативную самоидентификацию. В первом случае акцент делается на адаптивности русского человека и «компенсаторных» возможностях иронического осмысления проблемной ситуации. В иных случаях внимание сфокусировано на проблемах, которые связаны с русским / российским безразличием к условиям своего существования, безответственностью, разгильдяйством, «пофигизмом» и др.

Позитивная и негативная самоидентификация

Популярная тема юмористического (и не только сетевого) творчества о России и русских – это анекдоты, житейские истории, байки, посвящённые изобретательности русского человека, его умению найти выход в любой ситуации – адаптивности в широком смысле. Эта тема не менее актуальна и для жанра демотиваторов (рис. 2, а, б). Взаимоотношения вербального и визуального компонентов обнаруживают разные соотношения. Так, на рис. 2, а наблюдается контраст между пафосом вербальной части поликодового текста и абсурдностью визуального компонента, на чем и строится комический эффект. На рис. 2, б базовый идентификатор *русский* применительно к слову *тюнинг* (‘техническое усовершенствование внешнего или внутреннего оборудования автомобиля’) создает эффект ожидания какого-то специфического решения. Его демонстрирует изображение автомобиля с картонкой («Russian winter картонка») в качестве утеплителя двигателя. Расшифровывающая надпись, основанная на отсылке к прецедентному тексту А.С. Пушкина (*бессмысленный и беспощадный*), объясняет идею демотиватора и вносит элемент иронии через противоречие всех трёх элементов.

Примером русской изобретательности в интернет-среде является получившая широкое распространение в Рунете серия мемов «Как тебе такое, Илон Маск?» (они есть и в англоязычных версиях в Интернете). Мем появился после запуска в космос американским миллионером-изобретателем электрокара Tesla – как юмористическая попытка составить этому событию конкуренцию. Прототипом фразы стал твит популярного блогера под ником Сталингулаг, который в октябре 2017 г. опубликовал скрин новости о том, что ученые из Новосибирска научились коптить селедку в коллайдере. Текст заканчивался вопросом: «Как ты на это ответишь, Илон Маск?».

Мемы этой серии строятся на «отстройке» от реального изобретения Илона Маска через демонстрацию так называемых русских «лайфхаков» разной степени абсурдности (рис. 3).

Рис. 2. Русская изобретательность

Рис. 3. Наш ответ Илону Маску

«Признаковый» метод идентификации возможен не только через утверждение, но и через отрицание признака – «самоконституция от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженная в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителей» [35. С. 271]. Примеры негативной самоидентификации, высмеивающие разгильдяйство, безответственность, пренебрежение к условиям собственного существования и безопасности, обнаруживаются в нескольких ключевых темах демотиваторов: 1) условия жизни; 2) российские дороги; 3) ненавязчивый сервис.

Один из самых популярных объектов самокритики – городская среда, условия жизни, состояние дорог и дорожные знаки. Негативная оценка условий собственного существования транслируется в традиционных для русских демотиваторов форматах «Угадай страну по фотографии», «Умом Россию не понять», «Эту страну никому не победить» с импликацией алогичности, хаоса, а иногда и невозможных условий жизни россиян (рис. 4, а, б). В этой серии ирония формируется за счет несоответствия нейтральной оценочности вербального компонента демотиватора и экспрессии визуального образа. По сути, мы имеем запрос об идентифицирующем признаке (*угадай страну*) либо патриотическое утверждение, содержащее признак национальной идентификации (*Эту страну никому не победить*). Ответ (подтверждение либо отрицание) содержится в визуальном образе. Та-

ким образом, оценочный иронический смысл возникает за счет контраста вербального и визуального компонентов. В этом смысле демотиватор реализует традиционную для юмористического текста структуру: вначале задается некоторая ситуация, контекст, затем рассказывается история, похожая на задачу, имеющую несколько решений, а в последней фразе предлагается нестандартное, юмористическое решение данной задачи. Эта фраза и содержит в себе соль анекдота, его «пуанту» [30. С. 27]. В демотиваторах функцию контекста выполняет тема демотиватора, а визуальный компонент выполняет функцию «нарратива» и дает ключ к интерпретации.

Рис. 4. Условия жизни как компонент самоидентификации

Путь и дорога – не только ключевые концепты русского национального сознания, но и яркий идентифицирующий признак русской жизни. Типичные тексты демотиваторов на эту тему: «Иностранцам не дано понять российских дорог». «Для тех, кто хочет завоевать Россию. Вы сначала до нас доедьте». «Русские дорожные знаки, бессмысленные и беспощадные» (рис. 5, а, б). Дискредитация идентичности в данной тематической группе в большинстве случаев осуществляется за счет визуального компонента, но может также поддерживаться расшифровывающей стандартной надписью-цитатой «бессмысленные и беспощадные», содержащей пейоративную оценку.

Обязательный объект саморефлексии в жанре демотиваторов – «ненавязчивый русский сервис», который так же, как и российские дороги, свидетельствует об адаптации русских к некомфортным условиям существования (рис. 6, а–в). Пренебрежение русского человека к комфорту, привычка к бытовым трудностям отмечаются во многих исследованиях русской ментальности как национальная черта. Так же, как и в рассмотренных выше тематических группах, самоидентификация строится на основе запроса на установление идентифицирующего признака и ответа на него через иллюстрацию – демонстрацию какой-то абсурдной ситуации.

а

б

Рис. 5. Дороги России в контексте национальной самоидентификации

а

б

в

Рис. 6. Сервис в России как идентифицирующий признак

Атрибутивные признаки

В качестве отдельного признака этнонациональной самоидентификации можно рассматривать образы русских женщин (заметим, что мужчины, как правило, не идентифицируются в демотиваторах по признаку «русскости»). В данном случае мы можем говорить о множественной идентификации – не только этнонациональной, но и гендерной, которые совмещаются в рассматриваемом материале. Русские женщины чаще всего обозначаются как «суровые». Эта характеристика соответствует семантике «сильная (во всех смыслах) женщина», выполняющая «мужские» обязанности, способная за себя постоять (рис. 7, а–в). Контрапункт подобных демотиваторов возникает во многих случаях за счет контраста в одном поликодовом тексте визуальных образов симпатичных женщин славянской внешности и семантического наполнения вербального компонента (*коня на скаку оставит, надежный тыл* и т.п.).

Суровость русских подчеркивается не только в устойчивом словосочетании «суровые русские женщины», но поддерживается и визуальным ко-

дом – изображением русских людей. Внимание акцентируется на внешних признаках: русские не улыбаются, суровы (рис. 8).

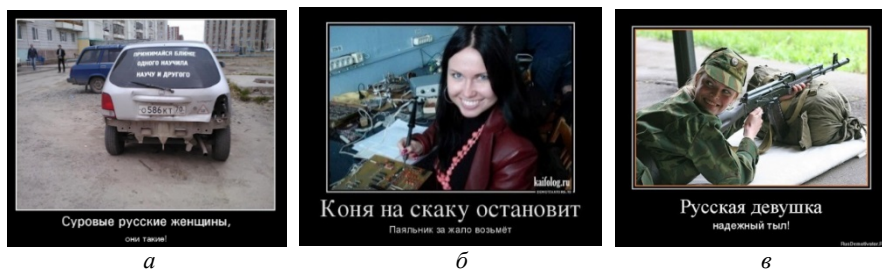

Рис. 7. Образ русской женщины как компонент этнонациональной самоидентификации

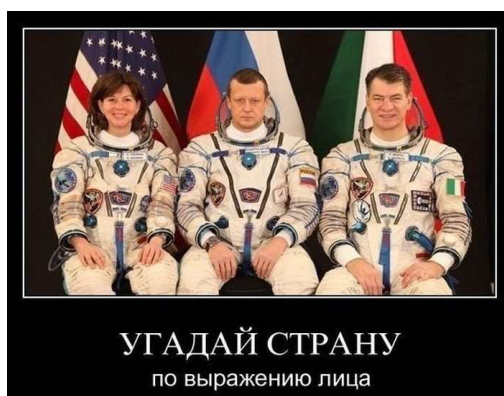

Рис. 8. Внешние идентифицирующие признаки: неулыбчивость

Однако, несмотря на внешнюю серьезность и даже суровость, в числе черт характера русских присутствует чувство юмора – об этом можно судить по демотиваторам, отмечающим комическое в обыденной жизни россиян (рис. 9).

Русские люди любят шутить, в том числе и про политику – традиции юмора на политические темы сложились в «доцифровую» эпоху и активно поддерживаются в интернет-коммуникации. Столкновение в одном поликодовом тексте нешуточного контекста (*русские санкции*) с поддержкой визуального ряда – озадаченных и огорченных лиц известных политических деятелей США – вступает в противоречие с возможными «тяжелыми» последствиями этих санкций для представленных персон: Б. Обамы (*Не побываю в Усть-Ижевске*), его жены (*мои дети не смогут учиться в Калуге*) и т.д.

Комический эффект строится на контрасте драматической международной ситуации и ее юмористического осмысления в комментариях к образам политиков (рис. 10).

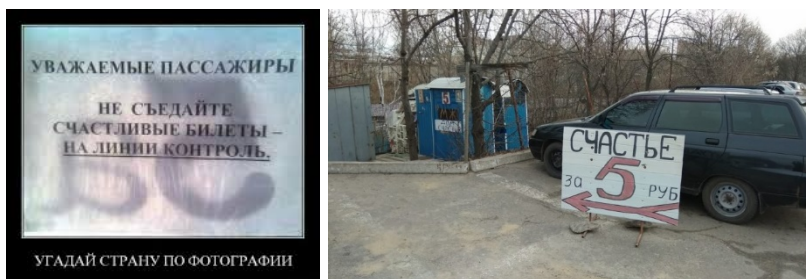

Рис. 9. Русским присуще чувство юмора

Рис. 10. Русские любят шутить на политические темы

Русские готовы шутить и про собственный патриотизм, в том числе и с опорой на русских классиков: «Когда в России начинают говорить о патриотизме, знай: где-то что-то украли (М.Е. Салтыков-Щедрин)» (рис. 11, а). В качестве проявления патриотизма русских и отстройки от «других» рассматривается и пренебрежение к элементарным удобствам жизни, о чем упоминалось выше в связи с «ненавязчивым сервисом» (рис. 11, б).

Анализ материала позволяет сделать выводы о том, какие черты характера определяют русскую ментальность.

Эти идентификационные признаки можно назвать амбивалентными, поскольку в различных ситуациях они могут быть оценены как позитивно, так и негативно.

1. Русские – не слишком работающие (на службе), но в то же время активно занимаются физическим трудом, если это касается личных потребностей, например на даче (рис. 12).

2. Русских отличает своеобразный «прагматизм», специфическое отношение к установлениям, правилам, регламентирующим поведение; они

недисциплинированы и не думают о безопасности, полагаются «на авось» (рис. 13).

Рис. 11. «Патриотическая» тема в самоидентифицирующих шутках

Рис. 12. Демотиваторы про трудолюбие русских

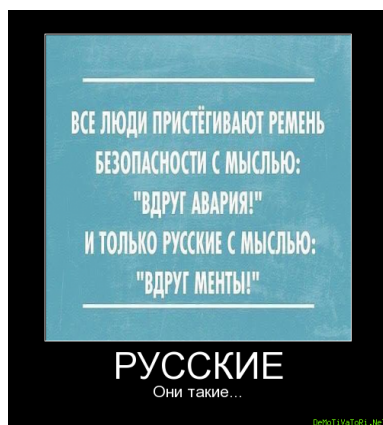

Рис. 13. Прагматизм по-русски

3. В России нет четких границ между институциональным и межличностным общением, что является отличительной чертой национального коммуникативного стиля. Это можно наблюдать по тому, как неформально в стране общаются с покупателями, клиентами («деформализация»), какого типа сообщения размещаются в сфере институциональной коммуникации (рис. 14).

Рис. 14. Примета национального коммуникативного стиля:
общение с клиентами / покупателями

4. Русские злоупотребляют спиртным. Тема выпивки может быть репрезентирована через языковой код: *Только русский человек знает, какой глагол объединяет дрова, хлам, стельку и жопу*¹ (рис. 15). В данном случае вербальный компонент демотиватора оформлен в жанре лингвистической задачи-загадки и имплицитно указывает на сферу функционирования данных устойчивых выражений, а визуальный образ помогает ее решению.

5. Отдельный идентифицирующий признак – национальный язык. Для развлекательного сетевого дискурса ключевой является тургеневская цитата про «великий и могучий русский язык». Шутки не ограничиваются иронией по поводу графики и лексики (рис. 16, а). Так, в демотиваторе (рис. 16, б) обыгрываются прямое и переносное значение идиомы.

Рис. 15. Злоупотребление спиртными напитками
как идентифицирующий признак

¹ Имплицируются известные устойчивые выражения с глаголом *напиться*, означающие употребление спиртного: *напиться в дрова, в хлам, в стельку, в жопу*.

Рис. 16. «Великий и могучий русский язык»
в аспекте юмористической самоидентификации

Наиболее яркой приметой национального языка и коммуникации, без чего трудно представить разговор «по-русски», его носители считают русский мат. Знание нецензурной лексики всеми носителями языка не подвергается сомнению, что имплицитно подтверждается содержанием демотиватора на рис. 17.

Отметим существенную дискурсивную особенность всех рассмотренных тематических групп, имеющих отношение к самоидентификации: в них активно используются прецедентные тексты, среди которых самый популярный прием – трансформация пушкинской цитаты про русский бунт: *Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка).

В качестве признака русскости вместо слова «бунт» называют *русский тюнинг, спорт, маркетинг, бизнес, патриотизм, дизайн, автопром, гламур, сервис* и др. (рис. 18, а, б). Заметим, что само появление маркера *русский* (реже – *отечественный*) в сочетании с какими-либо номинациями объектов в контексте дискурсивной практики демотиваторов уже само по себе имплицитно ироническое осмысление визуального образа.

Рис. 17. Специфика использования русскими языкового кода

Рис. 18. Варьирование прецедентного текста

Выводы

Таким образом, дискурсивные практики развлекательного Рунета являются ценным источником для изучения процессов формирования представлений об этнонациональной идентичности. Демотиваторы позволяют реконструировать МЫ-образ россиян по основному этническому идентификатору – «русские».

Анализ показал, что наделение значениями этнонациональной принадлежности осуществлялось в исследуемых текстах с помощью определенных номинаций через обобщенный этнический идентификатор: *русский человек / русские люди* и др. Данный идентификатор выступает в поликодовых текстах демотиваторов как базовый, на основе которого устанавливаются наиболее яркие, маркирующие объект признаки и разворачивается «дискурсивная конкуренция» за присвоение оценочных смыслов. Указания на атрибутивные признаки осуществляются посредством ключевых отсылок: *только русские... / угадай страну по выражению лица / эту страну не победить*.

Смысловое развитие базовой идентификации происходит по нескольким тематическим направлениям. Компонентами дискурсивной конструкции этнонациональной самоидентификации русских, репрезентированной в рассматриваемых текстах, является демонстрация амбивалентных признаков – изобретательности, смекалки, силы русской женщины, ценности родного языка. В конструировании самоидентификации также участвуют иронически осмысляемые негативные идентификаторы – внешняя суровость, условия жизни («угадай страну по фотографии»), ментальность.

Специфической особенностью демотиваторов является их поликодовый характер. Наличие вербального и визуального компонентов, которые могут вступать в отношения контраста и взаимодополнения, формирует потенциал иронического осмысления идентифицирующих признаков, репрезентированных в рассматриваемом материале.

Изучение особенностей самоидентификации россиян в не регулируемых властными структурами дискурсах позволяет реконструировать соот-

ветствующие представления народа в их диалектическом разнообразии применительно к специфике этнонационального самосознания на конкретном хронологическом срезе.

Список источников

1. *Lutter Ch., Reisenleitner M.* Cultural Studies. Eine Einführung. 3-rd ed. Wien : Turia – Kant, 2001. 158 p.
2. *Wodak R., Cillia R., Reisigl M. etc.* Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1998. 567 p.
3. *Krossa A.S.* Kollektive Identitäten in Ostmitteleuropa: Polen, Tschechien und Ungarn und die Integration der Europäischen Union. Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2005. 240 p.
4. *Stråth Bo.* A European Identity. To the Historical Limits of a Concept // *European Journal of Social Theory*. 2002. № 5 (4). P. 387–401.
5. *Barker Ch.* National identity // *Sage Dictionary of Cultural Studies*. 1st ed. London : Sage. 2004. URL: https://search.credoreference.com/content/entry/sageukcult/national_identity/0
6. *Cillia R., Reisigl M., Wodak R.* The discursive construction of national identities // *Discourse & Society*. 1999. № 10 (2). P. 149–173.
7. *Berghold J., Menasse E., Ottomeyer K.* Einleitung // *Trennlinien. Imagination des Fremden und Konstruktion des Eigenen*. Klagenfurt/Celovec : Drava, 2000. 272 p.
8. *Лебедева Н.М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // *Идентичность и толерантность* / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002. С. 10–34.
9. *Стефаненко Т.Г.* Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // *Идентичность и толерантность* / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002. С. 35–48.
10. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. 7th ed. München : Beck, 2013. 344 p.
11. *Alekseev V.V.* The Russian Idea // *Russian Social Science Review*. 2015. № 56 (3). P. 2–17. doi: 10.1080/10611428.2015.1070624
12. *McCrone D., Bechhofer F.* Understanding national identity. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. URL: <https://permalink.obvsg.at/AC12305788>
13. *Slobodchikoff M.* Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity // *Сравнительная политика*. 2017. № 8 (2). С. 19–36.
14. *Keller R.* On Language change. The invisible hand in language. London : Routledge, 1994. URL: <https://permalink.obvsg.at/AC01249217>
15. *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Директ-Медиа, 2014. 134 с.
16. *Humphrey C.* Inequality and exclusion. A Russian case study of emotion in politics // *Anthropological Theory*. 2001. № 1 (3). P. 331–353.
17. *Massey D., Jess P.* Places and cultures in an uneven world // *A Place in the World? Places, Cultures and Globalization*. Oxford ; Milton Caynes : Oxford University Press – The Open University, 1995. P. 215–239.
18. *Eder K.* Europe's Borders. The Narrative Construction of the Boundaries of Europe // *European Journal of Social Theory*. 2006. № 9 (2). P. 255–271.
19. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., испр. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 457 с.
20. *Русских Л.В.* Идентичность: культурная, этническая, национальная // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2013. Т. 13. № 2. С. 178–180.

21. Ланно М.А. Дискурс идентичности и национальное самосознание («русский европеец» Андрей Тарковский) // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 121–125.
22. Ланно М.А. Национально-культурная самоидентификация В.Я. Проппа в автобиографическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). С. 359–363.
23. Каргаполов Е.П. Русская национальная идентичность: вопросы теории // Евразийский союз ученых. 2015. № 7 (16). С. 122–125.
24. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетея, 1998. 310 с.
25. Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 13–22.
26. Крюкова С.В., Кожмякин Е.А. Языковое моделирование национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале новогодних обращений президента РФ и посланий В.В. Путина к Федеральному Собранию) // Современный дискурс-анализ. 2020. Вып. 20. Т. 1. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada20_1/st140.shtml
27. Хоффманн Э. Коммерческая реклама и национальная идентичность // Корпоративная коммуникация в России: Дискурсивный анализ / отв. ред. Т.А. Мелехина, Р. Ратмайр. М., 2017. С. 373–391.
28. Асташкина П.Г. Феномен идентичности в современном филологическом знании и перспективы медиалингвистики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 4 (79). С. 40–47.
29. Каминская Т.Л. Идентичность медиа адресата: способы выражения в комментариях // Стилистика сегодня и завтра : материалы международной научной конференции. М., 2016. С. 249–250.
30. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
31. Степанова А.С. Русская национальная идентичность (на материале демотиваторов и мемов) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 96–100.
32. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 262 с.
33. Матузкова Е.П. Проблематика идентичности в когнитивно-дискурсивной парадигме // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи. 2012. С. 228–235.
34. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художественный журнал, 1999. 236 с.
35. Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
36. Рикер П. Я-сам как другой: пер. с фр. М. : Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с. (Французская философия XX века).
37. Енина Л.В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159–167.
38. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации / под науч. рук. Л.В. Куликовой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 182 с.

References

1. Lutter, Ch. & Reisenleitner, M. (2001) *Cultural Studies. Eine Einführung*. 3rd ed. Wien: Turia – Kant.
2. Wodak, R. et al. (1998) *Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

3. Krossa, A.S. (2005) *Kollektive Identitäten in Ostmitteleuropa: Polen, Tschechien und Ungarn und die Integration der Europäischen Union*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin.
4. Stråth, Bo. (2002) A European Identity. To the Historical Limits of a Concept. *European Journal of Social Theory*. 5 (4). pp. 387–401. DOI: 10.1177/13684310276051396
5. Barker, Ch. (2004) National identity. In: *Sage Dictionary of Cultural Studies*. 1st ed. London: Sage. [Online] Available from: https://search.credoreference.com/content/entry/sageukcult/nati-onal_identity/0.
6. Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The discursive construction of national identities. *Discourse & Society*. 10 (2). pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002
7. Berghold, J., Menasse, E. & Ottomeyer, K. (2000) Einleitung. In: Berghold, J., Menasse, E. & Ottomeyer, K. (eds) *Trennlinien. Imagination des Fremden und Konstruktion des Eigenen*. Klagenfurt/Celovec: Drava.
8. Lebedeva, N.M. (2002) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya etnicheskoy identichnosti i tolerantnosti v polikul'turnykh regionakh Rossii i SNG [Theoretical and methodological foundations of the study of ethnic identity and tolerance in multicultural regions of Russia and the CIS]. In: Lebedeva, N.M. (ed.) *Identichnost' i tolerantnost' [Identity and tolerance]*. Moscow: The Institute of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 10–34.
9. Stefanenko, T.G. (2002) Individual'nye strategii konstruirovaniya etnicheskoy identichnosti [Individual strategies for constructing ethnic identity]. In: Lebedeva, N.M. (ed.) *Identichnost' i tolerantnost' [Identity and tolerance]*. Moscow: The Institute of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 35–48.
10. Assmann, J. (2013) *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. 7th ed. München: Beck.
11. Alekseev, V.V. (2015) The Russian Idea. *Russian Social Science Review*. 56 (3). pp. 2–17. DOI: 10.1080/10611428.2015.1070624.
12. McCrone, D. & Bechhofer, F. (2015) *Understanding National Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. [Online] Available from: <https://permalink.obvsg.at/AC12305788>.
13. Slobodchikoff, M. & Douglas, D.G. (2017) Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 8 (2). pp. 19–36. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-19-36
14. Keller, R. (1994) *On Language Change. The invisible hand in language*. London: Routledge. [Online] Available from: <https://permalink.obvsg.at/AC01249217>.
15. Chernyavskaya, V.E. (2014) *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of speech influence]*. Moscow: Direkt-Media.
16. Humphrey, C. (2001) Inequality and exclusion. A Russian case study of emotion in politics. *Anthropological Theory*. 1 (3). pp. 331–353.
17. Massey, D. & Jess, P. (1995) Places and cultures in an uneven world. In: Massey, D. & Jess, P. (eds) *A Place in the World? Places, Cultures and Globalization*. Oxford; Milton Caynes: Oxford University Press – The Open University. pp. 215–239.
18. Eder, K. (2006) Europe's B orders. The Narrative Construction of the Boundaries of Europe. *European Journal of Social Theory*. 9 (2). pp. 255–271.
19. Gerd, A.S. (2005) *Vvedenie v etnolingvistiku [Introduction to Ethnolinguistics]*. 2nd ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
20. Russkikh, L.V. (2013) Identity: cultural, ethnic, national. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. 2 (13). pp. 178–180. (In Russian).

21. Lappo, M.A. (2014) Identity discourse and national identity ("a Russian European" Andrei Tarkovsky). *Lingvokul'turologiya*. 8. pp. 121–125. (In Russian).
22. Lappo, M.A. (2018) V.Ya. Propp's national and cultural self-identification in autobiographical discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 8–2 (86). pp. 359–363. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-2.31
23. Kargaplov, E.P. (2015) Russkaya natsional'naya identichnost': voprosy teorii [Russian national identity: questions of theory]. *Evrasiyskiy soyuz uchenykh – Eurasian Union of Scientists*. 7–3 (16). pp. 122–125.
24. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780]. Translated from English. Saint Petersburg: Aleteyya.
25. Volkov, Yu.G. (2006) Russian identity: specifics of making and appearance. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 13–22. (In Russian).
26. Kryukova, S.V. & Kozhemyakin, E.A. (2020) Language modelling of national identity in Political media discourse (cases of Presidential New Year TV addresses and Appeals to the Federal Assemble). *Sovremennyy diskurs-analiz*. 20 (1). [Online] Available from: http://www.discourseanalysis.org/ada20_1/st140.shtml. (In Russian).
27. Hoffmann, E. (2017) Kommercheskaya reklama i natsional'naya identichnost' [Commercial advertising and national identity]. In: Melekhina, T.A. & Rathmayr, R. (eds) *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii. Diskursivnyy analiz* [Corporate Communication in Russia. Discursive analysis]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 373–391.
28. Astashkina, P.G. (2017) The phenomenon of identity in modern philology and prospects of media linguistics. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 4 (79). pp. 40–47. (In Russian). DOI: 10.23859/1994-0637-2017-4-79-6
29. Kaminskaya, T.L. (2016) [Identity of the media addressee: ways of expression in comments]. *Stilistika segodnya i zavtra* [Stylistics Today and Tomorrow]. Proceedings of the 4th International Conference. Moscow. 28–30 April 2016. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 249–250.
30. Shmeleva, E.Ya. & Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy anekdot: Tekst i rechevoy zhanr* [Russian Anecdote: Text and speech genre]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
31. Stepanova, A.S. (2021) Russian National Identity (on the Example of Demotivators and Memes). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 1 (30). pp. 96–100. (In Russian). DOI: 10.36809/2309-9380-2021-30-96-100
32. Issers, O.S. (2015) *Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [Discursive Practices of Our Time]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
33. Matuzkova, E.P. (2012) Problematika identichnosti v kognitivno-diskursivnoy paradigme [Problematics of identity in the cognitive-discursive paradigm]. In: *Lingvistika XXI stolit'ya: novi doslidlzhennya i perspektivi* [Linguistics of the 21st Century: New research and prospects]. Kyiv: Logos. pp. 228–235.
34. Žizek, S. (1999) *Vozvyshennyy ob'ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Translated from Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal.
35. Gudkov, L. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Ricoeur, P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as Another]. Translated from French. Moscow: Izd-vo humanitarnoy literatury.
37. Enina, L.V. (2016) Identity as a discursive concept and discursive identification mechanisms. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 6 (60). pp. 159–167. (In Russian).
38. Kulikova, L.V. (ed.) (2015) *Diskursivnye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii* [Discursive Practices of Modern Institutional Communication]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.

Информация об авторе:

Иссерс О.С. – д-р филол. наук, декан факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: isserso@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.S. Issers, Dr. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Philology and Media Communications, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: isserso@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2021;
одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 20.08.2021;
approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья
УДК 81.367
doi: 10.17223/19986645/79/5

Семантика составного именного сказуемого с позиционными связками (сопоставительный аспект)

Ирина Михайловна Некрасова¹

¹ *Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, nekrasova142008@yandex.ru*

Аннотация. Глаголы с семантикой позиции, положения в пространстве, способные выполнять связочную функцию в сочетании со страдательным причастием, рассматриваются в статье с точки зрения аспектного преобразования именного сказуемого. Предметом исследования являются пассив и «пассивообразные» формы. Семантический анализ выполнен на материале корпусных данных, в сопоставлении с английским и немецким языками. Дана характеристика «двойной семантики» позиционных связок; установлены лексико-семантические группы причастий, с которыми они взаимодействуют; выявлены случаи грамматикализации, как специфичные, так и изоморфные для рассматриваемых языков.

Ключевые слова: позиционные связки, именная часть, страдательное причастие, аспектное преобразование, «двойная семантика», пассив, языковой корпус

Для цитирования: Некрасова И.М. Семантика составного именного сказуемого с позиционными связками (сопоставительный аспект) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 84–108. doi: 10.17223/19986645/79/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/5

The semantics of the nominal predicate with positional copula verbs (a contrastive aspect)

Irina M. Nekrasova¹

¹ *Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation,
nekrasova142008@yandex.ru*

Abstract. Positional copula verbs denote the location of an object or person; they remain little-studied in comparison with other semi-copulars. If included into the group of semi-copular verbs, they can be classified differently: as state-of-existence or aspect copulars, denoting the semantics of continuation, due to the original meaning of “stand”, “lie”, “sit” as full verbs. Their ability to be followed by a subject comple-

ment is limited, as a rule, to an adjective. The article presents the results of the semantic analysis of the structure “stand / lie / sit + past participle” as a regular aspect modification of *be*-clause. The aim of the investigation is to specify and interpret the semantics of the abstract (surface) structure as passive or “quasi-passive” and to determine what participles can form the concerned type of the predicate. The research is performed on the basis of text-corpus data presented in the Russian National Corpus, along with the contrastive analysis applied to the results of preceding studies in English and German. The copulative function of the positional verbs can be proved by means of their substitution for the copula *be*. The semantic analysis, which includes the level of the thematic relations (participants of the situation) and the reference, brings to light the so-called “double” semantics of the semi-copulars: the abstract meaning of the true copula “be” (identifying the state) blends with their primary lexical meaning (position /location). The first actant is always a patient; the transformation method is used to differentiate between the passive construction and the “quasi-passive”, the latter having three varieties: (1) stative, or general state of existence; (2) subjective resultative denoting the state of the subject as a result of his/her own action; (3) the clause with an adjective as a complement. The reconstruction of the original active sentence helps to reveal the pivotal feature of passive semantics, namely the presence of the “hidden” referent (an agent or an effector). The study focused on the analysis of structures with passive semantics, which is mainly influenced by the lexical meaning of the subject complement. Several semantic groups of the past participle tending to interact with positional copula verbs are established: those which are neutral specify the location of persons /things or show the result of a natural routine action; the others possess negative connotation denoting the physical or psychic impact on the object. The research displayed some occasions of semantic decline of positional semi-copulars which causes similarity between them and the copula “be” or aspect copulas of continuation (“remain”). Regardless of the extent of semantic decline, positional copula verbs proved to be an element of the alternation system of the basic *be*-form, including passive and “quasi-passive”. Certain peculiarities of the concerned type of the predicate, typical of Russian, on the one hand, and languages of the Germanic group, on the other hand, were taken into the consideration: the case form of the subject complement, the differences in the number of non-finite verb forms, specific occasional meanings, etc. Nevertheless, the contrastive analysis makes it obvious that the results obtained in Russian correspond on the whole to the conclusions made earlier with regard to English and German, which allows considering the functional and semantic characteristics of the structure “positional copula + past participle” as isomorphic.

Keywords: positional copula verbs, subject complement, past participle, aspect modification, “double” semantics, passive construction, stative, subjective resultative, text corpus, method of transformation, contrastive analysis

For citation: Nekrasova, I.M. (2022) The semantics of the nominal predicate with positional copula verbs (a contrastive aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 84–108. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/5

Введение

Понятие связки как необходимого компонента предложения-суждения возникло еще в древнегреческой философии и нашло свое дальнейшее развитие в логико-грамматических теориях языка. Так, авторы грамматики Пор-Рояль характеризуют связку (*liaison*) «есть» как единственный глагол,

сохранивший «элементарность значения», а именно «обозначение связи, при помощи которой мы соединяем в нашем сознании два члена предложения» (субъект и атрибут) [1. С. 148–149]. С развитием сравнительно-исторического и типологического языкознания утвердилось понимание связки как компонента составного именного сказуемого (СИС), выполняющего две функции: формальную (согласование между подлежащим и сказуемым) и содержательную (истинность или модальность суждения); «указанием на сочетание этих функций часто определяют предикативное отношение» [2. С. 435]. Диахроническое исследование на материале большой группы индоевропейских языков выявило, что «нулевым», оригинальным значением глагола-связки «быть» является значение тождества [3. С. 118]. В русской грамматике, вслед за европейской грамматической традицией, получило распространение понимание связки «быть» как «чистой, абсолютной формы» [4. С. 253], которой противопоставляются знаменательные и полужнаменательные связки, сохранившие (в разной степени) свое вещественное значение. К полужнаменательным связкам относят ограниченный круг глаголов, «лексическими значениями которых являются значения непостоянного (эпизодического) существования, перехода из одного состояния в другое или сохранения состояния, изменения, обнаружения, появления, исчезновения» [5].

Вместе с тем сходство отвлеченных и знаменательных связок обусловлено самой историей возникновения СИС: нынешние связки – это бывшие полнозначные глаголы. Современные лингвисты, отрицающие асемантичность глагола-связки *быть*, опираются на идеи русского логика М.И. Каринского, который рассматривал любое суждение с глаголом «есть» как суждение о существовании, что породило бытийную концепцию предложения в лингвистике [6. С. 33]. Критерий степени отвлеченности, положенный в основу классификации связочных глаголов, не поддается объективному измерению, что размывает границы подклассов и уводит в сторону от основного фактора, сближающего отвлеченные и знаменательные связки, а именно их функции: осуществление предикативной связи. Одним из первых на это обратил внимание А.А. Потебня: «Попытка определить глаголы составного сказуемого их отвлеченностью, сравнительно с конкретностью остальных, более-менее бесплодна» [7. С. 132]; различие в степени отвлеченности само по себе ещё не влечет за собой функционального различия. Если А.М. Пешковский в сочетаниях глагола типа *ходить* или *сидеть* с предикативными формами имени видит лишь «частичное побледнение вещественного значения», то Потебня считает, что «...русс. ‘был пьян’ синтаксически равносильно с ‘воротился пьян’» [7. С. 117]. Интересной представляется трактовка Пешковским связочного употребления знаменательных глаголов как «один из бесчисленных случаев переходных рубрик в языке» [4. С. 250]. Идея о переходном характере знаменательных связок прослеживается в определении, сформулированном А.Я. Баудером: «Связка – это «синтаксическая функция семантически редуцированного слова»; любой глагол в функции связки «остается глагольным словом с присущими ему структурно-семантическими свойствами»

ми» [8. С. 18]. Похожие взгляды относительно связки высказывают А.П. Лекант [9], М. Гиро-Вебер [10], Л.В. Попова [11] и др. Таким образом, функциональный подход к изучению связки как служебного слова предполагает, что наряду с задачей выражать основные глагольные характеристики сказуемого она образует «синтаксический глагол» [12. С. 24].

Аналогичным образом были предложены иные критерии классификации связок. Наиболее продуктивной оказалась семантическая классификация, опирающаяся на «типовые значения обобщенного характера», при выражении которых «происходит грамматизация семантики связок»; эти отношения могут оцениваться как фактически существующие (*быть, являться*), как возникающие (*становиться*), возможные (*казаться*), соответствующие или не соответствующие чьему-л. представлению (*считаться, оказаться*) [9. С. 88–89]. В центре связочной системы находится «идеальная» связка «*быть*», которая выражает «констатацию наличия признака в чистом виде»; остальные связки группируются в зависимости от выражаемого ими значения. Все многообразие отношений «предмет – предикативный признак» сводится к трем типовым связочным значениям: логическому (тождество, подобие, идентификация, номинация, характеристика), фазисному (изменение, стабильность), модальному (достоверность, мнимость и др.); идея прослеживается в ряде классификаций на материале разных языков [13, 14, 15] и др. Данная классификация послужила исходной точкой для нашего исследования по двум основаниям. Во-первых, при таком подходе снимается вопрос о границах корпуса связок; во-вторых, определение Лекантом семантики связки *быть* как «нулевой» или «исходной», «на фоне которой осознаются различные виды оценки, представленные в других связках» [9. С. 96], позволяет перекинуть «мостик» к другим связочным глаголам.

Несмотря на возрастающий интерес к нетрадиционным связкам, связочные глаголы с семантикой положения в пространстве до сих пор остаются малоизученными, хотя они также способны образовывать СИС: *Молчаливые, пустые лежали улицы; Двери во многих домах стояли брошенные настежь*. В русистике их упоминают как «вещественные» (Пешковский) или «знаменательные» связки (Галкина-Федорук), а их способность выполнять связочную функцию нередко вызывает сомнение (Лекант); вместе с тем в некоторых работах по германистике их относят либо к бытийным связкам (state-of-existence copular verbs) [15, 16], либо к фазисным (аспектным) полусвязочным глаголам, выражающим длительное пребывание в состоянии [17, 18]. Иначе говоря, вопрос о типовом связочном значении глаголов позиции является дискуссионным. Т.А. Майсак указывает, что «расширенное локативное использование глаголов позиции и их превращение в бытийные глаголы является промежуточным звеном между чисто лексическим развитием глагольного значения и его грамматикализацией <...> этот путь развития чрезвычайно частотен типологически и является предпосылкой дальнейшей эволюции» [19. С. 252]. Вместе с тем исследование, проведенное на материале большой группы языков, указывает на сходство путей грамматикализации глаголов позиции, которые используются в локативной / бытийной функции, и других бытийных глаголов

(*оставаться, пребывать, находиться* и проч.), в связи с чем предлагается следующая шкала развития: ПОЗИЦИЯ > ЛОКАТИВНОСТЬ / БЫТИЙНОСТЬ > АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ [19. С. 269].

Автор диахронического анализа связок Д.В. Руднев приходит к выводу, что в русском языке «...фазовые связки образовывались на базе глаголов движения и местопребывания» [6. С. 461]; ср. *стать*, функционирующее в настоящее время как аспектная связка (*стал взрослым*). Л.В. Попова, которая исследует механизмы развития в полнозначном глаголе связочного значения, также отмечает, что «глаголы со значением позиции, нахождения в пространстве <...> служат основой для возникновения семантики фазисности», а именно «склонны к развитию статального значения, возникающего на основе семантики исходного глагола (неподвижность, продолжительность действия)» [11. С. 24, 28]. Действительно, эта черта их семантической структуры отражена в словарях, ср.: «Сидеть – сесть и оставаться в этом положении <...> стоять – быть в покое, длиться, продолжаться...» [20. С. 588, 626]. Исходя из вышеизложенного, целесообразно рассматривать глаголы позиции как разновидность аспектных связок, которые обозначают положение объекта в пространстве или позу человека с дополнительной семантикой длительного пребывания в состоянии.

Как правило, примеры употреблений глаголов «стоять», «лежать», «сидеть» в связочной функции демонстрируются в сочетании с прилагательным; объектом нашего исследования послужили СИС со страдательным причастием прошедшего времени в качестве предикатива (именной части). Целью исследования является подтверждение тезиса о том, что форма «стоять / лежать / сидеть + страдательное причастие» является аспектной реализацией СИС с глаголом «быть»: *Дверь была открыта* → *Дверь стояла открытая / открытой*, с учетом семантической неоднородности данной формы (пассив, субъектный результатив, статив). Семантический анализ, охватывающий уровень ролевой структуры (партиципантов ситуации) и референцию, опирается на трансформационный метод. В ходе анализа осуществлялись выборка наиболее типичных причастий в русском языке, способных образовывать СИС с рассматриваемыми связками, объединение их в лексико-семантические группы; кроме того, проводилось сопоставление выявленных языковых фактов с данными, полученными ранее на материале английского и немецкого языков [21, 22].

Репрезентативным источником языкового материала для нашего исследования послужили корпуса с функцией конкорданс, дающие возможность поиска по биграммам (сочетаниям слов), в частности, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [23] и корпуса английского и немецкого языков, представленные в онлайн-ресурсе университета Лидс – Intellitext Corpus [24]¹: Британский национальный корпус (BNC), немецкий DEWAC-корпус и др. Поиск словосочетания осуществлялся по запросам типа «сто-

¹ Приводимые далее языковые примеры взяты из указанных источников.

ять V,indic,intr,act,ipf на расстоянии 1 от V, partcp,praet,tran,pass,pf» (НКРЯ) или [lemma="stand"] [pos="VVN"] (Intellitext Corpus). При работе с НКРЯ существенную трудность представляет неснятая омонимия (атрибутивная или субстантивная функция причастия и проч.), которая составляет примерно три четверти вхождений. Отбор материала показал разную продуктивность рассматриваемых связей; так, в BNC количество вхождений оказалось следующее: 407 (*lie*), 327 (*stand*), 186 (*sit*). В русском языке связка «сидеть» также оказалась менее частотной; для анализа было отобрано следующее количество примеров: 218 (*стоять*), 186 (*лежать*), 135 (*сидеть*).

Аспектное преобразование *быть*-пассива

Вопрос о статусе конструкций со связочными глаголами и причастиями является неоднозначным. Сочетание краткой формы страдательного причастия прошедшего времени с глаголом *быть* образует, как известно, аналитическую форму страдательного залога: *Дверь (была) открыта*. Сочетание с полными формами причастий возможно при усложнении состава сказуемого за счет вставки модального оператора: *Дверь должна быть открытой; конструкции данного типа традиционно рассматривают как разновидность СИС, в разной терминологии: «сложное трехчленное сказуемое» (Галкина-Федорук), «осложненная форма составного именного сказуемого» (Лекант) и др.* Полная форма причастия является специализированной формой предикатива СИС со знаменательными и полужнаменательными связками: *В чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый*, которое тоже интерпретируется различно – «двойное сказуемое» [25] или «вещественное составное сказуемое» (Пешковский), по замечанию последнего, они были «чрезвычайно распространены в древнерусском и других древних языках» [4. С. 252]. Более современным является подход к решению данного вопроса с точки зрения регулярных реализаций модели предложения: *Все решено – Все может (должно) быть решено* представляет собой модальную реализацию; точно так же возможны преобразования при помощи полужнаменательных глаголов: *Все бывает (оказалось) решено*. «Общим для всех регулярных реализаций является то, что они нормально и по определенным правилам возводятся к исходной форме предложения» [5].

Концепция регулярных реализаций модели предложения позволяет рассматривать все связочные глаголы как элементы одной системы, в центре которой находится «идеальная» связка *быть*. Все остальные связочные глаголы имеют «двойную» семантику, которая охватывает значение связки *быть* (тождество, подобие, идентификация и т.п.) + вещественное значение; благодаря этому преобразование СИС производится «не на поверхностном уровне (за счет вставки служебного глагола), а на глубинном» [12. С. 37]. Регулярные реализации не нарушают целостности модели предложения, а представляют собой «семантические изменения модели на заданную величину» [26. С. 207]; такое семантическое «приращение» может

быть аспектным, или фазисным. Рассмотрим с этой точки зрения конструкции, образованные позиционными связками *стоять* / *лежать* / *сидеть* и страдательным причастием.

Исходная конструкция – сочетание краткой формы страдательного причастия прошедшего времени с глаголом *быть* – является семантически неоднородной; за ней могут скрываться пассив, результатив, статив и другие формально совпадающие структуры. В центре нашего анализа стоят пассивные конструкции (ПК). Семантика пассива согласуется с семантикой СИС, которая оказывается вполне определенной, однозначной. «Синтаксическое значение пассивного признака есть обобщенное значение именной части» [9. С. 107], «основное значение СИС – выражение состояния», таким образом, «именное сказуемое является маркированным по отношению к глагольному» [12. С. 29]. Аналогичным образом ПК является маркированным членом оппозиции «актив : пассив», что выявляется на уровне анализа ролевой структуры. Первый актант активного предложения может быть, по терминологии У. Чейфа, агенсом (N идет), пациенсом (N спит), экспериенцером (N любит) и т.д. [27], тогда как семантика пассивной конструкции оказывается более однородной: глагол в пассиве всегда представляет ситуацию как состояние (N приглашен) или процесс как «вхождение в состояние» (N приглашается); в любом случае семантическая роль первого актанта – пациенс. При этом центральной формой залоговой системы является ПК с глаголом *быть*: в английском языке она первична «по отношению к адресатному пассиву, в немецком – по отношению к пассиву с *werden*, в русском языке – по отношению к семантически диффузным глаголам с частицей *-ся*» [28. С. 31].

Если сравнить пару предложений типа *Обед был готов* – *Обед был приготовлен*, то можно констатировать, что они оба выражают состояние; однако их семантика совпадает только на уровне ролевой структуры. В отличие от обычного СИС, ПК имеет перфектно-результативное значение, которому предшествовало действие; подразумеваемый референт является в ходе трансформации: *Обед был приготовлен* (кем-то) ← *Кто-то приготовил обед*. Таким образом, пассив можно охарактеризовать как специфическую разновидность СИС, представляющую собой конструкцию со «скрытым» референтом. Референциальный признак сохраняется и в случае фазисного преобразования: *Обед стоял приготовленный* (кем-то).

При отборе языкового материала нас в первую очередь интересовали примеры предложений, соответствующие семантике ПК. Как правило, они представляют собой двучленный пассив с опущенным референтом (агенсом): *Компьютер всегда стоял включенным* (Д. Рубина); аспектно-пассивное преобразование выявляется методом трансформации: *компьютер стоял включенным* ← *компьютер был включен* ← *кто-то включил компьютер*. Также встречаются примеры трехчленной ПК с агентивным дополнением: *Оба стояли прижатые к барьеру столпившимися за их спинами людьми* (Н. Дежнев); но обычно в этой позиции доминируют неодушевленные существительные: *Деревья под моим окном стояли за-*

лепленные снегом (Д. Каралис); *Преследователи... спустились в обрыв, уверенные, что он там **лежит изрешеченный пулями*** (Ф. Искандер). «Референтом подразумеваемого агенса... может быть и человек, и животное, и стихийная сила»: *Лодка была опрокинута* [29. С. 514]. Позднее в синтаксической семантике появилось понятие эффектора как неодушевленного участника, который не контролирует ситуацию, но непосредственно воздействует на нее; далее при уточнении семантики референта будем использовать, соответственно, термины «агенса» и «эффектора».

При соотносении исходной и производной конструкций (*Дверь была открыта* → *Дверь стояла открытая /открытой*) может возникнуть вопрос о форме предикатива. Как уже отмечалось, в современном русском языке доминирующей формой именной части СИС с позиционными связками выступает полная форма причастия; вместе с тем исследование связочных глаголов в русском языке XVII–XIX вв. свидетельствует о тенденции к употреблению кратких форм прилагательного и причастия. Приведем статистические данные относительно фазисной связки *остаться*, которая, как и позиционные связки, обладает семантикой длительности /стабильности: «В XVII–XVIII вв. второй по частотности формой при глаголе *остаться* выступает краткое прилагательное и краткое страдательное причастие, например: ...Токмо **остался** Новград от того [нашествия] **избавлен**» [6. С. 129]. Тенденция начинает меняться в XIX в.: «Основные изменения, произошедшие в это время, сводятся к постепенному увеличению доли полных форм в Тв. п.» [6. С. 134]. Если в конце XVIII в. доля кратких форм прилагательного и причастия (по отношению к другим предикативным именам) суммарно составляла 27,5%, а полных – 11%, то к концу XIX в. соотношение практически поменялось: 16,5 и 25,5% соответственно [6. С. 129, 135]. По наблюдению Н.Ю. Шведовой, с середины XIX в. полная форма прилагательного закрепляется в качестве средства выражения в сказуемом временного, непостоянного признака, тогда как конструкции с краткой формой становятся очень определенными и узкими по своему значению и, как следствие, менее употребительными [30. С. 143–144].

В нашем исследовании зафиксировано 17 вхождений с краткой формой причастия, восходящие к текстам XVIII в. или обусловленные стилем исторического повествования: *Многія пашни **стояли запущены** и обросшія волчецом* (И. Лепехин, 1771). *Но котел оный с деньгами **стоит зарыт** под полом...* (Сказка о Климке, 1794). *Указывай, купец Жиглов, где **лежат спрятаны** две кубышки с золотом?* (В. Каменский). *Мы, государь, в Смоленске в осаде одва чуть живы, да **сидим заперты*** (О. Ермаков). Краткая форма причастия встречается и в современной прозе (16 вхождений): *Их дом **стоит неосвещен*** (Г. Чулков). *Лежит погребено тело...* (И. Шмелев). *У меня все **лежит припасено** в шкафу, я с детства берегу* (Л. Петрушевская). Вопрос о форме предикатива является нерелевантным, в силу отсутствия словоизменения, в английском языке (*is closed* → *stands closed*) и не возникает в немецком, так как краткая форма причастия является показателем предикативной функции (*ist verschlossen* → *steht*

verschlossen). На наш взгляд, способность обеих форм причастия участвовать в образовании СИС составляет специфику русского языка, но не противоречит факту регулярной реализации исходного типа предложения, поскольку и в том и другом случае СИС могут замещаться связкой *быть* или ее синонимами: *лежали спрятаны / спрятанные* ← *были спрятаны / являлись спрятанными*.

Также остановимся на вопросе о падежной форме причастия. По мнению Леканта, и именительный и творительный падежи «являются показателями синтаксической функции <...>; выбор падежа не имеет принципиального значения для выражения основного грамматического значения составного именного сказуемого» [9. С. 110–111]. Есть мнение, что выбор падежа дифференцирует характер приписываемого признака: «...форма им. падежа употребляется тогда, когда речь идет о постоянном признаке, присущем носителю на протяжении длительного времени», тв. падеж может маркировать как постоянный, так и временный признак; «тв. падеж тем вероятнее, чем более знаменательной является связка» [31]. В ходе нашего анализа обнаружилось, что семантика длительности актуализируется в сочетании с отрицательной формой причастия в именительном падеже и, таким образом, наблюдается сближение позиционных глаголов со связкой *оставаться*, например: *Коробки разные по квартире то там, то сям **стоят нераспакованные*** (Н. Коляда) = *остаются нераспакованные*. *И книга ее **лежала недочитанная**, и чашка **стояла недопитая**, и папирота была брошена недокуренная* (М. Авдеев). *Трупы в некоторых ротах зимой **лежали незасыпанные** и раздетые* (Д. Лихачев). *Чем дольше лейтенант Дремов **сидел неузнаваемый**... тем невозможнее ему было открыться* (А. Толстой).

Аналогичные примеры СИС с отрицательной формой причастия были выявлены на материале английского (АЯ) и немецкого (НЯ) языков; они, соответственно, семантически эквивалентны фазисным связкам *remain* и *bleiben*. АЯ: *A 75-millimetre gun... **stood uncovered** in the sunlight = **remained uncovered**. The tens of thousands of allotments **lie untended** throughout our land*. НЯ: *Sein Bierglass **stand unangerührt** = **blieb unangerührt**. Dieses Energiemeer **liegt ungenutzt***.

Пациенс (неагентивное подлежащее), обозначающий человека или живое существо, может сочетаться со всеми позиционными связками: *Он уже **лежит связанный** в больших нартах...* (А. Григоренко). *...Петр отодвинулся в сторонку, **стоял забытый**, вроде мебели* (А. Малышкин). *Полицейские **сидят посрамленные**, уличенные в воровстве и подлогах* (В. Куйбышев). Неодушевленный актант, обозначающий деревья, здания, артефакты, для которых релевантно вертикальное или горизонтальное положение в пространстве, как правило, не употребляются со связкой *сидеть*: *Новый год прошел, но елка долго **стояла наряженной**, как примета вечного праздника* (И. Полянская). *Огороды, где такие были краски и изобилие, **лежат перекопанные**, в безобразных клубках почерневшей ботвы* (В. Панова); но встречаются и случаи метафорического переноса: *Целые страны в страхе **сидят запуганные** и помалкивают* (В. Сидур).

Основным фактором, влияющим на семантику рассматриваемых СИС, оказывается взаимодействие связки с вещественным значением именной части; благодаря этому установлены типичные лексико-семантические группы причастий (ЛСГ), имеющие тенденцию соединяться с позиционными связками. При отборе причастий учитывался признак частотности (количество вхождений 5 и выше), с учетом синонимии.

ЛСГ-1: причастия, уточняющие положение в пространстве или позу (*прислоненный, зажатый, припертый, раздвинутый, перевернутый, разбросанный, разложенный* и т.п.):

Полдня **стоял притиснутый**, а билетов все нет и нет... (Е. Попов). Армии Юго-Западного фронта **стояли растянутыми** от Припяти до Брод... (А. Деникин). Несколько крестьянских возов **лежат опрокинутыми** вверх колесами... (Ф. Решетников). Молодые... они **лежали рассыпанные**, как картошка (С. Алексиевич). Она **сидит обложженная** подушками, я держу ее худую руку и чувствую, как уходит жизнь, как она уходит (И. Бунин).

ЛСГ-1 широко представлена и в сопоставляемых языках (*прижатый, притиснутый, перевернутый, свернутый, разбросанный, нагроможденный* и т.п.).

АЯ: *Damien stood penned in the bus shelter like an animal. Guns stood stacked outside the café... Books on croquet lay scattered around the place. Piles of ruddy-brownash lay heaped on the floor. Her father is sitting hunched over a pile of torn photographs. Marie was sitting slumped at the table.* **НЯ:** *In der Lastwagenversion gibt es zwei Vordersitze und der restliche Platz steht getrennt durch ein Gitter. Die Hände liegen gefaltet auf dem Bauch. Zehntausend Tonnen Ausrüstung lagen aufgehäuft und verstreut. Beide saßen eingeklemmt zwischen anderen hinter ihren Biergläsern.*

ЛСГ-2: причастия со значением «открытый / закрытый» (неодушевленный пациент):

Кованые ворота **стояли отворенными** (Е. Чижова). Обе створки окна **стояли распахнутыми** настежь... (Р. Штильмарк). Амбар **стоял замкнут**, все мазанки тоже... (Ю. Тынянов). Домик её **стоял заколоченный** – мать в войну умерла (Г. Щербакова). Карточки царской фамилии у нее всегда **лежали запертые** в комод (Н. Лесков). Записная книжка **лежала раскрытая** на букве «Г» (Д. Гранин).

АЯ: *The double doors of the farrier stood shut.* **НЯ:** *Das Auge starrt, der Mund steht geöffnet. Bücher über Musik stehen verschlossen in einer überfüllten Glasvitrine.*

ЛСГ-3: причастия, выражающие результат обычного действия над предметом:

Вторая кровать в комнатке **стояла заправленная** (А. Лазарчук). Наши чемоданы много дней **стояли упакованными** (А. Кузнецов). ...Машины **стоят припаркованные** (С. Соловьев). У меня вон и Звездочка ишио **стоит запряженная** (А. Геласимов). Белье вон **лежит поглаженное**... (А. Берсенева). Моя книжка... **лежит отпечатанная** в типографии (К. Чуковский).

Предшествовавшее действие может быть обратным, реверсивным: *Ночью кони стояли расседланные* (М. Шолохов). *Подстанции стояли демонтированные* (Д. Гранин). *1-й дивизион стоит разукomплектованный* (А. Солженицын).

ЛСГ-4: причастия со значением «оставленный, покинутый, забытый»:

И все это: и дом, и сад, и земля – стояло забытое, брошенное, почти поруганное... (М. Салтыков-Щедрин). *В ту пору едва ли не целые улицы – Пятницкая, Остоженка... стояли выселенными* (А. Иличевский). Та дорога *лежит брошенной* уже целые века (А. Платонов). *Все эти дни... унывал духом, сидел покинутый почти целым светом...* (А. Дружинин).

АЯ: *Trams stood marooned as they were engulfed by a rising tide of workers demanding a hearing. On the floor of their limousine two pairs of handmade sandals lay abandoned.* **НЯ:** *Dieter sitzt verlassen auf einer der Bänke. Eine verrostete Pumpe liegt vergessen in der Ecke.*

ЛСГ-5: причастия, выражающие результат негативного физического воздействия (убитый, искалеченный, расстрелянный, задушенный, заколотый и т.п.), в сочетании со связкой *лежать*:

Приехали, а они лежат побитые. Не иначе, мол, порешили их из-за быков (М. Шолохов). Семилетний царевич *лежал зарезанный* на заднем дворе (В. Бегичева). Нет, не спас Господь, *лежит истерзанная, затоптанная*, лицом черная... (Ю. Давыдов). Одна сестра, вторая, третья... и все *лежат укушенные*, закатив глаза (М. Петросян). На другой день добрый факир *лежал обезглавленный* на куче навоза (О. Сенковский).

АЯ: *The officer lay injured across the front seat. On a fine June morning a man lay murdered...* **НЯ:** *Wilpert teilt der Polizei mit, seine Frau liege ermordet in der Tiefgarage. Das Baby lag erstickt hinter dem Sofa. Getötet von seiner eigenen Mutter.*

ЛСГ-6: причастия со значением нарушения целостности объекта (разрушенный, сломанный, разбитый, расколотый, поврежденный и т.п.):

Москва стояла опустошенной и разоренной... в 1612 году (С. Еремеева). Магазины *стояли разбитые*, ничто нигде не продавалось (А. Кузнецов). Деревья *стояли обугленные*, без листьев и плодов (П. Краснов). ...Мост *лежал взорванным* в воде (В. Глинка). Передние уже нашли проволоку, которая *лежала порезанная* ножницами и *разорванная* снарядами (П. Краснов).

АЯ: *At the blast site several vehicles stood destroyed in front of a gutted building. After the accident, the Mazda 323 lay split in half...* **НЯ:** *Grabsteine und Kreuze lagen zertrümmert auf dem Boden. Die Betonträger liegen zerbrochen daneben.*

ЛСГ-7: причастия, обозначающие насильственное помещение человека в изолированное пространство, в сочетании со связкой *сидеть*:

Начался урок. Я сижу закрытый в шкафу. Мне это надоело, и я начал стучать (Ю. Никулин). Жена Волощука *сидит арестованная* в Чека (С. Мельгунов). Я в ванной не душ принимал, а *сидел запертый* и униженный (В. Маканин).

АЯ: *Cold and frightened, Beryl sat locked inside her Ford Escort... A group of beadies were standing around a beggar who sat imprisoned there...* **НЯ:** *Zelda und Link sitzen gefangen im Kerker.*

ЛСГ-8: причастия со значением «зафиксировать, лишить свободы действий»:

Славка **стоял прикованный** к бетонному столбу (В. Крапивин). Девочка **лежит спеленатая** как личинка... (Л. Кабо). Он **лежал перебинтованный** по рукам и ногам, в гипсовом футляре... (А. Проханов). Я **сидел связанный** по ногам и рукам на полянке... (Ю. Домбровский). Я **точас же вскочила**... позабыла, что **сижу припущенная**... (Ф. Достоевский).

АЯ: *Tamar ran forward to the mare, which stood tied up to a rail. Farrah (the kidnapped baby – И.Н.) was sitting strapped into a pushchair.* **НЯ:** *Der junge Joseph liegt gefesselt in der Tiefe des Brunnens. Fräulein Cook lag gebunden und bewußtlos in ihrer Ecke.*

ЛСГ-9: причастия со значением изменения конфигурации или поверхности объекта:

Степь **стояла залитая** талой водой (Е. Пермяк). А с первого года революции и до 1928 года шахты **стояли затопленные** (А. Бармин). Машины **стояли засыпанные** по брюхо (Т. Устинова). Немцы были молоденькие, лет по 18, **лежали припорошенные** снегом (А. Кузнецов). Десятки тысяч топоров, пил... **лежали погребенными** под сугробами (А. Малышкин).

АЯ: *By 10,000 BC there were settlements. Today many of these lie submerged by the sea. Derwent Hall, first of the old mansions, now lies drowned at the bottom of the Ladybower Reservoir.* **НЯ:** *Entlang der Küste liegen halb versunken die Ruinen einer lykischen Stadt. Die Wege liegen überflutet – die Acker sind grundlos geworden. Kalk-Stücke liegen versenkt in Opal-Masse. Ch. M. de Talleyrand liegt begraben in seinem Schloß...*

ЛСГ-10: причастия, выражающие психофизическое состояние лица как результат внешнего воздействия. Тот факт, что в этом случае мы имеем дело не с прилагательным, а с причастием, подтверждает «наличие у причастия глагольных зависимых (актантов и сирконстантов)» [32]. Таким актантом выступает эффектор, источник направленного действия: ...*В руках у него возникает из куска глины горшок, я стою замороженный их мастерством* (А. Букин) ← *их мастерство заморозило меня*. Роль эффектора могут выполнять события, чувства и др.:

Луговой **сидел ошеломленный** таким решением (Н. Гейнце). Молодой демократ **сидел убаюканный** цыганским мотивом (А. Белый). Володя **стоял пораженный** небывалым зрелищем (А. Чернышев). Верку **трясло** после омовцев, она **сидела опустошенная** страхом... (В. Ремизов). Она **лежала наполненная** смыслом, с громадным спокойствием (Л. Петрушевская).

Источник воздействия может быть выражен имплицитно, подразумеваться: *Классик сидел утешенный, откровенно счастливый...* (Л. Кабо) ← *кто-то /что-то утешило классика*.

Большое разнообразие выражаемых причастиями эмоциональных состояний в составе СИС выявлено в АЯ: *fascinated, stunned, transfixed, mes-*

merized, astonished, horrified и др.; эффектор оформляется предлогом «by», в НЯ – предлогами «von /durch».

АЯ: *The photographer stood mesmerized by a giant wave, shooting picture after picture. Thus Sawtell sat transfixed by the film's sheer beauty and its evident sympathy.* **НЯ:** *Da saß er nun betäubt vom Schrecken und dachte eine Stunde lang gar nichts.*

В отношении коннотативного компонента лексического значения следует отметить, что стилистически нейтральные сочетания представлены в ЛСГ 1–3. Однако большинство конструкций (ЛСГ 4–10) эмоционально окрашены, при этом ЛСГ 4–8 содержат отрицательную коннотацию, которая дополняет семантику физического воздействия на пациенс.

Также наблюдается различная степень сохранения вещественного значения позиционных связок. Как правило, данный тип СИС демонстрирует «двойную» семантику связки: *Он уже лежит связанный в больших нартах* = *Он уже связан* (идентификация признака) и *лежит* (семантическое «приращение») *в больших нартах*.

Рассмотрим случаи грамматикализации позиционных связок. Отклонение от прототипического значения может наблюдаться и у полнозначного глагола; по наблюдению Е.В. Рахилиной, «в семантике глаголов *стоять, сидеть, лежать* есть некоторые нелокативные компоненты <...> значимые для глаголов во всех их употреблениях»; так, за рамки топологического объяснения выходят примеры типа «Пыль стоит столбом» или «Пирог сидит в печке» [33. С. 70–71]. При выполнении связочной функции эта специфика семантической структуры позиционных глаголов приводит к сближению с отвлеченными связками «быть / находиться» и «оставаться».

1. Классификация «вертикальное / горизонтальное» положение в пространстве обычно переносится на животных и неодушевленные объекты, в нашем анализе таких примеров немало: *стоять* (лошадь, дерево, здание), *лежать* (земля, дорога, труп). Однако встречаются отклонения от прототипических употреблений и, таким образом, происходит расширение семантики связки до значения бытийности. Например, горизонтально ориентированные объекты могут описываться глаголом *стоять*: *Плодородные земли стоят заброшенными* ... (В. Бондарь). *А ведь совсем недавно <...> озера стояли запущенные* (С. Паршиков). Аналогичные примеры встретились на материале английского языка: *Radiance spread from the sky <...> and the wide landscape stood revealed by it. Prime acres of sports fields stood underused.*

2. Значение вертикального положения ослабляется в сочетании с пациенсом, обозначающим часть строения (окно, створки, дверь и т.п.): *Дверь в дежурку стояла приоткрытая* (И. Грекова) = *была приоткрыта*; опущение предикатива в этом случае невозможно: **Дверь в дежурку стояла*. Ср.: *The hall door stood closed. Die Pforte steht verschlossen.*

Сделанное наблюдение распространяется и на помещения внутри строения: *Квартира стоит запечатанная, там висит приклеенная полоска бумаги с круглой печатью домоуправления* (В. Войнович). *Чашеобразная аудито-*

рия **стояла вздыбленная** оторванными рядами стульев (А. Иличевский). Громадные комнаты стояли **запущенные, пустые** (А. Соломон).

3. При отсутствии обстоятельства места значение локации становится нерелевантным: *Наследственное его имение лежало **расстроенное*** (Р. Шмарак) = *находилось / было в **расстроенном состоянии***. Ср.: *А карусель так и осталась **стоять сломанная*** (В. Постников). *The waters of the stream that had risen pellucid at their source **lay curdled**. Es ist Herbst, der Badestrand **liegt verlassen**.*

4. Высокая степень грамматикализации наблюдается в случае использования позиционных связок при пациенсе с отвлеченным, абстрактным значением: «Где, мол, Правда, где ее отыскать?» А мне один молодой барин в Москве сказал, будто она на дне колодца **сидит спрятана** (М. Салтыков-Щедрин). *His arguments lie **buried** in lengthy, copiously annotated Latin works. Das Praktikum **steht isoliert** im Schulalltag und hat keinerlei Anbindung.*

5. Нелокативным компонентом семантики *сидеть* является выражение неизменного, постоянного состояния: *Я **сидел оторванный** от семьи...* (С. Буданцев) = *оставался **оторван***. *Сижу **загруженный** октябрьскими темами: обзоры, статьи, доклады* (А. Тарасенков). Помимо этого, возможны окказиональные случаи ослабления основного значения позиционной связки и развитие полисемии: *Василий наш в то время **сидел засекреченный** с аппаратурой – радиопередатчиком-пеленгатором...* («Общая газета», 1995); *сидел засекреченный* = *занимался секретной деятельностью*.

6. Выше уже упоминалось, что семантика длительности / непрерывности актуализируется в сочетании с отрицательной формой причастия: *Тяжела оказалась земля на лугах: ...**стояла непаханная*** (А. Платонов) = *оставалась **непаханная***. Синонимия аспектных связок наблюдается также при наличии соответствующего обстоятельства времени: *Несколько лет помещение будущего центра **стояло замороженным**. Средств, говорят, не было* («Сельская новь», 2003). *Писала она их в тяжкое время, в 1918 г., и с тех пор они лежали **спрятанными*** (С. Голицын). *Аэропорт **стоял недостроенным** уже полтора десятка лет* (А. Щукин).

В исследовании на материале английского языка обнаружилась тенденция к отвлеченности у связки *stand* в сочетании с глаголом «accuse» (обвинять); количество вхождений составило 32 в общем количестве примеров (327) с глаголом *stand* в Британском национальном корпусе, без учета его синонимов (*indict, condemn*). Хотя первым актантом в рассматриваемом сочетании является одушевленное лицо, вертикальное положение утрачивается в общем контексте и сближается со связкой *be*: *President Bush now **stands accused** of exercising a double standard over human rights in China... = **is accused**. Journalists regularly **stand indicted** for being interested only in the abnormal and the catastrophic. Despite excellent character-witnesses, Justine **stood condemned** by one piece of circumstantial evidence* [21. С. 56].

В немецком языке высокая степень грамматикализации наблюдается у сочетания связки *stehen* с глаголом «писать»: *“Idiot!” Das **stand** mir auf der Stirn **geschrieben*** (J. Becher) = *war **geschrieben***. Количество найденных

примеров словосочетаний [stehen]+geschrieben в корпусе DEWAC (2000 млн слов) составило 1 508 вхождений, что намного превышает частотность других сочетаний данного глагола. При этом связка *stehen* может употребляться с другими глаголами лексико-семантической группы «писать», в том числе коннотативно окрашенными: *Für Stanislaus war alles neu und alles wahr, was in Büchern gedruckt stand. “Henker” stand groß mit Kreide auf die Tafel geschmiert. Zugleich warf er einen Blick auf das folgende Blatt, wo noch einiges gekritzelt stand* [22. С. 130]. В русском языке аналогичные примеры встречаются, но не являются частотными: ...Еще попался им пузатый пакет из водоупорной бумаги... а на пакете **стояло написано**, что, если напустить в него воды... (А. Эппель). Слова этого пророчества **отпечатались** в ее взгляде, они **стояли начертанными** на ее развернутых плечах...: «хороший инженер!» (Т. Набатникова).

Способность глагола совмещать одновременно две разные функции изображена на рис. 1.

Рис. 1. Аспектное преобразование «пассивообразных» форм

Площадь пересечения соответствует степени отвлеченности связки: она является переменной и зависит, как показано выше, от семантики и взаимодействия актантов ситуации; инструментов для её объективного измерения не существует. В случае грамматикализации связки служебность начинает доминировать, однако, независимо от степени отвлеченности вещественного значения, позиционный глагол в составе СИС всегда выполняет связочную функцию.

В процессе анализа примеров обнаружились формально совпадающие с пассивом структуры; аналогичные формы со связкой «быть» описаны в исследованиях по залогу и диатезе в 1970–1980-х гг. Речь идет о следующих конструкциях:

- 1) статив, или общая форма состояния, которой не предшествовало действие;
- 2) субъектный результатив, обозначающий состояние подлежащего как результат собственного воздействия;
- 3) СИС с адъективированным причастием, которое выражает психофизическое состояние.

Представим некоторые из найденных нами примеров в таблице.

Разновидность СИС	Связка «быть»	Позиционные связи
Общая форма состояния (статив)	<i>Коттедж был окружен лужайками и цветниками</i>	<i>Храм святителя... стоял <u>окруженный старыми липами</u></i>
Субъектный результатив	<i>Я был одет в теплое рваное пальто, подобранное мной...</i>	<i>Он лежал одетый на кровати, отвернувшись к стене</i>
СИС с адъективированным причастием	<i>Парень был психологически подавлен</i>	<i>Мария Александровна сидела подавленная</i>

Проиллюстрированные примеры представляют интерес для нашего исследования в том отношении, что они также представляют собой системную альтернативу и усложнение связки «быть» в рамках тождества модели, но с другим семантическим наполнением.

1. **Общая форма состояния** обозначает производную статическую ситуацию; она образуется неопределёнными глаголами, которые выражают состояние или постоянное свойство предмета и в отличие от пассива «не содержит ретроспективного факта» [34. С. 87–88]. При разграничении статива и ПК используется метод трансформации, который позволяет уточнить семантическую роль первого актанта исходной активной конструкции:

Пассив: *Памятник Штраусу **стоит окруженный солдатами*** (М. Анчаров) ← *Памятник **окружен** солдатами* ← *Солдаты (агенса) **окружили** памятник.*

Статив: *Храм святителя... стоял окруженный старыми липами* (В. Пришвина) ← *Храм святителя **был окружен** старыми липами* ← *Старые липы (пациенса) **окружали** храм.*

АЯ: *The Queen **was standing surrounded by Yeomen** of the Guard (пассив)* ← *The Yeomen of the Guard (агенса) **surrounded the Queen.** The oak-beamed four-bedroom house **stands surrounded by apple trees** (статив)* ← *Apple trees (пациенса) **surrounded the house.***

НЯ: *Maria **sitzt umgeben von** “allen Heiligen” auf dem Thron (пассив)* ← *Die Heiligen haben Maria **umgeben.** Die Maya Ruinenstadt **liegt umgeben von Hügeln** (статив)* ← *Die Hügeln (пациенса) **umgeben** die Maya Ruinenstadt.*

К ситуациям, которым не предшествовало действие, относятся описания пейзажа или местоположения объектов: *Земля **стояла обьятая** седым туманом* (Е. Гагарин). *Кусты **стояли покрытые** мелким бисером росы* (И. Солоневич). *Горы кругом **лежали разбросанные** как шапки* (В. Маканин). *Жирово **лежало окутанное** предутренним липким сумраком* (Г. Марков). *Теперь они **сидели разделенные** столом и смотрели друг другу в лицо* (Ю. Домбровский).

Наиболее продуктивным причастием, способным образовывать статив со всеми позиционными связками, оказалось причастие от глагола «окружать»; аналогичный вывод относится к английскому и немецкому языкам; неоднократные вхождения зафиксированы также с причастиями «изолированный», «спрятанный», «приютившийся» и др.

АЯ: *The limestone manner **stood tucked** into an open fold between Wenlock Edge and Aymestry. The Thames had a very different appearance and variations in its route, so Chiswick now **lies nestled** in a compact "U" bend of the river. Hong Kong is at first sight like a futuristic Ridley Scott vision of a city, sitting encircled by treacherous mountains on the edge of China.*

НЯ: *Das Haus **liegt versteckt** im tiefsten Mecklenburg... Das Bauwerk **steht isoliert** in der Natur. Ihre ärmlichen Hütten **lagen zerstreut** am Ufer dahin.*

2. **Субъектный результатив** «называет состояние субъекта предшествующего действия» [35. С. 7] и соотносится с однокорневыми возвратными глаголами: *умыт* ← *умылся*. Отличие субъектного результатива от пассива выявляется в рамках предложения, после установления семантической роли первого актанта (агенса / пациенс); трансформация позволяет восстановить исходную возвратную форму:

Пассив: ...*изначально манекены (пациенс) **стояли одетыми** в национальные костюмы* (А. Старобинец) ← *манекены **были одеты*** ← *кто-то одел манекены*.

Субъектный результатив: *К пяти часам я (агенса) **был уже готов и стоял одетый** на крыльце* (М. Шишкин) ← *я **был одет*** ← *я **оделся*** (сам).

Трансформация не требуется, если значение субъектного результатива выражено в контексте: *Он **сидел пристегнутым**, а если бы не пристегнулся, его бы выкинуло из машины...* (В. Фетисов).

АЯ: ...*the limb (пациенс) was **lying streched** along the right side of the trunk (пассив). Karen (агенса) was **lying streched out** on the sofa facing me...* (субъектный результатив) ← *Karen **streched herself out** on the sofa facing me.*

НЯ: *Im Vollzugraum eines amerikanischen Gefängnisses: der Verurteilte (пациенс) **sitzt angeschnallt** auf dem elektrischen Stuhl (пассив). Wir (агенса) **sitzen angeschnallt** im Flugzeug, weil wir keine Flügel haben* (субъектный результатив). ← *Wir **haben uns angeschnallt** im Flugzeug...*

На материале английского и немецкого языков выявлена обширная тематическая группа причастий, уточняющих позу человека в зависимости от его положения в пространстве: стоять (согнувшись, выпрямившись, оперевшись); лежать (вытянувшись, раскинув руки); сидеть (развалившись, ссутулившись) и т.п.

АЯ: *Mansell, clearly in pain, **stood doubled up** on the edge of the track before being escorted away to the medical centre. He confronted Julie Stott and her companion, forced them to **lie spread-eagled** on the ground. Even Michael **sat sprawled** in seeming boredom in his chair.*

НЯ: *Wir aber **stehen aufgerichtet**. Sie **steht abgewendet** von mir... Ich **liege ausgestreckt** im Gras. Sie **lag ausgebreitet**, die Arme weit über den Kopf*

*gestreckt. Die Schüler **saßen gebeugt** über den Tastaturen. Mein Nachbar **saß zusammengesunken** in seinem Sessel.*

В русском языке причастия в этой функции конкурируют с другой отглагольной формой – деепричастием, поэтому их продуктивность несколько ниже: *Я увидела строгий взгляд королевы – я слишком долго **стояла преклоненной*** (П. Вяземский). *Он **стоял полускрюченный** у двери и не мог оторвать взгляда от женских тугих прелестей* (Ю. Буйда). *Отец **лежал согнутый**, смерзшийся, в холщовом белье* (Г. Марков). ***Лежу распротёрт**. Не хватило сил пойти в лагеря – теперь простирайся в пустоте* (В. Аксенов). *С утра до вечера она неподвижно **сидела наклоненная** над пьльцами* (М. Салтыков-Щедрин). ...***Сидишь скукоженная**, как будто тебя перед этим в расколе вымачивали* (А. Галин).

Часто субъективный результатив выражает результат повседневных действий: *Когда она пришла... я **сидел побритый, причесанный и одетый** в лучший костюм* (Н. Трофимова). *Через несколько минут он уже **сидел загримированный** в студии и пошел в эфир экстренный выпуск новостей* (М. Кузина).

Синонимически разнообразной оказывается ЛСГ причастий «одетый / раздетый»: *Сараев же лежал **одетым** и даже **застегнутым*** (С. Шикера). *И снова... мамушка **сидела принаряженная*** (В. Колесникова). *Она **лежит окутанная** пледом* (Г. Бер). *Натурищица... **стоит обнаженная** на возвышении* (В. Дьяков). ***Стоял распоясанный**, в алошелковой рубаше, без шапки...* (В. Каменский). *Японцы **сидят обутые** и кидают окурки на пол* (И. Эренбург).

В английском и немецком языках причастия, маркирующие одежду, обличение, также могут соединяться с позиционными связками: *Heinz **lag ausgezogen** auf dem Boden...Er **lächelte. Ich sitze angezogen, geschminkt und todmüde** auf meinem Bett.* В АЯ эта тематическая группа подразделяется на синонимы причастий «dressed» и «draped»: ...*he **sat cloaked and hooded**, a grim death mask over his face. Menzies asked a grey-haired man who **stood bundled up** in his plaid, tall and erect.*

В русском языке причастия, обозначающие психофизические состояния как реакцию человеческого организма, могут соотноситься с возвратными глаголами: *Вадим **лежал простуженный*** (М. Трауб) ← *простудился. **Сидим распаренные** за самоваром* (А. Ремизов). *Бабы в очереди **стоят перепуганные**, завтра разберут мыло, спички, соль...* (Г. Щербакова). *Я **стоял растерянный**. Зачем мне бурки?* (В. Шаламов). *Он **лежал ослабленный** и ни о чем не думал* (О. Куваев). *И она **сидит озлобленная**, агрессивная не меньше зала* (Е. Ханга). *В служебных помещениях люди **сидели измученные, потные, злые...*** (И. Грекова).

Отдельно можно выделить причастия, которые маркируют состояние, наступившее вследствие усиленной концентрации внимания или погружения в какой-л. процесс, демонстрируя тенденцию к сочетанию с глаголом «сидеть»: *Я **сидел погруженный** в глубокую задумчивость* (А. Пушкин). *Старик **сидел углубленный** в чтение ветхих пергаментных книг*

(А. Григорьев). Она... **сидела собранная и сосредоточенная** (Е. Козырева). Тематически близкими к ним выступают причастия со значением уединения: *Весь этот день я сидел уединенный* (М. Чулков). *А я так долго сидел закупоренный в Петербурге...* (Ф. Достоевский).

АЯ: *Children sit absorbed in front of banks... Later, at home, he'd sat engrossed in his work. The queen-dowager sat lost in thought for a minute. ...we sat glued to the radio.*

НЯ: *Er saß vertieft mit einem guten Buch... Nur Julia... sitzt versunken in sich da.*

3. **СИС с адъективированным причастием (АП).** О текучести границ между прилагательным и причастием написано немало. Адъективация причастий происходит в результате утраты ими глагольных признаков; страдательные причастия на -нный и -тый особенно легко переходят в разряд прилагательных, ср.: *избитый* (кем-то человек) и *избитая* (истина) [36. С. 183–184]. Признаком окачества причастия считается развитие у него способности «сочетаться с наречиями меры и степени (*очень, слишком, настолько*)» [32]: *Я был страшно подавлен таким поворотом дела* (Н. Игрунова). В рассмотренном нами материале основным признаком АП оказывается перенос значения, который делает невозможной трансформацию исходной активной конструкции: *Мужики сидели подавленные появлением карательного отряда в дверях* (М. Пришвин) ← **Появление карательного отряда подавило мужиков*.

Семантикой рассматриваемых СИС являются, как правило, эмоциональные (психические) состояния лица: *Анна сидела парализованная открытием. Её (Анну) не любят* (В. Токарева). *Не отвечать же «сам дурак»? Вот и стоишь оплеванный* (Л. Дурнов). *Васька сидел пришибленный* (Г. Матвеев). *Тот стоял поглощенный музыкой...* (В. Панова).

Также возможно выражение физического состояния как следствие болезни в сочетании со связкой «лежать»: *Михаил лежал полураздавленный слабостью, почти беспомощный* (А. Иванов). *Почти весь 1861 год поэт лежал прикованный к постели* (Л. Серова). *Все исчезло, и я лежу прижизненная к одру болезни...* (М. Погодин).

Метафорический перенос, различающий пассив и СИС с АП, становится особенно явным при сопоставлении конструкций:

Синий шут лежал раздавленный под колесом, из нарисованного рта вытекла струйка крови (Е. Хаецкая) – *Он стоял раздавленный и растерянный* (Н. Гарин-Михайловский).

Вошел один из сторожей с цепью и железным ошейником... и через минуту Петр Андреевич уже сидел прикованный на цепь, как сторожевой пес (Ф. Тютчев) – *Вторую субботу сижу прикованная к комнате* (М. Гудзь).

В английском и немецком языках к метафоризации склонны причастия со значениями «подавленный» (*dejected, deprimiert, niedergeschlagen*), «окаменевший» (*petrified, versteinert*), «околдованный» (*entranced, verzaubert*), «застывший» (*frozen*) и т.п.

АЯ: *The milkman was sitting petrified but unhurt in the wreckage. He sat frozen in his seat by surprise. Hoomy stood paralysed, clutching the rope.*

НЯ: *Ich stehe verzaubert über Wolken... Eine ganze Nation von Fernsehzuschauern liegt hypnotisiert auf dem Couch. Er saß niedergeschlagen da und seufzte von Zeit zu Zeit.*

Таким образом, обзор «пассивообразных» форм показывает, что они также вовлекаются в систему регулярных реализаций исходного типа сказуемого со связкой «быть», при этом, как и с случае с пассивной семантикой, в сопоставляемых языках наблюдается сходство выявленных лексико-семантических групп причастий.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало способность глаголов «стоять», «лежать», «сидеть» к совмещению функций; «площадь пересечения» полнозначности и служебности может варьировать, при этом связочность остается стабильным признаком. На наш взгляд, способность глагола регулярно выходить за рамки своей обычной функции целесообразно рассматривать не как «явление перехода», а как полифункциональность, обусловленную семантическим варьированием его вещественного значения и, как следствие, способностью соединяться с предикативом. Развитие отвлеченного значения в направлении: «стоять /лежать /сидеть → локация → бытийность → стабильность, длительность» сближает позиционные связки с аспектными операторами СИС. Более низкая продуктивность связки «сидеть» по сравнению с другими позиционными глаголами объясняется ограничением сочетаемости: она употребляется, как правило, с одушевленным пациенсом.

Семантический анализ подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что сочетание «позиционная связка + страдательное причастие» является фазисной реализацией СИС с глаголом *быть*; «двойная» семантика формы обусловлена семантическим «приращением» значения идентификации признака, которое происходит на глубинном уровне как контаминация. При этом важным представляется вывод о том, что регулярная реализация охватывает все семантические варианты (пассив, статив, субъектный результатив, СИС с адъективированным причастием), что подтверждает её системный характер. В фокусе внимания находились конструкции с семантикой пассива, маркирующие ситуацию состояния со «скрытым» референтом, роль которого могут выполнять агенс или эффектор. На основе корпусной выборки наиболее типичных причастий, способных образовывать СИС с позиционными связками, установлены 10 лексико-семантических групп аспектных ПК. Стилистически нейтральные модели (ЛСГ 1–3) уточняют положение объекта в пространстве, позу человека или результат обычного действия над предметом; остальные демонстрируют тенденцию к коннотации, большей частью отрицательной, которая дополняет семантику физического (ЛСГ 4–9) или психического (ЛСГ 10) воздействия на пациенс. Позиционные связки образуют, как правило, двучленный пассив;

в роли источника воздействия трехчленной ПК преобладает эффектор. Включение аспектных ПК в залоговую систему, которое опирается, во-первых, на понятие регулярной реализации *быть*-пассива, а во-вторых, на единую семантическую интерпретацию пассивных форм, позволяет расширить наше представление о страдательном залоге.

Сформулированные выше выводы являются общими для русского, английского и немецкого языков, что подтверждается сопоставительным аспектом исследования. Различающиеся признаки сочетания «позиционная связка + страдательное (перфективное) причастие» зависят от специфики языка. Наиболее существенное отличие – полная / краткая форма предикатива – обусловлена типом языка; менее существенное отличие (разновидности субъектного результата) связано с системой неличных форм; при этом язык аналитического типа (АЯ) и флективно-аналитический язык (НЯ) обнаруживают большое сходство. Высокая частотность сочетаний с отдельными причастиями типа «stand accused» (АЯ) или «steht geschrieben» (НЯ) – результат проявления семантической структуры отдельных лексем, специфичной для конкретного языка, которое не влияет на сходство существенных признаков. В целом можно констатировать, что функциональные и семантические признаки рассматриваемой разновидности СИС являются изоморфными для сопоставляемых языков.

Список источников

1. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М. : Наука, 1991. 414 с.
2. Арутюнова Н.Д. Связка // БСЭ. Языкознание. М., 1998. С. 435–436.
3. Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М. : Наука, 1984. 168 с.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз, 1956. 544 с.
5. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. М. : Наука, 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 24.01.2021).
6. Руднев Д.В. Связочные глаголы в русском языке XVII–XIX веков : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 543 с.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М. : Учпедгиз, 1958. Т. 1–2. 534 с.
8. Баудер А.Я. Явление переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления // Явление переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. В.В. Бабайцева. М., 1988. С. 18–19.
9. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М. : Высшая школа, 1976. 141 с.
10. Гиро-Вебер М. О связке в русском языке // Предложение и слово. Саратов, 1999. С. 32–37.
11. Попова Л.В. Связка в грамматической системе русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2013. 43 с.
12. Левицкий Ю.А. Типы сказуемого в современном английском языке. Пермь : ПГПИ, 1991. 67 с.
13. Локтионова Л.В. Синтагматика и парадигматика составного именного сказуемого с неспециализированными связками : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 19 с.

14. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М. : Высшая школа, 1981. 175 с.
15. Biber D., Conrad S., Leech G. Longman Student Grammar of spoken and written English. Fifth impression 2006. 487 p.
16. Валиева Д.М. Система связочных глаголов (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2005. 18 с.
17. Ganshina M.A., Vasilevskaja N.M. English Grammar. M., 1964. 548 с.
18. Gordon E.M., Krylova I.P. A Grammar of Present-Day English. M. : Высшая школа, 1986. 335 с.
19. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М. : Языки славянских культур, 2005. 480 с.
20. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. М. : ЗАО ЭКСМО-Пресс, 2000. 736 с.
21. Некрасова И.М. Позиционные связки как элемент аспектной модификации "Be"-пассива // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 2. С. 51–58. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.2.4
22. Некрасова И.М. Семантика СИС с позиционными связками (на материале немецкого языка) / The Semantics of the Nominal Predicate with Positional Copula Verbs (in German) // Proceedings of the IV International Multidisciplinary Conference «Recent Scientific Investigation». Primedia E-launch LLC. Shawnee, USA. M., 2020. С. 127–132.
23. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru, свободный.
24. Intellitext Corpus (University of Leeds). URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html#>, свободный.
25. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М. ; Л. : Учпедгиз, 1941. 620 с.
26. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.
27. Чейф У. Значение и структура языка. М. : Прогресс, 1975. 432 с.
28. Некрасова И.М. «Безагентные» структуры: пассив и не только... Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2016. 145 с.
29. Храковский В.С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе : сб. статей. М., 2004. С. 505–519.
30. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века / под ред. В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1964. 449 с.
31. Воейкова М.Д. Именительный падеж: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2011.
32. Сай С.С. Причастие: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2011.
33. Рахилина Е.В. Семантика русских позиционных предикатов // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69–80.
34. Князев Ю.П. «Пассив действия» и «пассив состояния» в русском и других славянских языках // Лингвистические исследования: Структура и значение предложения. М., 1982. С. 79–91.
35. Недалков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л., 1983. С. 5–41.
36. Галкина-Федорук Е.М. Причастие. Именное составное сказуемое // Современный русский язык / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. М., 1964. С. 178–184, 327–341.

References

1. Arnauld, A. & Nikole, P. (1991) *Logika, ili Iskusstvo myslit'* [Logic, or, The Art of Thinking]. Moscow: Nauka.
2. Arutyunova, N.D. (1998) *Svyazka* [Copula]. In: *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 435–436.
3. Yudakin, A.P. (1984) *Razvitie struktury predlozheniya v svyazi s razvitiem struktury mysli* [The Development of the Structure of the Sentence in Connection with the Development of the Structure of Thought]. Moscow: Nauka.
4. Peshkovskiy, A.M. (1956) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow: Uchpedgiz.
5. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <http://rusgram.narod.ru/>. (Accessed: 24.01.2021).
6. Rudnev, D.V. (2014) *Svyazochnye glagoly v russkom yazyke XVII–XIX vekov* [Connective verbs in the Russian language of the 17th–19th centuries]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
7. Potebnya, A.A. (1958) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Moscow: Uchpedgiz. Vols 1–2.
8. Bauder, A.Ya. (1988) *Yavlenie perekhodnosti v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka i smezhnye yavleniya* [The phenomenon of transitivity in the grammatical structure of the modern Russian language and related phenomena]. In: Babaytseva, V.V. (ed.) *Yavlenie perekhodnosti v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka* [The Phenomenon of Transitivity in the Grammatical Structure of the Modern Russian Language]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute. pp. 18–19.
9. Lekant, P.A. (1976) *Tipy i formy skazuemogo v sovremenном russkom yazyke* [Types and Forms of Predicate in Modern Russian]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Giro-Weber, M. (1999) *O svyazke v russkom yazyke* [About the copula in Russian]. In: *Predlozhenie i slovo* [Sentence and Word]. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute. pp. 32–37.
11. Popova, L.V. (2013) *Svyazka v grammaticheskoy sisteme russkogo yazyka* [A bundle in the grammatical system of the Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Arkhangelsk.
12. Levitskiy, Yu.A. (1991) *Tipy skazuemogo v sovremenном angliyskom yazyke* [Predicate Types in Modern English]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.
13. Loktionova, L.V. (1995) *Sintagmatika i paradigmatica sostavnogo imennogo skazuemogo s nespetsializirovannymi svyazkami* [Syntagmatics and paradigmatics of a compound nominal predicate with non-specialized bundles]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Moskal'skaya, O.I. (1981) *Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa (na materiale nemetskogo yazyka)* [Problems of the System Description of Syntax (Based on the material of the German language)]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Biber, D., Conrad, S. & Leech, G. (2006) *Longman Student Grammar of spoken and written English*. Fifth impression. London: Longman.
16. Valieva, D.M. (2005) *Sistema svyazochnykh glagolov (na materiale nemetskogo yazyka)* [The system of connective verbs (based on the material of the German language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.
17. Ganshina, M.A. & Vasilevskaja, N.M. (1964) *English Grammar*. Moscow: Vysshaya shkola.
18. Gordon, E.M. & Krylova, I.P. (1986) *A Grammar of Present-Day English*. Moscow: Vysshaya shkola.
19. Maysak, T.A. (2005) *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnykh s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of Grammaticalization of Constructions with Verbs of Movement and Verbs of Position]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

20. Dal', V.I. (2000) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Modern version]. Moscow: ZAO EKSMO-Press.
21. Nekrasova, I.M. (2020) Positional copula verbs as an element of aspect modification of be-passive. *Vestnik Permskogo Natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 2. pp. 51–58. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9389/2020.2.4
22. Nekrasova, I.M. (2020) [The Semantics of the Nominal Predicate with Positional Copula Verbs (in German)]. *Recent Scientific Investigation*. Proceedings of the 4th International Multidisciplinary Conference. Shawnee, USA. 29 June 2020. Moscow: Internauka. pp. 127–132. (In Russian).
23. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (n.d.) [Online] Available from: www.ruscorpora.ru.
24. *Intellitext Corpus (University of Leeds)*. (n.d.) [Online] Available from: <http://corpus.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html#>.
25. Shakhmatov, A.A. (1941) *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz.
26. Zolotova, G.A. (1982) *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka.
27. Chafe, W. (1975) *Znachenie i struktura yazyka* [Meaning and the Structure of Language]. Translated from English. Moscow: Progress.
28. Nekrasova, I.M. (2016) “Bezagentnye” struktury: passiv i ne tol'ko... [“Agentless” Structures: Passive and not only...]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University.
29. Khrakovskiy, V.S. (2004) Kontseptsiya diatez i zalogov (iskhodnye gipotezy – ispytanie vremenem) [The concept of diatheses and pledges (initial hypotheses – the test of time)]. In: Khrakovskiy, V.S., Mal'chukov, A.L. & Dmitrenko, S.Yu. (eds) *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole* [40 Years of the St. Petersburg Typological School]. Moscow: Znak. pp. 505–519.
30. Vinogradov, V.V. & Shvedova, N.Yu. (ed.) (1964) *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX veka* [Essays on the Historical Grammar of the Russian Literary Language of the 19th Century. Changes in the system of simple and complicated sentences in the Russian literary language of the 19th century]. Moscow: Nauka.
31. Voeykova, M.D. (2011) *Imenitel'nyy padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [Nominative Case. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Moscow: [s.n.].
32. Say, S.S. (2011) *Prichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [Participle. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Moscow: [s.n.].
33. Rakhilina, E.V. (1998) Semantika russkikh pozitsionnykh predikatov [Semantics of Russian posture verbs]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 69–80.
34. Knyazev, Yu.P. (1982) “Passiv deystviya” i “passiv sostoyaniya” v russkom i drugih slavyanskikh yazykakh [“Passive of actions” and “passive states” in Russian and other Slavic languages]. In: *Lingvisticheskie issledovaniya. Struktura i znachenie predlozheniya* [Linguistic Research. Structure and meaning of the sentence]. Moscow: The Institute of Linguistics of USSR AS. pp. 79–91.
35. Nedyalkov, V.P. & Yakhontov, S.E. (1983) Tipologiya rezul'tativnykh konstruktsey [Typology of resultative constructions]. In: Nedyalkov, V.P. (ed.) *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktsey* [Typology of Resultative Constructions]. Leningrad: Nauka. pp. 5–41.
36. Galkina-Fedoruk, E.M. (1964) Prichastie. Imennoe sostavnoe skazuemoe [Participle. Nominal compound predicate]. In: Galkina-Fedoruk, E.M. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Pt. 2. Moscow: Moscow State University. pp. 178–184, 327–341.

Информация об авторе:

Некрасова И.М. – канд. филол. наук, зав. кафедрой романо-германских языков и межкультурной коммуникации Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). E-mail: nekrasova142008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.M. Nekrasova, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of Romance-Germanic Languages and Intercultural Communication, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: nekrasova142008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2021;
одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 17.02.2022;
approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.17223/19986645/79/6

Синтаксис и семантика эмотивных глаголов (к проблеме лингвистической интерпретации текстов, написанных авторами с психическими расстройствами)

**Елена Николаевна Никитина¹,
Надежда Константиновна Онипенко²**

¹ *Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия, yelenon@mail.ru*

² *Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(ИРЯ РАН), Москва, Россия, Onipenko_n@mail.ru*

Аннотация. Статья демонстрирует объяснительные возможности лингвистики в рамках междисциплинарного проекта, в котором соединились задачи психологии, лингвистики и компьютерного анализа текста. Показаны различия в употреблении семантических групп эмотивных глаголов, выборе каузативной / рефлексивной конструкции, рассмотрены особенности реализации категорий времени и лица в текстах, написанных авторами с разными психиатрическими диагнозами (депрессия, шизофрения).

Ключевые слова: каузативные и возвратные эмотивы, экспериенцер, каузатор, 1-е и 3-е лицо, семантический тип эмотива, семантика, синтаксис, лингвистический анализ текста

Источник финансирования: работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2020-799.

Для цитирования: Никитина Е.Н., Онипенко Н.К. Синтаксис и семантика эмотивных глаголов (к проблеме лингвистической интерпретации текстов, написанных авторами с психическими расстройствами) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 109–130. doi: 10.17223/19986645/79/6

Original article

doi: 10.17223/19986645/79/6

Syntax and semantics of psych verbs (on the problem of linguistic interpretation of texts written by persons with mental disorders)

Elena N. Nikitina¹, Nadezhda K. Onipenko²

¹ *Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, yelenon@mail.ru*

² *Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, Onipenko_n@mail.ru*

Abstract. The article focuses on linguistic participation within a cross-disciplinary psycholinguistic research that was aimed at investigating connections between language and cognition in norm and pathology on the example of essays written

by persons with mental disorders (depression, schizophrenia). The theme of the essays was “Me, Others, World”. The essays constitute a small corpus (43 depression, 25 schizophrenia, 481 mental health texts) and form three *groups of experimental subjects*. The corpus has been explored by means of machine analysis and systemic-functional linguistics and discourse analysis. Linguistic participation fell into two stages. Stage 1 implied interpretation of statistical results of morphology machine analysis. Stage 2 performed a study of psych causative and reflexive verbs in a view of their lexical and grammatical realizations in texts. The article pays special attention to Stage 2 investigation. The key goal was to test the hypothesis that person’s choice of psych verbs depends on his or her mental status. The results obtained confirm the hypothesis. The article consists of introduction, six sections and conclusion. Section 1 gives a description of the research in general and its linguistic components. Section 2 introduces characteristics of causatives and reflexives in a view of their structure and semantics. Sections 3–6 contain results of text linguistic analysis; connections between psych verbs usage and mental status of speakers traced are supplemented by attempts to predict some behavior and thinking features. Psych causatives and reflexives belong to verbs that mean state (not action) of animate experiencer and have a genetic relationship with nouns and predicative adverbs. Psych causatives obligatorily carry the seme of cause, reflexives are often accompanied by cause. They differ semantically and functionally (with no morphological reasons) from each other. Firstly, the former are more rational, the latter represent emotions through their perceptive manifestations; secondly, the former suppose a first-person-(*Ya*)-experiencer and locate the situation in the time of speech (situation of speech and situation spoken take place simultaneously), the latter prefer a third-person-(*on*)-experiencer and narrate events in the past. For the purpose of psycholinguistic analysis, distinction of four types of psych verbs (negatives, positives, ambivalents, de-emotives) was important as well as their semantic transformations in the context of negation. Whereas the “healthy” group demonstrated a certain balance in usage of positives/negatives, both “mental disorder” groups tended to choose negatives. “Healthy” and “depression” groups were parallel in ambivalents usage. Speakers of the “depression” group avoided positives in association with *Ya*-experiencer. In the “depression” group *Ya*-causator constructions were preferable, which may mean their readiness to be responsible for somebody’s emotional states; also they were able to locate their own and other persons’ emotional states in present and past. Speakers of the “schizophrenia” group were not so flexible in sense of time and concentrated on their own personality and actual state, which corresponds to causative *Ya*-experiencer constructions in the present tense, neglect of reflexives and inclusive sentences (*Ya*-experiencer that shares emotion with others).

Keywords: causative and reflexive psych verbs, experiencer, causator, first and third person, psych verb semantic types, semantics, syntax, linguistic text analysis

Financial Support: The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 075-15-2020-799.

For citation: Nikitina, E.N. & Onipenko, N.K. (2022) Syntax and semantics of psych verbs (on the problem of linguistic interpretation of texts written by persons with mental disorders). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 109–130. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/6

Современные исследования текстов с использованием машинного анализа базируются на системоцентричной уровневой лингвистической теории, в основе которой лежит иерархия языковых единиц от фонемы до синтаксиче-

ской конструкции и, соответственно, иерархия уровней от фонологии до синтаксиса, поэтому наиболее простым и типичным приемом количественного анализа стал подсчет дискретных единиц, прежде всего лексем и морфем: обе единицы позволяют исследователям делать выводы об объеме словаря пишущих, о наиболее значимых темах, о степени задействованности грамматической системы, но не соединяют анализ текста с изучением субъектной составляющей (ср. проблематику, представленную в филологии терминами «образ автора» (В.В. Виноградов), «языковая личность» (Й.Л. Вайсбергер, Ю.Н. Караулов), «эмпатия» (У. Чейф), «фокус эмпатии» (Т.В. Булыгина), «эвиденциальность» (Р.О. Якобсон, Н.А. Козинцева)).

Воплощение идей антропоцентризма и лингвистической прагматики средствами машинного анализа сегодня затруднено, однако запрос на лингвистическое исследование, нацеленное на конкретную личность либо тип личности, у гуманитарных наук имеется, в частности такой запрос есть у психологии (одним из ярких примеров такого интереса к личности является онтолингвистика как одно из современных направлений психолингвистики – см. работы В. Дресслера, Д.А. Слобина, С.Н. Цейтлин; см. также психолингвистические работы К.Ф. Седова о языковой личности).

Междисциплинарные проекты, задачу которых формулируют психологи, включают лингвистический компонент как один из аспектов изучения человека и его речевой продукции. Лингвистический анализ, включающий грамматические и семантические параметры, позволяет соединить количественный подход и интерпретацию текста, тем самым помогает психологии приблизиться к человеку как субъекту мыслящему, как творцу текста. Лингвистическая семантика преодолевает границы между уровнями машинного анализа текста (лексика, морфология) и соединяет системно-языковой анализ, включающий лексику, морфологию и синтаксис, с собственно лингвистическим анализом текста. Пример такого текстового подхода, который осуществляют лингвисты по заданию психологов, будет представлен в настоящей статье. Объектом исследования стали тексты, созданные лицами с психическими расстройствами. В основе предлагаемого текстового анализа лежит концепция коммуникативной грамматики [1], соединяющей системно-языковое описание и анализ текста.

Структура статьи отражает соединение в работе теоретического и прикладного аспектов лингвистики. В разделе 1 дана общая характеристика проведенного междисциплинарного исследования, которое предшествовало лингвистическому анализу текста, и аргументируется выбор эмотивных глаголов в качестве одного из параметров анализа текста. В разделе 2 дается характеристика русских эмотивных глаголов. В разделах 3–7 представлены результаты исследования, раздел 8 посвящен обсуждению результатов.

1. Материал, объект, этапы и задачи исследования

Материалом для лингвистического анализа текстов послужил корпус эссе на тему «Я, другие, мир» (средний объем текста – 2 000 знаков), написанных

авторами, образующими три группы: «здоровые», «депрессия», «шизофрения». В исследовании приняли участие пациенты клиники ФГБНУ НЦПЗ, проходящие лечение в отделе по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний, среди них 34 больных с диагнозом шизофренического спектра (согласно МКБ-10 F-20.04, F-20.05) и 43 человека с диагнозом аффективного спектра (согласно МКБ-10 F-31.3.F-32.1, F-33.10). Все больные наблюдались на этапе становления ремиссии. Диагнозы были верифицированы клиницистами центра. Критериями исключения были: наличие органических поражений и злоупотребление психоактивными веществами в анамнезе. Контрольную группу составили участники, не имеющие психиатрического диагноза («здоровые»), – 481 человек¹.

Корпус текстов был собран клиническими психологами Научного центра психического здоровья РАН в рамках междисциплинарного проекта РФФИ², первые результаты которого отражены в [2, 3]. В этих работах, составивших первый этап исследования, на основании анализа статистически значимых морфологических и морфо-синтаксических различий было показано, что «тексты больных отличаются от текстов здоровых по ряду психолингвистических показателей, отражающих наличие дефицитарной психопатологической симптоматики» [3]. Тексты анализировались клиническими психологами, которые «отмечают сосредоточенность больных на себе, их амбивалентное или отрицательное отношение к себе, чувство изоляции от мира, ощущение неустойчивости и «зыбкости» окружающего мира» [3].

Если на первом этапе статистически значимые различия оценивались специалистами по психологии и в отвлечении от текстов, то на втором этапе применялся лингвистический анализ текстов эссе, осуществлявшийся лингвистами. Лингвистический анализ позволил интерпретировать статистически значимые различия в употребимости личных местоимений 1-го и 2-го лица и форм прош. вр., которые рассматривались в связи с семантикой синтаксической конструкции [4]. В ходе исследования было установлено, что группы с разными психиатрическими диагнозами тяготеют к разному оформлению обобщенно-личного значения: депрессия – *мы*-высказывания, шизофрения – *ты*-высказывания. Это можно объяснить следующим образом: 1) подавленность лиц в состоянии депрессии и их потребность в консолидации с обществом как носителем общепринятых этических норм (*мы*-формы); 2) желание распространить собственный частный опыт на других у лиц с диагнозом «шизофрения» (*ты*-формы). В то же время в группе «здоровые» предпочтения того или иного способа представления обобщенно-личного значения не отмечено. В группе «здоровые» фиксиру-

¹ Для анализа была сделана случайная выборка из 25 текстов в каждой из трех групп.

² Отметим, что по условиям конкурса РФФИ офи-м психодиагностическое исследование, проводимое в рамках проекта, не предполагает рассмотрения в каком-либо этическом комитете и не требует подписания информантами листов информированного согласия.

валось минимальное количество форм местоимения *Я* и форм прош. вр., что связано со склонностью к решению темы эссе в общечеловеческом плане, т.е. в отвлечении от индивидуального *Я* и конкретного временного плана (общечеловеческие истины формулируются в наст.вр). В текстах групп с психопатологией формы прош. вр. означают зависимость от воспоминаний, погруженность в прошлое, однако формы прош. вр. различаются семантически. В текстах группы «депрессия» обнаруживается перфектное значение, отмечающее драматическую границу между двумя жизненными периодами – здоровья и наступившей болезни («перфект»), а в текстах группы «шизофрения» прошедшее предстает как ровная линия (серия «аористов»), соответствующая вспоминаемым событиям.

Настоящая работа представляет результаты третьего этапа исследования, на котором произошел переход от морфологических характеристик как исходного пункта лингвистического анализа текста к функционально-семантическим: основным объектом внимания стали семантическая группа глаголов и организуемые ими конструкции. Нас интересовали глаголы каузативно-эмотивной семантики и их возвратные корреляты (типа *удивлять–удивляться, злить–злиться*), всего 259 глаголов, собранных при работе над «Семантико-грамматическим словарем русских глаголов» [5]. Обращение к эмотивной лексике при исследовании текстов психически больных было обусловлено необходимостью создать лингвистически обоснованный алгоритм автоматического анализа текстов людей с наличием психологических проблем или психических нарушений. Данная группа глаголов не ограничена тематически, т.е. обладает определенной универсальностью. Было выдвинуто предположение, что тип психопатологии автора и выбор им эмотивных лексем и эмотивных конструкций определенным образом связаны. Тем самым исследовалась значимость выбора не только слова об эмоции (негативная или позитивная окраска), как было показано в работах [6; 7] о «лексических признаках психологического неблагополучия», но и семантика категорий времени и лица. Кроме того, при изучении данного корпуса текстов на примере эмотивных глаголов проверялся прикладной потенциал лингвистического описания, предпринятого при работе над «Семантико-грамматическим словарем» [5].

Лингвистический анализ текста проводился без предварительной статобработки данных машинного анализа корпусов. Напротив, предполагалось, что результаты анализа употребления эмотивов и их конструкций дадут возможность предложить значимые лингвистические характеристики, которые могут быть применены при решении задач психодиагностики и позволят в дальнейшем проводить исследование текстов различных групп информантов уже с использованием методов матстатистики или машинного обучения. С такой постановкой задачи связано и то, что в работе практически отсутствует количественная характеристика материала – работа посвящена не описанию текстов лиц с расстройствами психики по уже сложившимся в лингвистике критериям, а выявлению тех особенностей эмотивов, которые могут быть интересны для задач психодиагностики. Проверка

значимости этих особенностей как маркеров заболевания при автоматической классификации текстов – дело уже следующих исследований.

Лингвистический анализ текстов включал (1) уточнение имеющейся в лингвистической литературе лексико-семантической классификации эмотивов, формулировку тестов для идентификации типов эмотива и принципов смены семантического типа эмотива в контексте отрицания; (2) машинную разметку текстов эссе в соответствии с нашей классификацией эмотивов; (3) проверку текстов эссе после машинной разметки с целью устранения полисемии; (4) семантико-грамматическую интерпретацию конструкций, организованных эмотивными глаголами, в связи с семантикой времени и категорией лица каузатора и экспериенцера.

2. Общая характеристика эмотивных глаголов

Объектом исследования, как было сказано выше, стали эмотивные переходные глаголы и их возвратные корреляты в морфологических и синтаксических реализациях. В отличие от глаголов действия эмотивные переходные и возвратные глаголы не являются страдательно-залоговыми коррелятами. Эмотивные глаголы, или глаголы эмоционального состояния, семантически «производны» от именных предикатов состояния, от которых «наследуют» определенные семантические свойства – личность субъекта состояния (экспериенцера), отсутствие временной перспективы и внутренней предельности. Отличительным свойством эмоционального состояния является его обусловленность извне, поэтому неизменным (или частым) спутником конструкции с эмотивным предикатом становится компонент с семантикой причины, ср.: *Нас радовал дождь* = *Мы радовались дождю* = *Мы радовались, (потому) что шел дождь*. Такие конструкции называются каузативными, а компонент со значением причины – каузатором (его категориальная семантика может быть личной, предметной, пространственной и пропозициональной). Поскольку семантика причины является обязательной валентностью переходных эмотивных глаголов, они называются каузативными эмотивами. Соответствующие корреляты называются возвратными эмотивами.

Тот факт, что конструкция каузативно-эмотивного глагола предполагает в качестве результата каузации состояние (контроль над которым затруднен со стороны внешней силы), значительно отличает эту конструкцию от других каузативных: в эмотивной конструкции нет собственно воздействия, а есть опосредованное причинение. Это значит, что вероятность возникновения причинно-следственной связи зависит не только от субъекта-каузатора, но и от осмысляющего и реагирующего субъекта (субъекта эмоционального состояния). Отсюда и обсуждаемая в лингвистической литературе проблема намеренности / ненамеренности (агентивности / неагентивности) каузатора каузативно-эмотивной конструкции (см., например, [8, 9]), о намеренности / ненамеренности каузации в целом см. [10]. Отметим, что согласно данным НКРЯ (1970–2021 гг.) формы ср. р. для многих каузативно-эмотивных лек-

сем преобладают над другими формами рода и числа: *волновало* – 560, *волновали* – 368, *волновала* – 300, *волновал* – 218; *радовало* – 272, *радовали* – 183, *радовала* – 155, *радовал* – 151; *беспокоило* – 354, *беспокоили* – 196, *беспокоила* – 171, *беспокоил* – 166. Форма ср. р. глагола указывает на неличную семантику каузатора в Им. п. и, соответственно, на ненамеренность. Если другие формы рода и мн. ч. безразличны к категории одушевленности (а намеренность связана с одушевленностью субъекта), то форма ср. р. не может согласовываться с одушевленными именами (исключая существительные типа *дитя* и *чадо*). Она появляется в конструкциях с каузирующими пропозитивными именами и «сентенциальными актантами» (придаточными, замещающими позицию каузатора), что свидетельствует в пользу частотности ненамеренной каузации.

При всей общности значения эмотивных глаголов в каждой из организуемых ими пар каузативные и возвратные эмотивы имеют семантические различия. Так, эмотивная семантика первых окрашена рассудочным анализом (*Ты меня огорчаешь*). Вторые семантически проще: в их валентностной модели нет компонента причины, они называют эмоцию, но это эмоция в связи с ее внешним проявлением (прыгает – значит радуется, хмурит брови – значит злится, краснеет – значит стыдится). Каузативные эмотивы имеют фокус на причине состояния, возвратные – на состоянии.

Для эмотивных глаголов важнейшей субъектной инстанцией является экспериенцер, который при переходном глаголе выражается Вин. п., а при возвратном – Им. п. О собственной эмоции, переживаемой в момент речи (форма наст. вр.), мы обычно заявляем посредством каузативных эмотивов с Я в Вин. п. или с «синтаксическим нулем» экспериенцера и гораздо реже с помощью возвратных, ср.: *Меня это радует* – *Это радует* – **Я радуюсь этому*; это позволяет относить каузативные эмотивы к «перволичным» предикатам. Высокая употребимость возвратных эмотивов с не-Я-экспериенцерами подтверждается частотными данными НКРЯ, см. работу [11], в которой возвратные эмотивные глаголы интерпретированы в связи с их семантической «третьеличностью».

Обратимся к «третьеличным» глаголам. Особый характер их грамматической семантики (на глаголах неэмотивных значений, например *созидать*, *ябедничать*, *ерничать* и др.) отмечается в некоторых лингвистических работах [1, 12]. На предикатах внутреннего состояния проблема лица экспериенцера рассматривалась Анной А. Зализняк, там же см. историю вопроса в связи с выбором «семантически более простой формы» лица экспериенцера – 1-го или 3-го [13. С. 13–14]. Прикладной аспект проблемы «третьеличных» глаголов представлен в работе [4], в которой было показано, что употребление говорящим «третьеличных» глаголов и – шире – «третьеличных» неглагольных предикатов применительно к себе может маркировать особое психическое состояние – состояние депрессии; сходные выводы получены несколько позже в [14, 15] и описаны в терминах «labeling/ mislabeling» (*I am a winner, I am a lady, I am a loser*) – подведение собственной личности говорящего под позитивную / негативную категорию выступает как маркер депрессии.

Другая важная характеристика эмотивных глаголов как статуальных предикатов – категория времени. Для семантики состояния важно, помимо лица экспериенцера, разграничение актуального / неактуального времени. Только соединение *Я*-экспериенцера и предиката эмоции в актуальном настоящем создает сообщение о собственно состоянии; высказывания о состоянии *Я* в неактуальном времени (как и любые высказывания о состоянии других лиц) носят интерпретативно-приписывающий характер. Если для каузативных эмотивов с *Я*-экспериенцером типична как актуальная, так и неактуальная временная локализованность, то для возвратных с *Я*-экспериенцером скорее характерна неактуальная временная локализованность. В неактуальном времени 1-е лицо экспериенцера не указывает на совпадение субъекта речи и субъекта состояния, а свидетельствует о дистанцированности между *Я* говорящего момента речи и *Я* субъекта состояния в прошлом / будущем / неактуальном настоящем, тем самым 1-е лицо уходит в зону 3-го лица. Поэтому соединение возвратных эмотивов с *Я*-экспериенцером в прош.вр. типично (в отличие от наст. актуального); *Я* при возвратных глаголах эмоции может появляться в воспоминаниях, чем обнаруживается их семантическая «третичность»¹, подробно см. в [5, 11].

3. Глагольная полисемия² и эмотивы

Для поиска встречаемости эмотивных глаголов все тексты были обработаны при помощи морфологического анализатора MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem/>). Леммы всех словоупотреблений в текстах были сопоставлены с начальными формами эмотивных глаголов, при этом использовались инструментарий языка программирования python и сопутствующая библиотека `rumystem3`. Помимо сопоставления лемм слов также учитывалась морфологическая аннотация, полученная при помощи анализатора MyStem. С помощью машины была произведена разметка эмотивов по четырем семантическим классам (о семантических классах эмотивов см. раздел 4).

Машинная обработка, однако, не позволила исключить неоднозначность. Поэтому после машинной разметки тексты были подвергнуты ручной проверке и исключены контексты с полисемичными глаголами в неэмотивном значении, в частности глагол *занимать* / *занять*, для которого очень частотны пространственное и временное значения (*Сейчас всё моё время занимает (?) работа и семья*¹ («шизофрения»); *Я часто задаюсь*

¹ Еще одно свойство эмотивных глаголов, отмечаемое в литературе, – это перфектная видовая пара [16]. Это свойство эмотивов в нашей работе не обсуждается.

² В традиционной русистике и словарной практике разграничиваются полисемия и омонимия, хотя в машинной обработке естественного языка сложилась практика считать любые разные значения одной лексической единицы грамматического (или орфографического) словаря омонимиями.

³ Знаки (?), (–), (+), (/) соответствуют семантическим типам эмотивов и были использованы для машинной разметки текстов, поэтому они сохранены в примерах из текстов эссе.

вопросом о том, какое место в нашем мире я *занимаю* (?) («здоровые»); *Мест нет Мест нет Все уже занято* («депрессия»)). Эмотивное значение этого глагола в исследуемом корпусе не отмечено.

Полисемичные глаголы *тревожить*, *увлечь*, *тронуть* показали неожиданную картину употребления: в группе «шизофрения» встречается не каузативно-эмотивное значение, а вещественное, пространственно-динамическое². *Потоки воздуха тревожат (-) занавеси окон автобуса; В это же мгновение несколько мушек были сбиты водяным потоком и увлечены (+) им вниз, в водосток ванны; И, возможно, это я ушёл в туман, тронув (+) рукой мокрые листья кустов; свежая трава, волнуемая (?) ветром.* Если в предыдущих примерах можно усмотреть наложение эмотивного значения на пространственное (эффект персонификации), то есть и пример с собственно эмотивным значением, приписанным предметному субъекту: *удрученные тени* («шизофрения»). Этот контекст будет проинтерпретирован ниже (раздел 5).

4. Семантическая классификация эмотивов

В рамках лингвистического анализа было принято деление эмотивных глаголов на четыре подкласса (типа): позитивы (*радовать*, *восхищать*), негативы (*бесить*, *злить*), амбиваленты (*удивлять*, *волновать*), деэмотивы (*успокаивать*, *умиротворять*).

Первоначально в основу разграничения эмотивных глаголов был положен признак позитивной / негативной эмоциональной окрашенности: *радоваться* – *огорчаться*, что обусловлено и психологически и лингвистически. См. толкование *восхищать*: «то, что X считает воспринимаемый им Y очень хорошим, каузирует то, что X находится в достаточно интенсивном положительном эмоциональном состоянии...» [17. С. 172–173].

Это разграничение негативов / позитивов отражает традиционное антонимическое соответствие, парадигматически упорядочивающее пары лексем в терминах положительной и отрицательной полярности [18], именно это деление используется в психологических работах [6, 7]. Однако разграничение по этому бинарному признаку захватывает не все глаголы эмоции, поэтому были добавлены еще два признака. Семантика некоторых эмотивов носит амбивалентный характер: обозначает волнение, повышенный эмоциональный фон, но не включает сему позитивной / негативной оценки, что отражается и в толкованиях, не включающих слов оценки. См. толкование *удивлять*: «то, что в момент t X уверен в осуществлении события Y или события P (Y), а до t X считал это событие маловероятным, каузирует то, что X находится в «возбужденном» эмоциональном состоянии»

¹ Орфография и пунктуация исследуемых текстов сохранены; в текстах сделаны купюры с целью сохранения анонимности авторов.

² См. толковые словари Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, в которых именно неэмотивное значение является первым для *тронуть*, *увлечь*.

[17. С. 500]. Такая неохарактеризованность по признаку «хорошо / плохо» обнаруживается способностью эмотивов сочетаться со словами оценки обоих полюсов: *он меня приятно / неприятно удивил*, ср. невозможность **приятно / неприятно обрадовать, разозлить*. Наконец, была выделена подгруппа глаголов, которые относятся к эмотивным, но обозначают не нахождение в эмоциональном состоянии, а выход из него, отсутствие повышенного эмоционального фона, например: *успокоиться*.

Семантика эмотива в контексте отрицания подвергается изменению: отрицание так смещает словарное значение глагола, что оно может быть описано посредством семантики другого эмотивного подкласса. Так, глаголы позитивной группы могут давать значение негативное (–): *не радовался этому* = «расстраивался»; глаголы негативной и амбивалентной группы – отсутствие эмоции (∅): *не тревожусь / не удивляюсь* = «испытываю спокойствие»; глаголы выхода из эмоции (деэмотивы) – негативное (–): *не успокоился* = «беспокоился». Эти особенности поведения глаголов учитывались при анализе, что позволило точнее представить общий эмоциональный фон групп информантов. На этапе машинной обработки были размечены встреченные в текстах эмотивы по их принадлежности к семантическому подклассу; на этапе лингвистического анализа учитывалось смещение словарного значения глагольной лексемы в контексте отрицания.

В текстах трех групп информантов обнаружены отличия в употребимости позитивных / негативных эмотивов. В группе «здоровые» эссе оказались более эмоциональны (они насыщены как негативной, так и позитивной лексикой), при этом количество негативов и позитивов практически уравновешено, в отличие от групп «депрессия» и «шизофрения», где негативы преобладают над позитивами. Интересно, что в группе «здоровые» большее, чем в двух остальных, количество амбивалентной эмотивной лексики (недифференцированной по признаку позитивной / негативной окраски).

Негативная эмотивная лексика может соотноситься как с Я-, так и с не-Я-экспериенцером во всех группах информантов, здесь различий не выявлено.

Позитивная семантика эмотива в трех исследуемых группах по-разному соотносится с лицом экспериенцера, важный характер приобретает наличие / отсутствие соединения с Я чувствующим.

В группе «здоровые» позитивная эмотивная семантика может соотноситься как с Я-экспериенцером, так и с другими (примеры распределяются почти поровну). Я: *Мир, в котором я живу, – прекрасен, удивителен и я очень его люблю, стараюсь наслаждаться (+) каждым прожитым днем*; не-Я: *Король Швеции Густав Пятый увлекался (+) вышивкой*; обобщенно-личное (все, и Я в том числе): *...кто то даже кончает жизнь самоубийством, но кто то же хочет жить, радуется (+) каждой мелочи*.

В группе «депрессия» единственный пример позитивного предиката соотнесен с экспериенцером в 3-м лице: *Бедные <больные> никак не ожидали увидеть такое зрелище, порадовавшее (+) их замутненное нейрорептиками сознание*. Позитивные эмоции в данной группе не соотносятся с

Я-экспериенцером. Высокий уровень негативизма совместно с нехарактерностью соединения *Я* с предикатами позитивной группы являются признаком группы «депрессия».

В группе «шизофрения» позитивный предикат характеризует Я-экспериенцера: *Чехов А. П меня радует (+)*.

Деэмотивная семантика («выход из эмоционального состояния») представлена во всех трех группах, с некоторым численным преобладанием в группе «депрессия». В текстах корпуса «деэмотивное» значение часто формируется за счет множественных лексико-синтаксических средств – не только с помощью отрицательной частицы, но и других модификаторов предиката: *Я лежу на голом полу в тишине. Меня уже ничто не тревожит (–), мой ум не волнуют (?) мысли, чаяния и надежды («шизофрения»); Мало что могу сказать о других, они меня мало волнуют (?), на то они и другие («здоровые»); Люди внизу разучились удивляться («депрессия»).*

5. Семантическая структура эмотивов и категория лица

В семантическую структуру каузативных и возвратных эмотивов, как было сказано выше, входят два именных компонента – обязательный экспериенциальный и каузальный (обязательный для переходных, факультативный для возвратных). При анализе текстов исследовалось: 1) кому принадлежит эмоция (*Я* или не-*Я*), что реализуется выбором или не-выбором местоимения *Я* и слов душевной личной сферы (*сердце, мечта, душа* и др.) в связи с *Я* в позиции экспериенцера; 2) насколько пишущие способны ассоциировать себя с другими субъектами чувствующими (обобщенно-личное значение экспериенцера); 3) насколько разные группы информантов склонны к совмещению в одной конструкции эмоционального состояния и рационального обоснования состояния (выбор каузативного или возвратного эмотива); 4) насколько информанты склонны сознать себя в качестве причины состояний, испытываемых другими (*Я* в позиции каузатора).

Группы «здоровые» и «депрессия» обнаружили сходную картину по целому ряду признаков, однако с определенными расхождениями, которые обсуждаются ниже.

Во-первых, эмоциональное состояние приписывается авторами обеих групп и *Я*-субъекту, и другим. Не-*Я* экспериенцер: *Окружающие, когда узнают об этом, очень удивляются (?) («депрессия»); у всех свой особенный взгляд на людей и на вещи, кто то интересуется (+) историей («здоровые»).* *Я*-экспериенцер: *Я росла довольно закрытым ребёнком, одноклассникам предпочитала книги, но меня это не беспокоило (–) у меня была семья («депрессия»); Ещё одна вещь, которая меня всегда удивляет (?) – это то, как находится неизвестное («здоровые»).*

Здесь же наблюдается определенное различие между сравниваемыми группами. Авторы из группы «здоровые» об эмоции других говорят на примере как неконкретно-референтных экспериенцеров, так и конкретно-референтных (по-видимому, с преобладанием первых), исходя из соб-

ственного опыта и обобщая его. Неконкретно-референтный (обобщенный) экспериенцер: *Я много раз встречал как милая с виду и по общению женщина зрелых лет, пишет в интернете такое, что любой сапожник может смутиться* (–); *для кого-то я близкий друг, которому можно довериться и рассказать то, что волнует* (?). В группе «депрессия» чаще, чем в группе «здоровые», речь идет о конкретно-референтных экспериенцерах и конкретном временном плане прошлого (возможно, из-за погруженности пишущих в воспоминания): *Бабушка нервничает. Мама тоже нервничает. Я вижу. Их обеих начинает бесить* (–) *это ожидание; Бедные психи со скукоты глядели в окно, куря сигареты и развеивая тем самым скуку, и уж никак не ожидали увидеть такое зрелище, поразившее* (+) *их замутненное нейрорепликациями сознание*.

Во-вторых, обе группы использовали эмотивные предикаты для построения высказываний с обобщенно-личным значением экспериенцера (эмоциональное состояние соединяет Я и мир других людей): *Многие часто не задумываются о том, что нас окружает, в том числе и я, поэтому неожиданные моменты случающиеся в нашей жизни впечатляют* (?) *нас* («депрессия»); *Любые возможности, связанные с риском и неизвестностью его <человека> пугают* (–); *Ведь любой, столкнувшись с горой непонимания, несправедливости, будет подавлен, расстроен* (–) («здоровые»). Так пишущий говорит об эмоции дистанцированно, предъявляя ее возникновение как определенную закономерность, но не предъявляя при этом собственную личность. Здесь личное скрыто под общим, о чем писал еще А.М. Пешковский (1928) [19. С. 342]. В группе «здоровые» обобщенно-личные высказывания используются чаще.

В-третьих, эмоциональное состояние может описываться с помощью как каузативных эмотивных глаголов (с обязательным компонентом конструкции – каузатором), так и возвратных (с необязательным каузатором).

Каузативно-эмотивные глаголы (с каузатором): *Пока мне уютно в своем крохотном домике, но однажды я в этом уверена, и это придает мне сил я разрушу все окружающие меня стены. <...> Когда мир и люди перестанут меня ужасать* (–) («депрессия»); *Другие для меня – неразгаданные загадки, люди с собственным мышлением, опытом, устоями. Их зачастую противоречивый образ мыслей не может не поражать* (?) («здоровые»).

Возвратные эмотивные глаголы: *С начала я быстро и смело знакомясь, но затем начинаю стесняться* (–) («депрессия»); *Когда я была маленькая я внезапно узнала, что в мире есть люди которым я не нравлюсь. Это были мои сверстники и я ужасно расстроилась* (–) («здоровые»).

В-четвертых, Я может выступать в качестве каузатора состояний других лиц. В эссе авторов из группы «депрессия» конструкция с Я-каузатором эмоционального состояния других в Им. п. встречается неоднократно, как в инволютивном (ненамеренная каузация), так и волютивном (намеренная каузация) значении. *Другие, кого я боялась разочаровать* (–) *какими-то своими неудачами или проблемами, начинали внезапно идти навстречу; Ты не вписываешься, ты неудобная, ты мешаешь, ты разоча-*

ровываешь¹ (-); **Я** пыталась мирить родителей, пыталась **успокоить** (l) мать, но всё это было бесполезно («депрессия»). В группе «здоровые» каузирующее **Я** встретилось в конструкциях с возвратным глаголом: он **нравился** другим девочкам, чего нельзя было сказать обо мне, – в итоге и он **злился** (-) **на меня**; Кто **порадовался** (+) бы за **мои** осуществленные **мечты**? Представляется, что для говорящего идея связи **Я** с состоянием других важна вне зависимости от наличия у **Я** намерения не только в силу отсутствия непосредственной связи между намерением **Я** и эмоцией другого, но и в силу возможной связи между не имеющим намерения **Я** и эмоцией экспериенцера 3-го лица – связи, возникающей в сознании субъекта чувствующего (экспериенцер 3-го лица). В контекстах с **Я**-каузатором обращает на себя внимание тот факт, что эмотивные глаголы нередко употребляются в ирреальной модальности (см. примеры выше). В результате мы имеем дело не с реальной каузацией **Я** чьих-либо эмоций, а с мыслями, предположениями пишущего об этом.

Если соединять два смысловых параметра – **Я** как причина состояния другого лица и приписывание состояния другому лицу (не-**Я**-экспериенцер), то встречаемость этих двух смыслов в группе «депрессия» выше, чем в группах «здоровые» и «шизофрения». Это может свидетельствовать о том, что люди в состоянии депрессии (необоснованно) принимают на себя тяжесть ответственности за (негативное) эмоциональное состояние других.

Здесь любопытно сравнить охарактеризованную выше этическую позицию лиц в состоянии депрессии с примерами текстов из НКРЯ в связи с использованием 1-го лица каузативно-эмотивных глаголов негативной группы. По-видимому, обычно люди склонны отрицать свою связь с негативным состоянием другого лица. Поскольку позиция каузатора открыта как для намеренной, так и для ненамеренной интерпретации, в ситуации диалога с помощью каузативного эмотива собеседники могут выстраивать разные версии события: первый говорящий представляет эмотивную причинно-следственную версию («я испытываю состояние...»), второй говорящий представляет целевую версию, отрицая состояние первого субъекта в качестве цели своего действия:

[1-й говорящий] ... Че-то-то ты меня пугаешь...

[2-й говорящий] Давай я те на почту Почему пугаю? Почту свою дай

[Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (2008.01.16)]

В этом примере форма *пугаю* в вопросительном предложении несет значение (несовершавшегося) действия, которое может быть подведено под ментальную рамку: *Почему пугаю?* = «Почему² ты считаешь, что я тебя пугаю?»

¹ Местоимение 2-го лица и форма глагола 2-го лица в данном примере являются грамматическим способом обобщения множественного опыта говорящего, т.е. способом обобщения значения времени. Высказывание относится к **Я**-субъекту и позволяет создать значение времени «всегда».

² См. [20].

Стремление Я отрицать связь между собственным действием и негативным состоянием третьих лиц см. также в художественном тексте: «И (мать) жалела её (Риту), когда ей (матери) казалось, что я её (Риту) обижаю» [Ю. Трифонов. Предварительные итоги (1970)]. В данном примере такая связь отрицается с помощью рамки кажимости (ей казалось), принадлежащей 3-му лицу.

По значению категории лица группа «шизофрения» противостоит группам «здоровые» и «депрессия».

Во-первых, авторы группы «шизофрения» преимущественно пишут о своем состоянии: *Я редко ощущаю свое я. Это происходит тогда, когда что-то меня начинает беспокоить (–) сверх нормы например простуда или «депрессия»; Я трудолюбивая, но бываю невнимательная и меня это раздражает (–).*

Во-вторых, собственное состояние описывается посредством конструкции с каузатором (см. примеры выше), т.е. эмоция сопровождается рационализацией. Этому имеются две причины. Прежде всего, информанты группы «шизофрения» сосредоточены на собственном состоянии и на актуальном моменте, что ведет к выбору конструкции каузативного эмотива. Другая причина состоит в том, что, вероятно, в этом выборе проявляется такая характеристика мышления и текста, которую можно назвать логизмом. Логизм, помимо эмотивной конструкции, проявляется в обращении авторов к другим каузативным конструкциям: *свидетельствовать о чем, приводить к чему, быть связанным с чем*, к метатекстовым средствам, речемыслительным рамкам, а также повышенной структурированностью текста. См.: *Я думаю, можно опустить подробное описание фактов, **приведших к** подобным отклонениям в психике Б и Б. Ясно одно отсутствие родительской любви и заботы **как мы видим**, на протяжении фильма Б и Б всегда одни, и **связанная с этим** полная предоставленность Б и Б влиянию улицы и американской масс-культуре, **создающей в** подкорке Б и Б такие примеры для подражания, как Тодд, занятия родителей мать Бивиса проститутка, **приводят к** развитию патологического сознания индивида («шизофрения»).*

Единственный пример возвратного глагола, сближающегося с эмотивной семантикой, – *интересоваться*, глагол с довольно рационалистичной семантикой (в толковых словарях Ушакова и Ожегова слово «интерес» толкуется посредством синонима «внимание»): *И вдруг в голову ударило а почему бы мне не поучаствовать? Хотя до этого я почти **не интересовался (+) политикой** (группа «шизофрения»).*

В-третьих, в данной группе не отмечены высказывания с обобщенно-личным значением.

В-четвертых, конструкции с Я, каузирующим состояния других лиц (не Я экспериенцера), обнаружились в двух эссе группы, обладающих специфическими признаками. Эти примеры принадлежат ирреальному модальному плану (относятся к фантазируемой реальности): (1) *Пальцы холодные и мокрые. Это никуда не годится. Нельзя же к ней прикасаться такими*

пальцами. Это *может* её *испугать*! Я же *не хочу* её *испугать*; (2) Мне кажется что другие люди испытывают примерно тоже что и я поэтому когда плачу *мне кажется что* мой собеседник тоже плачет, *расстроен* (–)... Еще я *боюсь потревожить* (–) людей поэтому не всегда прошу о помощи хотя в ней нуждаюсь. В данных примерах из группы «шизофрения» нереальный или потенциальный модальный план (что сходно с эссе группы «депрессия») соединяется с субъектами состояния неконкретно-референтными, потенциальными, мыслимыми, фантазируемыми (что отличает две названные группы).

Как отмечалось выше, в группе «шизофрения» нашлись несколько примеров с неканоническим наполнением и значением эмотивных конструкций: в них эмоциональное состояние приписано предметному субъекту. См.: *На моём столе догорает свечка. И тени сегодня такие густые и удручённые* (–). Это из-за меня они *удручённые* (–). Если пытаться объяснить появление подобных примеров, то можно предположить, что здесь мы имеем дело с собственным состоянием пишущего (*Я удручен*) и эффектом зеркала¹: собственное состояние пишущего отражено в окружающих автора предметах, что несколько похоже на каузированное состояние типа *Грустная береза* (= «я ощущаю грусть, потому что береза поникшая, голая» и т.п.). Но в примерах из исследуемых эссе речь не о каузации состояния извне, из внешнего мира, а о проекции состояния автора во внешний мир. Эффект зеркала проявляется и в следующем фрагменте, где состояние других мыслится как отражение состояния собственного: *Мне кажется что другие люди испытывают примерно тоже что и я поэтому когда плачу мне кажется что* мой собеседник тоже плачет, *расстроен* (–)... («шизофрения»).

Если сравнивать представление о мире и о себе в группах «шизофрения» и «депрессия», то в первой состояние *Я* может распространяться вовне, субъект чувствующий приписывает свое состояние внешнему миру, во второй же *Я* может сливаться с внешним миром, ощущая чужое состояние как свое (что коррелирует с обобщенными *мы*-высказываниями, см. [4]).

Лингвистическому анализу предшествовало предположение, что в текстах группы «депрессия» можно ожидать употребления применительно к *Я* наст. третьеличных эмотивных глаголов – возвратных. Однако формы 1-го лица наст. возвратных эмотивов оказались нехарактерны: здесь сказало-сь тяготение эссе группы «депрессия» к воспоминаниям. Кроме того, судя по речевой продукции, эмоциональный план личности в состоянии депрессии предстает целостно. Взгляд на себя со стороны, ведущий к расщеплению личности на две одновременные инстанции, проявляется в эссе группы «депрессия» там, где в силу вступают качества и оценки с точки зрения социума, что проявляется в соединении «третьеличных» предикатов с *Я*-субъектом (*Я изнежен материнской заботой*).

¹ Эта группа эссе интересна тем, что мотив зеркала повторяется неоднократно; см.: «А если серьезно, то порой кажется, что для меня другие зеркала, и в каждом *Я* вижу отражение себя в той или иной форме с известной долей искажений».

6. Предикатные серии с участием эмотивных глаголов

Эмотивные глаголы часто организуют предикатные серии (что типично для глаголов этой семантики): (1) *Это* <поведение других людей> *и поражает* (?), *и пугает* (–), *возможно, даже в равной степени*; (2) *Есть еще те, люди, которые не стали мне настолько близкими, но с которыми Я тоже общаюсь, которые могут вдохновлять* (+) *меня или может огорчать* (–) (здоровые); (3) *миру есть чем удивить* (?) *или напугать* (–), *но он равнодушен, он не собирается нас впечатлять* (?) («депрессия»). Это экспрессивный прием, повышающий степень выраженности эмоционального фона.

Если же серия предикатов, в которую включается каузативный эмотив, содержит глаголы со значением действия, то такой контекст, сохраняя семантику эмоционального состояния в эмотивном глаголе (эмоция принадлежит субъекту в Вин. п.), выводит на первый план намеренность каузации эмоции: пишущий подчеркивает наличие умысла у каузатора (Им. п.). Глагол обнаруживает двойственную природу, соединяя значение состояния со значением действия, которые соотносятся с двумя субъектами – экспериенцером (Вин. п.) и каузатором-агентом (Им. п.). См.: *Почти всегда, когда я была в какой-то группе людей долгое время, находили, так сказать, козла отпущения, которого часто донимали, обижали* (–) *и издевались. Когда-то этим козлом была я, когда-то кто-то другой; Если окружающие люди ведут себя грубо, оскорбляют* (–) *или унижают* (–) *тебя, то и мир покажется ужасным и холодным* («здоровые»).

7. Категории времени

По значениям категории времени эмотивных предикатов в эссе трех групп информантов обнаружили следующие тенденции.

Для групп «здоровые» и «депрессия» характерна временная динамика: пишущие могут относить собственную эмоцию или эмоцию третьих лиц к плану прошедшего (вспоминая какие-то эпизоды своей или чужой жизни), настоящего актуального или узуального, с помощью эмотивных предикатов формулировать вечные (вневременные) истины (*Если окружающие люди ведут себя грубо, оскорбляют* (–) *или унижают* (–) *тебя, то и мир покажется ужасным и холодным* – «здоровые»; *Хочешь рассмешить* (?) *Бога – расскажи ему о своих планах* – «депрессия»). В этих группах эмотивный признак может проявляться в разной степени интенсивности: *Я очень быстро живу, тороплюсь куда-то, поэтому меня очень раздражает...* (–) («депрессия»); *Я ужасно расстроилась* (–) («здоровые»).

Для эссе группы «шизофрения» зафиксирована статичная картина времени: авторы пишут преимущественно о собственных эмоциях в плане настоящего. Показатели интенсивности эмоции немногочисленны.

Возможно, что таким образом проявляется эмоциональная статичность авторов данной группы.

С временным планом сообщения оказался связан тип эмотивного глагольного предиката: каузативный избирается для сообщения об актуальном состоянии, возвратный – для неактуальных состояний (прошрое, будущее, обобщенное настоящее в сентенциях, ирреальные наклонения), что согласуется с данными [5]. Во всех группах информанты чаще выбирают каузативные эмотивы, чем возвратные, однако в группе «здоровые» возвратные эмотивы представлены шире, для группы «шизофрения» они не характерны (что можно объяснить фиксированностью пишущего на собственном состоянии в момент речи).

8. Обсуждение результатов

Для разграничения нормы и психопатологии либо различения разных типов психопатологии не имеет смысла опираться на единственно верный лингвистический критерий. Тот или иной тип психопатологии располагает множественными аспектами мышления и поведения, которые могут проявляться в речевой продукции. Тем самым интеграция характерных лингвистических проявлений того или иного психиатрического типа в кластер признаков должна повышать достоверность психодиагностической процедуры.

Признаки исследуемых глаголов, выделяющие группы информантов с психопатологией, могут относиться к уровню морфологии (граммема прош. вр.), морфемной структуры глагольного слова (переходный / возвратный глагол), лексической семантики (семантический тип эмотива), семантического синтаксиса (зависимые эмотивного предиката) и могут быть формализованы для автоматического анализа текста.

Есть и такие лингвистические параметры, которые относятся к неморфологизированной (морфологически неоднозначной) семантике конструкции: обобщенно-личное значение предложения, семантика прошедшего времени (граммемы прош. и наст. вр.), это грамматические категории, возведенные на уровень текста [1, 5]. Подобные параметры невозможно формализовать напрямую. Они либо остаются для наблюдений лингвистов и психологов, либо, если иметь в виду будущую формализацию этих параметров, должны быть представлены как множество разнородных контекстных условий и иметь весьма сложное устройство.

Результатом проведенного исследования для задач анализа текстов авторов, принадлежащих к разным в психологическом или психиатрическом отношении группам, является обоснование многофакторной классификации эмотивов – при этом обусловленной не только психологически (пато-психологически), но и жанрово. Эта многофакторная классификация легла в основу инструмента автоматического анализа текста PITANIS, специализирующегося на предикатно-эмотивной лексике; подходы к его разработке изложены в [21, 22]; первые опыты применения ин-

струмента на значительных по объему корпусах на основе методов матстатистики и машинного обучения представлены в [23].

Заключение

Для междисциплинарных работ с участием лингвистов, психологов и специалистов по искусственному интеллекту представленный в статье этап работ – с лингвистическим анализом конкретных текстов, а не с интерпретацией полученных в ходе статобработки данных об уже известных свойствах текста – является, на наш взгляд, необходимым. Создание новых методов в области автоматической обработки текстов в интересах психологии требует не столько применения уже известных в лингвистике классификаций, сколько создания новых, возникающих в ходе проведения исследовательских работ.

Междисциплинарное исследование предполагает, что полученные результаты дадут новое знание не только постановщику задачи, в нашем случае психологии, но и той научной дисциплине, которая предоставила инструмент исследования, – лингвистике.

Для решения прикладных задач психологии являются значимыми следующие результаты.

Учет эмотивной составляющей текста в плане лексики и грамматики значим в лингво-психологическом и в автоматическом анализе текста. Значимыми для характеристики текстов групп патопсихологии и их интерпретации оказались выбор конструкции (каузативная / возвратная), семантика грамматических категорий модальности (реальная / ирреальная), времени (наст. / прош., конкретное/ обобщенное) и лица (*Я* / не-*Я*-экспериенцер, конкретный / обобщенно-личный экспериенцер, одуш. / неодуш. экспериенцер, *Я*-каузатор). Тексты трех групп информантов обнаруживают разные предпочтения в выборе семантических подклассов эмотивной лексики (негативная / позитивная / амбивалентная эмоциональная окраска текста) и в склонности к отрицательной конструкции. Особенности употребления эмотивных конструкций позволяют интерпретировать особенности состояния информантов разных групп патопсихологии (сосредоточенность на собственном состоянии – шизофрения, ответственность за состояния других лиц – депрессия) и тип связи с миром – «весь мир как мое *Я*» (шизофрения), «*Я* как весь мир» (депрессия), погруженность в мир воспоминаний / мир фантазий (депрессия / шизофрения).

Для лингвистики значимы следующие наблюдения.

Преобладание конструкций с каузативными эмотивами в наст. вр. и перволичным экспериенцером во всех группах информантов свидетельствует, что для прототипического субъекта состояния стандартной формой выражения является косвенный падеж (в данном случае Вин. п.), что согласуется со способами выражения субъекта при других предикатах состояния.

Анализ текстов позволил по-новому взглянуть на проблему намеренной / ненамеренной каузации в рамках конструкции с каузативными эмотивами. Конструкции с Я-каузатором (Им. п.) часто выражают намеренный отказ от воздействия на возможное состояние других (в норме). При 3-м лице каузатора обнаружены два варианта: (1) ненамеренность каузации, (2) приписанная намеренность при (возможной) реальной ненамеренности. Тем самым реализуется интерпретационный потенциал (по отношению к каузатору) каузативных эмотивов.

Список источников

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
2. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Иванова П.О. Оценка текстов, написанных больными эндогенными психическими заболеваниями // Психиатрия. 2019. Т. 81. № 1. С. 56–68.
3. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Чудова Н.В., Кузнецова Ю.М., Пенкина М.Ю., Минин А.Н., Станкевич М.А., Смирнов И.В., Любаская А.А. Лингвистические характеристики текстов психически больных и здоровых людей // Психологические исследования. 2018. № 11 (61).
4. Никитина Е.Н., Онипенко Н.К. Когнитивно-лингвистическая интерпретация результатов автоматического анализа текстов психически больных // Искусственный интеллект и принятие решений. 2019. № 3. С. 60–69.
5. Информационно-поисковая система «Семантико-грамматический словарь русских глаголов». URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=3250> (дата обращения: 06.04.2021).
6. Collison E.A. Evaluating the Pennebaker Paradigm with Bereaved Emerging Adults: Applications of Text Analysis. Virginia : Commonwealth University, 2016.
7. Pennebaker J.W. Writing about emotional experiences as a therapeutic process // Psychological science. 1997. № 8 (3). P. 162–166.
8. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви – ОТ любви – ИЗ любви – *С любви – ПО любви) // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 162–211.
9. Апресян В.Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 42 с.
10. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 352 с.
11. Никитина Е.Н. Возвратные эмотивы как статуальные предикаты: семантика конструкции и текстовые функции // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2022. № 4. С. 64–79.
12. Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22.
13. Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beiträge, B. 298. München : Otto Sagner Verlag, 1992.
14. Bathina K.C., Thij M., Lorenzo-Luaces L., Rutter L.A., Bollen J. Depressed individuals express more distorted thinking on social media. arXiv: 2002.02800 (7 February 2020)
15. Bollen J., ten Thij M., Breithaupt F., Barron A.T.J., Rutter L.A., Lorenzo-Luaces L., Scheffer M. Historical language records reveal a surge of cognitive distortions in recent decades // PNAS. July 27, 2021. № 118 (30). e2102061118. DOI: 10.1073/pnas.2102061118
16. Падучева Е.В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 111–120.

17. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семанτικο-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 544 с.
18. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с.
19. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 510 с.
20. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–58.
21. Никитина Е.Н., Смирнов И.В. Ролевая структура предикатных слов в решении задач интеллектуального анализа текстов социальных медиа // Речевые технологии. 2020. № 1–2. С. 3–12.
22. Smirnov I., Stankevich M., Kuznetsova Y., Suvorova M., Larionov D., Nikitina E., Savelov M., Grigoriev O. TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media // Artificial Intelligence. RCAI 2021. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham, 2021. Vol. 12948. P. 232–247. DOI: 10.1007/978-3-030-86855-0 16
23. Григорьев О.Г., Кузнецова Ю.М., Никитина Е.Н., Смирнов И.В., Чудова Н.В. Казуативно-эмотивный анализ: исследование реакций зрителей YouTube-каналов на пропаганду // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 114–121.

References

1. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
2. Enikolopov, S.N. et al. (2019) Evaluation of texts written by patients with endogenous mental disorders. *Psikhiatriya – Psychiatry*. 1 (81). pp. 56–68. (In Russian). DOI: 10.30629/2618-6667-2019-81-56-64
3. Enikolopov, S.N. et al. (2018) Linguistic characteristics of texts of mentally ill and healthy people. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 61 (11). pp. 1. (In Russian).
4. Nikitina, E.N. & Onipenko, N.K. (2019) A cognitive linguistic interpretation of statistical analysis results based on texts by persons with mental disorder. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatie resheniy – Artificial Intelligence and Decision Making*. 3. pp. 60–69. (In Russian). DOI: 10.14357/20718594190307
5. *Informatsionno-poiskovaya sistema “Semantiko-grammaticheskiy slovar’ russkikh glagolov”* [Information search engine “Semantic and grammatical dictionary of Russian verbs”]. (n.d.) [Online] Available from: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=3250>. (Accessed: 06.04.2021).
6. Collison, E.A. (2016) *Evaluating the Pennebaker Paradigm with Bereaved Emerging Adults: Applications of Text Analysis*. Richmond, VA: Commonwealth University.
7. Pennebaker, J.W. (1997) Writing about emotional experiences as a therapeutic process. *Psychological science*. 3 (8). pp. 162–166. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb0040
8. Iordanskaya, L.N. & Mel’chuk, I.A. (1996) On semantics of Russian causal prepositions (IZ-ZA lyubvi ‘because of love’ – OT lyubvi ‘from love’ – IZ lyubvi ‘out of love’ – *S lyubvi – PO lyubvi ‘according to love’). *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal – Moscow Journal of Linguistics*. 2. pp. 162–211. (In Russian).
9. Apresyan, V.Yu. (2015) *Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke* [Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Zolotova, G.A. (1973) *Ocherk funktsional’nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow: Nauka.
11. Nikitina, E.N. (2022) Reflexive psych verbs as state predicates: semantics of construction and text functions. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*. 2022. 4. pp. 64–79. (In Russian).

12. Apresyan, Yu.D. (2004) Interpretatsionnye glagoly: semanticheskaya struktura i svoystva [Interpretative verbs: semantic structure and properties]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 1 (7). pp. 5–22.
13. Zaliznyak, A.A. (1992) Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya [Studies on the Semantics of Predicates of the Internal State]. München: Otto Sagner Verlag.
14. Bathina, K.C. et al. (2020) *Depressed individuals express more distorted thinking on social media*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/2002.02800>. (Accessed: 7 February 2020). DOI: 10.48550/arXiv.2002.02800
15. Bollen, J. et al. (2021) Historical language records reveal a surge of cognitive distortions in recent decades. *PNAS*. 118 (30). e2102061118. DOI: 10.1073/pnas.2102061118
16. Paducheva, E.V. (1993) K aspektual'nykh svoystvam mental'nykh glagolov: perfektnye vidovye pary [To the aspectual properties of mental verbs: perfect species pairs]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deystviya* [Logical Analysis of Language. Mental actions]. Moscow: Nauka. pp. 111–120.
17. Mel'chuk, I.A. & Zholkovskiy, A.K. (2016) *Tolkovo-kombinatornyy slovar' russkogo yazyka: Opyt semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoy leksiki* [Explanatory and Combinatorial Dictionary of the Russian Language: Experiments of semantic and syntactic description of Russian vocabulary]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.
18. Apresyan, Yu.D. (1974) *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics: Synonymic means of language]. Moscow: Nauka.
19. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. 8th ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Arutyunova, N.D. (1970) Nekotorye tipy dialogicheskikh reaktsiy i “pochemu”-repliki v russkom yazyke [Some types of dialogic reactions and “why”-lines in the Russian language]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 3. pp. 44–58.
21. Nikitina, E.N. & Smirnov, I.V. (2020) Predicate-argument structure for intelligent text analysis of social media content. *Recheye tekhnologii – Speech Technologies*. 1–2. pp. 3–12. (In Russian).
22. Smirnov, I. et al. (2021) TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media. Artificial Intelligence. RCAI 2021. *Lecture Notes in Computer Science*. 12948. pp. 232–247. DOI: 10.1007/978-3-030-86855-0_16
23. Grigor'ev, O.G. et al. (2022) Causative-emotive analysis: the study of Youtube viewers reactions to propaganda. *Psikhologicheskii zhurnal*. 4 (43). pp. 90–98. (In Russian) DOI: 10.31857/S020595920021484-8

Информация об авторах:

Никитина Е.Н. – канд. филол. наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН) (Москва, Россия). E-mail: yelenon@mail.ru

Онипенко Н.К. – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (ИРЯ РАН) (Москва, Россия). E-mail: onipenko_n@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.N. Nikitina, Cand. Sci. (Philology), researcher, Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: yelenon@mail.ru

N.K. Onipenko, Cand. Sci. (Philology), leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: onipenko_n@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.04.2021;
одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 08.04.2021;
approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья
УДК 81'322
doi: 10.17223/19986645/79/7

Местоимения в автоматической жанровой и гендерной атрибуции текстов

Андрей Александрович Степаненко¹, Зоя Ивановна Резанова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *stepanenkone@mail.ru*

² *rezanovazi@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты применения статистических методов и методов машинного обучения в решении задачи жанровой и гендерной автоматической атрибуции текстов с использованием в качестве языковых маркеров форм личных местоимений *я, ты, мы*. Результаты анализа показали, что при решении задач автоматической классификации текстов по признаку гендерной принадлежности автора текста необходимо учитывать жанровую форму текста, так как в силу жанровых особенностей языковые средства выражения интенций могут влиять на частоту использования личных местоимений.

Ключевые слова: автоматическая атрибуция текста, личные местоимения, гендер, жанр, устная диалогическая речь, жанр интервью, социальная сеть ВКонтакте, стена ВКонтакте, диалоги ВКонтакте

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Степаненко А.А., Резанова З.И. Местоимения в автоматической жанровой и гендерной атрибуции текстов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 131–154. doi: 10.17223/19986645/79/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/7

Pronouns as machine learning markers in genre and gender text attribution

Andrei A. Stepanenko¹, Zoya I. Rezanova²

^{1, 2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *stepanenkone@mail.ru*

² *rezanovazi@mail.ru*

Abstract. This article focuses on the statistical and machine learning approaches in solving the tasks of automatic genre and gender text attribution using the forms of personal pronouns *ya* [I], *ty* [you], *my* [we] as language markers. The research materi-

al was texts of discourses with a specific feature: spontaneous informal speech. Computer-mediated communication was represented by texts of several genres of the social network VKontakte: (a) personal written dialogues between men and women from VKontakte. The full text size was 114 046 words. The number of dialogue participants was 38 people (19 men, 19 women) aged 18 to 20; (b) 287 walls of the social network VKontakte with 9 951 001 words. All the participants were students of Tomsk State University. Transcriptions of oral texts were extracted from the RuTu-BiC database of the Russian speech corpus of Turkic-Russian bilinguals. The number of respondents was 138 people. The texts consist of 617 846 words. During the investigation, the authors used such methods as correlation analysis, the method of generalized linear models (GLM), criteria for testing statistical hypotheses (Wilcoxon, Kruskal-Wallis test), and machine learning. The analysis was implemented in the programming language R 4.0.5 using the quanteda library. The analysis was carried out in two stages: (1) the diagnostic power of the pronouns in the tasks of classification by genre forms; (2) gender opposition within genre forms of the texts. The authors proved the dependence of using groups of pronouns on the genre form of the text. The machine learning methods showed effectiveness of models using formal metrics and confirmed a significant degree of similarity in the use of pronouns in the texts of the VKontakte wall and VKontakte dialogues. These two types of communication are opposed to the genre forms of oral public communication. The studied groups of pronouns are better used for the classification of the genre of the text than for gender attribution. Gender differentiation is confirmed only in the texts of the VKontakte wall genre. The result of the “full dataset” is a classification within two genres (VKontakte dialogues combined with VKontakte Walls) and oral public communication. There is an actual significant increase in the accuracy of the classifier, which indicates the similarity of these two genres and their opposition to oral public communication in the binary classification. The results of the analysis show problems of automatic text classification based on the gender of the text’s author. It is necessary to pay attention to the genre form of the text. Such differences can be explained by genre features. Linguistic means of expressing intentions can affect the frequency of personal pronouns in the texts.

Keywords: automatic text attribution, personal pronouns, gender, genre, oral dialogue speech, interview genre, VKontakte social network, VKontakte walls, VKontakte dialogues

Financial Support: The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority 2030).

For citation: Stepanenko, A.A. & Rezanova, Z.I. (2022) Pronouns as machine learning markers in genre and gender text attribution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 131–154. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/7

Введение

Гендерные исследования, имея весьма длительную традицию развития, начиная с первой половины XX в., представлены практически во всех гуманитарных науках, в том числе и лингвистике. В современном языкознании исследования гендера как социокультурного феномена, соотнесенного с биологическим различием мужского и женского в человеке, представлены несколькими сложившимися направлениями. На основании соотноше-

ния частной предметной сферы направления противопоставляются: 1) исследования гендерных различий, отраженных в структурах языков: в грамматике – наличие грамматических категорий рода, в лексике – лексическая разработанность семантики «мужского» и «женского» и под.; 2) типы гендерных стереотипов, отраженных во фразеологии, лексике языков; 3) различия речевого поведения мужчин и женщин, проявляющиеся в выборе и использовании языковых единиц разных уровней.

В данной статье излагаются результаты анализа, выполненного в рамках третьего направления, в котором далее выделяются значимые для обоснования представленного подхода теоретико-методологические «развилки». Охарактеризуем их.

Во-первых, при исследовании речи, речевого поведения авторы сосредоточиваются либо на общей характеристике их особенностей, рассматривая явления разных уровней языковой системы как обобщенно характеризующие мужскую и женскую речь «вообще», без привязки к определенным типам коммуникации, как, например, в [1; 2; 3. С. 216, 4; 5; 6; 7. С. 11–15], либо данная противопоставленность исследуется в пределах определенных дискурсов или жанровых форм [8–14].

В настоящее время фокусировка внимания на отдельных типах дискурсивных практик как поля выявления гендерных различий видится более продуктивной. Данный подход мотивирован теоретическими взглядами на гендер как социокультурную характеристику субъекта коммуникации, которая не может не вступать во взаимодействие с другими параметрами дискурсивных практик [15]. Сам тип дискурса может оказывать влияние на проявленность гендерного своеобразия субъекта коммуникации, так как в институциональных дискурсах выбор языковых средств и их комбинация, коммуникативные стратегии и т.д. в значительной мере находятся под влиянием социально детерминированных стандартов коммуникации. В личностной, неинституциональной коммуникации, как было неоднократно отмечено, говорящий человек более непосредственно проявляет индивидуальность (см., например, широко известные в российской гендерной лингвистике положения о противопоставленности двух типов дискурсов в работах В.В. Карасика [16]), что может служить основанием для более непосредственной актуализации женской или мужской стратегий развертывания речи. В последнее время наряду с анализом устной обыденной коммуникации интенсивно развиваются исследования непосредственной личностной коммуникации на материале текстов компьютерно опосредованного общения, рождаемых в частной переписке, в социальных сетях (СС) [17–21]. При этом и устная, и компьютерно опосредованная личностная коммуникация имеют широкую жанровую палитру, что также проявляется и в характере использования языковых единиц, и в вариантах интеракций с многочисленными факторами дискурсообразования, в том числе гендерными.

В данной статье мы обращаемся к анализу двух базовых вариантов коммуникации: устного непосредственного общения, представленного

комплексными жанровыми формами устных интервью и бесед, и жанров компьютерно опосредствованного общения – личной переписки и текстов стены социальных сетей.

Во-вторых, исследователи при обращении к проблеме языковых маркеров гендера в речи либо стремятся выделить особенности, проявляющиеся на всех уровнях языковой системы, либо обращаются к характеристике одного или какой-либо группы признаков. Мы отмечали ранее значительное различие в подходе к выделению маркеров гендерных различий в собственно лингвистических исследованиях и исследованиях, выполненных с использованием методов автоматической обработки текстов [22]. В собственно лингвистических исследованиях обычно выделяются отдельные языковые единицы, являющие собой результат выбора из синонимических рядов (лексических, деривационных, морфолого-синтаксических), количественное преобладание которых формирует варьирование смыслового развития текста. Применительно к русскому языку, начиная с работы Е.А. Земской и ее коллег, накоплены знания о маркерах речевого поведения, противопоставляющие мужскую и женскую речь, в числе которых, как правило, выделяются степень и типы эмоционального фона коммуникации, степень конкретности представления тождественных тем, варианты личностной, коммуникативной фокусировки общения и под. Стоит отметить, что, когда лингвисты пишут о различиях в использовании языковых средств мужчинами и женщинами, речь идет о количественном преобладании, а не абсолютном отсутствии каких-либо единиц.

Автоматический анализ текста позволяет выделять признаки морфолого-синтаксической структуры: различия в использовании грамматических классов слов, n-граммы символов, знаки препинания, длина предложений и т.д.

В работах с использованием методов автоматического анализа текстов в целеполагание авторов включается проверка степени устойчивости выявляемого языкового признака, степени статистической релевантности полученных выводов, на основе чего ставится вопрос о возможности опоры на данный выделяемый признак в решении задач автоматической гендерной классификации текстов. Актуальность этого направления гендерных исследований определяется наличием социального заказа на создание методов автоматического определения авторства текста, субъект которого намеренно скрывается, прежде всего в криминалистической практике [23, 24] (см. также обзор в [22]).

Использование личных местоимений как маркеров гендерных различий, являющееся предметом нашего исследования, отмечено в качестве дифференцирующего фактора в двух охарактеризованных выше направлениях, чему способствует, с одной стороны, глубокая отрефлексированность личных местоимений как коммуникативно актуальных единиц. С другой стороны, эффективность автоматического анализа функциональных позиций местоимений в коммуникации обеспечивается тем, что они последовательно формально маркируются. Как следствие, исследователь может использовать ресурс существующих автоматических морфологических анализа-

торов (для текстов русского языка это прежде всего морфологический анализатор Mystem), не прибегая к технике предварительной первичной ручной разметки. В лингвистических исследованиях местоимений учеными было доказано, что этот класс лексических единиц служит одним из значимых средств актуализации позиции говорящего по отношению к другим коммуникантам (см. работы Pennebaker J.W. и др., Е.М. Вольф [25. Р. 563–565; 26. С. 356112]). Было отмечено, что местоимения имеют, во-первых, собственное внеконтекстное постоянное значение и, во-вторых, контекстуальное значение, определяемое дейктической функцией. Учет типов ведущей референции местоимений, используемых говорящим в том или ином дискурсе наряду с другими словообразовательными, лексическими и синтаксическими средствами, может свидетельствовать о коммуникативных установках говорящих: об эгоцентричной или партнерской направленности. Наиболее ярким маркером выражения эгоцентризма в речи является соотношение местоимения *я* и его производных форм и форм местоимений *ты*, *вы*.

В работах по гендерной лингвистике отмечено различие в использовании местоимений мужчинами и женщинами. Так, B.C. Verhoeven доказывает на материале мультилингвальных электронных корпусов текстов, что женщины используют местоимение *я* чаще, чем мужчины [27. Р. 1632–1633]. Подобное исследование проводилось А.Н. Барановым на материале художественных текстов [28]. В проведенном нами ранее исследовании использования местоимений и маркеров экспрессивности в текстах компьютерной коммуникации сделаны выводы о взаимодействии гендерного фактора с другими социально значимыми параметрами компьютерной коммуникации – темой текста, ролевыми и социальными позициями коммуникантов в диалоге [29].

Функциональная направленность местоимений на маркирование позиций говорящего и его отношений с коммуникантами обуславливает различие актуализации разных классов местоимений в различных дискурсивных практиках. Особенно значимым видится различие в институциональных и личностных дискурсах. Так, например, в системе русскоязычной научной коммуникации обозначение *я*-позиции предписывается замещать мы-позицией, представлять результаты исследования в системе безличных обозначений. Личностная коммуникация, напротив, наиболее открыта и более свободна в выражении межличностных отношений, значительную роль в которых играют личные местоимения, однако значительные жанровые различия также могут обусловить вариантность в использовании местоимений в данном типе дискурса.

Представленное в статье исследование выполнено на основе применения методов автоматической обработки текстов.

Наша гипотеза заключалась в том, что использование местоимений в текстах обыденной коммуникации может быть маркером гендерных различий, однако диагностирующая сила использования данного признака в задачах автоматической атрибуции находится в зависимости от жанровых форм.

Цель проведенного исследования состояла в выявлении влияния жанровых различий коммуникации на диагностирующую силу личных местоимений в задачах автоматической атрибуции текстов и наличия корреляций между жанровым и гендерным признаками в решении данной задачи.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты дискурсов, интегральной чертой которых является непосредственность, спонтанность речи, ее преимущественно личностная ориентированность, которая, как было отмечено нами ранее, имеет разные детерминации в условиях коммуникации в среде социальной сети, созданной в качестве площадки для личностного общения, и в устной непосредственной коммуникации, протекающей в условиях контактирования говорящего и слушающего, меняющего спонтанно свои ролевые позиции в диалогах.

I. Компьютерно-опосредованная коммуникация представлена текстовыми материалами СС ВКонтакте, анализировались тексты двух жанровых форм:

а) тексты диалогов личной коммуникации между мужчинами и женщинами в СС ВКонтакте. Материалы были собраны в рамках учебной практики студентов ТГУ, объем материала – 114 046 слов, тексты личных сообщений 38 человек (19 мужчин, 19 женщин) в возрасте 18–20 лет;

б) текстовые материалы стен СС ВКонтакте – 9 951 001 слово, тексты 287 стен СС ВКонтакте учащихся первых и вторых курсов разных факультетов ТГУ.

СС ВКонтакте исследователями в жанровом аспекте интерпретируется как гипержанр, персональная страница – как наджанровое макрообразование, включающее жанры «анкета», «статус», «записи на стене», «личные сообщения», «обсуждения», «комментарии» [17. С. 24], «типичными стилизованными чертами» которых «являются эмоциональность, субъективность и имитация разговорной спонтанности при помощи экспрессивно-окрашенной лексики, разговорного синтаксиса, звукового письма, эмотиконов и экспрессивной пунктуации» [17. С. 23]. В литературе в качестве новой жанровой формы, реализованной в СС «ВКонтакте», отмечается «статус», который наряду с комментарием «фиксирует коммуникативные установки пользователя» и «ориентирован не только на поддержание контакта, но и на активизацию диалога» [18. С. 6]. Авторы данных работ не анализируют местоимения в составе коммуникативно актуальных средств, но мы полагаем, что их значимость вытекает из выявленной коммуникативной характеристики – диалогичности.

2. Транскрипции текстов устной речи. Транскрибированные тексты устной речи извлечены из базы данных корпуса русской речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC, созданного в рамках проекта «Языковое и культурное своеобразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур» (описание корпуса см. [30]). Текстовые материалы корпуса записи

диалогической устной речи в жанровых формах интервью, разговора и беседы, различающихся степенью институциональной стандартизации: тематика диалога в интервью определена заранее, однако в диалогическом разведывании речи коммуниканты могут в большей или меньшей степени спонтанно изменять тематическую направленность общения и интервью может «перетекать» в разговор на не определенные заранее темы. Речевые жанры интервью, разговора и беседы объединяет наряду с политематичностью их диалогическая природа. В собственно лингвистических (работы по русской разговорной речи [31, 32] и др.) и психолингвистических исследованиях [33] отмечаются коммуникативные, психолингвистические особенности данного типа коммуникации и, как следствие, поверхностно-текстуальные, среди которых отмечается и высокая степень частотности использования местоимений [33. С. 261–262; 34. С. 71].

В корпусе представлена русская речь билингвов, важнейшим признаком его является абсолютное функциональное доминирование русского языка, при котором родной язык находится в состоянии утраты и вытесняется в сферу домашнего и семейного общения. Все респонденты получили образование на русском языке, что дает основание использовать данный материал недифференцированно в этом аспекте по отношению к материалу текстов компьютерно опосредствованной коммуникации. В анализ включено 138 текстов респондентов. Объем текстового массива данных составляет 617 846 слов.

Анализируемые записи стен СС ВКонтакте относятся к открытым данным, записи личной коммуникации получены при условии личного согласия информантов (перед сбором диалогов в СС и записью устных интервью и бесед респонденты заполняли «Форму информационного согласия» и были проинформированы о ФЗ-152 РФ «О персональных данных».

Методика анализа

Для дальнейшей статистической обработки все текстовые материалы были разделены на файлы, содержащие мужские и женские реплики по 49-50 Кб каждая.

Массивы текстовых данных подверглись предобработке, которая включала в себя: 1) токенизацию – выделение лексических единиц в массиве символов; 2) лемматизацию – приведение всех словоформ к единой (начальной) форме при помощи программы «Mystem 3.0»; 3) перевод слов в единый (нижний) регистр; 4) удаление знаков пунктуации; 5) разделение на реплики на основании гендерной принадлежности респондента. В текстах транскриптов устной речи корпуса RuTuViC была проведена дополнительная корректировка: удалены реплики интервьюера и техническая информация при помощи регулярных выражений; 6) формирование частотной матрицы относительных величин. В качестве нормализации абсолютных величин была использована формула условной вероятности, которая позволяет минимизировать влияние объема текстов на результаты статистического анализа и машинного обучения.

Все действия были реализованы в языке программирования R 4.0.5 и библиотеки *quanteda*. Были применены следующие частные методы – корреляционный анализ, метод обобщенных линейных моделей (GLM) критерии проверки статистических гипотез (критерий Уилкоксона, Краскела–Уоллиса), методы машинного обучения.

Результаты анализа

Так как мы исследовали влияние жанровых и гендерных различий коммуникации на диагностирующую силу личных местоимений в автоматической атрибуции текстов и наличие корреляций между жанровым и гендерным признаками в решении данной задачи, анализ проводился в два этапа. С применением методов статистического анализа и машинного обучения на первом этапе была проанализирована диагностическая сила местоимений в задачах классификации по жанровым формам, на втором этапе в пределах жанровых форм – по гендерной оппозиции.

1. Автоматическая жанровая атрибуция текстов.

На первом этапе выявлялось соотношение жанровых форм и частоты использования личных местоимений, маркирующих личностные позиции.

Мы сфокусировались на противопоставлении эгоцентрической позиции (маркирование я) vs кооперативной (в двух вариантах – обращение к собеседнику vs мы-позиция (кооперации субъекта с группой)). Был проведен статистический анализ использования трех местоимений в совокупности их словоизменительных форм (далее: «Группа-я»; «Группа-ты», «Группа-мы») в трех жанровых вариантах личностной коммуникации (далее: Диалоги ВК, Стены ВК, устная публичная коммуникация) без дифференциации по гендерному признаку.

Сначала было проведено сравнение относительных частот использования местоимений методом векторизации *BagOfWords*.

Относительная частота местоимений (событий) A определяется как отношение NA / N , где N – число повторений местоимений, а NA – число тех повторений, в которых осуществилось событие A (повторение местоимений в группе). В итоге значение относительных местоимений в группах приобретает значения от 0 до 1. Данный подход нормализации позволяет минимизировать влияние несбалансированности корпуса.

Как можно видеть на рис. 1, наибольшее различие относительных частот местоимений наблюдается между исследуемыми жанрами компьютерно опосредствованной коммуникации и материалами записей бесед и интервью, что, на наш взгляд, определяется в значительной мере дискурсивным и жанровым своеобразием записей текстов устной коммуникации. Текстовые данные корпуса *RuTuBic* были получены в ходе направленных формализованных и полуформализованных интервью и бесед. Беседы и интервью имели личностную направленность, однако интервьюеры выступали в институциональной позиции. Интервьюерами были как члены лаборатории с широким возрастным диапазоном, так и студенты. Возраст-

ной, гендерный статус, уровень образования также варьировались в значительной степени. Вследствие этого местоимения группы *ты* замещались вежливой формой *вы* в большинстве случаев. (Примененные в работе способы выборки единиц на данном этапе не позволяют разграничить дискурсивные варианты значения местоимения *вы* – форму вежливого обращения к одному лицу – этикетный эквивалент *ты* и обозначение группы лиц, поэтому частотность данного местоимения в работе не подсчитывалась). Во всех жанровых формах количественно преобладают я-формы, однако в Стенах ВК и в Диалогах ВК второе место по частотности употребления занимает местоимение *ты*, маркирующее включение собеседника в смысловые поля диалога.

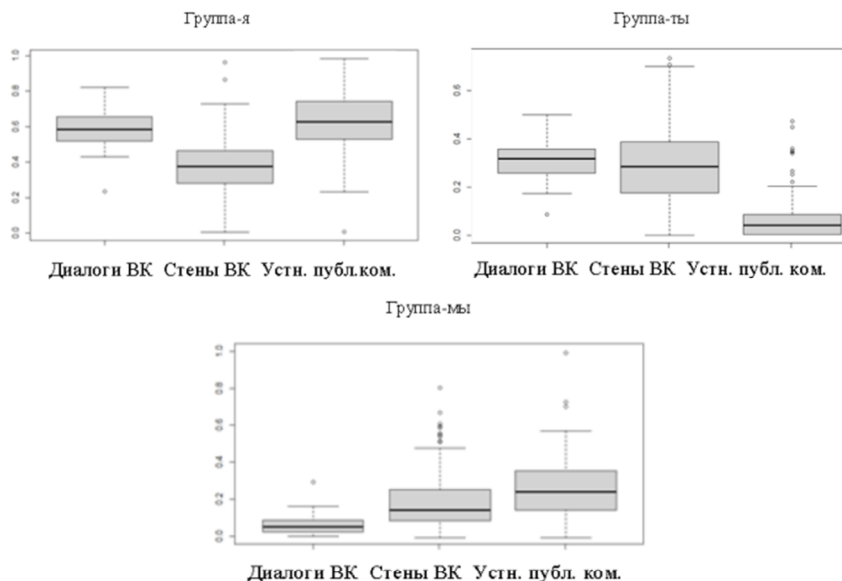

Рис. 1. Диаграмма размаха относительных частот групп местоимений

Диаграммы размаха показывают медиану, нижний и верхний квартили, минимальное и максимальное значение частот распределения групп местоимений и выбросы. Как видно из диаграммы, существует ряд отличий в частоте использования местоимений в большинстве групп. Местоимения «Группы-я» чаще используются в Диалогах ВК и устной коммуникации, меньше всего – текстах Стен ВК, жанровая форма которых более ориентирует на представление позиций «другого», с которым солидаризуется автор, что маркируется самим фактом расположения информации на странице. В устной публичной коммуникации преобладает «Группа-я», остальные группы местоимений используются значительно меньше, чем в других вариантах жанровых форм. В персонализированной личностной коммуникации говорящий склонен выступать от своего имени, но не от имени группы, что наиболее ярко проявлено в текстах собственно спонтанных неограниченных институциональными рамками диалогов. Мы можем объ-

яснить большее количество форм *мы* в текстах интервью и бесед устной коммуникации тематикой и условиями сбора материала, так как актуализация приобщения к групповому опыту стимулировалась вопросами интервьюеров.

Относительно Диалогов ВК и Стен ВК следует отметить, что в них преобладает использование местоимений «Группы-я» и «Группы-ты».

Однако было бы некорректно принимать нашу гипотезу о выявленных различиях, основываясь только на визуализации данных, так как различия могут быть случайными и не иметь статистически значимых показателей. Поэтому считаем необходимым применить статистические методы, выявляющие различия использования групп местоимений в разных жанровых формах текстов. Далее представим результаты: а) корреляционного анализа, выявляющего взаимосвязи частот группы местоимений, а также сопутствующую ему диаграмму рассеяния, которая используется для демонстрации наличия или отсутствия корреляции между переменными; б) применения статистических критериев проверки гипотез, выявляющего достоверность различий в генеральных совокупностях (в группах местоимений, жанрах, гендерной принадлежности автора); в) применения метода обобщенных линейных моделей, позволяющего учитывать взаимодействие между факторами, вид распределения зависимой переменной и предположения о характере регрессионной зависимости.

Так как распределение относительных частот не соответствуют гауссовскому критерию нормальности распределения в качестве критерия оценивания корреляций были выбраны непараметрические (ранговые) статистические критерии. Для выявления корреляций был использован критерий Спирмена (количественная оценка статистического изучения связи между явлениями, используемая в непараметрических методах). В данном случае корреляционный анализ был проведен в два этапа: на первом – без дифференциации по жанрам текста (1), на втором – с учетом различий жанровой формы (2).

(1) В результате проведенного корреляционного анализа установлены сильные и средние отрицательные корреляции (чем чаще используется одно местоимение, тем реже другое) во всех группах. Сильная отрицательная корреляция выявлена для частот использования местоимений «Групп-я» – «Групп-ты» ($r = -0,52$), «Групп-Ты» – «Групп-Мы» ($r = -0,53$), умеренная корреляция – для частот использования местоимений «Групп-Я» – «Групп-Мы» ($r = -0,30$). Корреляцию считали достоверной при $p < 0,05$.

(2) Диалоги ВК: «Группа-я» – «Группа-ты», $r = -0,85$ ($p < 0,05$); «Группа-ты» – «Группа-мы», $r = -0,26$ ($p > 0,05$). «Группа-я» – «Группа-мы», $r = -0,15$.

Стены ВК: «Группа-я» – «Группа-ты», $r = -0,25$; «Группа-я» – «Группа-мы», $r = -0,42$; «Группа-ты» – «Группа-мы», $r = -0,62$. Для всех уровень значимости $p < 0,05$.

Устная публичная коммуникация: «Группа-я» – «Группа-ты», $r = -0,25$; «Группа-я» – «Группа-мы», $r = -0,77$; «Группа-ты» – «Группа-мы», $r = -0,18$. Для всех уровень значимости $p < 0,05$.

Данные корреляции свидетельствуют о том, что в диалогическом общении, как правило, осуществляется фокусировка на одном из участников коммуникации, выводя его в коммуникативно сильную позицию, снижая частотность маркирования другого участника. Отрицательная корреляция статистически незначима только между группами местоимений «Я» и «Мы» в «Диалогах ВК».

На рис. 2 можно видеть маркирование диалогичности исследуемых жанров – количественное преобладание местоименных форм, базовых операторов диалогического общения.

Диаграмма демонстрирует попарное сравнение частоты использования групп местоимений относительно друг друга (вне зависимости от жанра текста). Чтобы отличить принадлежность текста к тому или иному жанру, точки в пространстве окрашены.

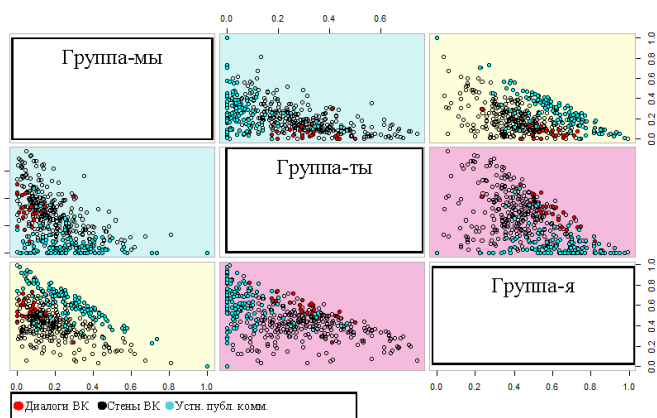

Рис. 2. Диаграмма рассеивания относительных частот групп местоимений в текстах трех типах жанров

Частоты группы всех типов местоимений «сливаются» в одно пространство по двум текстовым жанрам (Стены ВК и Диалоги ВК) и одновременно противопоставляются частотам местоимений в устной публичной коммуникации, которые имеют явно выраженную отрицательную линейную зависимость во всех группах местоимений. Результат визуализации корреляций позволяет предположить, во-первых, существование линейной отрицательной зависимости использования групп местоимений от типа жанра; во-вторых, ярко выраженное противопоставление жанра устной публичной коммуникации относительно двух других жанровых форм. Данную гипотезу мы подтверждаем в последующих статистических анализах.

Далее нами была проверена гипотеза о принадлежности сравниваемых независимых выборок к одной и той же генеральной совокупности с помощью непараметрического Краскела – Уоллиса. Формулируем гипотезы: H_0 – выбранные группы не имеют значимых различий по исследуемому признаку (нулевая гипотеза); H_1 – выбранные группы значимо различаются

по исследуемому признаку (альтернативная). Если эмпирическое значение равно или превышает теоретическое значение критерия ($p < 0,05$), то принимаем гипотезу H_0 и отклоняем гипотезу H_1 .

В результате применения теста Краскела – Уоллиса получены следующие результаты: местоимения «Группа-я»: $\chi^2 = 151.56$, $df = 2$, $p\text{-value} < 2.2e-16$; местоимения «Группы-ты»: $\chi^2 = 210.97$, $df = 2$, $p\text{-value} < 2.2e-16$; местоимения «Группы-мы»: $\chi^2 = 55.703$, $df = 2$, $p\text{-value} < 8.022e-13$. Следовательно, мы опровергаем статистическую гипотезу о равенстве групп местоимений (H_0) «Группы-я» и «Группы-ты» в использовании в трех исследуемых жанровых формах: разница в использовании данных групп местоимений статистически значима в отличие от местоимений «Группы-мы», значимая разница которой в использовании в текстах трех жанровых форм не подтвердилась. Результаты представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Результаты применения теста гипотезы Краскела – Уоллиса: равенство / различие дисперсий использования групп местоимений в текстов трех жанровых форм

Зависимая «Группа-я»	Kruskal – Wallis test: $H(2, N=449) = 151,5601$ $p = 0,000$		
	Стены ВК	Диалоги ВК	Устн. публ. коммуникация
Стены ВК		0,000	0,000
Диалоги ВК	0,000		1
Устн. публ. коммуникация	0,000	1	
Зависимая «Группа-я»	Kruskal – Wallis test: $H(2, N=449) = 151,5601$ $p = 0,000$		
	Стены ВК	Диалоги ВК	Устн. публ. коммуникация
Стены ВК		0,000	0,000
Диалоги ВК	0,000		1
Устн. публ. коммуникация	0,000	1	
Зависимая «Группа-ты»	Kruskal – Wallis test: $H(2, N=449) = 210,9674$ $p = 0,000$		
	Стены ВК	Диалоги ВК	Устн. публ. коммуникация
Стены ВК		1	0,000
Диалоги ВК	1		0,000
Устн. публ. коммуникация	0,000	0,000	
«Группа-мы»	Kruskal – Wallis test: $H(2, N=449) = 55,70287$ $p = 0,0000$		
	Стены ВК	Диалоги ВК	Устн. публ. коммуникация
Стены ВК		0,000	0,000
Диалоги ВК	0,000		0,000
Устн. публ. коммуникация	0,000	0,000	

Таким образом, проведенный статистический анализ подтверждает нашу гипотезу о том, что использование групп местоимений отличается в рассмотренных жанровых вариантах личностной коммуникации. В частности, в «Группе-мы» зафиксированы статистически значимые отличия частотности

их использования во всех вариантах соотношений жанров; в «Группе-ты» выявлены статистические различия частотности их использования во всех типах соотношений жанровых форм, кроме оппозиции «Диалоги ВК – Стены ВК»; в «Группе-я» не выявлены значимые различия в частотности в соотношении жанровых форм Диалогов ВК и устной публичной коммуникации. На основе данных подтверждается гипотеза о том, что использование групп местоимений отличается во всех трех типах жанровых форм.

Линейная зависимость в относительной частотности использования местоимений в исследуемых трех типах жанровых форм также была подтверждена с помощью метода обобщенных линейных моделей (GLM). Результаты анализа представлены на рис. 3.

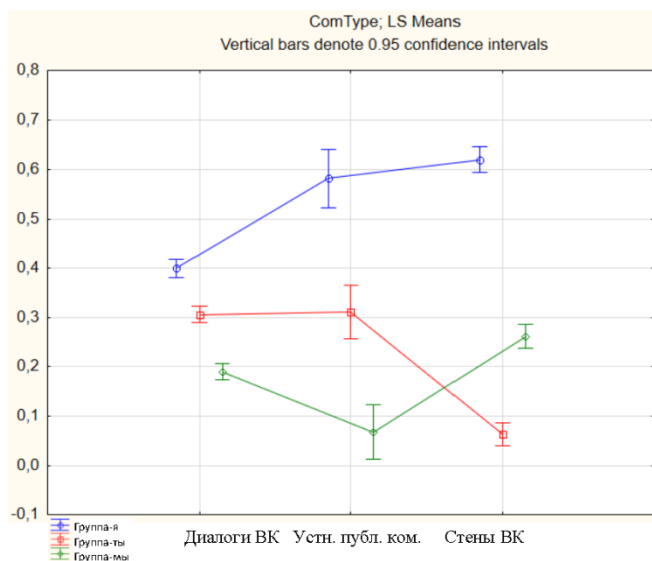

Рис. 3. Обобщенные линейные модели относительной частотности использования местоимений

Обобщенная линейная модель связывает зависимую переменную с факторами и ковариатами посредством задаваемой функции, что позволяет определить динамику использования групп местоимений в трех типах жанровых форм. В результате анализа была выявлена отрицательная линейная зависимость относительных частот всех групп местоимений ($p < 0,05$). Так, например, если в Стенах ВК используются чаще местоимения «Группы-я», то, соответственно, меньше используются местоимения «Группы-ты». Результаты этого анализа подтверждают данные, представленные в диаграмме рассеивания частот использования групп местоимений.

На графиках также визуализируется: 1) общее преобладание частот местоимений «я» во всех типах жанровых форм; 2) значительно меньший разброс частотностей в использовании групп местоимений в Диалогах ВК

(от 0,18 до 0,4) и наибольшая – в Стенах ВК (от 0,06 до 0,62); 3) представленные в анализе диалогические жанры устной публичной коммуникации и Стены ВК, сближаясь по уровню разброса частотности местоимений, противопоставлены по соотношению частотностей групп «ты» и «мы» с другими группами местоимений; 4) проанализированные жанровые формы устной публичной коммуникации противопоставлены жанровым формам интернет-коммуникации по степени различий.

Далее была проверена эффективность использования местоимений *я*, *мы*, *ты* в решении задач автоматической атрибуции рассмотренных типов текстов по жанровому признаку с использованием методов машинного обучения.

Все тексты были разбиты на обучающую и тестовую выборки в пропорции 70 к 30%. Точность классификации основывается на формуле F1 (F-мера), которая позволяет нивелировать разброс классов (объем корпуса). Результаты анализа эффективности использования групп местоимений в задачах автоматической атрибуции с использованием семи алгоритмов представлены в табл. 2. Мы включили в таблицу среднюю точность работы классификаторов для последующей оценки влияния типа текстов на точность работы автоматического классификатора.

Таблица 2

**Формальная точность классификации текстов методами машинного обучения
(три жанровые формы текстов)**

Модель машинного обучения	F1
Линейный дискриминантный анализ	0,92
Случайный лес	0,60
Метод опорных векторов	0,74
Деревья решений	0,91
Наивный байесовский классификатор	0,70
Логистическая регрессия	0,77
NN LSTM	0,98
Средняя точность	0,98

По данным таблицы, самым точным алгоритмом классификации текстов коммуникации на основе трех групп местоимений являются нейронные сети (NN LSTM).

Исходя из предыдущего анализа, который показал, что Стены ВК и Диалоги ВК сильно коррелируют между собой, мы объединили тексты этих типов жанровых форм и провели обучение модели с бинарной классификацией: Стена ВК и Диалоги ВК в Контакте vs устная публичная коммуникация. Результаты анализа представлены в табл. 3.

Как видно из разных вариантов классификаций, представленных в табл. 2, 3, наилучший результат показывает бинарная классификация (LSTM). При этом средняя точность бинарной классификации методами машинного обучения увеличилась на 0,01, что подтверждает гипотезу о равенстве частотности использования местоимений в Диалогах ВК и в

Стенах ВК. Рекуррентные нейронные сети и в данном случае показывают большую точность.

Т а б л и ц а 3

Формальная точность классификации текстов методами машинного обучения (две жанровые формы текстов)

Модель машинного обучения	F1
Линейный дискриминантный анализ	0,80
Случайный лес	0,92
Метод опорных векторов	0,74
Деревья решений	0,84
Наивный	0,88
Логистическая регрессия	0,90
NN LSTM	0,99
Средняя точность	0,99

Таким образом, статистическими методами была доказана зависимость использования групп местоимений от жанровой формы текста. Применение методов машинного обучения, проверка результативности моделей с использованием формальных метрик подтвердила значительную степень близости в использовании местоимений в текстах исследуемых жанровых форм (Стены ВК и Диалоги ВК), то, что интернет-коммуникация в этом аспекте противопоставлена жанровым формам устной публичной коммуникации.

II. Автоматическая гендерная атрибуция текстов.

Далее был проведен анализ маркирования гендерных различий в исследуемых типах текстов в той же последовательности, которая была применена для анализа жанровой дифференциации.

Результаты сравнения относительных частот использования местоимений мужчинами и женщинами в исследуемых текстах представлены на рис. 4 (группы субъектов коммуникации маркированы по гендерному признаку: ж. – женщины и м. – мужчины).

Как можно видеть на графиках, практически отсутствуют значительные различия в относительной частотности использования местоимений всех трех групп в исследуемых типах жанровых форм мужчинами и женщинами. Однако все же прослеживаются слабо проявленные различия в частоте их использования в Стенах ВК: женщины чаще используют местоимения групп «Я» и «Ты», однако меньше используют местоимений «Группы-Мы»; в «Диалогах ВК» женщины чаще используют местоимения «Группы-Я», а мужчины, наоборот, чаще используют местоимения «Группы-Ты», и, судя по медиане, местоимения «Группы-Мы». В устной публичной коммуникации гендерно обусловленные различия в использовании местоимений исследуемых групп не отмечены.

Зафиксировав степень отличий в использовании групп местоимений в текстах трех жанровых форм, написанных мужчинами и женщинами, проведем корреляционный анализ, вычленив фрагменты текстов по гендерному признаку их авторов и установив характер попарных корреляций групп местоимений.

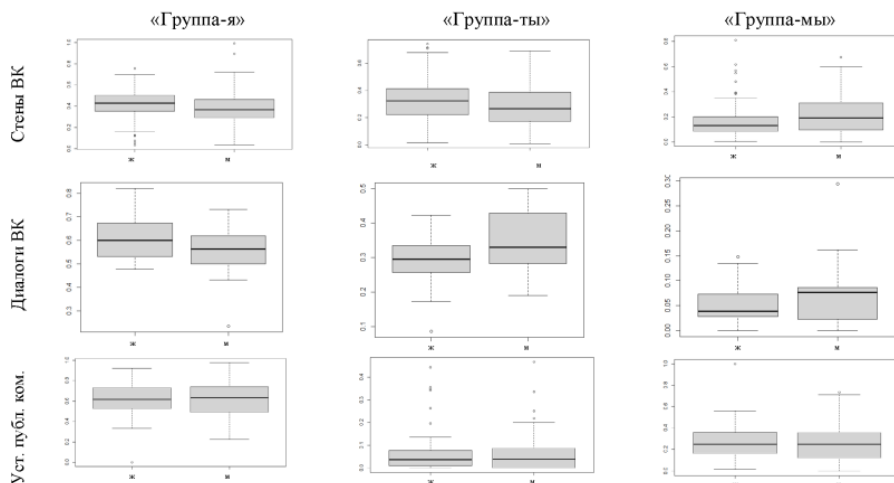

Рис. 4. Диаграмма размаха относительной частоты использования групп местоимений мужчинами и женщинами в текстах трех жанровых форм

1. В мужских фрагментах: «Группа-я» – «Группа ты», $r = -0,47$; «Группа-я» – «Группа-мы», $r = -0,43$; «Группа-ты» – «Группа-мы», $r = -0,48$. Для всех уровней выделенных групп установлена значимость $p < 0,05$.

2. В женских фрагментах: «Группа-я» – «Группа-ты», $r = -0,61$; «Группа-я» – «Группа-мы», $r = -0,11$ (отсутствует статистическая значимость); «Группа-ты» – «Группа-мы», $r = -0,58$. Для всех уровней значимости $p < 0,05$.

Исходя из полученных значений корреляций можно предположить, что, во-первых, преобладает средний уровень корреляционной зависимости; во-вторых, сохраняется отрицательная динамика использования частот местоимений в мужских и женских фрагментах текста, т.е. увеличение частоты одной группы местоимений коррелирует с уменьшением частоты другой. Если сопоставить с предыдущим анализом о выявлении корреляций групп местоимений с учетом жанра, то можно предположить, что отрицательная динамика частоты групп местоимений будет зависеть не от гендерной принадлежности участника коммуникации, а от жанровой принадлежности текста, соотносимой со своеобразием коммуникативных стратегий и интенций коммуникантов, тем коммуникации. Однако есть различия в характере корреляционных связей в мужских и женских фрагментах в целом: в мужских фрагментах установлен близкий уровень корреляций (степень различия не превышает 0,05), в женских наблюдаются различия: между «Группой-я» и «Группой-мы» отсутствует статистически значимая корреляция, в то время как между «Группой-я» и «Группой-ты» установлен наиболее высокий уровень отрицательной корреляции ($-0,61$).

Представим распределение частот местоимений во всех типах текстов, визуализировав двумя цветами частоты местоимений во фрагментах, написанных мужчинами (красный) и женщинами (синий) на рис. 5.

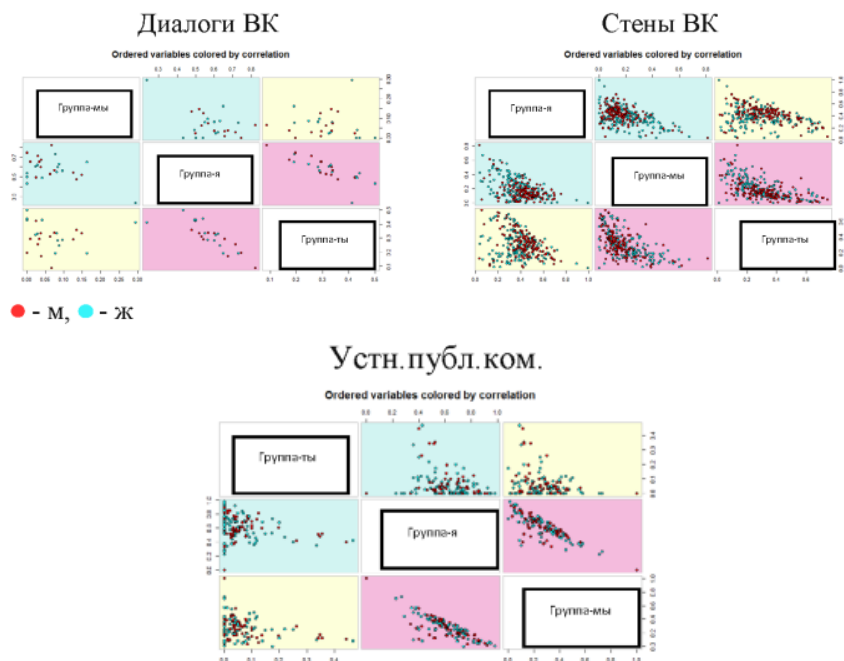

Рис. 5. Диаграмма рассеивания относительной частоты групп местоимений в мужских и женских фрагментах трех типов жанровых форм

Частоты всех типов местоимений в текстовых фрагментах, написанных мужчинами и женщинами, «сливаются» в одно пространство в текстах Стен ВК и Диалогов ВК) и одновременно противопоставляются устной публичной коммуникации.

Частоты всех типов местоимений имеют отрицательную линейную зависимость от типа гендерной и жанровой принадлежности текста. Гендерная диверсификация не прослеживается: частоты расположены в одном пространстве, нет условного визуального разграничения относительно гендерной принадлежности автора текста. Все текстовые фрагменты, авторами которых являются мужчины и женщины, расположены относительно друг друга в одном гиперпространстве, без визуальных отличий. Однако отмечаются незначительные отличия дисперсий во фрагментах текстов Стен ВК, написанных мужчинами и женщинами (в Стенах ВК прослеживаются различия в плотности распределения относительных частот).

Это наблюдение подтверждается сравнением независимых выборок одной и той же генеральной совокупности с помощью непараметрического U-критерия Манна – Уитни (чем меньше значение критерия, тем вероятнее, что различия между значениями параметра в выборках достоверны). В качестве вывода выносим альтернативные гипотезы: а) H_0 – выбранные группы не имеют значимых различий по исследуемому признаку; б) H_1 – выбранные группы значимо различаются по исследуемому признаку. Если

эмпирическое значение равно или превышает теоретическое значение критерия, то отклоняем гипотезу H_0 (при $p > 0,05$) и принимаем гипотезу H_1 ($p < 0,05$). Исходя из результатов статистического критерия Манна – Уитни, делаем вывод, что существуют гендерные отличия в использовании всех группах местоимений в текстах Стен ВК, что представлено в табл. 4.

Таблица 4

Результаты применения теста Краскела – Уоллиса: частотность использования групп местоимений мужчинами и женщинами в текстах Стен ВК

Группа	Макс. отр. разн.	Макс. пол. разн.	p-val	Среднее m	Среднее F	Стат. откл. m	Стат. откл. F	N m	N f
Группа-я	-0,260	0,019	$p < ,001$	0,378	0,424	0,156	0,133	152	135
Группа-ты	-0,260	0,046	$p < ,05$	0,291	0,322	0,164	0,154	152	135
Группа-мы	-0,031	0,265	$p < ,001$	0,216	0,160	0,146	0,123	152	135

Вследствие того, что была подтверждена альтернативная гипотеза только в текстах жанра Стены ВК, далее представим результаты анализа гендерных различий в текстах данного жанра.

При анализе данных Стены ВК мы принимаем альтернативную гипотезу (H_1). В остальных типах коммуникаций статистически значимых различий в использовании групп местоимений относительно гендерной принадлежности автора текста не наблюдается (H_0). Другими словами, анализ подтверждает отличия частот в использовании местоимений «Группы-мы» в текстах, написанных мужчинами и женщинами, только в текстах Стен ВК. Остальные отличия носят случайный характер и не могут быть использованы в качестве подтверждающей гипотезы о различии использования местоимений мужчинами и женщинами. Эти данные соотносятся с полученными нами ранее результатами и выводами о том, что использование местоимений в речи зависит именно от темы коммуникации, а не от гендерной принадлежности коммуниканта. В статье представлены данные кластерного анализа (метод Уорда), который показал распределение текстов в кластеры текстов в зависимости от темы коммуникации, а не от гендерной принадлежности автора текста [35].

Кроме этого при помощи метода обобщенных линейных моделей была подтверждена линейная зависимость частот использования местоимений всех групп местоимений мужчинами и женщинами в текстах Стены ВК ($p < 0,05$) (рис. 6). Таким образом, можно сделать вывод, что существуют статистически значимые различия в использовании местоимений мужчинами и женщинами в текстах Стен ВК. И так как в других типах дискурса гендерных статистически значимых различий в использовании местоимений не наблюдается, были получены более низкие результаты классификации текстов на основе местоимений рассматриваемых групп в качестве маркеров гендерных различий. Для классификации текстов были применены те же методы машинного обучения для автоматической гендерной атрибуции текста, что и ранее для жанровой атрибуции. Результаты представлены в табл. 5.

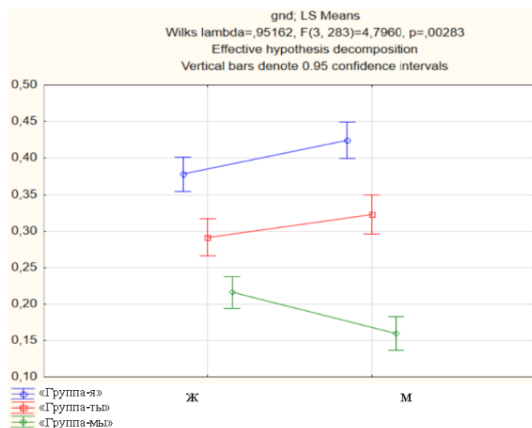

Рис. 6. Обобщенные линейные модели частотности групп местоимений в текстах Стены ВК

Исходя из проведенного анализа можно сделать вывод, что группы местоимений лучше используются в классификации жанровой принадлежности текста, чем для гендерной атрибуции. Гендерная дифференциация подтверждена только в текстах жанра Стены ВК. Результат анализа «полного датасета» представляет собой классификацию, в которой Диалоги ВК объединены со Стенами ВК и противопоставлены устной публичной коммуникации. Как видно, существует значимое увеличение точности классификатора, что свидетельствует о «схожести» этих двух жанров и их противопоставлении устной публичной коммуникации.

Таблица 5

**Формальная точность гендерной классификации текстов
методами машинного обучения**

Модель машинного обучения	F1	Тип дискурса
Линейный дискриминантный анализ	0,64	Стены ВК
Случайный лес	0,68	
Метод опорных векторов	0,79	
Деревья решений	0,56	
Наивный	0,63	
Логистическая регрессия	0,64	
NN LSTM	0,56	
Средняя	56,25	
Линейный дискриминантный анализ	0,29	Диалоги ВК
Случайный лес	0,69	
Метод опорных векторов	0,86	
Деревья решений	0,86	
Наивный	0,25	
Логистическая регрессия	0,29	
NN LSTM	0,67	
Средняя	49,69	

Модель машинного обучения	F1	Тип дискурса
Линейный дискриминантный анализ	0,37	Устная публичная коммуникация
Случайный лес	0,55	
Метод опорных векторов	0,38	
Деревья решений	0,52	
Наивный	0,66	
Логистическая регрессия	0,37	
NN LSTM	0,58	
Средняя	43,63	Полный датасет
Линейный дискриминантный анализ	0,74	
Случайный лес	0,77	
Метод опорных векторов	0,77	
Деревья решений	0,58	
Наивный	0,64	
Логистическая регрессия	0,74	
NN LSTM	0,54	
Средняя	57,96	

Исходя из полученного результата анализа можно сделать вывод о частичном подтверждении влияния жанровых и гендерных различий коммуникации на диагностическую силу личных местоимений в автоматической атрибуции текстов. Кроме этого, установлена близость жанров Стены ВК и Диалоги ВК и их противопоставленность жанру устной публичной коммуникации. Результаты анализа свидетельствуют о том, что при решении задач автоматической классификации текстов по признаку гендерной принадлежности автора текста необходимо учитывать жанровую форму текста, так как в силу жанровых особенностей языковые средства выражения интенций могут влиять на частоту использования личных местоимений. В результате проведенного исследования гипотеза была подтверждена на основе использования статистических методов и методов машинного обучения. В качестве важного результата отметим также наличие статистически значимых отличий только в использовании местоимений «Группы-я», «Группы-мы» в Стенах ВК.

Список источников

1. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. М., 1993. С. 90–136.
2. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. О чем и как говорят женщины и мужчины // Русская речь. 1989. № 1. С. 2–46. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1989-1/42-46>
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 237 с.
4. Попова Е.А. Об особенностях речи мужчин и женщин // Русская речь. 2007. № 3. С. 40–49. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2007-3/40-49>
5. Новикова И.Н., Хамидулина Л.Ю. К вопросу об особенностях мужской и женской речи // Наука и современность – 2013. Филологические науки. Новосибирск, 2013. С. 78–83.
6. Беляева А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин : На материале русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 19 с.

7. Стернин И.А. Общение с разными типами собеседников. Воронеж : Истоки, 2012. 42 с.
8. Mukherjee A., Liu B. Improving Gender Classification of Blog Authors // Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2010. P. 32–38.
9. Yan X., Yan L. Gender Classification of Weblog Authors // Computational Approaches to Analyzing Weblogs. AAAI, 2006. P. 18–26.
10. Shlomo A. Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts // Shlomo Argamon, Moshe Koppel, Jonathan Fine, Anat Rachel Shimoni Springer, Sex Roles. 2010 Jun. № 62 (11-12). P. 705–720.
11. Marcelo Luiz. Brocardo Authorship Verification for Short Messages using Stylometry, 2014. URL: <https://www.deepdyve.com/lp/institute-of-electrical-and-electronics-engineers/authorship-verification-for-short-messages-using-stylometry-JM5XWbkHyN> (дата обращения: 07.07.2016).
12. Arroju M. Age, Gender and Personality Recognition using Tweets in a Multilingual Setting // 6th Conference and Labs of the Evaluation Forum (CLEF 2015): Experimental IR meets multilinguality, multimodality, and interaction. 2015. P. 23–31.
13. Васильева А.В. Коммуникативно-прагматические аспекты проявления экспрессивности в мужских и женских коротких электронных сообщениях // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14). С. 190–195.
14. Горошко Е. Особенности мужского и женского стиля письма // Преображение. Русский феминистский альманах. М., 1998. № 6. С. 48–64.
15. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
16. Карасик В.В., Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгограда, 2000. С.5–20.
17. Алтухова Т.В. Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 3: Филология. С. 21–25.
18. Марченко Н.Г. Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект : автореф. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013. 21 с.
19. Кобрин Н.В. Твиттинг – новый социокоммуникативный жанр интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63) : в 3 ч. Ч. 3. С. 109–111.
20. Ковальчукова М.А. Новостной анонс в сети Интернет как речевой жанр дискурса СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 24 с.
21. Кириллов А.Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 260–267.
22. Резанова З.И., Романов А.С., Мецзяков Р.В. Задачи авторской атрибуции текста в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 24–28.
23. Дроздова Т.Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2 (15). С. 394–404.
24. Романов А.С. Методика и программный комплекс для идентификации автора неизвестного текста : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2010. 27 с.
25. Pennebaker J.W., MR Mehl, Niederhoffer K.G. Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves // Annual review of psychology. 2003. P. 548–571.
26. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М. : Наука, 1974. 223 с.
27. Verhoeven B.C. TWISTY: A Multilingual Twitter Stylometry Corpus for Gender and Personality Profiling // Ben Verhoeven, Walter Daelemans and Barbara Plank CLiPS Research Center, University of Antwerp, Belgium University of Groningen, The Netherlands, 2015. P. 1632–1637.

28. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 347 с.
29. Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25. doi: 10.17223/15617793/415/3
30. Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118. doi: 10.17223/22274200/11/7
31. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981.
32. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1983.
33. Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998. 416 с.
34. Резанова З.И., Мишанкина Н.А. Семиотический синтез в коммуникативном пространстве интернет-текстов (на материале чат-коммуникации) // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 70–74.
35. Степаненко А.А., Резанова З.И. Экспрессивность как маркер гендерных различий компьютерной коммуникации (к проблеме автоматической гендерной атрибуции текста) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 38–46. doi: 10.17223/15617793/433/5

References

1. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) (1993) *Russkiy yazyk i ego funktsionirovanie* [Russian Language and Its Functioning]. Moscow: Nauka. pp. 90–136.
2. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. (1989) O chem i kak govoryat zhenshchiny i muzhchiny [What and how women and men talk about]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 1. pp. 2–46. [Online] Available from: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1989-1/42-46>.
3. Kolesov, V.V. (2004) *Yazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
4. Popova, E.A. (2007) Ob osobennostyakh rechi muzhchin i zhenshchin [About the peculiarities of speech of men and women]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 3. pp. 40–49. [Online] Available from: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2007-3/40-49>.
5. Novikova, I.N. & Khamidulina, L.Yu. (2013) [On the question of the peculiarities of male and female speech]. *Nauka i sovremennost' – 2013. Filologicheskie nauki* [Science and Modernity – 2013. Philological sciences]. Proceedings of the 23rd International Conference. Novosibirsk. 8 July 2013. Novosibirsk: Sibprint: TsRNS. pp. 78–83. (In Russian).
6. Belyaeva, A.Yu. (2002) *Osobennosti rechevogo povedeniya muzhchin i zhenshchin: Na materiale russkoy razgovornoy rechi* [Features of speech behavior of men and women: On the material of Russian colloquial speech]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
7. Sternin, I.A. (2012) *Obshchenie s raznymi tipami sobesednikov* [Communication with Different Types of Interlocutors]. Voronezh: Istoki.
8. Mukherjee, A. & Liu, B. (2010) [Improving Gender Classification of Blog Authors]. *2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Proceedings of the International Conference. Cambridge, MA. 9–11 October 2010. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics. pp. 32–38.
9. Yan, X. & Yan, L. (2006) [Gender Classification of Weblog Authors]. *Computational Approaches to Analyzing Weblogs*. Proceedings of the 2006 AAAI Spring Symposium. Stanford, CA. 27–29 March 2006. AAAI. pp. 18–26.
10. Shlomo, A. et al. (2003) Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts. *Text*. 23 (3). pp. 321–346. DOI: 10.1515/text.2003.014

11. Marcelo, L. (2014) Brocardo Authorship Verification for Short Messages using Stylometry, 2014. *Deepdyve*. [Online] Available from: <https://www.deepdyve.com/lp/institute-ofelectrical-and-electronics-engineers/authorship-verification-for-short-messages-using-stylometry-JM5XWbkHyN>. (Accessed: 07.07.2016).
12. Arroju, M. (2015) [Age, Gender and Personality Recognition using Tweets in a Multilingual Setting]. *6th Conference and Labs of the Evaluation Forum (CLEF 2015): Experimental IR meets multilinguality, multimodality, and interaction*. Proceedings of the 6th Conference. Toulouse, France. 8–11 September 2015. Switzerland: Springer. pp. 23–31.
13. Vasil'eva, A.V. (2014) Kommunikativno-pragmatische aspekty proyavleniya ekspressivnosti v muzhskikh i zhenskikh korotkikh elektronnykh soobshcheniyakh [Communicative and pragmatic aspects of expressiveness in male and female short electronic messages]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 4 (14). pp. 190–195.
14. Goroshko, E. (1998) Osobennosti muzhskogo i zhenskogo stilya pis'ma [Features of male and female writing style]. *Preobrazhenie. Russkiy feministkiy al'manakh*. 6. pp. 48–64.
15. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic aspects]. Moscow: Sociological Institute of the RAS.
16. Karasik, V.V. & Karasik, V.I. (2000) O tipakh diskursa [About the types of discourse]. In: Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (eds) *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena. pp. 5–20.
17. Altukhova, T.V. (2012) Social computer network Vkontakte: genre characterization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4-3 (52). pp. 21–25. (In Russian).
18. Marchenko, N.G. (2013) *Sotsial'naya set' "VKontakte": lingvopragmaticheskiy aspekt* [Social network "VKontakte": linguopragmatic aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
19. Kobrin, N.V. (2016) Twitting – new socio-communicative genre of Internet communication. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 9-3 (63). pp. 109–111. (In Russian).
20. Koval'chukova, M.A. (2009) *Novostnoy anons v seti Internet kak rechevoy zhanr diskursa SMI* [News announcement on the Internet as a speech genre of media discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
21. Kirillov, A.G. (2017) Transformation of blogs as a genre in instant messaging applications. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 2 (16). pp. 260–267. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267
22. Rezanova, Z.I., Romanov, A.S. & Meshcheryakov, R.V. (2013) Tasks of author attribution of text in the aspect of gender (on interdisciplinary interaction of linguistics and computer science). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 24–28. (In Russian).
23. Drozdova, T.N. (2010) Diagnosticheskie i klassifikatsionnye zadachi v avtorovedcheskoy ekspertize blogov [Diagnostic and classification tasks in the author's expertise of blogs]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 2 (15). pp. 394–404.
24. Romanov, A.S. (2010) *Metodika i programmnyy kompleks dlya identifikatsii avtora neizvestnogo teksta* [Methodology and software package for identifying the author of an unknown text]. Abstract of Technics Cand. Diss. Tomsk.
25. Pennebaker, J.W., Mehl, M.R. & Niederhoffer, K.G. (2003) Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves. *Annual review of psychology*. pp. 548–571. DOI: 10.1146/annurev.psych.54.101601.145041
26. Vol'f, E.M. (1974) *Grammatika i semantika mestoimений* [Grammar and Semantics of Pronouns]. Moscow: Nauka.
27. Verhoeven, B.S. (2016) TWISTY: A Multilingual Twitter Stylometry Corpus for Gender and Personality Profiling. *LREC*. pp. 1632–1637.

28. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Editorial URSS.
29. Stepanenko, A.A. (2017) Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/3
30. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7
31. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryaev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka.
32. Zemskaya, E.A. (ed.) (1983) *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.
33. Luriya, A.R. (1998) *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Rostov-on-Don: Feniks.
34. Rezanova, Z.I. & Mishankina, N.A. (2006) Semioticheskiy sintez v kommunikativnom prostranstve internet-tekstov (na materiale chat-kommunikatsii) [Semiotic synthesis in the communicative space of Internet texts (based on chat communication)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1–2. pp. 70–74.
35. Stepanenko, A.A. & Rezanova, Z.I. (2018) Expressiveness as a marker of gender differences in computer communication (the problem of automatic gender attribution of the text). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 38–46. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/5

Информация об авторах:

Степаненко А.А. – научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: stepanenkone@mail.ru

Резанова З.И. – д-р филол. наук, зав. кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, зам. заведующего лабораторией лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Stepanenko, researcher, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanenkone@mail.ru

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General, Computational and Cognitive Linguistics, deputy head of the Linguistic Anthropology Laboratory, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 11.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 14.04.2021;
approved after reviewing 11.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/79/8

Некооперативные стратегии в американском политическом диалогическом дискурсе (на примере жанра пресс-брифинга)

Алена Ивановна Чепурная¹

¹ *Ставропольский государственный аграрный университет,
Ставрополь, Россия, alena-chep@mail.ru*

Аннотация. Исследуются стратегии некооперативного коммуникативного поведения в диалогическом дискурсе на материале диалогов, состоявшихся между Д. Трампом и представителями СМИ в ходе президентских пресс-брифингов в апреле 2020 г. Выявлены и описаны наиболее репрезентативные некооперативные стратегии: тематический сдвиг, логорея, игнорирование, обвинение, колкость, упрек, контроль над ситуацией, дискредитация, возражение. Сделан вывод о возможности разделения некооперативных стратегий диалогического дискурса на две группы: связанные и свободные.

Ключевые слова: американский политический дискурс, коммуникативная стратегия, критический дискурс-анализ, некооперативная стратегия, политический диалогический дискурс

Для цитирования: Чепурная А.И. Некооперативные стратегии в американском политическом диалогическом дискурсе (на примере жанра пресс-брифинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 155–166. doi: 10.17223/19986645/79/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/79/8

Non-cooperative strategies in American political dialogic discourse (based on the press briefing genre)

Alena I. Chepurnaya¹

¹ *Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russian Federation, alena-chep@mail.ru*

Abstract. The article presents results of analyzing the strategic dimension of dialogic discourse, with focus on non-cooperative communicative strategies employed by dialogue participants. The term “non-cooperative strategy” in this study is defined in a broad sense, namely, as a communicative strategy associated with a violation of principles underlying successful communicative cooperation, but not necessarily related to hostile rhetoric. In the present research, identifying non-cooperative strategies was based on Grice’s cooperative principle and Leech’s politeness principle. The analysis of dialogic discourse relied on Baranov and Kreydlin’s concept of illocutionary necessitation which characterizes the relationship between utterances in a dialogue and

suggests distinguishing between necessitating and necessitated dialogue utterances. Transcripts of press briefings held by Donald Trump and members of the Coronavirus Task Force in April 2020 were used as data for the research. A total of 10 press briefing transcripts were analyzed. The relevance of the study is due to the trend towards “legitimization” of verbal aggression, noted by some researchers of American political discourse. The article describes the most representative non-cooperative strategies revealed in the discourses under analysis, namely shifting the topic, logorrhea, ignoring, accusation, biting remark, reproach, control over the situation, delegitimization and objection. The study found that the functioning of some of the described strategies has a specific limitation in terms of the utterance type. Thus, the strategies of shifting the topic, ignoring and objection are confined to a necessitated utterance, while the strategies of accusation, biting remark, reproach, control over the situation and delegitimization can be implemented in both necessitating and necessitated utterances. Based on this finding, it is proposed to distinguish between bound and free non-cooperative strategies in dialogic discourse. The results of the study enrich the theory of dialogue by suggesting a typology of strategies for non-cooperative dialogic interaction based on the notion of illocutionary necessitation. Further scientific inquiry into communicative strategies in dialogic discourse will allow clarifying and expanding the conclusions drawn about the functional dependence of dialogic discourse strategies on the utterance type and about the possibility of distinguishing between bound and free strategies in dialogic interaction.

Keywords: American political discourse, communicative strategy, critical discourse analysis, non-cooperative strategy, political dialogic discourse

For citation: Chepurnaya, A.I. (2022) Non-cooperative strategies in American political dialogic discourse (based on the press briefing genre). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 155–166. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/8

Введение

Актуальность обращения к некооперативным аспектам речевого поведения политиков обусловлена наблюдаемым в последние годы усилением конфликтности политического дискурса, а применительно к американской политической риторике Д.С. Храмченко и Я.Ю. Хлопотунов считают возможным говорить о тенденции к «легитимизации» речевой агрессии [1. С. 188].

Стратегии некооперативного речевого поведения в дискурсе американских политических деятелей неоднократно становились предметом научного анализа. Так, были описаны тактики конфронтации (констатация некомпетентности, обвинение, упрек, насмешка, колкость, оскорбление) [2] и тактики дискредитации оппонента в предвыборном дискурсе (насмешка, нанесение обиды, издевка, обвинение и др.) [1]. Однако остается неразработанным вопрос реализации некооперативных стратегий в диалогической интеракции с учетом взаимодействия интенций коммуникантов, при том что именно диалог предлагает бесценный материал для исследования некооперативного коммуникативного взаимодействия, поскольку, в отличие от монолога, предполагает эксплицитное участие адресата.

Опираясь на концепцию Т. ван Дейка о стратегической природе процесса порождения и понимания дискурса [3. Р. 120], настоящее исследование ста-

вит целью выявление некооперативных стратегий и особенностей их функционирования в диалогическом политическом дискурсе. Новизна исследования заключается в том, что продемонстрировано соотношение некооперативных стратегий с типом реплик диалога (вынуждающая и вынуждаемая), выявлена закреплённость ряда стратегий исключительно за вынуждаемой репликой и обоснована возможность разделения некооперативных стратегий диалогического дискурса на связанные и свободные. Значимость полученных результатов связана с обогащением теории диалога и вкладом в разработку проблемы некооперативного речевого поведения.

Анализ некооперативных стратегий проводился на материале пресс-брифингов Д. Трампа.

Пресс-брифинг как подтип пресс-конференции и жанр политического диалогического дискурса [4] является важным инструментом политической коммуникации, информирования общественности и формирования имиджа политика через каналы средств массовой информации, выступающих медиаторами политического знания [5. Р. 174; 6. Р. 12]. Как отмечает М. Кумар, в США встречи представителей власти с журналистами в формате пресс-конференций, начало которым было положено президентом В. Вильсоном в 1913 г., стали неотъемлемой частью политической жизни [7. Р. 166]. Особую значимость этот жанр политического дискурса приобрел в связи с пандемией коронавируса COVID-19 в марте – апреле 2020 г., когда президент США Д. Трамп и представители рабочей группы по борьбе с коронавирусом проводили ежедневные пресс-брифинги с целью информирования населения о текущей ситуации с коронавирусом в стране. Характер взаимоотношений Д. Трампа с рядом СМИ, характеризуемый исследователями как «противостояние» или даже «война» [8], позволяет предположить, что дискурс пресс-брифингов может послужить репрезентативным материалом для анализа некооперативных и конфронтационных стратегий.

Деление стратегий на кооперативные и некооперативные, или конфронтационные, как указывает Н.Н. Кириллова, является традиционным в научной литературе [9. С. 28]. Однако она отмечает, что использование наименований «некооперативные» и «конфронтационные» в качестве синонимов не всегда справедливо [9. С. 28], с чем нельзя не согласиться, учитывая присущий лексеме «конфронтационный» компонент значения конфликтности. Основанием для разделения коммуникативных стратегий на кооперативные и некооперативные (конфронтационные) О.С. Иссерс называет наличие или отсутствие установки на кооперацию, принцип некооперации она определяет при этом через приоритет интересов говорящего над интересами слушателя [10. С. 70].

В настоящем исследовании отдается предпочтение термину «некооперативная стратегия», который понимается в широком смысле, а именно как коммуникативная стратегия, не всегда характеризующаяся проявлением открытой речевой агрессии, но сопряженная с нарушением принципов, лежащих в основе успешного коммуникативного сотрудничества. В каче-

стве таких принципов в данном исследовании рассматриваются принцип кооперации Г.П. Грайса, базирующийся на постулатах количества, качества, отношения и способа [11], и принцип вежливости Дж. Лича, выраженный в максимах симпатии, такта, согласия, скромности, великодушия и одобрения [12].

Значимыми в рамках настоящего исследования представляются также типология конфронтационных стратегий, предложенная Н.Н. Кирилловой (дискредитация, подчинение, насилие, агрессия, принуждение, проработка, захват инициативы, контроль над ситуацией, соперничество, претензия, разоблачение, угроза, конфликт) [9. С. 29], и категории, описанные С. Аллани в результате анализа стратегий конфронтационной аргументации в политическом дискурсе СМИ (поляризация, тематический сдвиг, возражения против позиции оппонента и конфронтационное маневрирование на уровне презентации) [13].

Анализ стратегического измерения диалогического дискурса проводился с опорой на понятие иллюкутивного вынуждения, введенное А.Н. Барановым и Г.Е. Крейдлиным для описания отношений между речевыми актами в диалоге [14]. Согласно концепции авторов в диалоге одна реплика (вынуждающая) иллюкутивно вынуждает другую (вынуждаемую), причем отношения между репликами диалога типа «вопрос – ответ» характеризуются достаточно сильным иллюкутивным вынуждением [14. С. 96].

Не претендуя на комплексное представление некооперативных стратегий, опишем наиболее частотные и репрезентативные случаи некооперативного диалогического взаимодействия в анализируемом материале.

Материал и методы

Исследование выполнено в русле критического дискурс-анализа на материале скриптов пресс-брифингов Д. Трампа, бывшего вице-президента США М. Пенса и членов рабочей группы по борьбе с коронавирусом. Материалы десяти пресс-брифингов, состоявшихся в период с 1 по 15 апреля 2020 г., были отобраны для анализа.

Структура проанализированных пресс-брифингов представлена вступительной речью президента, выступлениями вице-президента и членов рабочей группы по борьбе с коронавирусом, вопросно-ответной интеракцией с журналистами и заключительной частью. Непосредственным материалом для анализа послужили фрагменты диалогического дискурса, участниками которого являются Д. Трамп и представители СМИ.

Стратегии некооперативного диалогического взаимодействия

Тематический сдвиг и логорея. Исследователи отмечают, что уклончивость является одной из характерных особенностей политического дискурса, связанной с необходимостью контролировать объем сообщаемой информации [5. Р. 190]. Фрагмент (1) представляется примером тематиче-

ского сдвига и логореи, которую Н. Б. М. Исмаил и соавторы определяют как «бомбардирование» слушателя большим количеством сообщений, не раскрывающих истинного смысла [15. Р. 7]:

(1) *Q: – is the U.S. willing to cut domestic oil production? What came out of the meeting? What was the consensus?*

The President: Well, a lot of things came out. It's a great industry, it's an important industry, it's a tremendous job-producing industry. And it's just vital. And it was also very interesting because they all were given the test before they came into the room. So you have the head of Exxon Mobil, you have all these guys taking the test, and they all passed with flying colors. So that was good. They left happy, in that respect, at least.

There's just an overabundance of oil right now – oil and gas. Tremendous overabundance. And it was caused – they were doing a great job. They were producing a lot of energy. But then you have the virus come along and it knocked another 35 percent, maybe 40 percent, off of the market.

So there's too much oil. There's a glut. And these are great companies and they'll figure it out. It's free market. We'll figure it out [16].

Несмотря на то, что первое предложение вынуждаемой реплики в примере (1) демонстрирует тесную формальную связь с вынуждающей репликой за счет повторения фразового глагола *come out*, оно не является информативным и не дает полноценного ответа на поставленный вопрос в связи с неопределенным референциальным статусом выражения *a lot of things*. В последующих предложениях вынуждаемой реплики говорящий сообщает информацию, лишь косвенно связанную с вопросом, а именно дает оценку нефтедобывающей отрасли в целом (*great, important, tremendous job-producing, vital*), приводит нерелевантные детали, касающиеся организационной стороны мероприятия (*they all were given the test*), описывает проблему переизбытка нефти на рынке, вызванную пандемией коронавируса (*tremendous overabundance, glut*). Таким образом, вводящая достаточно большой объем нерелевантной информации вынуждаемая реплика нарушает не только постулат релевантности, но и постулат количества Г.П. Грайса. И лишь заключительную часть вынуждаемой реплики (*And these are great companies and they'll figure it out. It's free market. We'll figure it out*) представляется возможным рассматривать как ответ на вопрос журналиста о том, планируется ли сокращение объемов добычи нефти в США. В своем ответе говорящий выражает приверженность принципам свободной торговли (*It's free market*) и говорит о том, что участники рынка самостоятельно справятся с возникшими вызовами (*And these are great companies and they'll figure it out*). Тем не менее говорящий не сообщает о конкретных итогах встречи, информацию о которых хотел получить журналист (*What came out of the meeting? What was the consensus?*).

Игнорирование. Как отмечает Н.Н. Кириллова, игнорирование не может быть охарактеризовано однозначно как конфронтационная стратегия, поскольку в зависимости от интенций коммуникантов его использование может служить цели успокоить собеседника, проявить заботу о нем [9.

С. 31]. Однако в условиях официального вопросно-ответного диалога игнорирование эмоционально нейтральной вынуждающей реплики, не содержащей сигналов некооперативного поведения, представляет собой нарушение норм иллокутивного вынуждения и, следовательно, некооперативную стратегию:

(2) *Q: Can I have a follow-up question with Attorney General Barr, please? This has to do with the visa restrictions on immigrant doctors. Is the administration considering easing the restrictions or waiving restrictions for doctors with J-1 or H-1B visas so they can help other doctors during this crisis?*

Attorney General Barr: Actually, the immigration laws are no longer under the administration of the Department of Justice and I haven't been participating in any of those discussions.

Q: Well, what about you, Mr. President?

The President: Good. Any other questions? Please, go ahead.

Q: Can you respond to that question, Mr. President?

The President: One more. One more for this group I have right here please [17].

В примере (2) за вынуждающей репликой адресанта *Well, what about you, Mr. President?* следует реплика адресата *Good. Any other questions? Please, go ahead*, которая явно нарушает нормы иллокутивного вынуждения, поскольку, во-первых, является иллокутивно независимой от предшествующей реплики, а во-вторых, адресована третьему лицу, а точнее, группе лиц. Вынуждаемая реплика при этом может быть обозначена как нулевая. Некооперативный эффект усиливается за счет игнорирования адресатом повторной попытки адресанта получить ответ на вопрос (*Can you respond to that question, Mr. President?*).

Обвинение и колкость. Пример (3) демонстрирует функционирование стратегии обвинения в вынуждающей реплике и колкости в вынуждаемой:

(3) *Q: And yet, medical experts and some of these manufacturers are predicting that there will still be shortages of tens of thousands of ventilators. Is it time for you to level with the American public that there likely will be shortages of ventilators in some cases?*

The President: Could be. I mean, it could be you have shortages, and it could also be that you have some that have way overestimated the number of ventilators they need.

We think that – you know, we have a good – a good amount ready to move. I mean, literally, like an army, they're ready to move to any hotspot. But some of the ones that you're talking about – always a nasty question from CNN – but some of the ones [18].

Реализация стратегии **обвинения** в примере (3) интересна тем, что обвинение выражается в имплицитной форме. Вопрос *Is it time for you to level with the American public that there likely will be shortages of ventilators in some cases?* может рассматриваться как обвинение адресата в нечестности при информировании общественности о количестве аппаратов искусственной вентиляции легких. Ядром реализации обвинительной стратегии выступает фразовый глагол *level with*, который в лексикографических источ-

никах определяется следующим образом: *to speak honestly to someone, after hiding some unpleasant facts from them* [19].

Таким образом, в ассертивной части высказывания содержится информация о том, не пора ли адресату сказать правду (*Is it time for you to level with the American public*), тогда как информация о возможной нехватке оборудования помещена в пресуппозитивную часть (*there likely will be shortages of ventilators in some cases*), которая, как известно, воспринимается как достоверная без критической оценки со стороны получателей. Кроме того, в поддержку обоснованности высказанных предположений о возможных сложностях, связанных с нехваткой аппаратов искусственной вентиляции легких, говорящий ссылается на прогнозы экспертов и производителей (*medical experts and some of these manufacturers are predicting*). Следует отметить также осторожность автора в выборе формы высказывания, о чем свидетельствует смягчение категоричности за счет использования эпистемического наречия *likely* и хедж-маркера *in some cases*.

Некооперативная стратегия **колкости** в вынуждаемой реплике реализуется посредством парентетического включения *always a nasty question from CNN*, с помощью которого говорящий дает оценку (*nasty*) не только вопросу, озвученному в вынуждающей реплике, но и деятельности телеканала CNN в целом, что достигается за счет использования наречия *always*.

Упрек, контроль над ситуацией, дискредитация, возражение. Коммуникативная ситуация спора или конфликта, сопряженная со столкновением мнений и позиций собеседников, выступает типичной средой реализации целого комплекса некооперативных стратегий. Например:

(4) *The President: How long has that person been in government? Could I ask you that?*

Q: Did serve in the previous administration.

The President: Oh, you didn't tell me that. Oh, I see. You didn't tell me that, Jon.

Q: She was appointed for her current position in January of this year, by your government.

The President: You didn't tell me that. Did serve in the previous administration – you mean the Obama administration. Thank you for telling me that.

See, there's a typical fake-news deal.

Q: Well, you asked me when she was – you asked me when she was appointed.

The President: No, look. Look –

Q: I told you when she was appointed by your administration.

The President: You're a third-rate reporter. And what you just said is a disgrace. Okay?

You asked me – you said, "Sir, just got appointed." Take a look at what you said.

Now, I said, "When did they – when did this person – how long in government?"

Q: But, but –

The President: "Well, it was appointed in the Obama administration."

Q: But her current job was in your administration, sir.

The President: Thank you very much, Jon. Thank you very much. You will never make it.

Go ahead, please [20].

В примере (4) в качестве первого сигнала некооперативного взаимодействия может рассматриваться реплика Д. Трампа *Oh, you didn't tell me that*, косвенно выражающая **упрек** собеседника в том, что он не сообщил информацию ранее. Воздействие на собеседника усиливается за счет использования междометия (*Oh*) и повтора (*You didn't tell me that, Jon*).

Дальнейшее развитие диалогического взаимодействия по некооперативному пути связано с **игнорированием** Д. Трампом информации, вводимой репликой журналиста *She was appointed for her current position in January of this year, by your government*. Не принимая во внимание содержание сообщения собеседника, говорящий продолжает придерживаться стратегии упрека, используя повтор (*You didn't tell me that*) и иронию (*Thank you for telling me that*), и в конечном счете переходит к **обвинению** (*a typical fake-news deal*), приписывая собеседнику вину в некорректном освещении событий, которая актуализируется семантическим наполнением именной группы *fake news*, употребленной в атрибутивной функции.

Попытки журналиста обосновать свои высказывания (*Well, you asked me when she was – you asked me when she was appointed*) отвергаются собеседником посредством реплики *No, look. Look*, которая может рассматриваться как реализация стратегии **контроля над ситуацией**, нацеленной на подавление инициативы собеседника через отказ в возможности выразить свою позицию.

Обострение конфронтации на следующем этапе диалогического взаимодействия определяется стратегией **дискредитации** за счет выражения отрицательной оценки профессиональных качеств собеседника (*a third-rate reporter*) и пристыжения, которое реализуется посредством экспрессивно-оценочной лексики (*disgrace*) и усиливает дискредитирующий эффект. В ответ на **возражения** собеседника (*But, but –; But her current job was in your administration, sir*) Д. Трамп прибегает к стратегии контроля над ситуацией, выраженной с элементами иронии (*Thank you very much, Jon*), и выступает инициатором завершения диалога.

Кроме того, оборванные фразы *No, look. Look* – и *But, but* – позволяют сделать вывод о перебивании собеседниками друг друга и повышенной эмоциональной напряженности анализируемого фрагмента диалога.

Выводы

Проведенный анализ реализации некооперативных стратегий в диалоге с опорой на понятие иллюкутивного вынуждения, предполагающее выделение в структуре диалога вынуждающей и вынуждаемой реплик, показал, что реализация ряда стратегий ограничена только одним типом реплик, тогда как функционирование других стратегий не характеризуется подоб-

ной зависимостью. В связи с этим представляется возможным разделить некооперативные стратегии в диалогическом дискурсе на две группы: связанные и свободные.

Так, реализация некооперативного потенциала стратегий тематического сдвига, игнорирования и возражения, очевидно, требует левого контекста, что дает основание предположить их функциональную закреплённость за вынуждаемой репликой. В свою очередь, стратегии обвинения, колкости, упрека, контроля над ситуацией и дискредитации могут быть отнесены к группе свободных, поскольку, как представляется, допускают возможность реализации как в вынуждающей, так и в вынуждаемой репликах. Так, фрагмент дискурса (3) выступает примером реализации стратегии обвинения в вынуждающей реплике, тогда как в примере (4) обвинительную стратегию реализует вынуждаемая реплика.

Описанные стратегии тематического сдвига, логореи, игнорирования, обвинения, колкости, упрека, контроля над ситуацией, дискредитации (через отрицательную оценку и пристыжение) и возражения, безусловно, не являются исчерпывающим набором стратегий некооперативного речевого поведения в условиях диалогического взаимодействия, однако представляются наиболее репрезентативными некооперативными стратегиями, выявленными в исследуемом материале.

Значимость полученных в настоящем исследовании результатов видится в обогащении теории диалога, а также в возможности использования предложенной типологии для анализа стратегий некооперативного диалогического взаимодействия в других жанрах дискурса. Дальнейшее изучение коммуникативных стратегий в диалогическом дискурсе позволит уточнить и расширить полученные выводы о функциональной зависимости реализации стратегий от типа реплики и возможности их классификации на связанные и свободные.

Список источников

1. Храменко Д.С., Хлопотунов Я.Ю. Функционально-лингвистические особенности тактической реализации конфликтных коммуникативных стратегий американского предвыборного политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67) : в 2 ч. Ч. 2. С. 188–191.
2. Вильданова Г.А., Кожухова И.В. Коммуникативные ресурсы антагонистической игры в современном американском политическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 9 (206). С. 84–91.
3. Van Dijk T.A. Structures and Strategies of Discourse and Prejudice // *Ethnic Minorities* / ed. by J.P. van Oudenhoven, T.M. Willemsen. London : Garland Science, 1989. P. 115–138.
4. Алимджанов А.А. Диалогические жанры Белого дома // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 15–21.
5. Bhatia A. Critical Discourse Analysis of Political Press Conferences // *Discourse & Society*. 2006. Vol. 17 (2). P. 173–203.
6. Kiouisis S., Strömbäck J. The White House and Public Relations: Examining the Linkages between Presidential Communications and Public Opinion // *Public Relations Review*. 2010. Vol. 36 (1). P. 7–14.

7. Kumar M.J. Presidential Press Conferences: The Importance and Evolution of an Enduring Forum // *Presidential Studies Quarterly*. 2005. Vol. 35 (1). P. 166–192.
8. Чобанян К.В. «Трамповизация» американской тележурналистики // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2019. Т. 8. № 4. С. 719–734.
9. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии*. 2012. № 1. С. 26–33.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
11. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е.В. Падучевой. М., 1985. С. 217–237.
12. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
13. Allani S. Confrontational Argumentative Strategies in the Discourse of Foreign Policy Experts // *Research in Language*. 2019. Vol. 17 (1). P. 39–55.
14. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *Вопросы языкознания*. 1992. № 2. С. 84–99.
15. Ismail N.B.M., Pagulayan M.A., Francia C.M.A., Pang A. Communicating in the Post-Truth Era: Analyses of Crisis Response Strategies of Presidents Donald Trump and Rodrigo Duterte // *Journal of Public Affairs*. 2019. Vol. 19 (1). e1883.
16. *Remarks* by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. 3 April 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-18/> (дата обращения: 28.01.2021).
17. *Remarks* by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. 1 April 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-16/> (дата обращения: 28.01.2021).
18. *Remarks* by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. 4 April 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-19/> (дата обращения: 28.01.2021).
19. *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/level-with> (дата обращения: 27.02.2021).
20. *Remarks* by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. 6 April 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-21/> (дата обращения: 28.01.2021).

References

1. Khramchenko, D.S. & Khlopotunov, Ya.Yu. (2017) The functional and linguistic features of tactical implementation of conflict communicative strategies of the American electoral political discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 1-2 (67). pp. 188–191. (In Russian).
2. Vil'danova, G.A. & Kozhukhova, I.V. (2019) Antagonistic game communicative resources in contemporary American political discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9 (206). pp. 84–91. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2019-9-84-91
3. Van Dijk, T.A. (1989) Structures and Strategies of Discourse and Prejudice. In: van Oudenhoven, J.P. & Willemsen, T.M. (eds) *Ethnic Minorities*. London: Garland Science. pp. 115–138.
4. Alimdzhанov, A.A. (2020) Dialogical genres of the white house. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1 (25). pp. 15–21. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-15-21

5. Bhatia, A. (2006) Critical Discourse Analysis of Political Press Conferences. *Discourse & Society*. 2 (17). pp. 173–203. DOI: 10.1177/0957926506058057
6. Kioussis, S. & Strömbäck, J. (2010) The White House and Public Relations: Examining the Linkages between Presidential Communications and Public Opinion. *Public Relations Review*. 1 (36). pp. 7–14. DOI: 10.1016/j.pubrev.2009.08.013
7. Kumar, M.J. (2005) Presidential Press Conferences: The Importance and Evolution of an Enduring Forum. *Presidential Studies Quarterly*. 1 (35). pp. 166–192. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2004.00241.x
8. Chobanyan, K.V. (2019) Trupization of American television journalism. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistik – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 4 (8). pp. 719–734. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(4).719-734
9. Kirillova, N.N. (2012) Kommunikativnye strategii i taktiki s pozitsii нравstvennykh kategoriy [Communicative strategies and tactics from the standpoint of moral categories]. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii*. 1. pp. 26–33.
10. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow: LKI.
11. Grice, G.P. (1985) Logika i recevoe obshchenie [Logic and speech communication]. In: Paducheva, E.V. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress. pp. 217–237.
12. Leech, G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.
13. Allani, S. (2019) Confrontational Argumentative Strategies in the Discourse of Foreign Policy Experts. *Research in Language*. 1 (17). pp. 39–55. DOI: 10.2478/rela-2019-0004
14. Baranov, A.N. & Kreydlin, G.E. (1992) Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary compulsion in the structure of dialogue]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 84–99.
15. Ismail, N.B.M. et al. (2019) Communicating in the Post-Truth Era: Analyses of Crisis Response Strategies of Presidents Donald Trump and Rodrigo Duterte. *Journal of Public Affairs*. 1 (19). e1883. DOI: 10.1002/pa.1883
16. The White House. (2020) Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. *The White House*. 3 April. [Online] Available from: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-18/>. (Accessed: 28.01.2021).
17. The White House. (2020) Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. *The White House*. 1 April. [Online] Available from: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-16/>. (Accessed: 28.01.2021).
18. The White House. (2020) Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. *The White House*. 4 April. [Online] Available from: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-19/>. (Accessed: 28.01.2021).
19. *Longman Dictionary of Contemporary English*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/level-with>. (Accessed: 27.02.2021).
20. The White House. (2020) Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. *The White House*. 6 April. [Online] Available from: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-21/>. (Accessed: 28.01.2021).

Информация об авторе:

Чепурная А.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь, Россия). E-mail: alena-chep@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Chepurnaya, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Stavropol State Agrarian University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: alena-chep@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.10.2021;
одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 26.10.2021;
approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82.0+929(571.1/5)
doi: 10.17223/19986645/79/9

Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в.

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. Исследуются размышления о сибирской литературе и литераторах в переписке и публицистике лидеров областнического движения – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, а также ряда сибирских авторов XIX в. Анализируется процесс мифологизации судьбы провинциального писателя, систематизируются варианты жизненных траекторий образованных выходцев из Сибири в восприятии публицистов-областников. Утверждается, что дискуссии о драматических судьбах сибирских беллетристов определили культурный ландшафт Сибири, пафос и цели литературного процесса за Уралом.

Ключевые слова: литература Сибири, культурный ландшафт, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, И.В. Омелевский, А.П. Щапов, Н.И. Наумов

Источник финансирования: результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 167–189. doi: 10.17223/19986645/79/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/9

Siberia's cultural landscape in the understanding of Siberian writers and publicists of the 19th century

Irina F. Gnyusova¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to analyze the reflections on the Siberian literature of the leaders of the regionalism (*Oblastnichestvo*) movement – Grigory Potanin

and Nikolai Yadrintsev, and a number of Siberian authors of the 19th century, and to prove that it was this reflection that determined the cultural landscape of Siberia, the paths and goals of the literary process beyond the Urals. The novelty of the work lies in the fact that no attempt has previously been made to take a systematic look at the contradiction between the ideal program of regionalists (*Oblastniki*) and the fatal unfavorable fate of the personal and creative destinies of Siberian writers. The analysis of personal letters, public speeches, articles and memoirs of regionalist publicists shows that they were forced to place on a literary pedestal even those writers who did not meet their expectations. This process of mythologization of the fates of Siberian writers is demonstrated by the example of Yadrintsev's works about Innokenty Omulevsky, Afanasy Shchapov, Serafim Shashkov. The main stages of their destinies, typical for educated natives of Siberia, are transformed in Yadrintsev's articles and speeches into a passionate panegyric to the Siberian writer, deliberately dramatized and fictionalized. Such an idealized biography of the Siberian writer included a passionate love for his small homeland and the desire to return there; youthful faith in transformation; the collapse of hopes due to arrest; lack of recognition in the provincial society devoid of higher interests. The article shows that the legacy of the regionalists also demonstrates another version of the fate of the Siberian writer. It is shown on the example of the life path of Nikolai Naumov, who, having returned to Siberia, changed his career as a Petersburg writer to the position of an official for peasant affairs and subsequently could not return to literary work. A third option is considered on the example of Yadrintsev's biography. The material of later articles and *Memoirs* by Potanin shows the rethinking of the regionalist "myth" about the Siberian writer. Potanin does not follow the "canon" of his colleague's articles, building his own "plot" around Yadrintsev. An important component of it is Potanin's confession of his guilt before the deceased comrade: in one of his last articles, Potanin declares that it was the "return to his homeland" mythologized by the regionalists that became the primary source of Yadrintsev's troubles. The article concludes that the cultural landscape of Siberia was determined not so much by literary activity as by a discussion about the lack of proper conditions for its existence. Thanks to the regionalists, the problem of Siberian literature as a social phenomenon entered the public field. By popularizing and mythologizing the tragic fates of the natives of Siberia, the leaders of regionalism created the ground in the province for the activation of the literary process. The work of the writer was equated with a civic feat, and the tasks of literature went far beyond literary ones. The dreams of the Siberian intelligentsia about the transformative power of literature thus became an important part of the cultural landscape of the region.

Keywords: literature of Siberia, cultural landscape, Grigory Potanin. Nikolai Yadrintsev, Innokenty Omulevsky, Afanasy Shchapov, Nikolai Naumov

Financial Support: The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Gnyusova, I.F. (2022) Siberia's cultural landscape in the understanding of Siberian writers and publicists of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 167–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/9

«Когда зарождается жизнь, нет ничего мучительнее молчания», – писал в 1882 г. Н.М. Ядринцев, публицист, ученый и один из идеологов областного движения в Сибири [1. Т. 5. С. 69]. Этой метафорой он указывал

на острую необходимость появления в провинции собственной литературы, на важность писательского труда для развития и будущего процветания сибирского региона. Тема эта занимала важное место в теории областничества, но в реальности до конца XIX в. в Зауралье так и не появилось ни одного крупного «поэта, пророка и писателя» [1. Т. 5. С. 69]. Тем не менее рефлексия сибирских публицистов и литераторов дает ценный материал для понимания культурного ландшафта Сибири как трансграничного региона.

Феномен сибирской литературы XIX в. как части этого культурного ландшафта условно можно разделить на две составляющие – идеальную и реальную. Первая была частью областнической программы и выражалась в надеждах и чаяниях ее ведущих представителей – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, крупного ученого, этнографа и публициста. Они же конструировали эту идеальную составляющую через публичный дискурс – свои статьи и выступления. Вторая часть феномена включала реальные биографии писателей, их творческое наследие и осмысление их деятельности – как самими сибирскими авторами, так и всё теми же Потаниным и Ядринцевым в их обширной переписке.

Стремление сибирских писателей к «автомифотворчеству», создание в работах лидеров областнического движения особого образа провинциального литератора и формирование отдельного сюжета для актуализации их идей уже рассматривались И.А. Айзиковой, К.В. Анисимовым, А.Ю. Горбенко, А.Е. Козловым [2–5]. Однако до сих пор отсутствует системный взгляд на очевидное противоречие между «должным» и «данным», идеальной программой и фатальным неблагополучием личных и творческих судеб региональных литераторов. Не видя реализации своей программы «взращивания» молодых и талантливых авторов-сибиряков, областники вынуждены были возводить на литературный пьедестал даже тех писателей, кто совершенно не отвечал их ожиданиям, – правда, чаще всего, посмертно. И эти манифесты также становились частью сибирского культурного ландшафта, оказывая влияние на последующее восприятие литературы того времени.

Репрезентативным примером является фигура иркутского поэта и писателя Иннокентия Федорова, публиковавшегося под псевдонимом Омудевский. Он стал известен благодаря роману «Шаг за шагом» (1870) о молодом герое, который возвращается в родной сибирский город с планами преобразований. Роман этот, как отмечает К.В. Анисимов, «прочно входил в круг чтения революционной молодежи второй половины XIX в.» [3. С. 32]. Однако областниками произведение Омудевского, и в особенности образ главного героя, было подвергнуто открытой критике: в своей программной статье «Роман и рассказ в Сибири» (1876) Г.Н. Потанин с сожалением пишет, что Омудевский «лишь воспользовался местной жизнью как материалом, вовсе не думая служить ей самой» [6. С. 25]. Суть упреков Потанина, как обобщает их И.А. Айзикова, в том, что писатель не учел «условий сибирской общественной жизни», не сделал «своей задачей формирова-

ние сибирского читателя» и тем самым оставил «свои сочинения без читателя вообще, нанося непоправимый вред и своему таланту» [2. С. 86–87].

Еще более пренебрежительно отзываясь о молодом сибирском авторе Н.М. Ядринцев. В августе 1872 г. в письме к Потанину он замечает: «Об Омулевском говорить не стоит. Это теперь, как рассказывают, “исписавшийся журналь”, злоупотребляющий своей профессией и талантом. Он, говорят, даже за бутылку рому брался составлять политические хроники в “Неделю”... “Светловым”¹ он только одурачил русскую журналистику. Здесь хотели отыскивать современного молодого человека, а это был просто Федоров в его бархатном сюртучке, как мы его знали, юноша романтик с иркутскими любовными похождениями, напустивший на себя из моды нигилизм и гражданский дух, которые к нему так же вяжутся, как к корове седло. Стихи он пишет гладко, но все врет... ничего он не перечувствовал» [7. С. 88]. В конце того же 1872 г. Омулевскому дана еще более уничижительная характеристика: «Умишка у него плохой, знаний нет, художественного воображения тоже» [7. С. 137]; «...стихи его – тенденциозная риторика, да еще не своя, а заимствованная» [7. С. 138]. А в 1873 г., узнав об аресте иркутского писателя, Ядринцев с горечью пишет: «Переселение его сгубит: характер тряпичный, и в Питере жаловался на судьбу, пил жестоко, дрался в клубах и начинал неблагоприятные спекуляции с своими произведениями; может в месте злачном еще хуже опуститься» [7. С. 214].

Омулевский умирает в 1883 г., а два года спустя в издаваемом Ядринцевым «Литературном сборнике» появляется гораздо более сдержанная характеристика иркутского писателя. В статье «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» Ядринцев указывает на Омулевского как на единственного сибирского поэта, «несколько заметного в литературе», но при этом уточняет, что «и он большую часть жизни посвящал иным общим темам», поскольку «не жил в Сибири, и она не могла веять на него своей жизнью и природой» [1. Т. 5. С. 91]. Следующие строки, впрочем, выдают, что и стихи о Сибири, которые активно создавал Омулевский в последние годы жизни, автор статьи ценит не очень высоко: «Некоторая искусственность и принужденность до сих пор сохраняется у людей, пробующих воспевать Сибирь. С этим недостатком не могут справиться наши молодые писатели» [1. Т. 5. С. 91].

Однако в 1886 г. в «Сибирском сборнике», еще одном издательском проекте Ядринцева, появляется биографическая статья «Инн. Вас. Федоров-Омулевский», в которой дается совершенно иной портрет сибирского писателя. Статья не подписана, но ее стиль и некоторые приводимые факты не оставляют сомнений, что автором является сам редактор издания. Поразительным образом Ядринцев не допускает здесь ни единого упрека в отсутствии патриотических чувств у Омулевского – напротив, биография

¹ Так был озаглавлен роман Омулевского «Шаг за шагом», когда вышел отдельным изданием после журнальной публикации: «Светлов, его взгляды, его жизнь и деятельность» (1871).

писателя пронизана пафосом его глубокой привязанности к малой родине. Так, будучи уроженцем Камчатки, будущий литератор о ней «навсегда сохранил самое светлое воспоминание, и, как единственный вещественный памятник о родном городке... всю жизнь берег старую, разорванную и склеенную картинку – вид Петропавловского порта, нарисованный им самим» [1. Т. 5. С. 114]. Учеба в Иркутской гимназии во времена расцвета этой столицы Сибири вложила «в него ту горячую патриотическую любовь к родине, которая всю жизнь потом составляла основную черту в характере Омудевского» [1. Т. 5. С. 115]. И наконец, оказывается, что «постоянной целью и заветной мечтой поэта было сделаться певцом родины, но поздно возникшая сибирская журналистика, а значит, и возможность существовать исключительно сибирскими темами только при самом конце жизни позволили Омудевскому исполнить эту мечту на деле» [1. Т. 5. С. 116]. Характерно, что Ядринцев на протяжении всей статьи называет Омудевского поэтом, лишь вскользь упоминая сделавший его известным роман «Шаг за шагом» и «светлую и высоко симпатичную фигуру» [1. Т. 5. С. 115] его героя.

Жизнь и творчество покойного писателя в этой интерпретации становятся законченным областническим мифом, в который органично встроен сюжет возвращения на родину – «доминанты в своеобразном областническом кодексе поведения» [3. С. 30], как указывает К.В. Анисимов. Ядринцева не смущают даже явные противоречия в его истории: Иркутск вначале провозглашается им городом, где в период ученичества Омудевского наблюдался расцвет «общественного самосознания и гражданственности» [1. Т. 5. С. 115], но вернувшегося на родину поэта там ждут только «грязная комната в две квадратные сажени», мелкая работа корректором в газете, «страдания и горе» [1. Т. 5. С. 117]. Невольно выдает он и некоторые черты характера сибирского поэта: отправляясь в Иркутск с молодой женой, чтобы «поправить хоть немного материальные средства свои, продав дом и место» [1. Т. 5. С. 117] (истинная цель «возвращения на родину»), Омудевский с восторгом бросает в воду часы при виде памятника Ермаку в Тобольске.

Однако при всей идеализации образа «сибирского поэта» основные вехи биографии Федорова-Омудевского в статье переданы правдиво. В целом их можно назвать типичными для выходцев из Сибири, пытающихся создать себе имя на литературном поприще во второй половине XIX в. Детство и юность в Сибири, отъезд в Петербург для учебы в университете, попытка утвердиться в столице (порой с небольшим успехом), возвращение в Сибирь (иногда из патриотических стремлений, но чаще – в силу нужды), там – рутинная работа и плохо обеспеченная жизнь, попытки вернуться к творчеству, отсутствие признания, смерть. Весь этот печальный набор фактов Ядринцев преобразует в своих статьях и выступлениях в страстный панегирик сибирскому писателю. В одном из писем Г.Н. Потанину он указывает, что именно так и должен действовать каждый публицист, который «поставил бы себе задачею способствовать ее [провинции]

воспитанию и развитию местных интересов» – и пусть даже, восклицает далее Ядринцев, «вследствие этого мои статьи будут носить след некоторой восторженности к тому, что привыкли только презирать и над чем смеяться» [7. С. 204].

Наиболее ярким примером того, как судьба сибирского писателя становится материалом для воспитания публики, является цикл статей Н.М. Ядринцева об иркутском историке и публицисте Афанасии Щапове. Он был напечатан в 1883 г. в издаваемой Ядринцевым газете «Восточное обозрение» через семь лет после смерти Щапова¹. Разделив материал на три части и поместив его с перерывами в номерах 25, 27 и 31, Ядринцев, думается, намеренно драматизировал биографию своего героя. Первая часть обрывается на аресте историка в Казани и трогательных проводах его студентами, хотя здесь же упомянуты будущая смерть и забвение могилы выдающегося ученого. Второй отрывок, повествующий о деятельности Щапова в Петербурге, завершается отъездом в Иркутск и драматическим финальным восклицанием автора: «Сбылись ли его ожидания?...» [8]. Третья часть, наиболее объемная, переносит читателя в Сибирь, и здесь продолжение истории Щапова предваряют рассуждения автора об этой «стране», где всё было «загадочно и чарующе», «стране еще несложившейся, стране будущего» [8].

Помимо этого яркого художественного начала, цикл «Жизнь и труды А.П. Щапова» содержит и сильный публицистический посыл, апелляцию к сибирской публике, которую автор упрекает «в короткой памяти и забвении замечательных деятелей» [8] своего края. «Сибирское общество не научилось еще дорожить писателями и учеными, вышедшими из его среды, уважать их труды и чтить их память – так открывается первая статья. – Их могилы остаются заброшенными, забытыми, а имена почти не повторяются» [8]. Тема незаслуженного забвения вообще является одной из главных составляющих всех статей Ядринцева о писателях-сибиряках – и одним из магистральных противоречий между тем достойным положением интеллигенции на востоке России, за которое ратовали областники, и суро-

¹ Характерно, что в свое время Ядринцев также подвергал критике статью иркутского историка «О развитии высших человеческих чувств. Мысли сибиряка при взгляде на нравственные чувства и стремления сибирского общества». В 1872 г. в письме Потанину он восклицает: «Представьте себе человека умного, даровитого, высоко образованного, решившегося отправиться для изучения общества и его жизни, ну хоть в столицу. Вы ждете услышать от этого человека что-нибудь оригинальное, новое, во всяком случае солидное, носящее печать самостоятельной мысли, изучения и наблюдения. Но вдруг является он и не сообщает ровно ничего, или, еще того хуже, огорошивает вас потоком самого обыденного либерализма посредственной пробы...» [7. С. 124]. Разбор Щаповым сущности сибирских нравов глубоко возмущает автора письма: «Достойна ли была эта мелочность, эта мелкая злоба и личные счеты с обществом в статье солидного историка!» [7. С. 127]. Резюмирует Ядринцев свой анализ однозначным приговором: Щапов выбрал незавидный путь «тащиться в хвосте петербургского западничества, не имея никакого родного практического идеала и дела» [7. С. 133].

вой реальностью. В финале своего цикла о Щапове автор называет его «даровитейшей силой, которая когда-нибудь займет свой пьедестал в истории просвещения и науки» [8]. И тут же констатирует печальный факт: «Любить родину, работать для нее, не встречая поощрения, не ища улыбки сочувствия и готовясь к самой горькой доле гибели от бедности и одинокой смерти, – вот драматизм сибирской интеллигенции в данную минуту» [8].

Статьи о Щапове содержат и все другие традиционные доминанты идеализированной биографии сибирского писателя, встречающиеся в публицистике Ядринцева. Он и сам обозначает их в начале цикла, указывая, что не будет «касаться историко-литературного значения Щапова» (хотя такие оценки постоянно будут даваться в тексте), а берется «только напомнить происхождение, рост этого таланта, его генетические черты, кровную связь с сибирским обществом и то трагическое положение на родине, в которое он был поставлен» [8]. Говоря о «происхождении», Ядринцев обычно делает акцент на одном из сибирских городов, часто небольших, где родился или воспитывался будущий деятель российской культуры или науки. Однако в случае со Щаповым этот ключевой компонент удастся высветить с гораздо большей художественной силой, ведь будущий историк, как с гордостью пишет автор, – «сын народа, из селения Лиги в Восточной Сибири; его родственники – крестьяне, отец – дьячок», и более того – «со стороны матери в его натуру вливается капля инородческой крови» [8]. Всё это позволяет Ядринцеву сделать вывод об истинном «сибирском демократизме» Щапова, его «народолюбии», которое «проходит чрез всю его жизнь» и которым «объясняется его... страсть к русской истории» [8].

Следующей вехой в судьбе сибирского ученого и публициста становятся тяжелые годы учебы в иркутском духовном училище – пресловутой бурсе, обстановка в которой хорошо известна по очеркам Н.Г. Помяловского. Щапов находился в «душной и ужасной среде, где нет жалости», – описывает Ядринцев эту страницу биографии историка [8]. Такой же акцент на тяжелых впечатлениях детства публицист делает и в речи 1894 г. о С.С. Шашкове, публицисте и этнографе, входившем в «сибирский кружок» областников в Петербурге. «Обстановка детства была тяжелая: грубость нравов, самодурство купцов, ужасные сцены», – рассказывает Ядринцев [1. Т. 5. С. 144]. А упоминая учебу Шашкова в бурсе, он горько восклицает: «Вероятно, и здесь не раз возмущалась и мучилась душа его» [1. Т. 5. С. 144]. Интересно, что еще один сибирский писатель, Н.И. Наумов, в автобиографии 1889 г. делает тот же драматический акцент на ранних годах своей жизни и периоде учебы в томской гимназии: «Судьбе угодно было, чтобы с самого раннего детства я видел одни только печальные картины человеческих страданий»; «...со второго класса мне уже опротивела вся эта обстановка, весь этот пьяный цинизм, взяточничество и мертвая долбежка уроков без всякой цели и смысла...» [9]. Дальнейшей своей жизни Наумов посвящает буквально несколько строк.

В статьях Ядринцева отъезд в столицу и первые успехи также становятся важным этапом беллетризованных биографий. В случае со Щаповым

местом, где он получает первое признание, является Казань, – и, как подчеркивает автор, во многом успех был обусловлен главенством в его лекциях «теории областности», которая «выступила у него в первый раз новою школою» [8]. Этот этап в жизни сибирских интеллектуалов обязательно связывается еще и с большими надеждами молодости, впоследствии разбитыми. Мотив такого юношеского восторга и веры в возможность великих свершений, безусловно, носит в статьях Ядринцева глубоко личный характер. Не случайно художественные средства для его описания схожи во всех публикациях. Так, Омулевский в Петербурге показан «молодым, розовым и полным надежд» [1. Т. 5. С. 116]. В речи о Шашкове Ядринцев описывает период их совместного переезда в Сибирь еще более ярко: «Воображение живо переносило нас в даль будущего. Нам представлялось все в розовом свете» [1. Т. 5. С. 147].

И для Щапова начало шестидесятых годов – «время, на минуту свернувшее яркою зарею надежды, детского счастья, теплом и светом юности, и его никогда, никогда не забудут пережившие» [8]. Молодого казанского профессора томит «жажда научной деятельности», «он мечтал ехать в Петербург и Москву для научной подготовки в библиотеках» [8]. Но эти надежды обрывает арест – едва ли не общая вежа для всех представителей сибирской интеллигенции того периода. Щапов пострадал из-за речи, произнесенной во время панихиды по убитым во время волнений крестьянам, и хотя ссылка была в последний момент отменена, блестящей университетской карьере был положен конец. Гораздо более драматично передано потрясение от неожиданного ареста в текстах о писателях-областниках; так, в своей речи о жизни Шашкова Ядринцев горестно вспоминает свое собственное потрясение: «С наступлением весны, когда все оживало и воскресало на нашей родине... в эту весну нам, увлекшимся и унесшимся далеко в область идеализма, жизнь напомнила о действительности громом тюремного замка. Я помню... потухший в моих глазах свет солнца и ту замирающую тоску, которая засосала меня, когда захлопнулась дверь моей одиночной камеры» [1. Т. 5. С. 144].

Крушение юношеских надежд сибиряков продолжается в статьях Ядринцева этапом поисков героями своего места в жизни, временем трудной и неблагодарной работы – чаще всего в столичных журналах. Потанин, Ядринцев и Шашков продолжали писать в различные издания, будучи в ссылке, Щапов становится публицистом после освобождения в Петербурге. И здесь Ядринцев вновь развивает областнические идеи: молодой историк, по его словам, «не мог быть сторонником централизации, он замечает все ее ненормальности, явления петербургской жизни только наталкивают его на анализ этого факта» [8]. Да и журналистское ремесло, как подчеркивает автор, совсем не подходило для бывшего профессора истории – «для этого он был слишком самостоятелен, его мысль была слишком свободна, не замаскирована, убеждения откровенны и смелы» [8]. В итоге столичным редакторам он казался «провинциалом и мужем в литературе» [8].

Итак, резюмирует Ядринцев, петербургская жизнь может привести молодого образованного сибиряка только к горьким разочарованиям и гибели. Щапов был «измучен, разбит в Петербурге, отчаяние зародило в нем страшный недуг, доводивший его до безумия. Нравственные силы его были надорваны» [8]. Схожий финал столичного периода описан и в биографии Омулевского: «Постоянный недостаток средств, спешная работа в массе журналов, придирки и самодурство редакторов, закулисная мелочность редакций, Литовский замок за неосторожные выражения, страшная болезнь глаз, едва не ослепившая поэта и усилившая буквально до голода и без того ужасающую бедность, и, наконец, вследствие всего этого страсть к водке, обратившаяся в запой, сгубили и сломили организм поэта, обратили его жизнь в цепь страданий и горя» [1. Т. 5. С. 116].

Выход может быть только один – возвращение в Сибирь, возможность «припасть к родной земле своей измученной грудью» [8]. Как и в статье об Омулевском, Ядринцев завуалировал истинную причину отъезда Щапова в Иркутск: он был выслан после подозрения в участии в деле «лондонских пропагандистов» 1862 г. Упомянув вскользь, что его герой едет на родину «поневоле, с разбитой душой» [8], Ядринцев – вновь по аналогии с будущей биографией Омулевского – настойчиво повторяет, что «Щапов не терял связи с своей родиной» [8]. Обоснование этой связи занимает почти половину третьей статьи цикла: Ядринцев упоминает и интерес героя к народной истории, и воспоминания детства, и учителей-сибиряков, и близкие областническим высказывания Щапова в статьях, и его стихи о Сибири, и встречи с земляками в «Петропавловском каземате». Вновь актуализирует он инородческое происхождение историка: «Это был «карим» лицом (помесь с инородцем), неотесанный, замкнутый, но в то же самое время простодушный, открытый, прямой, с чистым сердцем сына природы, дикаря...» [8]. Все эти многочисленные доводы позволяют автору дать смелое художественное допущение, что Щапов возвращается в Сибирь с теми же надеждами на будущее преобразование края, которые питает на протяжении жизни сам Ядринцев: «А что, если яркие лучи солнца мировой цивилизации осветят и эти сокровенные леса, и эту полярную поляну? Что, если и здесь проснется человеческая жизнь с ее многообразными потребностями! Эти вопросы не могли не приходить ему в голову. Обширное поле предоставлялось в этом случае фантазии, и Щапов, как энтузиаст, как идеалист, не мог не поддаться ей. Ему рисовалось какое-то завидное будущее, и сердце его не могло не захлебнуться от восторга, что он сын этой земли» [8].

Эта идея возвращения и труда на благо родного края резко контрастирует с финальной частью цикла, где Ядринцев рисует то, что встретил его герой в Иркутске, – «безнадежное состояние общества, полное своекорыстия, жадности к наживе, бесчувственное, при отсутствии высших человеческих интересов, гражданских доблестей и образованности» [8]. Эта мелочная бездуховная среда, эта душная атмосфера, в которой «несчастное меньшинство местных образованных людей, патриотов своей страны...

живет загнанное, угнетенное и пришибленное» [8], является, к сожалению, еще одной неизменной составляющей романтизированной биографии сибирского писателя и ученого. Ядринцева вновь не смущает явное противоречие: куда призывает он своих читателей? Как возможно воплощение смелых надежд на расцвет «полярной поляны» в обществе, напоминающем гоголевскую сатиру? Впрочем, в статье есть намек и на практические шаги по спасению сибирской интеллигенции, находящейся «в загоне и отвержении». «Щапов мог быть весьма кстати при сибирском университете, но такового не было», – замечает Ядринцев в 1883 г., за пять лет до открытия университета в Томске¹ [8].

Описывая трагический финал судьбы сибирского ученого и публициста, умершего в нищете от чахотки, автор вновь не жалеет художественных средств для завершения своего цикла на пронзительной ноте: «Все порвано – и связь с жизнью, и связь с родиной. Иркутские друзья бессильны спасти его. Он иногда валяется около кабака. Смерть идет навстречу» [8]. Ядринцев страдает вместе с погибающим героем и вместе с тем оплакивает родной край, ставший для Щапова «отвратительным острогом» [8]. Одновременно он обличает сибирское общество, с его «барышническими инстинктами и эгоистическими чувствами» [8]. Ядринцев упоминает даже о самом страшном разочаровании историка: «В помутившихся от горя глазах пророка нет более веры в свою родину» [8]. Впрочем, этот факт он признает и рассказывая о последних годах Шашкова («Оттолкнутый настоящим, он вынес разочарование, но не оставил служения вообще людям, хотя его родина и утеряла... свою прелесть...» [1. Т. 5. С. 151]).

Просветительский пафос статей и выступлений Ядринцева о сибирских писателях, публицистах и ученых не вызывает сомнений. Беллетризуя их биографии, идеолог областничества привлекал внимание массовой аудитории к проблемам интеллигенции в Сибири. В этом свете становится понятно, почему для него важны были повышенная драматичность, пафос страстного негодования и боли. Более того, можно предположить, что единообразие ключевых компонентов этих жизнеописаний объясняется сознательным отбором героев для статей и выступлений. Романтизация фигуры безвременно ушедшего непризнанного таланта, глубоко преданного родному краю, создает, словами А.Е. Козлова, целую «социальную мифологию» [5. С. 49]. Фигуры сибирских литераторов становятся символом судьбы всей сибирской интеллигенции и даже мифологическим воплощением той самой истинной, идеаль-

¹ Отметим, что в реальности открытие первого сибирского университета с одним лишь медицинским факультетом еще далеко не решило проблемы, обозначенной Ядринцевым. В 1908 г. Г.Н. Потанин, говоря о значении публицистической деятельности своего младшего товарища по областническому движению, указывал: «Чтобы университет действительно стал душою сибирского общества, нужно, чтобы он сделался представителем всей науки во всем ее целом, а не представлял собою только половину науки, как Томский университет, состоящий только из двух факультетов: медицинского и юридического, т.е. факультетов более утилитарного характера. Факультеты же физико-математический и историко-филологический... до сих пор не открыты» [10. С. 113].

ной, будущей Сибири, о которой мечтали областники. При таком подходе нивелируется, отодвигается на второй план уровень их художественного и публицистического таланта, значимость научных трудов – важнее всего оказывается драматическая судьба и связь с Сибирью.

Разумеется, нельзя сказать, что в упомянутых работах Ядринцева была представлена единственная траектория жизни образованного выходца из Сибири. Напротив, в письмах и отчасти публицистике он исподволь выстраивает и другой вариант писательской судьбы сибиряка – более рутинный, лишенный драматических взлетов и падений. Таким, например, видится ему жизненный путь достаточно известного в 1860–70-е гг. томского писателя Н.И. Наумова, автора очерков из народной и солдатской жизни. Примечательно, что именно этого литератора высоко ценил Г.Н. Потанин. В уже упомянутой программной статье «Роман и рассказ в Сибири» он высказывает мнение, что именно «рассказами Наумова начинается сибирская беллетристика, и мы горячо приветствуем это начало» [6. С. 38].

Потанин не берется «распространяться о художественности рассказов Наумова» [6. С. 33], для него важнее, что появляется наконец признанный в столице автор, чьи произведения посвящены сибирскому народу. При этом существенное место в статье он отводит размышлениям о том, где должно быть место сибирского писателя. Наумов получает признание, переехав в Петербург, и Потанин мягко высказывает пожелание, чтобы молодой литератор «получил возможность снова поселиться на родине, в Сибири, чтобы сцены, оставившие свои впечатления на его памяти, не могли потерять свою живость вдали от мест, где автор провел детство и юность» [6. С. 38]. При этом Потанину чужда бескомпромиссность Ядринцева, и далее он вполне откровенно признает: «Правда, условия провинциальной жизни часто складываются так тяжело, что писатель принужден бежать из провинции в столицу». Однако завершает статью он теми же надеждами, что и его соратник по областничеству: «В таком случае нам остается только пожелать, чтобы поскорее исчезли эти условия» [6. С. 40].

Эти рассуждения Потанина отражают реальный жизненный путь Наумова. Он дважды приезжает в Петербург из Сибири, в обоих случаях добивается успеха, публикуясь в ведущих журналах. Однако тяжелое материальное положение вынуждает его поступить на службу, и в 1884 г. Наумов окончательно покидает столицу, меняя карьеру петербургского литератора на место чиновника по крестьянским делам. Это-то отступничество от литературы ради достатка и вызывает резкое неприятие идеалиста Ядринцева, который был хорошо знаком с Наумовым еще по учебе в томской гимназии. В сентябре 1872 г. он негодует в письме к Потанину на то, что тот ждет от него романа, перечисляя множество проектов, которыми вынужден одновременно заниматься. А затем восклицает: «А ваши источники, как Ник. Ив., благоденствуют на службе, наслаждаются поездками в Питер, и с 1863 г., т.е. в 9 лет, напечатали много ли? Сосчитайте эти произведения: “Торгаша”, “Юровую”, да что-то в “Искре”!.. Отчего же вы их не тормошите?» [7. С. 106].

А в декабре того же 1872 г. Ядринцев дает томскому писателю еще более язвительную характеристику: «Я Николая Ивановича знал с малых ногтей. Он и юнкером питал слабость к хорошему сюртучку, а теперь он с этим сюртучком ни за что не расстанется. Есть люди, которые никогда в свою жизнь не испытали богатства и никогда его не достигнут, они не знают ни его тщеты, ни его пресыщения. Это средний люд, который постоянно топорщится и ищет барского комфорта, но сколько ни топорщатся, – бaramи не бывают. Прицепившись к комфорту, они страшатся больше всего бедности и неприятностей. Николай Иванович на этой дороге. Его бедность не заставляет писать, а внутренне он, кажется, разжирел и разложился» [7. С. 137]. Усиливает он свою точку зрения в финале письма, где обобщает судьбы всех подобных Наумову писателей и публицистов: «Дивлюсь я, сударь мой, на наш народ и на восточную интеллигенцию, в роде Николая Ивановича, Парамонова и т.п. Мы уж и посидели и походили, и жизнь нам “курташа” задала, а все еще успели кое-что написать, пишем мы три года в журналах. А что эти люди, хранящие свое драгоценное здоровье и собственную персону, делают, написали ли они что-нибудь, исследовали ли что, принесли ли каким-нибудь трудом пользу?.. “жрр-р-р!” – восклицаю я с Щедриным» [7. С. 138].

Обвинения эти, конечно, чрезвычайно пристрастны и выдают скорее личную неприязнь. Однако необходимо заметить, что, в отличие от Потанина, Ядринцев гораздо более объективно оценивал художественные достоинства литературных произведений, в том числе написанных сибиряками. Так, в августе и сентябре 1872 г. между соратниками завязывается эпистолярный спор о новом рассказе Наумова «Юровая». Начинает его Ядринцев, высказывая следующее мнение о писателе: «К сожалению, заметил, что он туго совершенствуется в беллетристическом искусстве и блеском не поражает. Видна наблюдательность и изучение народного быта, но не глубокая. <...> Вообще я давно жду, что Н.И. подарит нас чем-нибудь грандиозным, но как-то все дальше ровного рассказа нейдет» [7. С. 87–88]. Потанин не соглашается с этим: «Вы не довольны, я же, напротив, весьма доволен. <...> Что касается до языка народного, я нахожу его удовлетворительным. Для меня больше не нужно, коли есть наблюдательность, и Вы ее не отвергаете. <...> Вы ждете от Н.И. всесторонней картины общества, а он между тем народный бытописатель, и лучше, если он не будет свертывать с дороги» [11. Т. 1. С. 124–125]. На это Ядринцев отвечает, в своем духе, эмоционально и иронически, однако видно, что он остается при своем мнении и не желает больше спорить: «Беллетристикой Ник. Иваныча вы довольны. Как вы не требовательны. Я хотел видеть что-нибудь блестящее. Жажду восточных талантов, которые бы произвели фурор в русской литературе» [7. С. 106].

Тем не менее позже Ядринцев неоднократно уделяет Наумову место в своих статьях. Вначале он посвящает ему совсем небольшой отрывок в одной из статей цикла «Сибирские литературные воспоминания», выходящих в «Восточном обозрении» на протяжении 1884 г. В нем Ядринцев очень скупо говорит о произведениях писателя-народника, хотя и упоми-

нает, что «литературный талант его был замечен сразу» [1. Т. 4. С. 308]. Он явно намекает на тщеславие Наумова, когда вспоминает его «восторженные рассказы по возвращении с вечеров, где он видел и такого-то писателя, и такую-то знаменитость» [1. Т. 4. С. 308]. Однако более всего Ядринцев делает акцент на бедственном положении Наумова. В статье он трижды указывает на это обстоятельство: по приезду в Петербург будущий беллетрист начинает «по обыкновению, тяжелую, полную лишений жизнь»; «удачный литературный дебют... не устранил, однако, испытываемой горькой нужды в Петербурге и давал только временное и случайное обеспечение»; и через пару строк Ядринцев повторяет: «...литературный талант тогда, однако, не гарантировал его от бедственной жизни» [1. Т. 4. С. 308]. По-видимому, этим автор пытался оправдать отъезд Наумова в Сибирь для поступления «на казенную службу», однако симптоматично, что отъезд этот уже не маркируется как воспеваемое областниками «возвращение на родину».

В 1892 г. Ядринцев наконец публикует панегирик и Наумову: небольшая его статья, посвященная «тридцатилетию литературной деятельности» сибирского писателя, была напечатана в газете «Русские ведомости». Публикация эта по стилистике и композиции напоминает мемуарные статьи Ядринцева о сибиряках. В ней есть и «высокие надежды» молодости, и первый успех, и «мир обойденного крестьянства в захолустной местности со всею глубиною его несчастья» [1. Т. 5. С. 126], который Наумов встретил, вернувшись работать в Сибирь, и наконец, печальное положение писателя в более поздние годы: «Это был не восторженный краснощекий юноша, но уже измученный жизнью писатель. Он передал мне грустную повесть своих испытаний, нужды» [1. Т. 5. С. 126]. Однако написана статья куда более сдержанно – это объяснимо тем, что подготовлена она не для собственного ядринцевского издания. А главное – в ней совершенно отсутствует акцент на том, что герой является именно сибирским писателем. Томская губерния, «уездный городок Мариинск», Алтай – «гнездо взяточников» упомянуты здесь как любые другие уголки российской провинции. Впрочем, нет в статье и прежнего осуждения со стороны Ядринцева: в этот период жизни он лучше понимает положение писателя-чиновника, для которого «многосторонняя жизнь столицы сменилась захолустьем безжизненного, молчаливого городка» [1. Т. 5. С. 127]. Не случайно в финале статьи Ядринцев приводит печальную реплику самого Наумова: «Много, много накоплено, много очерков начато, – говорил он мне год назад. – Да ведь все время занято службой, когда же литераторствовать!» [1. Т. 5. С. 127].

Подлинность этой цитаты не вызывает сомнений: поздние письма Н.И. Наумова, дошедшие до наших дней и частично опубликованные, свидетельствуют, как тяжело этот «отступник» от литературы переживал закат своей недолгой славы. Воплотив в жизнь пожелание Потанина «поселиться на родине», дабы подпитывать свой талант новыми впечатлениями, Наумов оказался оторван от литературной среды и быстро забыт. «За примерами ходить недалеко, – пишет он в 1893 г. А.М. Скабическому. – В январе месяце нынеш-

него года написал рассказ “Картинка с натуры” и послал в “Русское богатство”. Получил сведения, что рассказ понравился Н.К. Михайловскому, но тем все и ограничилось... Хотели напечатать в летних месяцах, но отложили до осенних... наступили осенние месяцы, а рассказа нет да нет...» [12. Т. 1. С. 359]. При этом впечатлений для литературной обработки у Наумова теперь и вправду предостаточно: еще в 1886 г. он с энтузиазмом рассказывает в одном из писем: «Набираю материалов, а материалов – у-ух как много, да ведь каких, какие и не снились нашим мудрецам. Верь мне, говорю правду... можно удивить мир» [12. Т. 1. С. 356].

Но через несколько лет Наумов признает свое поражение. Его писательская судьба оказывается подобна маятнику: ни Сибирь, ни Петербург не дают возможности реализации в полной мере. «Подумаю иной раз о себе, и горе возьмет, как неладно сложилась вся моя жизнь, – пишет он Скабичевскому в 1896 г. – Когда я жил в Петербурге, у меня было много свободного времени, которое я мог бы посвящать литературе, – но, к сожалению, не было материала, а также и средств, чтобы ездить по белу свету и освежать свои впечатления. Теперь у меня материалу без счета и времени много, только бы писать, писать... Но другое горе, не знаю, как распорядиться им» [12. Т. 1. С. 361]. И словно откликаясь на давний упрек Ядринцева, Наумов горько признает: «Как я живу теперь? Да как свинья. Пообедал сытно и на боковую... выспался, попил чайку, и пошел без пути, без цели... и нет ничего, что бы шевелило тебя, волновало, составляло цель жизни» [12. Т. 1. С. 361]. Эта рефлексия указывает, что и вторая траектория писательского пути оказывается не менее драматической, чем судьбы героев главных публикаций Ядринцева, пусть завершается она не гибелью в нищете, а относительным благополучием – но только не в качестве литератора.

Особняком в ряду писательских судеб, связанных с Сибирью и благодаря рефлексии современников ставших частью ее культурного ландшафта, стоит история жизни самого Н.М. Ядринцева. Уникальность ее определяется не только масштабом личности, в которой, словами Г.Н. Потанина, «выразилась вся умственная жизнь, воплотилась вся общественная жизнь Сибири» [1. Т. 5. С. 336]. Пафос биографических статей Ядринцева своеобразно предопределил восприятие его собственной судьбы, заложил основу для воспроизведения тех же мифологизированных компонентов в воспоминаниях друзей и соратников о нем самом. Это хорошо видно по материалам, которые стали появляться после смерти публициста в июне 1894 г. в российской и сибирской прессе.

Прежде всего, в них отмечается глубочайшая преданность Ядринцева Сибири, отодвигавшая на второй план все прочие интересы: «Он любил свою родину больше всего на свете. Сибирь наполняла всю его жизнь. У него была семья, дети, но я никогда не слышал, чтобы он ими занимался когда-нибудь¹. У Ядринцева был один только разговор: про Сибирь, тамош-

¹ Это утверждение противоречит мнению Г.Н. Потанина, который убедительно, с красочными примерами, доказывает, что Ядринцев «был любящим отцом; он любил

ную жизнь, ожидаемые улучшения в крае и т.п.» [1. Т. 5. С. 324] (Н. Левин). Возникает в статьях и мотив равнодушия со стороны сибиряков, акцентируется их неспособность осознать значение трудов Ядринцева: «Едва ли при жизни оценили его по заслугам. Как ни интересно, ни богато содержанием было “Восточное обозрение” и особенно “Сибирские сборники”, но как газета, так и последние, насколько мне известно, расходились мало, и сборники даже до сих пор не вызывали среди интеллигентной сибирской молодежи... достойного к себе внимания. ...Эти замечательнейшие книги почти не вызвали не только печатных критик, никто даже не подумал составить на основании всех этих материалов ни одной популярной книги о Сибири – и знают их мало» [1. Т. 5. С. 319] (В. Острогорский).

Наконец, соратники указывают на ростки разочарования и сомнений в душе Ядринцева в последние годы жизни, вызванные все той же инертностью и мелочностью сибирского общества, на которые он неоднократно сетовал в своих статьях: «Всякое отрадное проявление в сибирской общественной жизни доставляло ему живейшую радость... И наоборот, проявления застоя и инертности наводили на него подчас глубокую тоску. У Николая Михайловича, как у нервного и впечатлительного писателя, иногда возникали мучительные вопросы, не исполняет ли он в своей литературной деятельности Сизифову, бесполезную в общественном смысле и тяжелую лично для него, работу; народилась ли в Сибири та общественная более или менее значительная группа читателей, для которых стоит писать...» [1. Т. 5. С. 355–356] (А. Головачев). Упоминается и угнетенное душевное состояние Ядринцева в конце жизни, и смерть в бедности – еще одна классическая составляющая биографии писателя-сибиряка: «Тяжелое неизгладимое впечатление произвело на меня последнее с ним свидание... <...> Закутавшись в старенький плащ, он сидел съжившись у стола, заваленного бумагами, жалуясь на лихорадку, на одиночество, на расстройство материальных дел...» [1. Т. 5. С. 320] (В. Острогорский).

Однако наибольший интерес представляет рефлексия судьбы Ядринцева его соратником по областничеству Г.Н. Потаниным. Как указывает Е.А. Макарова, Потанин целенаправленно занимался «увековечением памяти друга» [13. С. 56], будучи потрясен его самоубийством и чувствуя личную вину за недостаток внимания к Ядринцеву в последние годы. Несомненной заслугой Потанина является то, что в 1918 г. ему удалось опубликовать хотя бы часть писем соратника (см.: [7]), которые дают сегодня репрезентативный материал о взглядах и характере идеолога областничества. Кроме того, Потанин подготовил целый ряд статей о Ядринцеве, а затем уделил ему значительное место в «Воспоминаниях», которые по частям публиковались в газете «Сибирская жизнь» в 1913–1917 гг. Отдельную главу он посвящает судьбе главного дела Ядринцева – газеты «Восточное обозрение» – и подробнейшим образом анализирует, почему

играть со своими детьми и доставлять им удовольствие. <...> Он умел ниспускаться до детских интересов и их понимания» [1. Т. 5. С. 338].

же «печально кончилась судьба» [1. Т. 7. С. 71] этого проекта. Мало того – в 1919 г. он возвращается к этой теме и публикует к 25-летию со дня смерти своего младшего товарища статью «Ядринцев – жертва конфликта между колонией и метрополией» (см.: [1. Т. 7. С. 139–150]), где дает уже совершенно откровенные и даже радикальные оценки той драматической ситуации, в которой оказался Ядринцев в конце жизни.

Нельзя сказать, чтобы и Потанин избежал в своих публикациях влияния ядринцевского «сюжета» о судьбе сибирского литератора. Заметно это, например, в одной из первых его мемуарных статей о соратнике. Потанин не был свидетелем детских и отроческих лет Ядринцева, но он прибегает к тому же приему романтизации малой родины, что наблюдалась и в статьях его героя. При этом Потанин своеобразно «пропускает через себя» историю Ядринцева, мифологизируя свою собственную фигуру как предвестника великого будущего юного томского гимназиста. Заметим также, что в духе ядринцевской традиции в эти воспоминания Потанина включается беллетристическое начало: «Зимой 1859 года я жил в Томске и собирался в Петербург в университет. Нередко мне приходилось проходить по тротуару около двухэтажных каменных домов госпожи Гуляевой, в которых помещалась мужская гимназия, и иногда мне приходила в голову мысль: «Кто знает, может быть, за этими стенами в настоящую минуту учится будущая сибирская знаменитость, сибирский поэт или писатель, который своими вдохновенными статьями вызовет пробуждение Сибири!» И в самом деле, в это время в числе гимназистов находился Николай Михайлович Ядринцев, который потом всю свою жизнь посвятил служению этой русской области...» [1. Т. 5. С. 335].

В «Воспоминаниях» Потанина есть и лирическое описание воодушевления, с которым молодые областники возвращались из Петербурга в Сибирь: «Счастливое тогда было время. То была весна русской жизни...»; «...мы ехали на родину, окрыленные надеждами, горя нетерпением поскорее засесть за культурную работу. Мы мечтали, что будем устраивать публичные библиотеки, читать публичные лекции... совершать ученые поездки по родине и собирать коллекции, наконец, писать в местных газетах о нуждах Сибири» [1. Т. 6. С. 162]. Впрочем, налицо и отличие в слогe двух соратников: Потанин менее эмоционален, ему важнее передать факты, чем вызвать душевный отклик у читателей, поэтому беллетристическое начало в его текстах проявляется значительно реже.

Да и в целом, стараясь изобразить в своих «Воспоминаниях» живой облик и кипучую натуру Ядринцева, Потанин не следует «канону» мемуарных статей своего друга. Он выстраивает вокруг его фигуры свой собственный «сюжет», в котором можно выделить четыре ключевых составляющих. Во-первых, автор «Воспоминаний» делает акцент на уникальности личности Ядринцева – отсюда и невозможность вписать его жизнь в какой-либо типичный «сюжет». Во-вторых, Потанин провозглашает глубочайшую преданность Ядринцева своему долгу – не просто любовь к родине, но сохранение этой любви, служение Сибири в любых обстоятель-

ствах. В-третьих, он стремится к максимальной правдивости изложения: недостатки героя здесь не замалчиваются, а подвергаются анализу наравне с достоинствами. И наконец, четвертым и чрезвычайно важным компонентом «Воспоминаний» становится признание Потаниным своей вины перед умершим товарищем – не обвинение сибирского общества или других враждебных герою сил, а провозглашение личной ответственности за пережитые им несчастья.

Так, уникальность Ядринцева систематически подчеркивается Потаниным путем выделения его личности из ряда единомышленников, а также прямого противопоставления как современным, так и предшествующим ему литераторам. «Тут обнаружилось, что в нашей маленькой компании Ядринцев был самый прирожденный журналист», – указывает автор, рассказывая о петербургском кружке будущих областников [1. Т. 6. С. 118–119]. А характеризуя Ядринцева как сложившегося идеолога нового движения, Потанин аналитически доказывает, почему, на его взгляд, «в истории сибирского самосознания» его герой «составляет эпоху» [1. Т. 6. С. 158]. «Главное отличие Ядринцева от предшественников-патриотов, – рассуждает ученый, – заключается в том, что он оппонировал не правительству, а русскому обществу; он противопоставлял не интересы русского общества интересам правительства, а интересы сибирского общества интересам Европейской России, интересы колонии – интересам метрополии» [1. Т. 6. С. 158]. Подобная риторика встречается на протяжении всего текста «Воспоминаний»: «...нет другого сибирского публициста, который бы так всецело отдал свои силы на служение своей родине» [1. Т. 6. С. 221]; «...никто до Ядринцева не обобщал интересов Сибири» [1. Т. 6. С. 301]; «...он сознавал, что в Сибири нет другого писателя, который равнялся бы ему по общественному значению» [1. Т. 7. С. 46].

В той же противопоставительной логике Потанин акцентирует, что его герой был не только публицистом, теоретиком – он вел огромную практическую работу для достижения своих целей: «Он был не только литератор, но в то же время и общественный деятель. Он устраивал сибирские комитеты в столицах для вспомоществования учащейся сибирской молодежи; устраивал юбилей в память 300-летия Сибири и ежегодные сибирские праздники 26 октября; агитировал в сибирских городах за идею об университете и за протесты городских дум против ссылки» [1. Т. 6. С. 224]. А в финальной части «Воспоминаний», целиком посвященных «Восточному обозрению» Ядринцева, Потанин стремится усилить читательское впечатление, подбирая более емкие и образные определения личности героя и даже переходя на высокий стиль: «Статьи его передавали читателю его опыт, его знания. Но этого мало. Он был его учителем не только на словах, но и служил ему примером» [1. Т. 7. С. 38]; «...он был виден читателю во весь рост и стоял перед ним – как бы на пьедестале, как нравственный образец. Это был руководитель сибирского общественного мнения...» [1. Т. 7. С. 43].

Патриотические чувства Ядринцева Потанин, напротив, не «воспевает», а подвергает аналитическому осмыслению – и при этом сам как будто ис-

крепне поражается подлинной, глубокой верности публициста делу своей жизни. «Перебирая факты из жизни Ядринцева, – пишет автор, – удивляешься, какое преданное чувство к родине испытывал он, испытывал, вернее выразиться, – чувство какого-то долга перед обездоленной окраиной. Это чувство из его сердца не могли вытравить никакие физические невзгоды, ни бедность, ни тюрьма и ссылка, ни семейные несчастья, ни литературные неудачи, ни одиночество в своих симпатиях» [1. Т. 7. С. 45]. А далее для демонстрации этого особого самоощущения Ядринцева Потанин подбирает яркую метафору: он сравнивает его с депутатом, представляющим интересы своего региона перед властью и обществом: «Тогда еще не было русского парламента... а Ядринцев уже чувствовал себя народным избранником, облеченным обязанностью докладывать центру желания и думы целого края» [1. Т. 7. С. 47].

Потанин максимально конкретно подходит и к объяснению того, в чем заключалась своеобразная «программа» Ядринцева. Он показывает, что его служение родине было не просто высоким словом – за ним скрываются совершенно конкретные цели и идеалы. Да, указывает Потанин, культом, идеалом его сподвижника была «красота человеческой жизни» [1. Т. 7. С. 58] – но стремился он к вещам более земным: «Ему хотелось, чтобы на его родине было равное количество школ; чтобы безопасность и удобства жизни здесь были бы такие же, как и к западу у от Урала; чтобы и здесь так же процветали и богатели города; чтобы выросла местная интеллигенция, столь же просвещенная, столь же гуманная и воспитанная в любви к местному населению» [1. Т. 7. С. 60]. Этим целям Ядринцев, по убеждению Потанина, был верен до последнего: сопоставляя его жизненный путь с судьбой другого «сибирского патриота», П.П. Ершова, автора «Конька-Горбунка», он отмечает, что «контраст в жизни Ядринцева между началом и концом ее гораздо слабее. Ядринцев все-таки до конца жизни что-нибудь делал в духе той программы, которую составил в дни своей молодости» [1. Т. 7. С. 73].

При этом Потанин не боится откровенно говорить о недостатках своего героя. Он упоминает о весьма скромном уровне его образования: томская гимназия почти не давала знаний (об этом подробно рассказывал Н.И. Наумов в упомянутой автобиографии (см.: [9]), а в университете он был вольнослушателем и посещал лекции только год. Указывает он и на то, что Ядринцеву, убедительному на бумаге, не давались публичные выступления: «С трибуны, на которую ему изредка приходилось всходить, как нервный человек, говорил он не всегда хорошо» [1. Т. 5. С. 338]. Открыто признает лидер областнического движения и некоторое тщеславие Ядринцева, его природную потребность в похвалах и одобрении: он был человек «славолюбивый, терявший бодрость духа, когда он не слышал рукоплесканий» [1. Т. 7. С. 61].

Не щадит Потанин и публицистический талант Ядринцева. Он пишет, что ради достижения нужного эффекта, ради воздействия на читателей его соратник «не смущался ролью подголоска других, более выдающихся публицистов. Ему нужно было вести пропаганду в Сибири; он брал готовые типы у Щедрина, переселял их в Сибирь и к щедринским ударам присо-

единял несколько своих. Иногда это походило на плагиат, но Ядринцев не боялся подобных обвинений...» [1. Т. 7. С. 44]. Не скрывает автор «Воспоминаний» и то, что после переезда в Иркутск и неудачи с «Восточным обозрением» Ядринцев сильно изменился: «...он превратился в вялого журналиста, печатающегося только из расчета обеспечить себе мещанское существование» [1. Т. 7. С. 72–73]. А после смерти жены Ядринцев впал в сильнейшее уныние, «целые недели... не показывался в городе и пил» [1. Т. 7. С. 63] – хотя при этом не прекращал работать.

Этой драматической поре в жизни Ядринцева Потанин уделяет отдельное внимание. Очевидно, что он долгие годы пытался определить степень собственной вины в случившемся. Именно Потанин подвигает соратника переехать из Петербурга в Иркутск (как когда-то публично советовал писателю Наумов вернуться на родную почву) – правда, теперь из чисто практических соображений: денежные дела ядринцевской газеты «Восточное обозрение» пошатнулись, подписка вследствие введения цензуры стала падать. Потанин доказывает, что «издавать газету для Сибири в Петербурге дело неверное» [1. Т. 7. С. 52], что с переездом в Иркутск подписка возрастет, потому что «обыватель... нуждается в... местных известиях» [1. Т. 7. С. 52].

И Ядринцев соглашается. Поразительным образом он повторяет судьбы героев своих мемуарных статей. В Иркутске он, как и когда-то Шапов, не находит ни признания, ни единомышленников. Более того, из-за покровительства городского головы В.Г. Сукачева, который материально поддерживал издание Ядринцева, против него ополчается прогрессивная иркутская молодежь – сторонники публициста и идейного народника Н.М. Астырева, открыто выступавшего против идей сибирского областничества. Дела у газеты идут все хуже, Ядринцев конфликтует даже со своими соратниками и в итоге остается единственным сотрудником угасающего «Восточного обозрения» – когда-то громкого столичного органа областнических идей, пропагандировавшего нужды Сибири.

«Воспоминания» ясно дают понять, как больно Потанину писать об этом периоде жизни друга. В повествование постоянно врывается рефлексия автора о собственной роли в этой драме. Противореча себе, Потанин то утверждает: «Совесть моя чиста от всякого упрека в измене моему другу»; «...я на это прошлое смотрю со спокойной совестью» [1. Т. 7. С. 72], то мучительно обвиняет себя в недостатке участия. «...Все-таки нахожу, что я поступал с ним не так, как следовало бы, – сетует Потанин. – Перед концом его жизни я был с ним если не жесток, то жёсток» [1. Т. 7. С. 72]; «...он заслуживает сочувствия и снисхождения. А я, как будто, не принимал в расчет этого положения; я продолжал быть требовательным к своему другу... Теперь мне... стыдно за себя...» [1. Т. 7. С. 73]; «...мы, иркутские его друзья, занятые своими делами, не могли обнаружить к нему столько нежного участия, сколько ему было нужно» [1. Т. 7. С. 63].

Однако недостаток внимания к Ядринцеву в это тяжкое время не главное, что мучает Потанина. Он не может смириться с тем, что первоисточ-

ником бед его друга стало то самое, многократно воспетое областниками «возвращение на родину». Думается, именно поэтому в 1919 г. Потанин возвращается к истории «Восточного обозрения» и судьбе его главного редактора. Здесь он окончательно признает свою неправоту: «Больше всех других я чувствовал себя ответственным за эту историю, я чувствовал, что я сделал большой промах, посоветовав своему другу перенести газету в Иркутск. Сидя в петербургском кабинете, я составил себе неверное представление об иркутской действительности; все то, что мне отсюда представлялось, на самом деле оказалось моей фантазией» [1. Т. 7. С. 148].

В конце статьи Потанин цитирует собственную речь, произнесенную в столице перед членами сибирского кружка в конце 1900-х гг. В ней он прямо заявляет, что «только в сибирской колонии в Петербурге сибирский публицист может дать полную свободу выражению своих чувств» [1. Т. 7. С. 149]. А финал этого выступления, завершающего и последнюю статью Потанина о Ядринцеве, звучит горьким приговором родному краю, на преобразование которого ушло столько сил областнического движения: «Сибирь – самая отсталая из провинций русского государства, у нее почти нет своей прирожденной интеллигенции, ее нужда в интеллигенции пополняется из-за Урала, из Европейской России. У ней почти нет местных патриотов» [1. Т. 7. С. 149].

Мрачный пафос этой статьи, думается, был обусловлен и тяжелым положением, в котором Потанин оказался в конце жизни: он тяжело болел, практически потерял зрение и слух, в 1818 г. его оставила вторая жена. Примечательно, что последние десятилетия сам Потанин провел в Сибири и неустанно помогал молодым провинциальным литераторам, о чем свидетельствуют его письма. В 1896 г. он, например, просит известного путешественника и ученого П.П. Семенова-Тян-Шанского поддержать некоего Леоновича: «Разрешением молодому человеку докончить свое образование будет оказана большая услуга общей у меня с ним родине, которая так бедна людьми... Юноша способный, трудолюбивый, непременно из него выработается литератор» [11. Т. 4. С. 306]. Этой же «педагогической» работой по воспитанию молодых литераторов активно занимался, живя в столице, и Ядринцев вместе с женой. А.М. Головачев вспоминает, что, «встречая у какого-нибудь молодого сибиряка или сибирячки желание заняться литературными трудами, Ядринцевы старались помочь, ободрить и заинтересовать литературной работой» [1. Т. 5. С. 357].

Деятельность областников по поиску, открытию и поддержке молодых сибирских талантов отчасти «размывает» тот мифологизированный путь сибирского писателя, который сложился в их биографических статьях и воспоминаниях, оставляет надежду на иной исход, на подлинное громкое вхождение сибирской литературы в мировую культуру – и на то, что именно литература начнет определять и усовершенствовать человеческую жизнь. Именно об этом в конечном счете мечтали областники. В письме от 1882 г. Ядринцев произносит целую речь на эту тему: «...умирают литераторы, а потребность литературы не умирает, она увеличивается. Когда сла-

беют одни, должны выходить другие. Вот почему я чувствовал, что наступает момент, когда еще нужно напрячь усилия и помочь родам нашей литературы. Мы чувствуем ее присутствие и в нашей желчи, и в лирике, и в безумных мечтах, наполняющих сердце, и в невыразимой тоске, иногда теснящей грудь. Она должна выступить наконец в жизни нашего общества, осенить его мрачное существование, пробудить совесть, создать мысль, быть компасом грядущего. Это сам разум, сама идея, как ее понимает человечество в XIX веке, единственный руководитель и светильник общества» [1. Т. 5. С. 265].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что во второй половине XIX в. культурный ландшафт Сибири определялся не столько литературной деятельностью, сколько дискуссией об отсутствии должных условий для ее существования. Благодаря областникам, в программе которых беллетристика и публицистика занимали важное место в деле культурного развития Зауралья, в публичное поле входит проблема сибирской литературы как социального явления, обозначается острая потребность в появлении новых литераторов за Уралом. Популяризируя и мифологизируя трагические судьбы выходцев из Сибири, писателей, публицистов, ученых, лидеры областного движения – и в первую очередь Н.М. Ядринцев – создавали в провинции если не сам литературный процесс, то почву для его активизации. Одновременно публицистика, мемуарные статьи, воспоминания сибирских писателей и публицистов сами по себе становились фактом этого литературного процесса, определяли его пафос, цели и задачи.

Деятельность литератора в этом обширном наследии приравнивалась к гражданскому подвигу, а задачи литературы выходили далеко за рамки художественных: ее призванием было, по словам Ядринцева, «указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса» [1. Т. 5. С. 27]. Мечты сибирской интеллигенции о преобразующей силе литературы, о «пробуждении» с ее помощью народных масс стали, таким образом, важной частью культурного ландшафта региона в дореволюционный период.

Список источников

1. *Литературное наследие Сибири*. Т. 1–8. Новосибирск, 1969–1988.
2. Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83–97.
3. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 46 с.
4. Горбенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 180–192.
5. Козлов А.Е. «Сибирские литературные воспоминания» Н.М. Ядринцева: память жанра и конструирование идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 46–51.

6. Потанин Г.Н. Роман и рассказ в Сибири // Избранное. Томск, 2014. С. 18–40.
7. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. Красноярск, 1918. 232 с.
8. Ядринцев Н. Жизнь и труды А.П. Шапова // Восточное обозрение. 1883. № 25, 27, 31. URL: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_schapov_oldorfo.shtml (дата обращения: 22.08.2022).
9. Автобиография Н.И. Наумова // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 177–180. URL: <https://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1963/009/181/> (дата обращения: 23.08.2022).
10. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Избранное. Томск, 2014. С. 93–125.
11. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск, 1987–1992.
12. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 3 т. Новосибирск, 1939–1940.
13. Макарова Е.А. Посмертный диалог Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина (на материале писем и архивных документов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 54–59.

References

1. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1969–1988) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 1–8. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Ayzikova, I.A. (2017) The image of a Siberian writer in literary criticism and journalism of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev (the 1870s – 1900s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 83–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/6
3. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of literature in Siberia of the 19th – early 20th centuries: features of the formation and development of the regional literary tradition]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
4. Gorbenko, A.Yu. (2020) Ovids from the province: self-myth-making of Siberian writers of the end of the 19th to the first third of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 180–192. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/11
5. Kozlov, A.E. (2020) “Siberian literary memories” of Nikolai Yadrintsev: genre memory and identity construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/5
6. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. pp. 18–40.
7. Yadrintsev, N.M. (ed.) (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters of Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Zhurnal “Sibirskie zapiski”.
8. Yadrintsev, N. (1833) Zhizn' i trudy A.P. Shchapova [The life and works of A.P. Shchapov]. *Vostochnoe obozrenie*. 25, 27, 31. [Online] Available from: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_schapov_oldorfo.shtml. (Accessed: 22.08.2022).
9. Sibirskie ogni. (1963) Avtobiografiya N.I. Naumova [Autobiography of N.I. Naumov]. *Sibirskie ogni*. 9. pp. 177–180. [Online] Available from: <https://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1963/009/181/>. (Accessed: 23.08.2022).
10. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. pp. 93–125.
11. Kozlov, Yu.P. (ed.) (1987–1992) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Irkutsk: Irkutsk State Universities.
12. Naumov, N.I. (1939–1940) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Novosibirsk: Novosibgiz.

13. Makarova, E.A. (2011) N.M. Jadrintzev and G.N. Potanin's posthumous dialogue (on material of letters and archival documents). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 54–59. (In Russian).

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 7.09.2022;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья

УДК 81'25

doi: 10.17223/19986645/79/10

Варлам Шаламов – переводчик Бориса Муртазова

Елизавета Борисовна Дзапарова¹

¹ *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», Владикавказ, Россия, l-dzaparova@mail.ru*

Аннотация. Представлен лексико-семантический анализ переведенных из-вестным русским писателем В.Т. Шаламовым лирических произведений Б.А. Муртазова. Настоящее исследование – первый опыт осмысления переводческого наследия Варлама Шаламова с осетинского языка, изучения основных переводческих решений в преодолении трудностей, связанных с переходом текста в другую лингвокультуру. Особый акцент автор статьи делает на достижении в переводе эстетической адекватности оригинального текста, прослеживается передача представленных на исходном языке художественных образов на уровне денотата и коннотата. В ходе исследования демонстрируются примеры привлечения переводчиком дополнительных средств образности.

Ключевые слова: художественный перевод, поэзия, Б. Муртазов, В. Шаламов, образ, коннотация, метафора

Для цитирования: Дзапарова Е.Б. Варлам Шаламов – переводчик Бориса Муртазова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 190–207. doi: 10.17223/19986645/79/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/79/10

Varlam Shalamov – a translator of Boris Murtazov

Elizaveta B. Dzaparova¹

¹ *V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – Branch of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation, l-dzaparova@mail.ru*

Abstract. The article presents a lexical and semantic analysis of translations of Boris Murtazov's lyric works made by the famous Russian writer Varlam Shalamov. This study is the first experience of understanding Shalamov's translations from the Ossetian language, of analyzing the main translation solutions in overcoming the difficulties associated with the transition of the text to another linguistic culture. The main research method is comparative analysis, which involves comparison of texts at

the form and content levels. Comparing the original and translated (Ossetian and Russian, respectively) texts, the author of the article identifies the main problems that Shalamov encounters when translating poetic texts, gives the main methods and techniques Shalamov used when transferring the artistic reality captured by Murtazov in his lyric works. The author of the article particularly emphasizes Shalamov's achieving the aesthetic adequacy of the original text in translation and traces the transfer of images presented in the original language at the level of denotation and connotation. The author of the article gives examples of Shalamov's use of additional means of imagery. Metaphorization is a frequent translation technique Shalamov used for translating Murtazov's artistic world into Russian. Quite often the text in translation is Shalamov's own interpretation of the original lines whose meaning can be unraveled by resorting to Shalamov's original poetry. The author of the article "deciphers" the symbolic subtext inherent in the system of images in the Russian-language text and on the basis of Shalamov's biography. Differences in the features of national languages do not always make it possible to reproduce figurative means and objects of poetization in the translated text. The comparative analysis of the poem demonstrates Shalamov's desire to give additional meaning to his translations, while sometimes rejecting the original meaning. Shalamov's translations from the Ossetian language also show an opposite process. Some translations sound more preferable, since Shalamov saturates them with means of literary expression and uses additional means with national and cultural semantics. As a result, there is no feeling that the textual world presented in the recipient language belongs to another culture. When transmitting the formal organization of the verse, Shalamov seeks to reflect the poetic structure of the original in the Russian-language version, yet he changes its artistic structure by simplifying the lexical-semantic structure of the original language.

Keywords: literary translation, poetry, Boris Murtazov, Varlam Shalamov, image, connotation, metaphor

For citation: Dzaparova, E.B. (2022) Varlam Shalamov – a translator of Boris Murtazov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 190–207. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/10

В 1950–1960-е гг. многие советские писатели «перебивались» переводческим трудом. Отлученные от большой литературы и не имея возможности печатать свои оригинальные произведения, они обращались к художественному опыту других авторов. Благодаря Б. Пастернаку, С. Маршаку, Н. Заболоцкому, К. Чуковскому, А. Ахматовой, М. Зощенко, А. Тарковскому и мн. др. художественный перевод укрепил свои позиции в литературе, а русская переводческая школа достигла высочайшего уровня. Известны переводы А. Ахматовой из зарубежной классики, восточной поэзии, поэзии малых народов. Гений Б. Пастернака-переводчика проявился при переводе зарубежных писателей и поэтов Закавказья¹. В числе запре-

¹ Переводы Б. Пастернака в литературной критике получили неоднозначную оценку. Сторонники Пастернака хвалили его переводы за верность автору, противоположная сторона видела в переводах поэта и прозаика русификацию, стремление за переводные произведения выдать собственные сочинения. Второй точки зрения придерживался известный осетинский поэт Н. Джусойты. Сам активно переводивший русскую и зарубежную классику на осетинский язык, он утверждал, что, читая переводы Б. Па-

ценных была и М. Цветаева, но ее переводы из английской, испанской, немецкой, французской и др. поэзии заняли достойное место в творческом наследии поэтессы и во всей мировой литературе.

Благодаря межкультурным посредникам – переводчикам – творчество многих национальных писателей стало выходить на всесоюзную арену, находить свой широкий круг читателей. К переводу произведений корифеев осетинской литературы обращались как известные русские поэты – А. Ахматова, Н. Заболоцкий, М. Исаковский, Н. Тихонов, Л. Озеров, А. Тарковский, И. Френкель, Р. Казакова, Б. Окуджава, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, Ю. Мориц и др. так и профессиональные переводчики – А. Шпирт, П. Панченко, Б. Ирнин, Н. Гребнев, С. Шервинский, Л. Шерешевский, Я. Козловский и мн. др.

К поэтическому переводу обращался в годы изгнания и известный автор «лагерной прозы» Варлам Тихонович Шаламов. Разделяя судьбы многих подвергнутых цензуре, в 1950–70-е гг. он обращался к художественному переводу стихов как к способу заработка. Активно сотрудничая с издательством «Советский писатель», по просьбе которого им сделано множество переводов с национальных языков, Шаламов открыл для себя и творческую индивидуальность известного осетинского писателя Бориса Алхастовича Муртазова (1917–1996). В 1963 г. в сборник «Земные дороги» (Москва) вошло 26 переведенных В. Шаламовым стихотворений осетинского поэта. Переводы затем переиздавались в сборниках «Горы – это люди» (1971), «За утесом утес» (1985). Как пишет исследователь творчества Б. Муртазова в русскоязычных переводах М.Л. Чибирова, «творчество поэта вызвало наибольший интерес у переводчиков», а среди них корифеев поэтического и переводческого искусства – А. Ахматовой, Я. Козловского, Ю. Даниэля, Л. Озерова, Ю. Хазанова, Л. Шерешевского, А. Голембы, Л. Миля и мн. др. [1. С. 76]. Одному из них, Л. Озерову, в знак благодарности осетинский поэт даже посвятил стихотворение «Моему переводчику» (1972).

Схожесть в судьбе была одним из мотивов обращения Шаламова в переводах к поэзии того или иного автора. Он питал особое отношение к творчеству таких писателей. Как замечал сам Шаламов, «перевод и заключается в том, чтобы правильным образом словесно, психологически, а в более существенном, оценкой – с моей позиции и дать истолкование опыта для меня самого очень интересного» [3]. В судьбах русского и осетинского поэтов мало общего, однако художественный опыт Муртазова стал интересен Шаламову. Жизнь осетинского поэта была трудной по другим обстоятельствам, нежели жизнь Шаламова. Муртазов – участник Великой Оте-

стерняка из Н. Бараташвили (Джусойты прекрасно владел грузинским языком и мог читать произведения поэта в оригинале), не испытывает трепета, так как «все время чувствует, что черты лица Бараташвили значительно размыты и заслонены волевым профилем переводчика» [2. С. 4]. При этом Джусойты высоко оценивает оригинальное творчество русского поэта.

чественной войны, с первого до последнего дня воевал на многих фронтах, дойдя до Берлина. После войны многие годы был редактором издательства «Ир», публиковавшего художественную литературу на осетинском и русском языках.

Тематика произведений Б. Муртазова диктовалась веяниями времени. Есть стихи о любви, о природе; поэзия, посвященная партии и ее вождям, воспевающая достижения и успехи социалистического строительства. Часть стихотворений, безусловно, написана под влиянием советской идеологии. На протяжении всего творческого пути не исчезала тема войны. В стихах разных лет отражены фронтовые будни и возвращение к послевоенной жизни. Обращение к молодости и старости связано с философским осмыслением жизни и смерти. Старость в поэзии Муртазова ассоциируется с закатом жизни и с мудростью, молодость как продолжение жизни и ее обновление трактуется как сохранение традиций своего народа.

Б. Муртазов обращается к разным поэтическим формам: сонет, эпиграмма, фельетон, этюд, мадригал, стихотворение в прозе, поэма, баллада, песня, кадаг (легенда), таурагъ (сказание), подражание, лирические миниатюры (двустипшия, трехстишия, четверостишия и т.д.).

В переводческом наследии В. Шаламова немало произведений Б. Муртазова, посвященных малой родине – Осетии и родному селу Заманкулу. Стихотворение «*Мае Иры ныфсæй*» (в пер. «*Окрыленный Осетией*») программное в творчестве осетинского поэта, давшее название сборнику 1961 г. В нем патриотический пафос переплетается с сентиментально-элегическим. Чувство неоплатного долга перед Родиной выражено в форме риторического вопроса, а неразрывная связь лирического героя / поэта с родным миром проявляется в том, что без гор, родного языка, песен для него теряется смысл бытия.

Переводные строки стихотворения «Окрыленный Осетией» сохраняют общий эмоционально-смысловой посыл оригинала, но для воплощения изображаемого на русском языке Шаламов находит другие поэтические образы. Первая строфа в оригинале:

*Мае Ир, дæ куыст, дæ тохы
Цæййаг даен æз, цæййаг:
Хуыскъ бæласау фыдрохы
Куы баззайон, мыййаг?! [4. С. 4].*

Моя Осетия, в твоей работе, в твоей борьбе
Кем являюсь я, кем (чего стою я):
Как засохшее дерево, совсем забытым
Если останусь, вдруг?!¹

В переводе В. Шаламова:

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Е. Дз.

*Когда дышать борьбою
Твоей не буду я,
То буду ли собою,
Осетия моя?* [5. С. 68].

Отсутствие в первой строфе образного сравнения не только смягчает выраженную эмоционально-оценочную функцию лирического высказывания, меняет его восприятие, но, как представляется, не передает полностью содержание. Художественная детализация в переводе нивелируется. Выраженная поэтом боязнь остаться забытым как засохшее дерево в переводе опускается.

Стихотворение Муртазова построено на индивидуально-авторских метафорах, средствах «вторичной образности» [6. С. 23]. Для создания адекватного художественного текста Шаламов ищет средства образности, близкие по смыслу, а не по составу единиц перевода.

Образное обыгрывание мысли читатель видит во второй строфе:

<i>Куы-иу сисон мае къуымы</i>	То возьмусь в своем углу
<i>Рыг фæндырæй цæгъдын,</i>	На пыльной гармонии играть,
<i>Куы бауадзон мае хуымы</i>	То приведу мою пашню
<i>Нызæрæстон кæнын;</i> [4. С. 4].	В запустение;

Лирический герой порывается заиграть на гармонии к клавишам которой давно никто не прикасался, так в стихотворении выражается идея возвращения к поэзии. Первые две строки звучат антитезой последующим двум (возрождение → застой), тогда как в переводе нет этого авторского противопоставления. Шаламов, не сохраняя «функциональный потенциал» [7. С. 57] стилистического приема, снимает в переводе исходный образ противопоставления, пропускает строфу.

Метафоризация образов происходит в следующей строфе:

<i>Куы нае дын уа бæркаддон</i>	Если не будет тебе местом изобилия
<i>Мае рухс царды фæззæг,</i>	Моей светлой жизни осень,
<i>Куы бахус уа мае суадон,</i>	Если засохнет мой родник,
<i>Куы нал æм уа цæуæг;</i>	Если не будет к нему ходок;
[4. С. 4].	

При переводе этой строфы Шаламов частично достигает эквивалентности:

*Замрет родник бессильный
Уставшего пера,
Не будет изобильной
Осенняя пора* [5. С. 68].

Иное наполнение образа не лишает поэтический текст эстетической адекватности. Наоборот, образный компонент значения лексических единиц [8. С. 77] в первой строке перевода – *Замрет родник бессильный / Уставшего пера...* представлен ярче. Индивидуальная метафора, использу-

емая для выражения затухания таланта поэта, усиливает психологический эффект стиха. Однако вне внимания осталось образно-словесное выражение *Мае рухс царды фæззæг* ('Моей светлой жизни осень'). Автор создает образ заката / конца счастливой жизни. В переводе же – семантическое и стилистическое несоответствие: речь идет об осени как о времени года: *Не будет изобильной / Осенняя пора*. Вероятно, подстрочник [9. С. 179] не позволил передать в полной мере смысловые и лексические особенности оригинала.

Образцом переводческого мастерства можно признать интерпретацию на русском языке следующих строк:

<i>Мае зарджытæ дæ бæхтыл</i>	Мои песни на твоих конях
<i>Куы нæ уадзой сæ дугъ,</i>	Если не будут пускаться вскачь,
<i>Мае зардæйы дæ хæхтæ</i>	В моем сердце твои горы
<i>Куы нæ хæссон æдзых</i> [4. С. 4].	Если не буду носить постоянно.

Шаламов расширяет рамки исходного текста: для перевода первых двух строк оригинала использует целую строфу. Компенсация нереализованных в переводе строк осуществляется за счет развернутых описаний – эпитетов, раскрывающих полноту смысла.

*Не будут кони в песне
На бешеном скаку
Все ярче и прелестней
Вызванивать строку* [5. С. 68].

Обращает на себя внимание антропоцентричность [10. С. 156] развернутой метафоры *Не будут кони в песне... вызванивать строку* [5. С. 68]. В оригинале и в переводе с помощью метафоры на первый взгляд выражается идея утраты таланта и способности к поэтическому слогу. Но в переводе обнаруживается более глубокий смысл.

Равнозначный перевод начального компонента позволяет Шаламову сохранить своеобразие индивидуально-авторской метафоры. В последующих строках перевода образ усложняется. Шаламов употребляет словосочетание *вызванивать строку*, связывая визуальный и звуковой образы. Глагол *вызванивать* обретает символический подтекст: не только значение «вызывать звоном (кого/что-либо)», но и семантика «звона колоколами какого-либо напева» [11. Т. 1. С. 295], «усердного звона в колокола» [12. Т. 1. С. 379].

Звон колокола, имеющий сакральное значение (в том числе православную символику), у русского народа рождал положительные и отрицательные эмоции (радость, счастье, горе, грусть, чувство протеста и т.д.) [13. С. 19–22]. В образе колокольного звона выражен «духовный мир нации» [14. С. 4], России. Колокол, как отмечает Э. Лассан, «звучит чаще всего в творчестве поэтов, в той или иной мере не принимаемых официальной культурой» (набат в колокол – тревога, грядущая опасность; см. у Н. Гумилева, В. Высоцкого) [15. С. 69].

В поэтическом мире самого Шаламова образ часто связан со звуковым выражением, поэт считал, что «звуковая магия есть основа русского стихосложения...» [16. С. 251]. Мотив звона не случаен в переводе. Как отмечает Д. Кротова, в художественном мире Шаламова огромное значение имеют религиозные образы, становятся «важнейшими этическими символами» [17. С. 277]. В переводе строка-метафора *Не будут кони в песне... вызванивать строку* выражает опасение, что поэтический труд станет бессмысленным, поэзия не будет затрагивать глубинные чувства, цеплять струны души (звон как благовест).

Местами переводимый образ у Шаламова переносится в другую строфу. Так, для перевода последующих двух строк: *Маэ зєрдєйє дє хєхтє / Куы нє хєссон єдзух...* [4. С. 5] ('В моем сердце твои горы / Если не буду носить постоянно...') переводчик применяет смысловую и образную трансформацию:

*И наших гор алмазы,
Жемчужный наш Кавказ
Уйдут из сердца сразу
И скроются из глаз* [5. С. 68].

Шаламов за счет развернутых описаний увеличивает объем стихотворения. Перевод потребовал привлечения единиц с дополнительной семантикой: нет в оригинале словосочетаний *наших гор алмазы, жемчужный Кавказ, уйдут из сердца, скроются из глаз*.

В авторской картине мира большое значение имеют разные средства словесной образности. Различия национальных языков не всегда позволяли воспроизвести в переводном тексте образные средства, объекты поэтизации. Так, в следующей фразе автором используется образность речи: *Зыгуарєн бон дє бєсты / Куы нє раттон маэ сєр* [4. С. 4] ('В день огненного дождя (в трудный час, в час битвы) вместо тебя / Если не положу свою голову (отдам жизнь)'). В переводе авторский образ изменён, Шаламов находит другие средства, меняющие эстетическую функцию и «прагматический потенциал» [18. С. 143]: *И в битве с силой черной / Как надо не умру*.

Образную картину создает повтор – частый прием в построении стихотворения Муртазова: лексический (единоначатие с союзом *куы*) и синтаксический – стихотворение начинается и заканчивается одинаковыми строками, расположенными зеркально. Автор в последней строфе вводит образное сравнение с иным денотатом в основе:

<i>Хєлд маєсыгау фыдрохы</i>	Как разрушенная башня совсем забытым,
<i>Куы баззайон, мыййаг,</i>	Если останусь, вдруг,
<i>Маэ Ир, дє куыст, дє тохы</i>	Моя Осетия, в твоей работе, в твоей борьбе
<i>Цєййаг дєн уєд, цєййаг!</i>	Кем являюсь я тогда, кем (чего стою я)!

[4. С. 5].

В переводе композиция кольцевая: первая и последняя строфы точно повторяются:

*Когда дышать борьбою
Твоей не буду я,
То буду ли собою,
Осетия моя? [5. С. 68].*

Шаламовым в переводе игнорируется троп с национально-культурным элементом в основе: *мæсыг* ('башня') – оборонительное сооружение и культово-идеологический символ у осетинского народа – знаменовала мощь, силу рода. Символом исчезнувшего рода является *разрушенная башня*. Отсутствие фоновых знаний у русскоязычного читателя привело бы к искажению исходного образа и смысла строфы, поэтому игнорирование тропа здесь объяснимо.

Анализ некоторых стихотворений Муртазова в переводе Шаламова сделала М.Л. Чибирова, в частности стихотворения «*Ялтæйаг нывтæ*» («*Ялтинские картины*»). Исследователь считает поэтические находки русского поэта «не совсем удачными» [1. С. 78], например, замена Мефистофеля на Люцифера осуществлена переводчиком в угоду рифме, произошла трансформация смысла [1. С. 82].

В оригинале:

<i>Зин Мефистофель æд пæлæз</i>	Бес Мефистофель в плаще
<i>Айнаджы цъуппыл цæры –</i>	Живет на вершине скалы, –
<i>Зараг Шаляпины хъæлæс</i>	Голос певца Шаляпина
<i>Хæхты ныр дæр ма нæры...</i> [4. С. 68].	В горах и нынче звучит...

В переводе Шаламова иная интерпретация строк:

*И кажется: вот-вот Шаляпин
Даст волю басу своему, –
И Люцифер с пером на шляпе
Сейчас покажется в Крыму...* [5. С. 69].

Фактологическая ошибка очевидна: Шаляпин блистал именно в роли Мефистофеля в операх Гуно «Фауст» и А. Бойто «Мефистофель». Переводчик дополняет образ художественной деталью – *с пером на шляпе*, характерной для портрета Мефистофеля.

Замена образа в переводе по функциональным признакам не делает, как нам кажется, трансформацию смысла ошибочной. В христианской мифологии Люцифер олицетворяется с падшим ангелом [19. С. 324; 20. С. 229]. Переводчик, видимо, намеренно вводит вместо образа из христианской традиции позднего Средневековья Мефистофеля. Во-первых, оба персонажа выступают персонификацией зла. Однако амбивалентность образа Люцифера позволяет обращаться и к его божественным первоисточкам, архетипическому образу светоносного ангела. Это расширение смысла выводит к доминирующей в стихе мысли, что поэзия (искусство), должна нести свет, может показывать торжество зла¹, силу зла. Люцифер, трактуемый в

¹ См. мысли В. Шаламова о «новой прозе», об искусстве «после Колымы»: «Искусство лишено права на проповедь. Никто не может, не имеет права учить. ... Искусство

поэзии как отверженный ангел, восставший против Бога [22. С. 58], богоборец, в переводе может восприниматься как страдалец, изгнанник (аналогия с самим поэтом-переводчиком).

Есть в тексте переводческие решения, по которым можно судить о достижении Шаламовым коммуникативной эквивалентности текста. Художественный перевод осуществляется не за счет отражения смысла отдельных компонентов, а строится с учетом передачи смысла целого. В подобном подходе к переводческому процессу многим исследователям видится *адекватно / равноценный* результат [18. С. 210–211; 213]. Стихотворение «*Ялтэйаг нывтæ*» Муртазова, отражающее восторженные чувства лирического героя от посещения курортного города, строится на отождествлении природы с поэтическими образами-символами. Образцом переводческого мастерства Шаламова может служить перевод следующей строфы:

<i>Маёй та уæларвы цæсх фынгыл</i>	А луна на сером столике неба
<i>Бурбын кæрдзынау æсси,</i>	Стала словно желтоватый чурек,
<i>Цыма йæ стъалыты зынгыл</i>	Как будто ее на раскаленных звездах
<i>Сфыхта бæркадкъух æфсин</i>	Испекла хлебосольная хозяйка.

[4. С. 67].

*Здесь, как чурек, на столик неба
Уже положена луна, –
На звездах выпеченным хлебом
Кавказцу кажется она* [5. С. 35]¹.

С прагматической точки зрения отрывок в переводе оказывает на реципиента художественно-эстетическое воздействие в равной степени с оригиналом. Используемые автором изобразительно-выразительные средства находят эквивалент в переводе. По словам Н.М. Любимова, «каждый настоящий писатель... мобилизует все имеющиеся в его распоряжении изобразительные средства, чтобы достичь нужного ему художественного эффекта, писатель-переводчик, воссоздавая его произведение на своем языке, должен по возможности мобилизовать все средства, чтобы достигнуть того же эффекта» [23. С. 141], Шаламов привлекает комплекс стилистических образных средств для передачи колоритности единиц перевода. От исходного отрывка перевод отличает отсутствие в четвертой строке смыслового аналога. Шаламов восполняет ее единицей, не чуждой для исходной культуры и придающей «экзотический оттенок тексту на переводящем языке» [24. С. 37]. В целях достижения ясности некоторых лексем для иноязычной аудитории Шаламов в процессе перевода «поясняет» их значение: *чурек – хлеб*.

не облагораживает, не улучшает людей. Искусство – способ жить, но не способ познания жизни» [21. С. 157].

¹ В варианте перевода, включенном в сборник «Горы – это люди», – «Ирону кажется она» (ирон – осетин) [25. С. 49]. Небольшие лексические расхождения наблюдаются и в некоторых других вариантах переводных стихотворений В.Т. Шаламова.

Шаламов открывал русскоязычному читателю природу родного для Муртазова края при переводе стихотворений *«Осетия! Родина! Я искал...»*, *«Одинокий утес – одинок...»*, *«Раз поутру в рассеявшейся мгле...»*, *«Чтоб песню спеть – приехать надо в горы...»*, создавая сильное эстетическое воздействие красоты горного пейзажа. Как отмечает М.Л. Чибирова, «доминирующими в творчестве Б. Муртазова стали темы – родины, родных гор...» [1. С. 77]. В небольшом стихотворении *«Евгедза, хахты хорз фидауы зараг...»* [26. С. 87] Муртазов связал любовь к поэзии и к горам:

*Евгедза, хахты хорз фидауы зараг,
Куыд нæ фидауа хахты та, уæвгæ!
Ныззарыдтæ йæ – айнагмæ йæ айнаг
Дзæбаех фæхаессы, уæлдафы наергæ.
Нæ хахты зараг ис йæ тых, йæ барты.
Нæ хахты зараг дардыл зæлы, дардыл!* [26. С. 87].

Ведь, в горах гармонично звучит песня,
Как не звучать ей гармонично в горах, особенно!
Запел ее – к утесу ее утес
хорошо уносит, в воздухе разнося.
В наших горах песня находит свою силу, свою волю.
В наших горах песня далеко звучит, далеко!

Русскоязычный вариант В. Шаламова:

*Чтоб песню спеть – приехать надо в горы, –
Там даже воздух звонок как хрусталь,
Любой утес – мелодии опора,
И песня с силой улетает вдаль.
Ведь песне горной и дышать легко,
И слышно песню очень далеко* [5. С. 70].

Равноценное художественное впечатление изображаемой автором картины в переводе достигается ее эстетизацией. Шаламов привлекает образы, отсутствующие в оригинале, переосмысливая исходные значения слов тропеическими номинациями: *воздух звонок как хрусталь, любой утес – мелодии опора, песня с силой улетает вдаль*, которые, становясь объектами поэтического изображения Шаламова, ярче, чем в оригинале, выражают восхищение горным пейзажем. Шаламов преобразует художественные образы осетиноязычного текста, усиливая поэтизацию изображаемой действительности. Стержневыми, как и в исходном тексте, остаются образы гор и песни, которые в переводе персонифицируются. Семантика реализуется Шаламовым не лексикой, поэтому проводить параллельный лексико-семантический анализ разноязычных текстов нет необходимости.

К образцу переводческого мастерства, как нам кажется, следует отнести стихотворение *«Сагуыт»* ('Косуля') (в пер. *«Раз поутру в рассеявшейся мгле...»*). Следуя за оригинальным текстом, Шаламов сохраняет формальную организацию стихотворной речи: строфическое двустипшие с парной рифмовкой:

Æфцæджы раз бæрзонд хохыл сæгуыт Раз поутру в рассеявшейся мгле (а)

(а)

Сæумæрайсом сæрыстырæй лæууыд, Увидел я косулю на скале. (а)

(а)

Къæдзæх-дурæй уыд джиппы уагъд Как будто скульптор иль камнетес (б)

цыма, (б)

Йæ фæсарц баст – сæрддон хуры Косулю врезал в солнечный утес. (б)

цъына. (б)

Фæлгæсыд уый, æрфæндыд æй тæхын, Она глядит и видит весь Кавказ. (в)

(в)

Æрфæндыд уый æппæт фенын Взлететь бы ей, взлететь бы ей сей-
зæххыл... (в) час! (в)

Тæхудиаг!.. – Æз аджих дæн æваст, (г) Но зверь навеки будто в камень врос, (г)

Егъау кæмтты ныййазæлыд мæ

И очень прост наивный мой вопрос:

фарст: (г)

(г)

«Æрдз, базыртæ дæу байуарын кæм О, почему природа не дала (д)

хъуыд, (д)

Цымæ дæ уым куыд байрох и

Косуле нашей смелых два крыла? (д)

сæгуыт?» (д)

Отражение национально-культурных особенностей в переводе можно проследить в стихотворении «*Мæ уарзон Заманхъул*» («Родной Заманкул»). Поэт вспоминает родные просторы, в них находит вдохновение. Поэтический мир строится на использовании слов с номинативным значением, выражающих эмоции лирического героя. Перевод ориентируется не на словное воспроизведение единиц перевода, а на их коннотативную адекватность. Например, при переводе строфы

*Гъе ныр та ныхасæй фæзмыныл фæлварын
Æнæкæрон фæзты дæ дугъæтты тахт, –
Фыццагдæр дæ куывдты куы фехъуыстон зарын,
Дæ хъазты – фæндыры алæмæты цагъд [4. С. 12].*

А теперь в слове пробую подражать
В бескрайних полях твоих скакунов полет, –
Первоначально на твоих пирах когда услышал пение,
На твоих танцах – гармонии волшебную игру.

*Теперь я живу в том же самом селенье...
Родные напевы услышав, узнав,
Я смело седлаю стихотворенье,
Чтоб мчаться, как всадник, по строкам стремглав [5. С. 34].*

Шаламов не находит словам оригинала полные аналоги, даёт собственную словесную интерпретацию, делая акцент на метафоризации. *Седлать стихотворение, мчаться по строкам стремглав* – образное переосмысление первых двух строк оригинала, как нам кажется, представлено благозвучнее на языке перевода. Шаламов сохраняет национальную специфику стихотворения, используя близкие автору образы: *горы, зеленые склоны, родники, дикая лошадь, Кавказ, Осетия, родное селенье* и др.

При переводе стихотворений о любви («*Глаза моей соседки*»), дружбе («*Всем бедам наперекор...*»), матери («*К матери*»), детстве («*Мальчишкой я садился на коня*»), Москве («*Москва*», «*Аромат полей*», «*Я в столице живу пятый год*») Шаламов применяет различные переводческие приемы: сохранение прямых номинативных значений лексем оригинала («*Мальчишкой я садился на коня*»); достижение образно-семантической эквивалентности («*Глаза моей соседки*»); изменение лексико-семантического строя исходного языка и формальной организации стихотворений («*Я в столице живу пятый год*», «*Аромат полей*», «*К матери*»), стирание национального колорита («*Москва*», «*Ты с каждым днем становишься моложе*») и т.д. Подобные решения способствовали сохранению тематической направленности текстов в оригинале, но местами переводы получались слишком независимы от первоисточников. Примером может послужить стихотворение «*Мае фæсномыгтае*» ('Мои псевдонимы') (в пер. «*К матери*»). Произведение, написанное в форме обращения к матери, насыщено междометиями, восклицательными предложениями. Перевод Шаламова не сохраняет синтаксические особенности оригинала, опущены заключительные две строфы, выражающие стержневую мысль стихотворения – мечту лирического субъекта оправдать надежды народа, стать истинным сыном своей малой Родины.

Бережное обращение Шаламова к образной системе оригинала наблюдается в переводе стихотворения «*Мае сыхаджы цæстыгтае*» – «*Глаза моей соседки*», что выражается в подборе сравнений с идентичным денотатом в основе. Например: «*Мае сыхаджы дыууæ рæсугъд цæсты... дыууæ фурдау... дыууæ тохау... дыууæ хурау...*» ('Красивые глаза моей соседки... подобны двум морям... двум войнам... двум солнцам') – «*Глаза соседки – это две войны!.. Два черных солнца – вот ее глаза!.. Два моря это! Я пойду ко дну...*».

Отдельный блок переводных произведений составляют стихотворения военной тематики: «*Сæдæаздыд мад алы бон куыдта*» («*Старуха-мать просила у поэта*»), «*Фыдыбæсты уæззау хæстмæ фæцыдтае*» («*Ты на войне пропал – так слышал я*»), «*Маеныл æрцыди карз хæсты тыгъдызæй*» («*Я бился с миром нечисти и зла*») и др. Они обличены в особую художественную форму: шестистишия. Перевод передаёт общий эмоциональный строй оригиналов. Переводчик стремился не к идентичности лексических средств, а к семантической эквивалентности, понимаемой исследователями как «соотнесенность с одной и той же предметной ситуацией» [27. С. 56]. Обратимся к оригиналу и к переводу стихотворения «*Маеныл æрцыди карз хæсты тыгъдызæй*» – «*Я бился с миром нечисти и зла*»:

*Маеныл æрцыди карз хæсты тыгъдызæй,
Æдзардæй уым фæцæйхуыссыд мæ зынг...
Лæг судзæн пецты æз сыгъдтæн фыдсыгъдæй,
Мæн бирæ нал хъуыд фестынмæ фæнык.
Уæддæр æгас дæн, ме 'мадæм, æгас...
Сымах дæр мын мыггагмæ ут æдас! [26. С. 95].*

По мне прошла суровой войны широкая лавина,
Преждевременно там чуть не потух мой огонь...
В печах я сгорал дотла,
Я чуть не превратился в пепел.
Все равно живой я, мои люди, живой...
И вы у меня навеки будьте в безопасности!

*Я бился с царством нечисти и зла
И жил во имя совести и долга.
В печах Освенцима сожгли меня дотла,
Я был убит в сражении на Волге.
И все ж я жив: ведь мой родной народ
Бессмертен и вовеки не умрет! [5. С. 76].*

Только вторая часть стихотворения сохраняет в переводе лексическое тождество оригинала. При анализе нельзя руководствоваться переводом отдельных лексем и даже словосочетаний, целесообразнее сопоставлять тексты как целое. Обнаруживается собственное прочтение переводчиком оригинала в первом стихе, что применяют многие поэты-переводчики с осетинского языка [28. С. 236–264], Шаламов же передает общий смысл, вводя свои образы. Так, Шаламов указывает на немецкий лагерь смерти Освенцим, на который дан только намек в оригинале. Дополняет строку *Я был убит в сражении на Волге*, не противоречащую основной идее произведения. Здесь переводчик, вероятно, имел в виду битву под Сталинградом – «русской крепостью на Волге». Прагматический потенциал в переводе реализован: текст вызывает аналогичные эмоции у читателя на русском языке. Стихотворение и в переводе логически разделено на две части: описание трагедии войны сменяется выражением оптимистического чувства. Семантическая доминанта стихотворения в переводе представлена в последних двух строках. Композиция стихотворения соответствует синтаксической структуре оригинала. В первых четырех стихах перекрестная рифмовка, в последующих двух – парная. Шаламов старался сохранить виды созвучия окончаний. У Муртазова чередование женской и мужской клаузул в переводе характеризуется обратным расположением: ЖМЖМММ → МЖМЖММ.

В стихотворении «*Фыдыбæсты уæззау хæстмæ фæцыдтæ*» («*Ты на войне пропал*», в другом варианте «*Брат с фронта не пришел*») выражается вера в возвращение брата лирического героя с войны. В оригинале нет намека на его смерть на поле боя, в отличие от перевода. В последней строке *Æрыздахын дæ, чи зоны, нæу рох. / Фæлæ нырма зæххыл нæ банцад*

тох... ('Вернутся, может быть, ты не забыл. / Но на земле еще не стихнул бой...') Шаламов заменяет союз *и* на *а*: *Все кажется – ты где-то на войне / И не сгорел в ее огне* («Ты на войне пропал...») [5. С. 97] – *Все кажется – он где-то на войне, / А не сгорел в ее огне*. («Брат с фронта не пришел...») [29], меняет смысл финала. В первом варианте в душе лирического героя остается надежда на возвращение брата с войны, во втором принимается трагизм положения.

Таким образом, переводы Шаламова заставляют прибегать к расшифровке их смыслового кода, находить дополнительную семантику на уровне понимания Шаламовым идейно-тематического содержания подлинников. Преобразование образной системы оригиналов позволяет воспринимать некоторые переводы как собственные произведения Шаламова («Москва», «Горный пейзаж»). Переводчик привлекает средства, близкие к художественному восприятию реципиента. Несмотря на обстоятельства жизни Шаламова, из его поэзии не исчезла яркость красок, это отразилось и на переводном творчестве. Художественные миры писателя и переводчика близки в персонализации природы, ее детализации. По мнению Д. Кротовой, «сам Шаламов воспринимал подобный подход к изображению природы не только как индивидуальную особенность своего поэтического мира, а как имманентное свойство новой поэзии, поэзии XX столетия» [30. С. 24].

Анализ образно-содержательных аспектов поэтического творчества Б. Муртазова в оригинале и в переводе В. Шаламова выявил и другие особенности. Стихотворения на русском языке не лишены аттракций [31. С. 31] на уровне слов, словосочетаний, предложений, текста. В лексиконе перевода отсутствуют слова, важные для семантической расшифровки текста. В таких случаях наблюдается замена, опущение, что приводит местами к стиранию национального колорита. В качестве примера приведем отрывок из стихотворения «Ты с каждым днем становишься моложе». При сохранении общего смысла текст местами лишен национально-специфической окраски:

<i>Ермаст мын ма сахат, ма айдаен</i>	Лишь мне часы мои, мое зеркало
<i>Фæдзурынц ма бонты фæрæз;</i>	Говорят о сроке моих дней;
<i>Фæдзурынц, æрыгон кæй нал даен,</i>	Говорят, что уже не молод,
<i>Кæй ысдаен æз карджын цаергæс.</i>	Что стал я старым орлом.

*Ведь вижу я в зеркальном отраженье,
Пересчитав листки календаря,
Что жизнь хоть далека от завершенья,
Но – зажжена вечерняя заря.*

Эквилинеарность стиха оригинала нарушается в некоторых русских переводах сокращением строк («Петропавловская крепость»). Частичная эквиритмичность достигается в основном сохранением стихотворного размера (ямбических стоп, амфибрахия). Изменения наблюдаются в расположении ударного слога в клаузулах. Передача системы рифмовки потребовала от Шаламова строгого апеллирования к текстам подлинников.

Поэтические переводы В.Т. Шаламова художественны, местами независимы от оригиналов. Ориентация на русскоязычного читателя способствовала добавлению в текст перевода новых смыслов. Для расшифровки смыслового кода стихотворений необходимо было обращаться к оригинальным текстам самого Шаламова.

Список источников

1. Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита. Владикавказ, 2006. 154 с.
2. Джусойты Н.Г. Обманчивая прелесть «игры без правил» [О стихотворении К. Кулиева «Лунная ночь» в переводе Б. Ахмадулиной] // Литературная газета. 1972. 22 нояб. С. 4.
3. Шаламов В. Переводы. URL: <https://shalamov.ru/library/36/> (дата обращения 26.10.2020).
4. Муртазов Б. Осетия окрыленная: стихи. Орджоникидзе, 1961. 126 с. (на осет. яз.).
5. Муртазов Б. Земные дороги: стихи / пер. с осет. М. : Сов. писатель, 1963. 88 с.
6. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. М. : Академия, 2005. 304 с.
7. Иванов А.В., Каршкова К.С. Антитетическое словоупотребление и специфика перевода контекстов, содержащих антитезу // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2017. № 13. С. 52–57.
8. Турчанинова К.А. Особенности перевода образного компонента значения лексических единиц // Филология и лингвистика в современном мире : материалы I Междунар. науч. конф., Москва, июнь 2017 г. М., 2017. С. 76–79.
9. Никонова Н.Е. Подстрочник поэтического текста: история, типология и роль в межкультурной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 179–189.
10. Цинковская Ю.В. Антропоцентричные и предметные метафоры в современной русской прозе // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 155–158.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1880. Т. 1: А–З. 812 с.
12. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. Т. 1: А–Л. 1168 с.
13. Атаманова Н.В. Символическое восприятие образа колокольного звона в языке русской поэзии // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. 3. С. 19–22.
14. Каровская Н.С. Феномен колокола в русской культуре : дис. ... канд. культурол. наук. Ярославль, 2000. 201 с.
15. Лассан Э. Колокол как политический символ русской культуры (на материале русского поэтического дискурса) // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 62–71.
16. Шаламов В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Худ. лит., 1998. Т. 4. 493 с.
17. Кротова Д. Сквозные темы и образы лирики Шаламова // V Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» : материалы конференции, Москва, 8–9 декабря 2016 г. М., 2016. С. 273–277.
18. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. Москва ; Владимир, 2008. 448 с.
19. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1990. 672 с.
20. Голан А. Миф и символ. М. : Русслит, 1993. 375 с.

21. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. 384 с.
22. Метц Э. Прометей и Люцифер в творчестве Константина Бальмонта // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 53–59.
23. Любимов Н.М. Перевод – искусство // Перевод – средство взаимного сближения народов. М., 1987. С. 141–158.
24. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. 4-е изд. М. : Р. Валент, 2009. 360 с.
25. Муртазов Б. Горы – это люди / пер. с осет. М. : Худож. лит., 1971. 224 с.
26. Муртазов Б. Светоч: Короткие стихи на осетинском языке. Орджоникидзе, 1963. 162 с. (на осет. яз.).
27. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М. : Изд-во УРАО, 2000. 159 с.
28. Дзапарова Е.Б. Поэты-шестидесятники как переводчики осетинской поэзии // Научный диалог. 2020. № 6. С. 236–264.
29. Осетинская поэзия в переводах русских поэтов / автор проекта и сост.: И.А. Хайманова // Национальная научная библиотека РСО-Алании. URL: <http://www.nslib.tmbweb.ru/perevodi/index.html> (дата обращения: 20.06.2021).
30. Кротова Д.В. Природа в мировосприятии В. Шаламова: рецепция классических традиций и поэтическое новаторство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62). Ч. 2. С. 21–25.
31. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. 5-е изд., испр. и доп. М. : Аудитория, 2016. 244 с.

References

1. Chibirova, M.L. (2006) *Khudozhestvennyy perevod i problema natsional'nogo kolorita* [Literary translation and the problem of national color]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladikavkaz.
2. Dzhusoyty, N.G. (1972) Obmanchivaya prelest' "igry bez pravil" [O stikhotvorenii K. Kulieva "Lunnaya noch'" v perevode B. Akhmadulinoy] [The deceptive charm of "games without rules" [About K. Kuliyev's poem "Moonlit Night" translated by B. Akhmadulina]]. *Literaturnaya gazeta*. 22 November.
3. Shalamov.ru. Varlam Shalamov. (n.d.) *Perevody* [Translations]. [Online] Available from: <https://shalamov.ru/library/36/>. (Accessed 26.10.2020).
4. Murtazov, B. (1961) *Osetiya okrylennaya. Stikhi* [Winged Ossetia. Poems]. Ordzhonikidze: [s.n.]. (In Ossetian).
5. Murtazov, B. (1963) *Zemnye dorogi. Stikhi* [Terrestrial Roads. Poems]. Translated from Ossetian. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
6. Solodub, Yu.P., Al'brekht, F.B. & Kuznetsov, A.Yu. (2005) *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and Practice of Literary Translation]. Moscow: Akademiya.
7. Ivanov, A.V. & Karshkova, K.S. (2017) Antithetic word usage and specificity of translating contexts containing antithesis. *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. 13. pp. 52–57. (In Russian).
8. Turchaninova, K.A. (2017) [Features of the translation of the figurative component of the meaning of lexical units]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom mire*. [Philology and linguistics in the modern world]. Proceedings of the 1st International Conference. Moscow. 20–23 June 2017. Moscow: Buki-Vedi. pp. 76–79. (In Russian).
9. Nikonova, N.E. (2008) The interlinear translation of a poetic text: history, typology and its role in the intercultural communication. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 179–189. (In Russian).

10. Tsinkovskaya, Yu.V. (2010) Antropocentric and subject metaphors in modern Russian prose. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 2 (22). pp. 155–158. (In Russian).
11. Dal', V.I. (1880) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Saint Petersburg; Moscow: t-vo M. O. Vol'f.
12. Efremova, T.F. (2005) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: AST, Astrel', Kharvest, Lingua.
13. Atamanova, N.V. (2014) Symbolic perception of bell ringing image in language of the Russian poetry. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12-3 (42). pp. 19–22. (In Russian).
14. Karovskaya, N.S. (2000) *Fenomen kolokola v russkoy kul'ture* [The phenomenon of the bell in Russian culture]. Culturology Cand. Diss. Yaroslavl.
15. Lassan, E. (2014) Bell as a political symbol of Russian culture (on the basis of Russian poetic discourse). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 62–71. (In Russian).
16. Shalamov, V. (1998) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Krotova, D. (2016) [Cross-cutting themes and images of Shalamov's lyrics]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov kak edinyy protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya)* [Russian Literature of the 20th–21st Centuries As a Single Process (Problems of theory and methodology of study)]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow. 8–9 December 2016. Moscow: MAKSS Press. pp. 273–277. (In Russian).
18. Sdobnikov, V.V. & Petrova, O.V. (2008) *Teoriya perevoda* [Theory of Translation]. Moscow; Vladimir.
19. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1990) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
20. Golan, A. (1993) *Mif i simvol* [Myth and Symbol]. Moscow: Russlit.
21. Shalamov, V.T. (2005) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
22. Metts, E. (2008) Prometei i Lyutsifer v tvorchestve Konstantina Bal'monta [Prometheus and Lucifer in the works of Konstantin Balmont]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2 (67). pp. 53–59.
23. Lyubimov, N.M. (1987) *Perevod – iskusstvo* [Translation – art]. In: Klyshko, A.A. (ed.) *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov* [Translation, a Means of Mutual Approchement of Peoples]. Moscow: Progress. pp. 141–158.
24. Vlahov, S.I. & Florin, S.P. (2009) *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. 4th ed. Moscow: R. Valent.
25. Murtazov, B. (1971) *Gory – eto lyudi* [Mountains are People]. Translated from Ossetian. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
26. Murtazov, B. (1963) *Svetoch. Korotkie stikhi na osetinskom yazyke* [Luminary. Short poems in the Ossetian language]. Ordzhonikidze: [s.n.]. (In Ossetian).
27. Breus, E.V. (2000) *Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy* [Fundamentals of Theory and Practice of Translation from Russian into English]. Moscow: Izd-vo URAO.
28. Dzaparova, E.B. (2020) Poets of the Sixties as Translators of Ossetian Poetry. *Nauchnyy dialog*. 2020. 6. pp. 236–264. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-20206-236-264
29. Khaymanova, I.A. (ed.) *Osetinskaya poeziya v perevodakh russkikh poetov* [Ossetian poetry in translations of Russian poets]. [Online] Available from: <http://www.nslib.tmweb.ru/perevodi/index.html>. (Accessed: 20.06.2021).

30. Krotova, D.V. (2016) Nature in V. Shalamov's worldview: reception of classical traditions and poetical innovation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 8–2 (62). pp. 21–25. (In Russian).

31. Retsker, Ya.I. (2016) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Theory of Translation and Translation Practice. Essays on the linguistic theory of translation]. 5th ed. Moscow: Auditoriya.

Информация об авторе:

Дзапарова Е.Б. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия). E-mail: l-dzaparova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.B. Dzaparova, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – Branch of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: l-dzaparova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2021;
одобрена после рецензирования 01.05.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 08.07.2021;
approved after reviewing 01.05.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/79/11

Лирическая маска «рыцаря под забралом» в поэзии Серебряного века: стереотипы и разнообразие интерпретаций

Вероника Борисовна Зусева-Озкан¹

¹ ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, v.zuseva.ozkan@gmail.com

Аннотация. Исследуется маска «рыцаря под забралом» в стихах поэтов Серебряного века на фоне суждения Н. Гумилева о ее «клишированности», сделанного им в рецензии на сборник М. Лёвберг «Лукавый странник» (1915). Демонстрируются константные черты такой маски в модернистской поэзии, и на этом фоне устанавливается своеобразие ее креативной рецепции рядом авторов, в том числе самих Гумилева и Лёвберг, которые оба, хотя и по-разному, производят «перекодировку» этого распространенного образа.

Ключевые слова: Н. Гумилев, М. Лёвберг, лирическая маска, образ рыцаря, Серебряный век, литературная традиция

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. Лирическая маска «рыцаря под забралом» в поэзии Серебряного века: стереотипы и разнообразие интерпретаций // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 208–239. doi: 10.17223/19986645/79/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/11

The poetic persona of the “knight behind the visor” in the works of Nikolay Gumilyov and Maria Levberg, and the literary tradition

Veronika B. Zuseva-Özkan¹

¹ Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, v.zuseva.ozkan@gmail.com

Abstract. The article examines the poetic persona of the “knight behind the visor” in Nikolay Gumilyov’s and Maria Levberg’s lyric works in comparison with the poetry of the Silver Age. In one of his “Letters on Russian Poetry”, Gumilyov criticized the use of this poetic persona in the debut book of poems by Maria Levberg, although the image of a knight is also essential for his own lyrics. The article sets several objectives: (1) to determine how much of a “cliché” the poetic persona of the “knight be-

hind the visor” was in Russian poetry before 1915; (2) to show the evolution of this poetic persona in Gumilyov’s works and try to explain his criticality in relation to it; (3) to identify the features of this role in Levberg’s poetry. The first part of the article shows what essential motifs are associated with the poetic persona of the “knight behind the visor” in the poetry of the Silver Age. It is fundamentally important in the works of Aleksandr Blok, Andrey Bely, Ellis, appears in works by Valery Bryusov, Sergey Solovyov, Yury Verkhovsky, Ilya Ehrenburg, as well as by female poets Elizaveta Dmitrieva (Cherubina de Gabriak) and Elizaveta Kuzmina-Karavaeva. The image of the knight was associated with the theme of service, first of all, to Christ and the Virgin Mary and, in the earthly projection, to the lady, the motif of sublime and/or hopeless love; church theme, Catholic asceticism and mysticism; the theme of pilgrimage, exotic travels to a lofty goal; motifs of battle, duel, death, and wound, as well as the image of the enemy, which often takes the forms of a demon (or Devil himself) and a dark wizard; literary and cultural associations (Knights of the Round Table, Knights of the Grail, Lohengrin, Tannhäuser, Parsifal, Don Quixote, Roland, etc.). The figure of the dark double is also associated with the motif of the enemy. In connection with the understanding of chivalry as service, it is identified with a poetic vocation. The second part of the article aims to demonstrate the evolution of this poetic persona in Gumilyov’s poetry. Along with the reproduction of the tradition and its topoi in some of his poems, Gumilyov also carried out a “recoding” of the image, using its associations with pilgrimage to distant countries, exotic travels, the motif of conquest and connecting it with the images of a sailor, a conquistador, a warrior in general. From the middle of 1910 to the spring of 1913, the image of a knight almost disappears from Gumilyov’s lyrics and is interpreted as deeply non-modern, as an elegiac memory, but at the same time the most important self-characterization as “warrior and poet” emerges. In later lyrics, the knight is polemically – in the Acmeist spirit – called the “Knight of Happiness” who defends the beauty of earthly life. The third part of the article describes the peculiarity of the knightly poetic persona in the poetry of Maria Levberg. The peculiarity is connected with the fact that this woman author encroaches on the specifically masculine role. This image turns out to be as important and frequent in Levberg’s poetry as in no other by female poets of the Silver Age. Levberg creates a very unique image of the knight – graceful, sly and melancholic, full of doubts, but longing for a miracle. The motif of wandering is fundamental for her, linking the knightly mask with other poetic personas of her book *A Sly Wanderer*. This is a wandering in an attempt to find a “miracle”, i.e., to get rid of longing and melancholy, to find some high purpose and peace of mind.

Keywords: Nikolay Gumilyov, Maria Levberg, poetic persona, knight, Silver Age, literary tradition

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-78-10100) at the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zuseva-Özkan, V.B. (2022) The poetic persona of the “knight behind the visor” in the works of Nikolay Gumilyov and Maria Levberg, and the literary tradition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 208–239. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/11

В одном из «Писем о русской поэзии», опубликованных в журнале «Аполлон», в № 10 за 1915 г., Н. Гумилев рецензировал дебютную книгу стихов молодой поэтессы Марии Евгеньевны Лёвберг «Лукавый стран-

ник», вышедшую в том же 1915 г. В целом отмечая талант автора («<...> Мария Лёвберг начинает учиться овладевать своим материалом с тем сознательным упорством и бессознательной удачей, какие даются в удел только поэтам» [1. С. 48]), Гумилев также указывает на некоторые, с его точки зрения, недостатки стихов Лёвберг: «В них есть почти все модернистические клише, начиная от изображения себя, как рыцаря под забралом...» [1. С. 47].

Помимо того, что это один из редчайших отзывов на поэзию Марии Лёвберг, творчество которой заслуживает возвращения к читателю [2, 3, 4], интересно здесь то, что Гумилев критически оценивает использование лирической маски «рыцаря под забралом», хотя она существенна и для его собственной лирики. В этой статье, таким образом, ставится несколько задач: во-первых, определить степень «клишированности» лирической маски «рыцаря под забралом» в русской поэзии по ее состоянию на 1915 г.; во-вторых, показать эволюцию этой маски у самого Гумилева и попытаться объяснить его критичность по отношению к ней; в-третьих, выявить особенности этого амплуа в поэзии Лёвберг и продемонстрировать возможные влияния на нее в этом аспекте. Хотя образ рыцаря в творчестве отдельных поэтов Серебряного века становился предметом рассмотрения [5, 7], он, вопреки вероятности (ибо тема, что называется, «лежит на поверхности»), до сих пор не подвергался «сплошному» исследованию, а поэзия М. Лёвберг в принципе остается неизученной.

Но прежде всего надо подчеркнуть, что Гумилев говорит именно о «рыцаре под забралом», а не о рыцаре вообще, о «рыцаре с мечом» или, например, о «рыцаре в латах» (хотя и такие образы появляются в поэзии Лёвберг). Тем самым имплицитно вводится *мотив закрытого лица*, обладающий сложной семантикой. Во-первых, закрытое лицо означает лицо «спрятанное»: рыцарское забрало *буквально становится маской*, скрывающей личность, причем в фикциональной литературной вселенной рыцарь может быть не только человеком, но и сверхъестественным существом, принадлежащим как «темному», так и «светлому» полюсу мироздания. Во-вторых, лицо закрывают в скорби. В знаменитой пушкинской «Легенде» («Жил на свете рыцарь бедный...»), которая, как известно, играла огромную роль в креативной рецепции образа рыцаря в Серебряном веке [5], влюбленный в Деву Марию герой «стальной решетки» (т.е. забрала) «с лица не подымал», затворившись в одиночестве и предаваясь *вечной печали*:

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё безмолвный, всё печальный... [6. Т. 3. С. 114].

В-третьих, здесь возникает и мотив *закрытости миру, его радостям* (в реальности же рыцари опускали забрало лишь в бою и, более того, в определенные его моменты, поскольку забрало препятствовало хорошему обзору). Наконец, любопытно, что в русской поэзии Серебряного века возникают разные типы шлемов, которые и аксиологически маркированы по-

разному: так, у Андрея Белого в стихотворении «Перед старой картиной» (1910) темный рыцарь, антагонист лирического героя, наделен «злым клювовидным шлемом». В таких случаях функция маскирования лица, которой наделен шлем с забралом, в большой степени аннигилируется, ибо, если инкогнито рыцаря и не раскрывается вполне, определенной является оценка последнего субъектом речи.

Рассуждая о традиции, надо сказать, что главным рыцарем русской модернистской поэзии был, конечно, А. Блок, чья поэтическая репутация изначально выстраивалась вокруг образа рыцаря Прекрасной Дамы, и вся его дальнейшая сложная эволюция зачастую рассматривалась участниками литературного процесса во главе с Андреем Белым как измена этому высокому идеалу, отход от него (т.е. исходной точкой оставался именно этот устойчивый образ). Ни у какого другого поэта Серебряного века, за исключением, может быть, именно Гумилева [7], нет такого количества воинских метафор, ассоциаций и боевых атрибутов героя (латы, меч, копье, щит, знамя и пр.). Для Блока в ранний период творчества чрезвычайно важно стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...», что прослеживается не только в художественных текстах (см. планировавшееся название первого раздела «Стихов о Прекрасной Даме» «Виденья (Весна 1901 года)» и предполагаемый эпиграф к нему: «Он имел одно виденье, / Непостижное уму» [8. Т. 1. С. 459], стихотворения «Он входил, простой и скудный...», «Вхожу я в темные храмы...» [8. Т. 1. С. 558]), но и в эгодокументах и переписке Блока, прямо отсылающих к пушкинскому стихотворению (это, в частности, его письма Л.Д. Менделеевой от 23 ноября и 26 декабря 1902 г. [9. С. 52, 83]).

Аллюзии были совершенно прозрачны. Так, Вяч. Иванов в рецензии на «Стихи о Прекрасной Даме», опубликованной в № 11 журнала «Весы» за 1904 г., сравнивал лирического героя Блока с пушкинским «рыцарем бедным»; то же делала и З. Гиппиус в рецензии в «Новом пути» (№ 12 за 1904 г.). Позднее В. Брюсов предлагал прочтение книги стихов Блока «Снежная маска» как поэмы о «романе между Рыцарем-Поэтом и Женщиной в снежной маске» [10. С. 236], завершающемся гибелью лирического героя. Название статьи М. Зощенко – «Трагический рыцарь. О поэзии Александра Блока» (1919) – говорит само за себя.

Собственно формула «рыцарь под забралом» неоднократно появляется у Блока. Например, в раннем стихотворении «Над этой осенью – во всем...» (11 августа 1903 г.), где есть, в частности, строки: «Но я вблизи – стою с мечом, / Спустив до времени забрало» [8. Т. 1. С. 159] лирический герой, обращаясь к божественной возлюбленной, клянется в верности «красному зову зари» и «голубому стягу». Интересно, что «спущенное забрало» у Блока означает, по-видимому, открытое лицо (что возможно, поскольку некоторые шлемы имели крепление забрала не сверху, а по бокам), а не, как можно подумать, закрытое. Герой «до времени» смиряет «проклятую отвагу», будучи готовым к бою, но не вступая в него, ибо еще не настало время («Чтоб всё пройти, / Нам нужны силы неземные» [8. Т. 1.

С. 159]). В стихотворении «Тени на стене» (9 января 1907 г.), относящемся ко второму периоду блоковского творчества – периоду «антитезы», образ рыцаря под забралом («Под забралом вашим, рыцарь, / Нежный взор желанных встреч!» [8. Т. 2. С. 165]), во-первых, становится как бы «игрушечным», нереальным, превращаясь в фигуру теневого театра, а во-вторых, иронически «отделяется» от лирического героя:

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

<...>

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

<...>

Эти розаны – мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз... [8. Т. 2. С. 165–166].

Встречается этот образ и в критических и эссеистических произведениях Блока. Например, в очень важной статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (ноябрь 1906 г.): «Искони на Западе искали Елену – недостижимую, совершенную красоту. Отсюда все эти войны и кровавые распри с полуфантастическим врагом; эти фигуры рыцарей с опущенными забралами...» [8. Т. 7. С. 34]; «Неподвижный рыцарь – Запад – всё забыл, заглядевшись из-под забрала на небесные розы» [8. Т. 7. С. 35]. А в первой рецензии Блока (1904) на сборник Брюсова «Urbi et orbi» сказано: «Бьется кто-то в белом с золотом, кто-то сильный с певучим мечом. Но бьется с опущенным забралом, как <...> брат с братом» [8. Т. 7. С. 140]. Здесь, по-видимому, имеет место особенность, отмеченная выше по отношению к стихотворению «Над этой осенью – во всем...»: речь идет именно о том, что лирический герой Брюсова вступает в бой, не скрывая лица.

По-видимому, у Блока возникает такое впечатление потому, что константная тема Брюсова – поединок с Роком. Финал борьбы заранее известен, но поединок должен состояться во что бы то ни стало, причем лирический герой проявляет непокорность Року даже при сознании его необоримой мощи. Именно это гордое осознание лирическим героем Брюсова внутреннего, экзистенциального равенства могучему противнику, вероятно, заставляет Блока «снять» с него забрало, хотя у Брюсова «опущенное» забрало означает именно защищенное лицо. Например, в стихотворении «Равному» (22 марта 1906 г.):

Опусти свое забрало,
Ладь оружие свое:
Это – боя лишь начало... [11. Т. 1. С. 542].

Или в «Единоборстве» (декабрь 1913):

Я жизнь провел, единоборствуя,
С тобою, Черный Рыцарь, Рок.
<...>
Вот выбит меч из рук; расколото
Забрало; я поник во прах... [11. Т. 2. С. 196–197].

Впрочем, в других стихах забрало действительно не скрывает лица лирического героя:

Я не покрыл лица забралом,
Не поднял твердого счита...
<...>
Я звал: «Стрела чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мне предстань во мгле тумана,
La belle dame sans merci!» [11. Т. 1. С. 491].

Фигура «рыцаря под забралом», естественно, оказывается востребована и у собратьев Блока по «эпохе зорь», т.е. у С. Соловьева и А. Белого. У Соловьева, например, в стихотворении «Ричард Львиное Сердце» из книги стихов «Апрель» (1910): «Спустив железное забрало, / Ты взором смеривал врага» [12. С. 39]. В этой же книге содержится цикл «Очарованный рыцарь», где таковым предстает, как и у Блока, лирический герой, который, однако, обрисован довольно неотчетливо. Пятнадцать стихотворений, включенных в цикл, единого сюжета не образуют, хотя читателю и дается понять, что рыцарь, во-первых, таинственно-мистический; во-вторых, что он проходит некий сакральный путь и, в-третьих, что он «очарован» женским персонажем, напоминающим героиню «Снежной маски», причем, как и у Блока, героиня двойится, распадаясь на стихийную и идиллическую ипостаси (см., например, стихотворение «Замок двух принцесс»), подобно самому рыцарю, носящему в себе своего темного двойника-антагониста – «черного монаха», с которым он вступает в поединок, в одноименном стихотворении.

Андрей Белый тоже примеряет на себя образ рыцаря. В его письме Э.К. Метнеру от 19 апреля 1903 г. о кружке «аргонавтов» сказано: «Сияющие латники ходят теперь среди людей <...>. Это рыцари ордена Золотого Руна. Их щит – солнце. Их ослепительное забрало спущено. Когда они его поднимают, “*видящим*” улыбается нежное, грустное лицо, исполненное отваги; невидящие пугаются *круглого черного пятна*, которое, как дыра, зияет на них вместо лица.

Это всё аргонавты. Они полетят к солнцу» [13. Т. 1. С. 245]. Примечателен мотив лица, спрятанного под забралом, – его сияния для тех, кто

способен к мистическим прозрениям, и отсутствия лица для «профанов». Мотив забрала как маски возникает и в переписке Белого с Блоком – см. письмо от 19 августа 1907 г.: «Смотрите на меня, как на человека, который <...> в *последнем счете с Судьбою* не стремится ни к чему иному кроме Правды. Если он <...> запутывается в сложности, “*многоликости*” и “*дву-смысленности*” явлений жизни, если в борьбе с кажущейся ему “*многоли-костью*” надевает подчас разные маски <...> он считает свои маски только забралами опущенных на лицо шлемов, когда враждебные силы заносят меч над тем, что ему дорого» [14. С. 332]. В «Воспоминаниях о Блоке» Андрей Белый говорит о раздоре между собой и Соловьевым, с одной стороны, и Блоком – с другой, так: «...в роковое, тяжелое, революционное лето (1905 г. – В. З.-О.), когда все друг в друге не видели рыцарей, видели – призраков...» [15. С. 256]. Призраки рыцаря и двойники (ср. слова Белого о Блоке: «...нападение двойников друг на друга: один – обнажает меч рыцаря на другого...» [15. С. 433–434]), как и светлый рыцарь, в изобилии появляются в книге Белого «Королевна и рыцари. Сказки» (1919), составленной в основном из стихов 1911–1912 гг. и обозначенной Белым как пробуждение «от бессознательности могилы к живой жизни» [16. С. 7]. Переживая «в 1912-ом году – 1902-ой год» [14. С. 483], Белый наделяет образ рыцаря его былой значительностью:

Рыцарь, в стальной броне, –
Из безвестных,
Безвестных
Далей
Я летел на косматом коне... [16. С. 10–11].

Здесь антагонистом лирического «я» выступает рыцарь темный, не желающий воскресения к жизни новой, чье лицо скрыто «злым клювовидным шлемом». В балладе «Шут» (1911), где королевна является пленницей шута, ее едет спасти-разбудить «рыцарь в забрале»:

Дрожащий
Луч
Играет,
Упав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На
Острие
Меча.

И
Бросило
Забрало
Литое серебро
Косматым
Белым
Дымом
Летящее перо [16. С. 29–30].

Чрезвычайно важен образ рыцаря и в поэзии Эллиса (Л.Л. Кобылинский), еще одного представителя младших символистов и друга Белого. Как пишет А.В. Лавров, «стремление к построению всей жизни под знаком идеала, фанатический духовный максимализм – вот определяющие черты Эллиса» [17. С. 217]. Отсюда – постоянство фигуры рыцаря в его творчестве: рыцарь, хотя и может блуждать на своем пути и нарушать данные обеты, по мысли Эллиса, остается всё же наиболее вероятным претендентом на обретение святости и доступ в Рай. Соответственно, с этой фигурой соотносится лирический герой Эллиса: ведь свои книги он воспринимал как «символическое изображение цельного мистического пути» [18. С. 5], как заявлял он в предисловии к книге стихов «Stigmata» (1911). Примечательно, что воспевание Прекрасной Дамы и провидение божественных черт в земной женщине Эллис считал фатальными духовными заблуждениями, ведущими прямоком в ад, и его рыцарь – это именно рыцарь Марии.

В «Стигматах» стихотворения распределены по трем разделам соответственно частям «Божественной комедии» Данте, и во всех трех появляются рыцари. В «Аде» обликом рыцаря наделяется как сам лирический герой, ищущий Грааля («...вихрем мне пламенный шепот – «Грааль!» // В белого дым превратился коня, / и на руках и ногах у меня / отпечатались стигматы огня!» [18. С. 7]), так и его антагонист – «зла безупречный паладин» [18. С. 8], и Смерть: «с опущенным забралом, с черным стягом, / здесь бродит Смерть неумолимым шагом...» [18. С. 8]. В балладе «Рыцарь Двойной Звезды» выясняется, что Белый и Черный рыцари – двойники (как это уже было у Блока, Белого и С. Соловьева), и их схватка аннигилирует обоих:

Скачет... и видит – навстречу к нему
скачет неведомый рыцарь сквозь тьму.

То же забрало и щит, и копье,
всё в нем знакомо и всё, как свое.

Только зачем он на черном коне,
в черном забрале и в черной броне?

Только зачем же над шлемом врага
вместо сверкающих крыльев рога?

Скачут... дорога тесна и узка,
скачут... и рыцарь узнал двойника.
<...>

Бьются... врагу разрубает он щит,
бьются... и щит его светлый разбит.

Миг... и в сверканье двух разных огней
падают оба на землю с коней... [18. С. 14–15].

В разделе «Чистилище» появляется стихотворение «Черный рыцарь», герой которого пылает «святой» любовью к Небесной Розе. Здесь возника-

ет образ «вечно спущенного» забрала, как у пушкинского «Рыцаря Бедного», и одновременно герой сопоставляется с олицетворенной Смертью – он вместе с жизнью загасил в себе нечистую страсть (примечательно, что в «Чистилище», в отличие от «Ада», у Черного рыцаря над шлемом уже не рога, а крылья, хотя еще и черные):

Пусть вечно спущено железное забрало,
пусть сердца верный жар холодной сталью скрыт!..
В том гаснет жизни свет, кто вырвал страсти жало!..
<...>
Я прихожу, как Смерть, железными шагами,
мне ложа брачного желанней черный гроб..
<...>
Пускай мой черный конь ужасней всех драконов,
над шлемом плавают два черные крыла <...>
Пусть я безмолвнее надгробных изваяний,
Пусть мой звенящий шаг встревожил твой чертог, –
я не зажгу в груди огонь земных лобзаний,
я Крест ношу в груди, я сердце Розой сжег! [18. С. 42].

В стихотворении «Пряха» из этого же раздела героине, томящейся в высоком терему (типичная тема Блока и Белого), является как посланник Рая Белый Рыцарь, но, испытав искушение (возникает параллель с оперой Р. Вагнера «Лоэнгрин»¹), в результате которого рыцарь исчезает, она призывает Смерть как избавление от тоски. В стихотворении «Белый рыцарь» вновь речь ведется от лица героини – по-видимому, той же, что в «Пряхе». Выясняется, что ее зовут Мария, а рыцарь холоден к ней, ибо он рыцарь другой Марии – Мадонны. Вновь лицо его скрыто под забралом, и сам он в результате нанизывания метафор оказывается сопоставлен со Смертью, а с героиней происходит нечто противоположное тому, что произошло с «Рыцарем Бедным» у Пушкина – после своего видения она не способна молиться Деве Марии, которая как бы оказывается ее соперницей:

Страшен мне твой крест железный –
рукоять меча стального,
речь сквозь черное забрало..
<...>
Рыцарь, Рыцарь, будь мне братом!
опусти свой щит тяжелый,
подними свое забрало
и сойди с коня на землю!
<...>
Как-то я порой вечерней

¹ В «Стигматах» появляются и другие героя Вагнера (с прямыми отсылками к его операм): Тангейзер и Парсифаль, представленные как неидеальные рыцари, не сумевшие соответствовать высокому рыцарскому призванию.

под окном одна грустила,
вдруг в окне предстал мне Рыцарь,
чудный рыцарь, Рыцарь Белый.

Трижды он позвал: «Мария!»
и исчез, а я не знала,
то мое ль он назвал имя,
или Деву Пресвятую!
<...>

Я с тех пор, как неживая,
я не плачу пред Мадонной... [18. С. 47–48].

Наконец, в третьем разделе «Рай» появляется воззвание «Братьям-рыцарям», в гимнически-торжественном тоне обещающее победу и рай тем, кто служит Розе и Кресту: «Рыцарю дар – золотая корона / вся из лучей!» [18. С. 66]. В стихотворении «Тамплиер» уверенность лирического героя в своем пути еще укрепляется: «...зову я нового Крестителя / облечь нас новой белизной!» [18. С. 69].

Таким образом, в «Стигматах» образ «рыцаря под забралом» является константным, в большой степени организуя стихотворения в единую книгу с целостным сюжетом испытания и движения из духовного ада к просветлению и, в перспективе, к раю. Эллис вводит образ рыцаря-антагониста (Черного Рыцаря) по отношению к Рыцарю Белому, причем оказывается, что этот Черный Рыцарь есть живущий в душе лирического героя двойник, которого надо преодолеть, исторгнуть из себя на пути к раю. Кроме того, примечателен периодически возникающий в книге образ Смерти как рыцаря, коннотированный положительно: Смерть здесь не антагонист лирического «я», напротив, «Рыцарь Бедный» в некоторых стихах уравнивается, отождествляется со смертью, ибо смерть есть, по Эллису, желаемое состояние, святой приют – ср.: «...я Смерти чувствовал святое дуновение, / и я за горизонт вперил с надеждой взгляд...» [18. С. 62]; «...смерть – к бесконечному счастью возврат...» [18. С. 64]. В книге стихов «Арго» (1913) это тоже так. В стихотворении «Три обета» Мадонна говорит своему рыцарю о смерти как о награде. Ср. также: «Да встретит смерть, как Даму, рыцарь храма...» [18. С. 165]; «<...> и с ликом смертным слитый Лик Мадонны!» [18. С. 196].

Здесь, как и в «Стигматах», образ рыцаря весьма важен, что декларируется уже в предисловии «Арго», где эта книга стихов названа «чаянием будущего возрождения христианского искусства, прихода грядущего во Имя Господне поэта-рыцаря, долгожданного певца во славу Божию, безгрешной песней своей отвергающего Врата Рая!

Не веря иным путям, мы верно ждем Рыцаря Бедного» [18. С. 104].

Отсюда изобилие стихотворений на «рыцарскую» тему («Три обета», «Святой Георгий», «Ричард пред Иерусалимом», «Рыцарь бедный» и др.) и повторное называние себя «рыцарем-поэтом» в «рыцарской поэме» «Мария», где вновь провозглашается ничтожность всего мирского, в том числе

искусства, перед служением Мадонне: «Ни девять муз, ведомых Мусагетом, / ни рокот лирный, ни крылатый конь / не властны впредь над рыцарем-поэтом...» [18. С. 173]. Таким образом, в поэзии Эллиса создается крайне своеобразный и аскетический вариант образа «рыцаря под забралом».

Отдельные явления этой фигуры можно также зафиксировать в творчестве Ю. Верховского (цикл «Милый рыцарь» из книги стихов «Разные стихотворения» 1908 г., с эпиграфом из упоминавшегося стихотворения Блока «Тени на стене»: «Милый рыцарь сказочный, / Ты побудь со мной; / Дай вестей наслушаться / О стране иной. // Не гляди задумчиво, / Подними забрало...» [19. С. 25]); Игоря Северянина (в стихотворении 1909 г. «Полусонет» – в сугубо метафорической конструкции: «Моя тоска меня карала, / И я не пел, и петь не мог, / Но ты сняла с души забрало / И с песни рыцарской – замок» [20. С. 143]); И. Эренбурга, в чьем дебютном сборнике «Стихи» (1910) «рыцарская тема» является довольно значительной. Например, в стихотворении «Я поклялся: над Гробом Господним...» в декадентски-кошунственном контексте «запараллеливаются» лирический герой-рыцарь, тоскующий по своей даме, и Христос:

И на миг приподнявши забрало, подымая к распятию взоры,
Я покорно склоняю колени перед ликом Святого Сеньора.

«Ваши руки на черную землю так устало роняли рубины,
Но ведь это же нежное тело целовали уста Магдалины.

И мне кажется, темною ночью, когда били вас грубые люди,
Вы, на миг оторвавшись от боли, вспоминали про девичьи груди»
[21. С. 97].

То же – в «парном» ему стихотворении «Чуть заметные тени лампады...», сфокусированном на даме:

Он сражался, откинувши смело
Перед вражеским станом забрало.
Вам товарищ принес это тело,
Что вчера еще страстно ласкало.

<...>

Как теперь эти женские руки
Утомленное тело ласкали.
Как теперь на великие муки
Беспощадные гвозди вонзали [21. С. 98].

Как отмечал В. Брюсов в своей рецензии, «пока И. Эренбурга тешат обrazy средневековья, культ католицизма, сочетание религиозности с чувственностью, но эти старые темы он пересказывает изящно и красиво» [11. Т. 6. С. 364]. Таким образом, Брюсов еще в 1911 г. обозначил «рыцарскую» тему как тему «старую», причем в той же рецензии указал на некоторое сходство поэтики Эренбурга и Гумилева. М. Волошин в статье «Позы и

трафареты» (1911) вообще назвал Эренбурга «ослабленным Гумилевым». Сам же Гумилев, видимо, будучи не в восторге от напрашивающихся сопоставлений, в одном из «Писем о русской поэзии» критиковал Эренбурга гораздо строже Брюсова: «И. Эренбург поставил себе ряд интересных задач: выявить лик средневекового рыцаря, только случайно попавшего в нашу обстановку, изобразить католическую влюбленность в Деву Марию, быть утонченным <...>. И ни одной из этих задач не исполнил даже отдаленно, не имея к тому никаких данных» [22. Т. 7. С. 90].

Среди заметных поэтов эпохи образ рыцаря под забралом эксплуатировали также И. Бунин («Без имени», 1906–1911: «Но лик сокрыт – опущено забрало. / Но плащ истлел на ржавленной броне» [23. Т. 1. С. 258]) и М. Кузмин (в написанном в 1910 г. цикле «Осенний май» из книги стихов «Осенние озера», 1912): «Трижды в темный склеп страстей томящих / Ты являлся, вестник меченосный <...> / На лицо опущено забрало, / Ноги пыльны от святых скитаний...» [24. Т. 1. С. 262]; и: «Сердце, не ты ль приплеча угадало? / Медленно светлый приподнял забрало» [24. Т. 1. С. 265]. Создается идеальный, обожествленный образ возлюбленного, весьма напоминающий тот, что прежде возникал в цикле «Вожатый» из книги стихов «Сети». Ср. сходное суждение Н. Богомолова и Дж. Малмстада: «<...> тема “Вожатого” и “Светлого воина” переходит в стихи, посвященные Князеву, из цикла “Вожатый” в “Сетях”. <...> Стоит обратить внимание, что как раз в это время Кузмин готовит труд “Книга о святых воинах” <...> Снова, как и в мистических циклах “Сетей”, реальный человек превращается в божественного вестника и вожатого, освещающего путь поэта к совершенству» [25. С. 204]. Важно, однако, что у Кузмина (как и у Бунина) образ воина под забралом не становится амплуа лирического героя.

Так сказать, особая статья – это обращения к образу «рыцаря под забралом» авторами-женщинами. Логично предположить, что у поэтесс этот образ примеряется не на лирическое «я», а на «ты». Действительно, так происходит в стихотворении М. Лохвицкой «Чары любви» (1895), где светлый рыцарь и, видимо, посланец рая выступает как возлюбленный героини, тоже существа полубожественного, ибо к ней отнесен мотив «чудесного одевания» «светом, солнцем, зарей, облаком или месяцем», традиционно входящий в описание мистического опыта: «Одеваясь светом, человек не только уподобляется Саваофу и Христу, но и получает их силу и власть и облачается небесной славой» [26. С. 262]. Лишь третья встреча завершается воссоединением героев: рыцарь дважды отвергает героиню-«язычницу» и принимает ее любовь, открывает лицо под забралом и уводит с собой только тогда, когда она обретает кротость и полагается на «силу Божию», надевает вериги:

«О, возьми ты меня на коня к себе,
Золоченым щитом ты прикрой меня,
Увези меня в даль недоступную,
В твой чудесный край!»
<...>

И ни слова мне милый не вымолвил,
Он не поднял забрала железного...
<...>
Я узнаю его и средь сумрака!
Сквозь забрало горит блеск очей его...
<...>
Целый год я молилась и плакала,
Разодрала одежды волшебные
И надела вериги тяжелые...
<...>
Наклонился ко мне мой возлюбленный,
Приподнял он забрало железное,
И увидела я лучезарный лик... [27. Т. 1. С. 153–157].

Позже, в 1909 г., «рыцарь под забралом» как возлюбленный появляется в известнейшем стихотворении Черубины де Габриак (Е. Дмитриевой) «Красный плащ»:

Чье блестящее забрало
Промелькнуло там, средь чащ?
В небе вьется красный плащ...
Я лица не увидела [28. С. 4].

Романтизм и мистицизм, характерные для образа «рыцаря под забралом» в русской поэзии модернизма, сохраняются и здесь. Еще более примечательны, однако, два других стихотворения Е. Дмитриевой с упоминанием рыцаря. Первое – «Конец» (1909) – посвящено издателю «Аполлона» С. Маковскому и относится к известной истории «разоблачения» Черубины. Это ироническое стихотворение называет влюбленного в никогда не существовавшую Черубину Маковского, страшно разочарованного настоящим обликом поэтессы, «милым», «храбрым» и «бедным» рыцарем – всё, разумеется, с двойным дном. Причем мотив «открытия лица» переносится с «рыцаря под забралом» на лирическую героиню, и оказывается, что так называемое «разоблачение» никак не помогает «рыцарю» увидеть истинное лицо Дамы:

Храбрый рыцарь! Вы дерзнули
приподнять вуаль мой шпагой...
<...>
Бедный рыцарь! Нет отгадки,
ухожу незримой в дали...
Удержали Вы в перчатке
только край моей вуали [29. С. 464].

В позднем стихотворении Дмитриевой «Ad lectorem», т.е. «К читателю» (ок. 1925 г.), с рыцарем сравнивается не «ты», а само лирическое «я»:

Поэта светлый долг – как рыцаря обет;
Как латы рыцаря, горит служенье наше,

И, подвиг восприяв ценою долгих лет,
Придем мы к вечной Чаше.
<...>
Я Господа зову, идем к Нему со мной!
Наш путь в Господней власти [30. С. 121].

Этому стихотворению как бы «отвечает» прямое высказывание Дмитриевой: «Всякий поэт должен стать крестоносцем» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3; цит. по.: [31]). Таким образом, поэт-женщина присваивает себе мужские прерогативы, вписывает себя в маскулинный миф – причем вдвойне маскулинный, ибо и роль рыцаря, и роль поэта в патриархатной культуре сугубо мужские.

То же делает Е. Кузьмина-Караваева, в стихотворении которой «А на душе всё те же песни...» из книги стихов «Дорога» (1914) «рыцарем под забралом» опять же оказывается лирическая героиня, для которой «земных просторов было мало»:

Избрав мой путь, конец избрала:
Там, где кружат одни орлы,
Я подыму свое забрало
На желтом выступе скалы [32. С. 51].

Речь идет о возвращении души в родную небесную стихию, к Богу, причем особое духовное предназначение лирической героини связано с ее статусом поэта («Со мною – песнь...»). Важно, однако, что ни у Дмитриевой, ни у Кузьминой-Караваевой присвоение «рыцарского» статуса не меняет гендер лирической героини, о чем свидетельствуют и грамматические формы женского рода.

Если подвести некоторые итоги этому обзору, то окажется, что образ «рыцаря под забралом» в русской поэзии первого десятилетия XX в., действительно, был довольно распространенным, а главное, принципиально важным в творчестве некоторых поэтов первого ряда, повлиявших на все развитие русской лирики. Отсылая к средневековой западной культуре, этот образ выступал знаком «нового романтизма» и мистицизма. С ним связывался целый пучок мотивов. Во-первых, это всё, что связано с *темой служения*, в первую очередь Христу (и вообще Богу) и Деве Марии, а в земной проекции – даме. Отсюда мотивы «*обетов*», *верности и искушения*, *святыни*, *розы* (в том числе Мистической Розы), *возвышенной, чистой и/или безнадежной любви*, в том силе к Деве Марии, – любви, которая порой парадоксально переводится в плотский план, создавая кощунственные обертоны. Во-вторых, это *церковная тема* (в том числе церкви как здания) и связанные с ней *образы святых*, вообще католическая *аскеза и мистика*, включая, например, мотив стигматов. К этому присоединяется и образ Христа как рыцаря (воина), а также мотив рая. В-третьих, поскольку образ рыцаря вызывал определенные исторические ассоциации, в том числе с рыцарями, отвоевывавшими Гроб Господень в Палестине, с этим ампула

связывалась тема паломничества и экзотических и опасных путешествий к возвышенной цели (то, что будет потом разрабатываться Гумилевым), вообще тема пути. В-четвертых, поскольку, очевидно, рыцарь – это прежде всего воин, то с ним связывалась воинская тематика и метафорика, *мотив битвы, поединка* и, разумеется, *мотивы смерти и раны*, а также образ врага, который зачастую принимает вид дьявола и темного волшебника. В-пятых, образ рыцаря тянул за собой длинный ряд *литературных и культурных ассоциаций* (Рыцари Круглого Стола, рыцари Грааля, Лоэнгрин, Тангейзер, Парсифаль, Дон Кихот, Танкред, Роланд и пр.), включая исторические фигуры (прежде всего, это Ричард Львиное Сердце) и поэтов прошлого, писавших о рыцарях, в первую очередь Торквато Тассо. В-шестых, с мотивом врага и образом дьявола, преследующего и искушающего рыцаря, связывается *фигура темного двойника* (см., например, у Белого, С. Соловьева, Эллиса), особенно в связи с мотивом лица, скрытого забралом, за которым может оказаться кто угодно – от Христа до Дьявола, от реального человека до призрака, мертвеца, божественного существа, и как мужчина, так и женщина. Наконец, в связи с пониманием рыцарства как служения оно отождествляется с *поэтическим призванием* (поэзия как высокое служение, имеющее божественный, небесный источник).

В основном эта культурная нагрузка образа «рыцаря под забралом» уже существовала в русской поэзии к тому моменту, как Н. Гумилев вступил на свой литературный путь. В его ранней лирике эта фигура появляется довольно часто, а дальше постепенно отходит на задний план, вполне так и не исчезая. В стихотворениях балладного типа, где образ рыцаря отделен от лирического субъекта, Гумилев до середины 1910 г. разрабатывает его довольно традиционно. Так, во «Влюбленной в дьявола» «бледный и красивый рыцарь» на вороном коне оказывается дьяволом, но это «оборотничество» имеет многие параллели – например, у А. Белого и Эллиса, в поэзии которых встречаются темные (черные) рыцари явно демонического склада. «Он поклялся в строгом храме...» (1909) травестирует ситуацию стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», причем воспроизводится и грубовато-иронический строй последних двух строф; сама же ситуация «рыцарь и Мадонна», как и образ нарушившего обеты рыцаря, безусловно, очень частотны. Другого нарушившего обеты рыцаря встречаем в стихотворении «Анна Комнена» (1908): герой предает долг ради страсти, но смерть встречает стоически (что напоминает сюжет о Клеопатре в «Египетских ночах» Пушкина): «И долго он будет ласкать эти груди / И взором ловить ускользящий взор, / А утром, спокойный, красивый и стройный, / Он голову склонит под меткий топор» [22. Т. 1. С. 180].

В стихотворении «Поединок» (1909), где, несмотря на балладный сюжет, речь ведется от лица лирического героя, вновь появляется рыцарь темный, демонический (особенно в двух ранних редакциях – см. «ночь», «задыхаюсь в муке черной», «багряные цветы» его герба [22. Т. 1. С. 314–315]), который и влеком к светлому началу, представленному здесь девой-воином («день», «побеждает красота», светлый плащ и белые лилии в гер-

бе), и борется с ним, причем ожидаемо проигрывает. А в стихотворении «Я откинул докучную маску...» (1906) лирический герой соотносит себя с нарушившим обеты рыцарем Грааля, тщетно пытающимся «вновь обрести чистоту». Замечательно стихотворение «Одержимый» (1908), где возникает мотив «вечного возвращения» и лирический герой будто вновь и вновь переживает гибель от рук таинственного, темного врага, «привыкшего к сумрачным победам», – но сохраняется и вероятность того, что эта страшная борьба разворачивается лишь в его сознании:

Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И, как всегда, о *coup de grâce*
Я возоплю пред неизвестным.
<...>
И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: «Вот странный паладин
С душой, измученной нездешним» [22. Т. 1. С. 178–179].

Но всё же у раннего Гумилева образ рыцаря, примеряемый на себя лирическим «я», редко бывает «чистым» – как правило, в нем *синкретически сливаются ипостаси воина и открывателя новых земель, завоевателя (конкистадора)*. Собственно, в этом и заключается своеобразие разработки Гумилевым образа рыцаря. В стихотворении «Рыцарь с цепью» (1908) эта особенность проговорена прямо – ведь именование «рыцарь» остается только в заголовке, а в самом тексте лирический герой называет себя конкистадором:

Слышу гул и завыванье призывающих рогов,
И я снова конкистадор, покоритель городов.

Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену
И забыл, неблагодарный, про могучую весну.
<...>
И чтоб помнить каждый подвиг, – и возвышенность, и степь,
Я к серебряному шлему прикую стальную цепь
[22. Т. 1. С. 182].

Собственно, даже в очень раннем стихотворении «Я конкистадор в панцире железном...» из дебютного сборника «Путь конкистадоров» (1905) создается именно образ рыцаря, о чем свидетельствует не столько «железный панцирь», сколько мотивы звезды и «голубой лилеи», отсылающие к Деве Марии и к романтическому символу «голубого цветка», к которому стремился, например, рыцарь у Новалиса – Генрих фон Офтердинген:

Я пропасть и бурям вечный брат,
Но я в плету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую [22. Т. 1. С. 287].

Наконец, совершенно отчетливо параллель между рыцарем и открывателем новых земель проведена в стихотворении «Вы все, паладины Зеленого Храма...» (1909), где начальная метафора раскрывается именами великих мореходов: «Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама, / Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!» [22. Т. 1. С. 236]. В стихотворении «В пути» (1909) сливаются образы рыцаря-драконоборца и морехода, причем финальная точка путешествия обозначается как «неотцветающий сад», что, разумеется, наводит на мысль о рае.

В лирике второго периода творчества Гумилева, т.е. примерно с середины 1910 до весны 1913 г., образ рыцаря уходит далеко на задний план и трактуется преимущественно как отголосок далекого прошлого. Таково стихотворение «Родос» (1913), где воспоминание о рыцарях-госпитальерах сопровождается элегическим отзвуком в финале (наподобие «Но где же прошлогодний снег?» в переведенной Гумилевым балладе Ф. Вийона «О дамах былых времен»), а лирический субъект представлен как один из этих ушедших навсегда рыцарей:

Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.
<...>
Наше бремя – тяжелое бремя:
Труд злоеший дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.
<...>
Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие – где?» [22. Т. 2. С. 102–103].

То же самое – в знаменитом стихотворении «Я вежлив с жизнью современной...» (1913), где лирический герой фиксирует свое расхождение с современностью, а одним из образов великого прошлого предстает рыцарь (хотя и напрямую не названный, но угадываемый благодаря соседству словосочетаний «победа, слава, подвиг» и «голос Господа в пустыне»):

Я вежлив с жизнью современной,
Но между нами есть преграда,
Всё, что смешит ее, надменную, –
Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг – бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне... [22. Т. 2. С. 132].

Образ рыцаря смещается в пространство прошлого и даже сна, но одновременно чем дальше, тем больше он вновь будет обретать у Гумилева плотность и постоянство. Это видно при сравнении двух стихотворений, повторяющих одну формулу – «воин и поэт». В стихотворении «Сон» (1911), построенном в диалогической форме, Отелло описывается как «достойный» одного из собеседников, ибо

<...> он воин
и поэт.¹ –

О какой же пел он ныне
Неоткрытой красоте?
– О пустыне
И мечте [22. Т. 2. С. 53].

При этом происходит своего рода «снижение», характерное для этого периода творчества Гумилева, ибо финал стихотворения фиксирует трезвый, неромантический взгляд на мир:

И вы слушали влюбленно,
Нежной грусти не тая?
– Дездемона,
Но не я [22. Т. 2. С. 53].

В позднем стихотворении «Ты пожалела, ты простила...» (1918) формула «воин и поэт» прилагается уже не к литературному персонажу, а собственно к лирическому герою, причем в контексте, иронически ассоциируемом с рыцарским поединком:

Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, что был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть имения.

Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту... [22. Т. 3. С. 187].

Эта двойная формула становится, таким образом, самоидентификацией лирического героя Гумилева. При этом понятие «воин», несомненно, шире, чем «рыцарь», – однако, как мы постарались показать выше, для Гумилева характерна (особенно в стихотворениях, где названное амплуа приписано самому лирическому герою) амплификация этой лирической маски. Собственно же образ рыцаря в поздней лирике Гумилева скорее фигура, от

¹ Примечательно, что слов «и поэт» в черновике нет; соответственно, их добавление имело особый смысл для Гумилева.

которой он отталкивается, поскольку на первый план выдвигаются черты аскетизма, оторванности от живой жизни, «картинности». Так, в стихотворении «Я и вы» (1917) лирическое «я» противопоставляет себя романтически-жеманной героине, акцентируя в себе черты «дикарства», «природности», «нецивилизованности», активности – и потому настоящей, незаемной, «до дна» проживаемой жизни, а одним из образов искусственности и пассивности становится рыцарь:

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет... [22. Т. 3. С. 145].

В стихотворении «Рыцарь Счастья» (1917), как в «Я и вы», утверждает величие мира и жизни, однако лирический герой здесь назван «рыцарем», причем полемически по отношению к Дон Кихоту как Рыцарю Печального Образа и блоковскому Бертрану как Рыцарю-Несчастье, – «рыцарем Счастья»:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен...
<...>
Пусть он придет! я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово.

А если все-таки он не поймет,
Мою прекрасную не примет веру
И будет жаловаться в свой черед
На мировую скорбь, на боль – к барьеру!

[22. Т. 3. С. 128].

Отметим, что в образе этого рыцаря типичным для Гумилева образом сливаются черты рыцаря как такового, морехода и поэта («побеждать / Моря <...> врагов и слово»). Кстати, антагонистом рыцаря Счастья являются не только Рыцарь-Несчастье и Рыцарь Печального Образа – и вообще все печальные и аскетичные рыцари мировой литературы, но и Рыцарь

Невзгоды из собственного стихотворения Гумилева «Конквистадор» (1915), где за этой метафорой скрывается Дьявол:

«До области ада
Извели даль мы.

Вот странные воды,
Где смертный не плавал,
Где, Рыцарь Невзгоды,
Скитаются Дьявол...» [22. Т. 3. С. 89].

Это вполне соответствует традиции (см. приведенные выше примеры рыцаря-Дьявола) – как и изображение смерти в виде рыцаря в стихотворении «Старая дева» (1915), где заглавная героиня, тоскующая по романтике, воображает: «Смерть прискачет на коне, / Словно рыцарь, с розой алой / На чешуйчатой броне» [22. Т. 3. С. 88].

В общем, в креативной рецепции Гумилевым образа рыцаря можно выделить следующие вехи. В ранний период его творчества, отмеченный сугубым (нео)романтизмом, этот образ сравнительно часто появлялся в его лирике. Наряду с воспроизведением традиции и ее топосов в некоторых стихах Гумилев также осуществил «перекодировку» образа, воспользовавшись его ассоциациями с паломничеством в дальние страны, экзотическими и опасными морскими путешествиями к возвышенной цели, мотивом завоевания и связав его с образами морехода, конквистадора, воина вообще. В следующий период творчества, когда, покончив с ученичеством (у Брюсова), «молодой поэт выступает уже как вполне самостоятельная литературная фигура» [33. С. 400], романтический образ рыцаря почти исчезает из его лирики и трактуется как глубоко не современный, как не более чем элегическое воспоминание, но одновременно возникает важнейшая для Гумилева самохарактеристика «воин и поэт». В более поздней лирике, когда Гумилев становится главой акмеистической школы, образ рыцаря более частотен, чем во второй период, и синтетичен, как в период первый. Теперь рыцарь у Гумилева теряет свои первоначальные ассоциации, с одной стороны, с обетами и их нарушением, с поисками «чистоты», а с другой – с темным полюсом мира. Он полемически – и в акмеистском духе «мужественно-твердо» – именуется «рыцарем Счастья», отстаивающим красоту земной жизни. Кроме того, закрепляется появляющаяся во второй период характеристика «воин и поэт».

Последнее происходит и в рецепции творчества Гумилева, в восприятии его поэтической и человеческой личности. Так, В. Ходасевич писал: «Здесь в эмиграции мне несколько раз доводилось читать и слышать о Гумилеве безвкусное слово “рыцарь-поэт”» [34. С. 300]. Ходасевич фиксирует сложившуюся репутацию Гумилева, причем устойчивая характеристика «рыцарь-поэт» прилагалась, как мы показали выше, и к Блоку. Это немало важно, учитывая литературное соперничество двух поэтов, обострившееся с рождением акмеизма. В диссертации о Гумилеве Н.А. Оцуп писал, объ-

ясняя их расхождения: «Блок олицетворял уходящую эпоху. Гумилев открывал следующую. <...> Оба – рыцари Средневековья, оба – национальные поэты» [35. С. 173]. Таким образом, примеряя на себя маску «рыцаря под забралом», Гумилев одновременно покушался на литературные позиции Блока.

Более того, осторожно предположим, что Гумилев, «отвоевывая» себе этот образ, довольно ревниво относился к попыткам других поэтов его эксплуатировать. Его отзывы на стихи Эренбурга (уничтожающий) и Лёвберг (доброжелательный, но именно в этом пункте строгий) уже приведены выше. Но вот, например, критический отзыв о стихотворениях Эллы, напечатанных в «Весах»: «Он не думает словами и образами, как это делают поэты, он размышляет, как теоретик <...>. И стигматы, и тернии – здесь отвлеченные, и символизм превращается в аллегоризм, так как идет не от реального к потустороннему, а наоборот. Брюсов, тот, когда хочет облечься в панцирь, надевает и маску рыцаря. <...> Темы его стихов интересны, переживания глубоки, но, чтобы справиться с ними, нужен большой талант, а у г. Эллы его нет» [22. Т. 7. С. 43–44]. Еще хуже – о стихах А. Сидорова, напечатанных в антологии «Мусагета» (1911): «Скучный рыцарь из Нивских иллюстраций – у Алексея Сидорова, такая же скучная принцесса; стих вял...» [22. Т. 7. С. 97]. (Сидоров представлен в антологии стихотворением «Рыцарь с лебедем» по мотивам оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин»; другие рыцари – «Рыцари Св. Грааля» и «Странствующий рыцарь» – появляются в сборнике, выпущенном им в 1910 г. совместно с поэтом Дм. Ремом [36].). Исключение Гумилев делает для А. Белого, хваля его стихотворение «Перед старой картиной» [22. Т. 7. С. 96], цитировавшееся выше, М. Кузмина («В цикле М. Кузмина “Осенний май” есть прекрасные, классически-безупречные стихотворения...» [22. Т. 7. С. 96]) и, само собой, для своего учителя Брюсова, а также отчасти для Блока, признавая его дарование, но при этом критикуя «Розу и Крест», как и центральный образ рыцаря Бертрама [22. Т. 7. С. 206–207]. Примечательно, что Брюсов с самого начала ощутил «присвоение» Гумилевым рыцарской маски – недаром в рецензии на «Жемчуга» он упоминает ее несколько раз [10. С. 319].

Отсюда же, из этого личного отношения к образу рыцаря, видимо, простекала критика Гумилевым лирики М.Е. Лёвберг (хотя в целом его критические оценки довольно объективны, несмотря на личные симпатии и антипатии). Как мы показали выше, в женской поэзии лирическая маска рыцаря по естественным причинам была гораздо менее «штампом», чем в мужской. Даже у тех поэтесс, у которых она появляется, она довольно редка и в основном соотносится с отождествлением «рыцарь – поэт», очевидно унаследованным от Блока и Гумилева. Иначе дела обстоят у Лёвберг, которая к тому же постоянно использует в своих стихах маскулинную лирическую маску: ее лирический субъект всегда говорит о себе в мужском роде, независимо от того, «рыцарь» это или нет. Маскулинность субъекта женской поэзии после З.Н. Гиппиус и П.С. Соловьевой (Allegro) сама уже становилась довольно распространенным явлением. Однако даже у Гип-

пиус стихи, написанные явно от мужского лица, не составляют большинства, у других же поэтесс они еще более редки. Исключительность Лёвберг на этом фоне состоит в том, что «мужская» маска у нее постоянна и что она приобретает качество «рыцарской» очень часто, причем не только в ранней лирике, но и в поздней.

Из всего мотивно-тематического комплекса, связанного с образом рыцаря, для Лёвберг привлекателен прежде всего мотив странничества (ср. «странствующий рыцарь»), связывающий рыцарскую маску с другими лирическими «я» ее книги «Лукавый странник» и заданный в первом же стихотворении «Из детских лет», где лирическое «я» повествует о своем странствии во «сне наяву» и встрече с существами иного мира. Помимо *мотива странствия* сразу же возникают *мотивы мечты и двоемирия* и диалектически данные ощущения «грусти» (меланхолии) и «лукавства», которые пронизывают всю книгу. В начале книги «иной мир» связывается со сферой легенд и смутных романтических мечтаний, а в конце приобретает отчетливо христианские обертоны (что не спасает лирического субъекта от сомнений). Первое «рыцарское» стихотворение книги – «Поединок»:

Но, может быть, ты все-таки устала,
Моя непобежденная Тоска?
Взгляни: бегут по небу облака,
И в час заката солнце запыхало.

Я пред тобой не опущу забрала.
Мой взгляд упрям. Еще тверда рука.
А ты, наверное, пришла издалека,
Тяжелое накинув покрывало.

Ты в темноте нашла мое крыльцо,
Но перед тем, как продолжать сраженье,
Мой грустный враг, открой свое лицо.

Так это ты? Так значит, поражение?
Моя Тоска, смотри, бросаю сам
Мой покоренный меч к твоим ногам! [37. С. 9].

Поскольку тон всей книге «Лукавый странник» задает эпиграф из стихотворения И. Анненского «Свечку внесли» с принципиальными для него ощущениями двоемирия, с одной стороны, и меланхолии – с другой, совершенно неудивительно, что и персонифицированная Тоска приходит из поэзии Анненского. Среди многочисленных вариантов Тоски («Тоска возврата», «Тоска мимолетности», «Тоска припоминания», «Тоска маятника» и мн. др.) особенно примечательна «Моя тоска» (публ. 1910 г.), которая считается последним стихотворением автора. Лёвберг переосмысляет стихотворение Анненского: если у него Тоска «всегда веселая», то у Лёвберг – «грустная»; у него Тоска получает демонический отсвет (она «безлюбая», «порочная», лицемерная, неразрывно связана с болезнью и смертью), тогда

как Лёвберг, помещая Тоску в ситуацию благородного рыцарского поединка, превращает ее из переживания смертного ужаса в неясное томление по чему-то высшему, столь характерное для «Лукавого странника» вообще. Стихотворение строится на антитезе открытого забрала лирического «я» и «тяжелого покрывала», накинутого на его противника – Тоску, ее скрытого лица, которое лирический субъект просит открыть. Именно окончательное узнавание предчувствуемой изначально Тоски и становится причиной сдачи лирического субъекта. Очевидны символический подтекст этого стихотворения и повышенная мера условности как самого рыцаря, так и его антагониста. При этом антагонистом рыцаря в традиции зачастую была Смерть, а меланхолия, закрытость земным радостям выступала константной чертой рыцаря, но Лёвберг сильно меняет акценты, делая противником лирического «я» Тоску как таковую.

Мотив борьбы с тоской, или, точнее, бегства от нее трактуется и в стихотворении «Зеленый цвет – надежда (Примета)», где лирическое «я» вновь предстает как рыцарь, причем здесь «дерзновенный» герой отказывается от помощи Бога в погоне за счастьем:

Но не надо помощи Бога!
Я, дерзновенный рыцарь,
Сам найду дорогу
К синей, не зеленой птице.

Что делать! Мечтами иными
Беспокойное сердце не согрето.
Мне, как императору Рима,
Изумруд послужит лорнетом.

Синяя птица – и зеленый камень.
Мне ль не встретить по дороге чуда?
Хотя бы в насмешливом обмане
Изумруда? [37. С. 11–12].

Рыцарь, алчущий чуда и мечты, убеждает себя в возможности их обретения, хотя эта надежда самим лирическим субъектом, по сути, ощущается как иллюзорная. Принципиальнейшим остается мотив странствия, но возникают и образ Бога, и *мотив чуда*, который при этом решается довольно своеобразно.

В стихотворении «Средо» образ рыцаря – в соответствии с существовавшей традицией – проецируется на Дон Кихота (чей образ у Лёвберг пропущен, по-видимому, через поэзию Ф. Сологуба), т.е. фигуру отчасти комическую: иной, высший, полный чудес мир, столь чаемый лирическим субъектом, одновременно осознается им как греза, «обман»:

В руках моих старый роман.
Словно латы, тверды страницы,
Словно правда, ясен обман.
За него хочу я сразиться!

Не боится неведомых стран,
Колдунов и кровавых ран
Чудесам отдавшийся рыцарь.

<...>

Я рыцарь Печального образа:
Дульциней зовут мою Даму!
Радуги яркие полосы
Не доходят до темного храма,
Но открыло небесное пламя
Мне веление Божьего голоса [37. С. 13–14].

Добавим, что лирический субъект опознается одновременно и как Дон Кихот, читающий рыцарские романы, и как современный человек, читающий сервантесовского «Дон Кихота» и сологубовские вариации на тему. Неустраняемая двойственность, характерная для всей книги Лёвберг, пронизывает и этот текст. Но в этом стихотворении звучит новая степень уверенности лирического субъекта в избранном пути, а также ассоциация высшего мира, прежде неопределенно-смутного, с Божьим велением. При этом рыцарская тема остается тесно сплавленной с *мотивом иллюзии, обмана*.

В стихотворении «Я снова думал до зари...» возникают мотивы сражения и Грааля, причем в этом тексте движение мотивов выводит на первый план уже намеченную в «Credo» решимость, заступающую место прежнего «мечтанья»:

Я снова думал до зари
О гордой радости сраженья.
В Неву, как вызов, фонари
Свои бросали отраженья.

Сменилась вахта на судах,
В неясной мгле дремали зданья...
Но не было в моих слезах
Напрасной сладости мечтанья.

А неба золотистый край
Уже сиял зарею новой,
Благословляя мой Грааль,
Победоносный и суровый [37. С. 15].

Но второй раздел книги выступает как фаза антитезы, поскольку высший мир вновь снижен, сведен до предельно искусственного и потому хрупкого мирка, которому противопоставлено любое самоуглубление, его разрушающее. Пространственная замкнутость, добровольная изолированность призваны создать уютный и изящный мир грез, где лирический субъект пытается найти избавление от тоски и томления. В стихотворении «Сонет» рыцарь служит уже не только Богу, но и даме, причем даме

«невинно-злой, безумной и красивой», которая хочет быть похожа на Мэрион Леско:

Но если Вы согласны, дорогая,
Вот так, любовью и мечтой играя,
Мою тоску несносную простить, –

Я на коленях, словно перед чудом,
Всем Вашим добрым и дурным причудам
Готов безропотно и радостно служить [37. С. 20].

Согласно диалектическому принципу всей книги в стихотворении «Диалог» лирическое «я» вроде бы от роли рыцаря отказывается – но на самом деле речь идет об отказе быть рыцарем дамы, чье предельно искусственное мироощущение, оставляющее от роли рыцаря (как и от роли паж) только красивую условность, как бы компрометирует и суть рыцарского служения, и стоящую за ним онтологию сакрального:

«Вам не нравится,
Что я крашу пасхальные яйца,
Запачкал зеленым манжеты?»

– Рыцари знают сами,
Что нравится Даме.

«Я знаю, Дама любит сонеты...
Но ведь я не рыцарь Ваш,
Только паж».

– Настоящий паж из сказки
Никогда не красит яйца
Перед Пасхой.

То была Страстная пятница [37. С. 23].

В изящнейшем «Вечернем рондо» продолжается тема поединка: лирический субъект и его противник (и одновременно, видимо, объект любви) ведут метафорическое сражение:

Меж темных скал, где палевые тени
Неведомых и жутких привидений
Плетут для странника томительный рассказ,
Вдвоем с тобой, оружием четких фраз,
Мы на закате начали сраженье.

Веселый яд полузакрытых глаз;
Внезапной мрачности лукавое волнение...
Но кто сумеет вспомнить о смиреньи
Меж темных скал?
На западе последний луч угас:

То землю сонную тоскующий Атлас
Низвел к последней, сумрачной ступени.
И, наслаждением сменяя наслажденье,
Задумчивыми ночь застала нас
Меж темных скал [37. С. 29–30].

Как и в стихотворении «Поединок», здесь тоже бой идет на закате. Вновь речь идет о поединке символическом – примечательно, что в данном случае это словесный турнир. То есть сближаются *темы рыцарства и слова, поэзии*. Противник лирического «я» уже не Тоска и не другая аллегорическая фигура, а по-видимому, возлюбленная – во всяком случае, на эту мысль наводит строка «наслаждением сменяя наслажденье»: по всей вероятности речь идет о наслаждении боем, наслаждении поэзией и наслаждении любовью. Отметим, наконец, и постоянную для этой книги диалектику «лукавства» и «тоски», а также цепь оксюморонов: «веселый яд», «внезапной мрачности лукавое волненье».

В последнем стихотворении раздела, «Средневековом сонете», лирический субъект дает «обет во имя Бога», но что это за обет? С одной стороны, здесь явно возникают рыцарские ассоциации (например, образ «серебряных лат»), с другой – создается впечатление, что рыцарство оставляется в прошлом, а герой принимает на себя чисто монашеские клятвы. Это толкование тем более логично, что в первых строках возникают явные отзвуки новозаветной притчи о званых на пир (Мф 22: 1–14 и Лк 14: 16–24), т.е. о тех, кто откликается на Божий призыв:

Скорей, гонец! Я зван к нему на пир.
Мечтою давней сердце он измучил,
Но для веселия сегодня мрачны тучи,
И под грозой сияет мой сапфир.

Старинных рыцарей увижу я турнир,
Услышу мессы старые созвучья.
О, Боже мой! И рядом – всемогущий,
Еще не свергнутый языческий кумир.

Скорей, гонец! От клятвы нет возврата.
Пушай во мгле серебряные латы
Молчат. Темны латинские леса.

Но к невозможной встрече есть дорога,
Раз надо мною грозны небеса,
И дан обет, обет во имя Бога [37. С. 31].

Предположение об оставлении роли рыцаря ради иного пути к Богу находит подкрепление в том, что третий раздел «Лукавого странника», «В ограде» (подразумевается, видимо, «ограда церкви», поскольку все стихотворения этого раздела так или иначе имеют отношение к церкви и ве-

ре), вообще не содержит стихотворений с маской рыцаря. При этом пребывание в ограде церкви не излечивает от тоски и мечты. Завершает раздел и всю книгу стихотворение «Чуждых образов проходит вереница...» (положительно отмеченное Гумилевым), где лирический субъект отрекается от жизни и, видимо, от искусства ради служения Богу, но в конечном счете не уверен в своем выборе и его полноте:

И в последний раз, с тоской тревожной,
Я смотрю на запертую дверь.
Я совсем один. Совсем свободен. Боже,
Ведь я Твой теперь? [37. С. 43].

Этот тревожный финальный возглас как бы воспроизводит диалектику всей книги стихов. Подведение итогов оказывается невозможным, а сюжет, прошедший фазу тезиса и антитезиса, не получает итогового синтеза. Принципиальная характеристика всей книги стихов и ее лирического субъекта – это неполнота и неокончателность любого воплощения и любого пути, диалектические их взаимопревращения, двойственность или, точнее, многогранность любой эмоции. При этом из всех вариаций образа лирического субъекта наиболее частотным и отчетливым является всё же образ рыцаря, который возникает и в других – не вошедших в сборник – поэтических текстах Лёвберг. Отметим, например, стихотворение «Нам не раскрыть заветной лжи...» (1915), где возникают мотивы «победного знамени» и, опять же, данного героем «дерзającego обета» [38. С. 29]. Или стихотворение, вошедшее в альманах молодой поэзии «Свирель»:

Ты помнишь, мы вместе играли
С тобою в Священный Грааль.

Там к нам подошли сарацины,
Жители вражеских стран... [39. С. 4].

Наконец, очень показательным наиболее позднее из известных нам стихотворений Лёвберг «Монолог» (ок. 1928 г.). Здесь поэт с ролью рыцаря вроде бы прощается – но одновременно и с ролью поэта: эти два призвания для нее теснейшим образом связаны:

<...> Не рыцарь я, и латы
Мне не пристали. Стихотворный бред
Меня влечет лишь рифмою крылатой;
В душе я, видите ли, вовсе не поэт.
<...>
Вся жизнь моя – короткий диалог.
Я и Оно. Я голос. То молчанье,
Чье имя хаос, космос или бог.

Я и Оно. Нет между нами грани
И враг врага не может превозмочь.

В такую вот неистовую ночь,
Когда природа корчится от боли,
В кружение пространств и лет
Я с тетивы неугомонной воли
Стрелу пускаю...¹

Принципиально, что текст заканчивается именно так – воинским, рыцарским поступком, вопреки внешнему отказу от роли рыцаря. А само это автоматарефлексивное стихотворение становится утверждением статуса поэта – опять же вопреки сделанной декларации. То есть роль рыцаря сопровождает поэзию Лёвберг от ранних стихотворений до поздних – даже несмотря на попытки отказа от нее. Более того, *роли рыцаря и поэта* у нее *тождественны*: одно не существует без другого.

Таким образом, в поэзии Марии Лёвберг образ рыцаря оказывается важным и частотным, как ни у кого из известных нам поэтов-женщин Серебряного века. В этом отношении она может сравниться разве только с Блоком (который был ее любимым поэтом), Гумилевым (который в течение недолго времени, а именно осени – зимы 1915–1916 гг., был ее возлюбленным), да еще, пожалуй, с Эллисом, у которого эта маска тоже константна. Другая принципиальная особенность ее лирики состоит в константной маскулинной маске; ампула рыцаря же, само собой, архимаскулинно. Литературная «игра» Лёвберг очень последовательна: она не только не отступает от мужской маски в огромном большинстве напечатанных стихотворений, но и создает образ Дамы, возлюбленной своего лирического героя (при том что у этого образа, по-видимому, нет биографического подтекста и нет оснований подозревать у Лёвберг лесбийские наклонности, как, например, у П. Соловьевой). Но что характерно, образ рыцаря у Лёвберг балансирует между предельной метафоричностью (его антагонисты почти всегда либо аллегории чувств, либо книжные персонажи, либо объект любви, либо само мироздание) и очень личной и очень серьезной нотой, как свидетельствует, в частности, стихотворение «Монолог». Как у Е. Дмитриевой и Е. Кузьминой-Караваевой (которые в этом следовали, очевидно, за Блоком), рыцарь и поэт у нее сближены; как у символистов, образ рыцаря связан у нее с поиском высшего мира, как у Гумилева – с мотивом странствия, но и высший мир и странствие всё же понимаются у Лёвберг крайне своеобразно благодаря свойственным ее поэзии постоянным колебаниям между противоположными полюсами, оксюморонам, переходам от тоски к лукавству, от уверенности в обретении некой истины к очередной фазе сомнений, от аскезы – к наслаждению радостями жизни, от поисков Бога – до сказки в «узорах рококо». Пользуясь рядом «модернистических клише», Лёвберг создает свой, ни на кого не похожий образ рыцаря – изящного, лукаво-меланхоличного, полного то сомнениями, то порывом к чуду.

¹ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-п-44-7-9.

Итак, лирическая маска «рыцаря под забралом» к 1915 г. была весьма распространена в русской поэзии – хотя и существенно в меньшей степени, чем маска рыцаря вообще и образ рыцаря, понятый не в качестве лирического субъекта, а как объект репрезентации. При этом она допускала удивительное разнообразие интерпретаций, видимо недооцененное Н. Гумилевым. Самое же интересное, что благодаря выстраиванию ассоциации «рыцарь – (истинный) поэт» эта маска оказалась востребована и поэтами-женщинами, стремившимися войти в андроцентричный дискурс модернизма на равных правах с мужчинами.

Список источников

1. Гумилев Н. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1915. № 10. С. 47–53.
2. Зусева-Озкан В.Б. Пьеса М.Е. Лёвберг «Дантон» в восприятии А.А. Блока // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 115–130.
3. Зусева-Озкан В.Б. Драма «Жанна д'Арк» в контексте творчества М.Е. Лёвберг // Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М., 2021. С. 564–583.
4. Зусева-Озкан В.Б. Маскулинное лирическое «я» в поэзии Марии Евгеньевны Лёвберг // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 73–90.
5. Спроге Л.В. Мотив «Рыцаря Бедного» в поэзии символистов: (Организация художественного единства книги стихов Эллиса «Арго») // Пушкин и русская литература: сборник научных трудов. Рига, 1986. С. 102–109.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л., 1977–1979.
7. Шелогурова Г.Н. Реликты рыцарского идеала в русской поэзии кризисной эпохи. А. Блок и Н. Гумилев // Вопросы литературы. 2011. №6. С. 205–228.
8. Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1997– .
9. А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок: Переписка: 1901–1917. М., 2017. 717 с.
10. Брюсов В.Я. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990. 714 с.
11. Брюсов В.Я. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1973–1975.
12. Соловьев С.М. Апрель: Вторая книга стихов. 1906–1909. М., 1910. 173 с.
13. Андрей Белый и Эмилий Метнер: Переписка: 1902–1915: в 2 т. М., 2017.
14. Андрей Белый и Александр Блок: Переписка: 1903–1919. М., 2001. 606 с.
15. Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. М., 1995. 509 с.
16. Белый Андрей. Королева и рыцари: Сказки. Пб., 1919. 64 с.
17. Лавров А.В. Брюсов и Эллис // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 217–236.
18. Эллис. Стихотворения. Томск, 2000. 287 с.
19. Верховский Ю.Н. Разные стихотворения. М., 1908. 116 с.
20. Северянин Игорь. Громокопый кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М., 2004. 870 с.
21. Эренбург И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. 816 с.
22. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М., 1998– .
23. Бунин И.А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1987.
24. Кузмин М.А. Собрание стихов : в 3 т. München, 1977.
25. Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин. М., 2013. 395 с.
26. Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005. 478 с.
27. Лохвицкая (Жибер) М.А. Стихотворения : в 2 т. СПб., 1900.
28. Стихи Черубины де Габриак, орнаментированные Е.Е. Лансере // Аполлон. 1910. № 10. С. 3–14.

29. *Sub rosa*: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак. М., 1999. 764 с.
30. Новые материалы о Черубине де Габриак // Гумилевские чтения. Wien, 1984. С. 104–123.
31. Нешумова Т. Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов // Toronto Slavic Quarterly. 2007. № 20. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/20/neshumova20.shtml>
32. Кузьмина-Караваева Е.Ю. Равнина русская: стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб., 2001. 817 с.
33. Тименчик Р.Д., Щербаков Р.Л. Переписка с Н.С. Гумилевым (1906–1920) // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 400–411.
34. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж ; Нью-Йорк ; Дюссельдорф, 1989. 316 с.
35. Оцун Н.А. Николай Гумилев: Жизнь и творчество. СПб., 1995. 199 с.
36. Рем Д., Сидоров А. Тога Praetexta: Стихи 1909 года. М., 1910. 64 с.
37. Лёвберг М.Е. Лукавый странник: Стихи. Пг., 1915. 47 с.
38. Вечер «Триремы»: Лазарету деятелей искусств. Пг., 1916. 32 с.
39. Свирель: третий альманах молодой поэзии. Петроград ; Томск, 1917. 47 с.

References

1. Gumilyov, N. (1915) Pis'mo o russkoy poezii [A letter about Russian poetry]. *Apollon*. 10. pp. 47–53.
2. Zuseva-Ozkan, V.B. (2021) m.e. Levberg's play Danton as perceived by A. Blok. *Literaturnyy fakt – Literary Fact*. 2(20). pp. 115–130. (In Russian). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-20-115-130
3. Zuseva-Ozkan, V.B. (2021) Drama “Zhanna d'Ark” v kontekste tvorchestva M.E. Levberg [Drama “Joan of Arc” in the context of M.E. Levberg's oeuvre]. In: Zuseva-Ozkan, V.B. (ed.) *Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety* [The Warrior Maiden in the Literature of Russian Modernism: Image, motives, plots]. Moscow: Indrik. pp. 564–583.
4. Zuseva-Ozkan, V.B. (2022) The masculine “T” in the poetry of Mariya Levberg. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 73–90. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/78/6
5. Sprøge, L.V. (1986) Motiv “Rytsarya Bednogo” v poezii simvolistov (Organizatsiya khudozhestvennogo edinstva knigi stikhov Ellisa “Argo”) [The motive of the “Poor Knight” in the poetry of symbolists (Organization of the artistic unity of Ellis's book of poems “Argo”)]. In: Ischuk, G.N. (ed.) *Pushkin i russkaya literatura* [Pushkin and Russian Literature]. Riga: University of Latvia. pp. 102–109.
6. Pushkin, A.S. (1977–1979) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 4th ed. Leningrad: Nauka.
7. Shelogurova, G.N. (2011) Relikty rytsarskogo ideala v russkoy poezii krizisnoy epokhi. A. Blok i N. Gumilyov [Relics of the knight ideal in Russian poetry of the crisis era. A. Blok and N. Gumilyov]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 205–228.
8. Blok, A. (1997–2014) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow: Nauka.
9. Lavrov, A.V. (ed.) (2017) *A.A. Blok – L.D. Mendeleeva-Blok. Perepiska. 1901–1917* [A.A. Blok – L.D. Mendeleev-Blok. Correspondence. 1901–1917]. Moscow: IWL RAS.
10. Bryusov, V.Ya. (1990) *Sredi stikhov. 1894–1924* [Among Poems. 1894–1924]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
11. Bryusov, V.Ya. (1973–1975) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

12. Solov'ev, S.M. (1910) *April': Vtoraya kniga stikhov. 1906–1909* [April: The second book of poems. 1906–1909]. Moscow: Musaget.
13. Lavrov, A.V., Malmstad, J. & Pavlova, T.V. (eds) (2017) *Andrey Belyy i Emiliy Metner. Perepiska. 1902–1915* [Andrey Bely and Emiliy Medtner. Correspondence. 1902–1915]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Lavrov, A.V. (ed.) (2001) *Andrey Belyy i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Andrey Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada.
15. Belyy, A. (1995) *Vospominaniya o Bloke* [Memories of Block]. Moscow: Respublica.
16. Belyy, A. (1919) *Korolevna i rytsari: Skazki* [The Princess and the Knights: Fairy Tales]. Petrograd: Alkonost.
17. Lavrov, A.V. (1976) Bryusov i Ellis [Bryusov and Ellis]. In: Ayvazyan, K.V. (ed.) *Bryusovskie chteniya 1973 goda* [Bryusov readings of 1973]. Yerevan: Aipetrat. pp. 217–236.
18. Ellis. (2000) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Tomsk: Vodoley.
19. Verkhovskiy, Yu.N. (1908) *Raznye stikhotvoreniya* [Various Poems]. Moscow: Scorpion.
20. Severyanin, I. (2004) *Gromokipyashchiy kubok. Ananasy v shampanskoy. Solovey. Klasicheskie rozy* [A Thundering cup. Pineapples in champagne. A nightingale. Classical roses]. Moscow: Nauka.
21. Erenburg, I. (2000) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Saint Petersburg: Gumanitarnoe aginstvo "Akademicheskiiy proekt".
22. Gumilyov, N.S. (1998–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: gaz.-zhurn. ob"ed. "Voskresen'ye".
23. Bunin, I.A. (1987) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
24. Kuzmin, M.A. (1977) *Sobranie stikhov* [Collected Poems]. München: Wilhelm Fink.
25. Bogomolov, N. & Malmstad, J. (2013) *Mikhail Kuzmin* [Mikhail Kuzmin]. Moscow: Molodaya gvardia.
26. Toporkov, A.L. (2005) *Zagovory v russkoy rukopisnoy traditsii XV–XIX vv.: Istoriya, simbolika, poetika* [Conspiracies in the Russian Manuscript Tradition of the 15th–19th Centuries: History, symbolism, poetics]. Moscow: Indrik.
27. Lohvitskaya (Zhiber), M.A. (1900) *Stikhotvoreniya* [Poems] Saint Petersburg: A.S. Suvorin.
28. Apollon. (1910) Stikhi Cherubiny de Gabriak, ornamentirovannyye E.E. Lansere [Cherubina de Gabriak's poems, ornamented by E.E. Lancere]. *Apollon*. 10. pp. 3–14.
29. Zhukovsky, T.N. & Kallo, E.A. (eds) (1999) *Sub rosa: Adelaida Gertsyk, Sofiya Parnok, Poliksena Solov'eva, Cherubina de Gabriak* [Sub rosa: Adelaide Herzyk, Sofia Parnok, Polixena Solovyova, Cherubina de Gabriak]. Moscow: Ellis Lak.
30. Martynov, V.F. (ed.) (1984) *Gumilyovskie chteniya* [Gumilyov Readings]. Wien: Wiener Slavistischer Almanach. pp. 104–123.
31. Neshumova, T. (2007) Nevidimyy trilitnik: Cherubina de Gabriak, D.S. Usov, E.Ya. Arkhipov [The Invisible Shamrock: Cherubina de Gabriak, D.S. Usov, E.Ya. Arkhipov]. *Toronto Slavic Quarterly*. 20. [Online] Available from: <http://sites.utoronto.ca/tsq/20/neshumova20.shtml>.
32. Kuz'mina-Karavaeva, E.Yu. (2001) *Ravnina russkaya: stikhotvoreniya i poemy. P'esy-misterii. Khudozhestvennaya i avtobiograficheskaya proza. Pis'ma* [Russian Plain: Poems and narrative poems. Mystery plays. Fiction and autobiographical prose. Letters]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
33. Timenchik, R.D. & Shcherbakov, R.L. (1994) *Perepiska s N.S. Gumilyovym (1906–1920)* [Correspondence with N.S. Gumilyov (1906–1920)]. *Literaturnoe nasledstvo*. 2 (98). pp. 400–411.
34. Krejd, V. (ed.) (1989) *Nikolay Gumilyov v vospominaniyakh sovremennikov* [Nikolai Gumilyov in the Memoirs of Contemporaries]. Paris; New-York; Dusseldorf: Goluboy vsadnik.

35. Otsup, N.A. (1995) *Nikolay Gumilyov: Zhizn' i tvorchestvo* [Nikolay Gumilyov: Life and Creativity]. Saint Petersburg: Logos.

36. Rem, D. & Sidorov, A. (1910) *Toga Praetexta. Stikhi 1909 goda* [Toga Praetexta. Poems of 1909]. Moscow: tip. t/d Pozhidayeva i Edel'berg.

37. Levberg, M.E. (1915) *Lukavyy strannik: Stikhi* [The Crafty Wanderer: Poems]. Petrograd: tip. A. Lavrov i K°.

38. Trireme. (1916) *Vecher "Triremy": Lazaretu deyateley iskusstv* [Evening of the "Trireme": The Infirmary of artists]. Petrograd: Trirema.

39. Anon. (1917) *Svirel': tretiy al'manakh molodoy poezii* [The Pipe: the third almanac of young poetry]. Petrograd: Fakel; Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.

Информация об авторе:

Зусева-Озкан В.Б. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.B. Zuseva-Özkan, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.08.2022;
одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 03.08.2022;
approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья

УДК 82-92

doi: 10.17223/19986645/79/12

Переводная художественная литература как имагологический и идеологический инструмент: по материалам периодического издания «Кавказ» (1846–1884 гг.)

Наталья Егоровна Никонова¹, Тарон Рудольфович Даниелян²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, nikonat2002@yandex.ru*

² *Ванадзорский государственный университет им. Ов. Туманяна, Ванадзор, Армения, t5plus@yandex.ru*

Аннотация. Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи активно развивалась начиная с 40-х гг. XIX в. Особая ситуация сложилась в центре Кавказского наместничества, Тифлисе, ставшем культурной столицей многих народов Кавказа и Закавказья. Центральную роль здесь сыграла газета «Кавказ». Цель статьи – выявление, количественный и содержательный анализ корпуса переводной художественной литературы в газете «Кавказ» с точки зрения культурной географии, тематических и жанровых направлений, а также особенностей языка.

Ключевые слова: художественный перевод, грузинская литература, межкультурная коммуникация, имагология, газета «Кавказ», Российская империя, Кавказское наместничество

Для цитирования: Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература как имагологический и идеологический инструмент: по материалам периодического издания «Кавказ» (1846–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 240–261. doi: 10.17223/19986645/79/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/79/12

Translated literature as an imagological and ideological tool: On the materials of the periodical *Kavkaz* (1846–1884)

Natalia Ye. Nikonova¹, Taron R. Danielyan²

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nikonat2002@yandex.ru*

² *Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia, t5plus@yandex.ru*

Abstract. Translated literature in the pre-revolutionary periodicals of the regions of the Russian Empire actively developed since the 1840s under the influence of several factors: the legislative, political, socioeconomic conditions of the region; ethnic

and everyday traditions; the degree of cultural development of the peoples inhabiting a region, etc. In this regard, an interesting picture developed in Tiflis, the center of the Caucasian governorship, which became the cultural capital of many peoples of the Caucasus and Transcaucasia. The central role here was played by the newspaper *Kavkaz* [The Caucasus], which appeared as a private publication in 1846, and in 1850 became the property of the office of the Caucasian governor's office and, in fact, together with the local provincial newspaper *Zakavkazskiy Vestnik* [Transcaucasian Bulletin], which had been published since 1838, became the second official body of the Caucasian governorship. The aim of this article is to identify and analyze the corpus of translated fiction in the *Kavkaz* newspaper in terms of cultural geography, thematic, artistic and methodological directions. Translated literature as content in *Kavkaz* was formed taking into account the tasks that were set before the administration of the Caucasian governorship. The basic principle of translated literature was ideological in nature, which pursued dual goals. Firstly, there was a transfer of the local text to the outside world, the translation technology (as well as the processing and own presentation of local texts) worked to transport the Caucasian culture into the Russian and Russian-language culture: the narrative of the translated literature was primarily of a cognitive nature. Secondly, via translated fiction, there was a purposeful transfer of the imperial value system to a new multicultural paradigm, which, under soft or hard pressure, was transformed into a culture of a new type: the narrative of translated literature was mainly biased and propagandistic. The largest number of translated works published in the *Kavkaz* newspaper were from Georgian literature (18 pieces, three of them are excerpts from the poem *The Knight in the Panther's Skin*). This is followed by Tatar literature (11), Armenian literature (3), Arabic literature (2), and one work each from Nogai, Cossack, Polish, English, French, Polish and Persian literature. Military themes prevailed in translated poetry. Of the 16 Georgian works, 10 were dedicated to the Russian rule in the Caucasus. In these works, the Turks were the antagonists of the native peoples, and the liberators and enlighteners of the region were the Russians under the leadership of the Russian monarch and the military leaders loyal to him.

Keywords: translation, regional periodicals, imagology, Russian Empire, Caucasian governorship, Tiflis, Ker-Oglu

For citation: Nikonova, N.Ye. & Danielyan, T.R. (2022) Translated literature as an imagological and ideological tool: On the materials of the periodical *Kavkaz* (1846–1884). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 240–261. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/12

Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи с 1840-х гг. активно развивалась под воздействием нескольких факторов, среди которых можно отметить законодательно-правовые, политические, социально-экономические условия края, этнические и бытовые традиции, степень культурного развития народов, населяющих тот или иной регион.

С одной стороны, переводная литература являлась составной частью **информационного контента**, компонентом программного наполнения печати и выходила в свет, как правило, в соответствующей постоянной рубрике. Переводы в прессе были важным звеном общего литературного и книгоиздательского процесса, а в некоторых случаях именно они становились

лись основой для развития русского литературного языка в регионах империи. С другой стороны, переводная литература была **перекодированной информацией** в системе линейной коммуникации, которая позволяла реципиентам расширить кругозор, давала возможность рассмотреть мир в новом ракурсе: «...постоянная публикация переводов способствовала знакомству провинциального читателя с зарубежными авторами, повышала их узнаваемость, и в конечном счете читатели самостоятельно обращались к уже более объемным произведениям этих авторов» [1. С. 315]. Таким образом, перевод был одним из видов межкультурных контактов, отражающих творческие взаимосвязи отечественной литературы с иностранной, и в то же время был «обусловлен внутренними потребностями воспринимающей стороны» [2. С. 3].

Хотя переводная литература в периодической печати различных регионов Российской империи развивалась асимметрично, наблюдались некоторые основные тенденции ее становления в губерниях. Начиная с 1860-х гг. взаимосвязь столичного центра с периферией становилась все более динамичной, законодательные и экономические реформы привели к обновлению стратификации общества, к генерированию новых идей, касающихся регионализма и этноцентризма, чем и было обусловлено формирование локальных текстов в провинциях. Именно в периодике наблюдалось своего рода смещение акцентов культурной, в том числе и языковой политики на периферийные области, пресса стала репрезентантом этого процесса, обратившись «вдруг к традициям и новинкам зарубежной литературы, очевидно, за опытом их программного или индивидуального освоения без оглядки на опыт столичных авторов» [3. С. 7], став «инструментом воплощения областнической программы по формированию субэтнического культурного самосознания, развитию общественной элиты и ее контактов с населением» [4. С. 30].

В этом плане довольно интересная картина сложилась в центре Кавказского наместничества, Тифлисе, ставшем культурной столицей многих народов Кавказа и Закавказья. Переводная литература участвовала в развитии национальной литературы, «как и оригинальная литература, на разных этапах общественной жизни служила идеологии различных социально-политических группировок» [5. С. 3]. Так, например, грузинская литературная критика 1860-х гг. выдвинула на передний план общественную функцию переводной литературы: И. Чавчавадзе смело выступил с критикой безыдейных переводов, сделанных литературными деятелями предшествующего поколения [6. С. 7]. Переводная литература в армянской прессе была обращена к сюжетам, связанным с национально-освободительной борьбой, при этом интеллектуально-философские произведения занимали довольно скромное место [7. С. 215–220].

Для кавказского общества во всем разнообразии составляющих его народностей переводная литература на русском языке имела важное значение: во-первых, она выполняла просветительскую функцию, популяризируя социальные и эстетические взгляды западного мира благодаря обращению к европейской зарубежной словесности; во-вторых, посредством переводов с

языков кавказских народов переводной контент интегрировал носителей местной культуры в русскую имперскую культуру и одновременно способствовал социокультурной стратификации в регионе.

Русский язык в XIX в. стал главным инструментом межкультурной коммуникации для многонационального Тифлиса. Он, с одной стороны, выступал ретранслятором европейской художественной литературной парадигмы для народов, проживающих в Кавказском наместничестве, с другой – знакомил широкую общественность России с народами Кавказа и формировал отношение к ним. «Созданные на кавказские темы произведения изображали народы неизвестных еще для России стран, прежде всего, как свободолюбивых, воинствующих, непреклонных и самоотверженных, что, конечно, имело объективную сторону» [8. С. 8]. Кроме того, переводы произведений устного народного творчества и сочинений местных писателей на русский язык также способствовали знакомству читателей Российской империи с культурой, ментальностью и особенностями кавказских народов.

В этом процессе центральную роль сыграла газета «Кавказ», которая в 1846 г. вышла в свет как частное издание, с 1850 г. перешла в собственность канцелярии управления Кавказского наместника и наряду с местной губернской газетой «Закавказский вестник», которая издавалась с 1838 г., стала официальным органом печати Кавказского наместничества. С 1856 г. «Закавказский вестник» начал печататься в виде официального приложения газеты «Кавказ», которая хотя и представлялась как правительственный орган, но до 1899 г. сдавалась в аренду частным редакторам-издателям. В этом заключалось отличие «Кавказа» от других губернских ведомостей. Отметим, что кроме доходов от продажи издания, размещения объявлений и рекламы, подписки, которая для административных ведомств была обязательной, газета получала правительственную субсидию. С 1899 г. газета перешла в распоряжение главноначальствующего на Кавказе и превратилась в типичное периодическое издание дореволюционного времени. Таким образом, в рассматриваемый нами период XIX в. «Кавказ» играл особую роль «в деле просвещения края, а разнообразие его тематики, живая манера письма, поиск контакта с читателем сделали его популярной газетой», «это была первая газета европейского типа» [9. С. 103].

«Кавказ» – единственное русскоязычное тифлисское литературно-политическое периодическое издание, которое непрерывно выходило в свет со дня основания до закрытия (1846–1918 гг.). В Тифлисе другие частные русские периодические издания литературно-политического направления начали появляться с 1868 г., но их жизнь была кратковременной. В 1864 г. в качестве приложения к «Кавказу» издавался «Литературный листок», но он не имел широкого круга читателей и после выхода 42 номеров прекратил свое существование. Программная политика и тематические предпочтения редакции за рассматриваемый нами период (1846–1884 гг.) изменялись как под воздействием социально-политических условий, идеологических установок и форм правления имперской власти и

местной администрации, так и предпочтений и личных пристрастий редакторов газеты. Переводной литературе особое внимание уделяли два первых редактора газеты: за 1846–1884 гг. в газете напечатали более 40 переводов: в период редактирования газеты ее основателем О. Константиновым (1846–1850 гг.) – 8 текстов и его преемником И. Сливицким (1851–1854 гг.) – 12 текстов.

Исследования, посвященные тифлисской русской периодической печати, эпизодичны. Это не позволяет сформировать целостное представление о литературном процессе в тифлисской прессе, сконцентрировавшемся на важнейших острых социальных, культурно-исторических и политических вопросах XIX в. Настоящее исследование корпуса переводной художественной литературы в перспективе предоставит возможность для компаративного изучения подобного материала в сопоставлении с другими изданиями Кавказа.

Программная политика газеты «Кавказ» входила в рамки имперского контекста, в котором противоречивый процесс этнизации «требовал выработки разветвленных идеолого-символических систем, позволявших опознавать «свое», «национально-маркированное и работающее на консолидацию этнического «ядра» метрополии, и проводить различие с «другим», составляющим дальнюю или ближнюю периферию мира «нации-государства» [10. С. 454]. Как и тифлисская русская журналистика, в целом, «Кавказ» появился и первые годы развивался в основном благодаря личностям, которые по роду своей деятельности являлись чиновниками различных ведомств и не были причастны к литературе: «Журналистами они становились по воле обстоятельств и случая, а следовательно, овладевали профессией, совершенствовали свое мастерство "на ходу"» [9. С. 183]. Однако на развитие тифлисской культурной жизни немаловажное влияние имела и интеллигенция (декабристы, петрашевцы, участники Польского восстания), которая из-за политических убеждений была отправлена в ссылку в «теплую Сибирь», т.е. на Кавказ, как его назвал Александр I, в «сборный пункт всех бунтарских или хотя бы прогрессивных, демократических нонконформистских элементов николаевской Евразии» [11. S. 127] (цит. по: [12. С. 16]). Переводной контент в силу своей специфики гипотетически мог соответствовать этому многообразию интересов и вкусов авторов и целевой аудитории издания.

Первая публикация о значении и функции переводной литературы на страницах газеты «Кавказ» появляется на первом году ее выхода. В ответ на публикацию отрывка поэмы Ш. Руставели «Барсова кожа» («Витязь в тигровой шкуре») в переводе И. Евлахова печатаются «Замечания на перевод Барсовой кожи», в которых, в частности, картвелолог Д. Чубинашвили выдвигает следующий тезис относительно принципов перевода: «Надо сохранить все отличительные качества подлинника: перевести иначе, пересказать только содержание поэмы. Силу впечатлений оригинала составляет, конечно, содержание его драмы, но рассказ драмы, облаченный в одежду мыслей, выражающих современность, в гармонию звука и игру фраз,

свойственных языку и вкусу, наконец, в теплоту и наивность, с которыми они сказаны действующим лицом и переданы автором. Отнимите все это – останется труп. Автор исчезнет в изуродованной пародии своего творения, и что же приобретет словесность – ничего» [13. С. 106]. На критику в свой адрес И. Евлахов приводит свои обоснования, отмечая, что буквальный перевод восточных произведений может быть неестествен и бессмыслен, так как часто последующее не имеет связи с предыдущим: «Знаменитейшие переводчики делали отступления от подлинника, прибавки и убавки согласно с духом и свойством того языка, на которой передавали чужеземное произведение. Дело не в буквальности перевода, но в том, чтобы усвоить мысль, чувство, картинность и красоту слова подлинника переплавить все это в горниле поэтической души и вылить с теми же достоинствами в естественные формы языка, которому усваиваем творения» [14]. Данная полемика о принципах переводческого искусства переросла в спор, «уже имевший некоторую предысторию» [15], однако показательно в контексте нашего исследования то, что она развернулась на материале знакового произведения грузинской литературы в одном из первых выпусков тифлисской газеты.

Отличительной чертой корпуса переводной художественной литературы в газете «Кавказ» является дискретность: публикация переводных художественных произведений не имела строгой периодичности и цикличности, однако обнаруживала типологию сюжетов и мотивов. Континуальность не была присуща и публикациям оригинальных сочинений на русском языке: с 1868 по 1872 г. не было напечатано ни одного художественного произведения. Тематика русскоязычных произведений преимущественно была кавказской, в вольном и в буквальном переводе также представлялись, как правило, произведения представителей местных народов и местные предания, легенды, сказки. Так, например, только за первый год издания газеты (1846 г.) из 16 опубликованных художественных произведений 9 были произведениями кавказской словесности: «Сцена из покорения Джаро-Белакан» [16], «Дагестанское предание» [17] «Замок Вардцихе» [18], «Наезд кунчука» [19], «Буба» [20], «Мта-Цминда, или Святая гора» [21], «Дикло и Шанако» [22], «Рассказ пленного тушинца» [23], «Суд отца» [24]. А переводы таких произведений представляли 4 публикации: «Отрывки из грузинской поэмы “Витязь в тигровой шкуре” в переводах И. Евлахова» [25] и И. Бартдинского [26], повесть польского писателя В. Стршельницкого «Два узденя» [27] и «Эпизоды из жизни Кер-Оглы» [28]). Остальные 3 публикации также имели регионально-этническую сюжетную составляющую: послание И. Бартдинского «К князю Г.Л. Дадияну Мингрельскому» приглашало его поэта и соотечественника Ш. Руставели «соединить с ним труды свои для перевода Барсовой кожи» [13], к нему примыкали первоначальная версия стихотворения Я. Полонского «Грузинка» [29] и «Солдатская сказка» о «Православном Русском царстве», которое солдатушки-ребятушки стерегли от басурманской несметной силы [30].

Особое внимание уделялось мусульманской культуре, что делало газету интересной и востребованной среди мусульманского населения кавказского края, для которых «Кавказ» долгое время был единственным местным органом печати. Очевидно, что редакция стремилась к интеграции мусульманского населения в имперскую культуру, чем и была обусловлена чуткая реакция на духовно-культурные потребности читателей, которые должны были согласовываться и с политическими устремлениями царской власти. Не случайно в одном из номеров газеты мы встречаем не типичную для русской газеты обратную языковую конверсию литературного произведения: в персидском переводе печатается произведение М. Семеновского «Условие» [31], оригинал которого заимствован из журнала «Москвитин» и опубликован в № 65 газеты [32]. Имя автора текста в газете не указано, но он представляется как один из замечательных мусульманских поэтов, который, по оценке редакции, сделал весьма удачный перевод, способный понравиться «своею гиперболической смелостью восточным людям нашего края» [31]. Приведем строки русского оригинала:

За один лишь взгляд твой страстный
Я на бой идти готов.
И, в пылу борьбы опасной,
Снять турецких сто голов.

А за пламень поцелуя
Чрез серальские сады
Проберусь, – и принесу я
Клок султанской бороды [32].

Автор констатировал, что Кавказ – перекресток всех эпох человеческой цивилизации, от первобытных до современных, «порожденных утонченностью нынешнего европейского просвещения: от дикого Сванета и Хевсурца до промышленного или ученого Армянина, – от изящного во всех отношениях тифлисского театра до уличного народного представления Кеноба» [33]. Таким образом, переводная художественная литература на страницах газеты по своему сюжетному своеобразию и критическим комментариям позиционировалась в первую очередь как территория, пригодная для установления межнациональной коммуникации с целью формирования наднациональной культурной общности в кавказском регионе за счет сближения различных этнических традиций.

Подчеркнем важную деталь в подходе к стихотворным сочинениям в целом, которая обнаруживается в одном из фельетонов редактора Е. Вердеревского. Автор отмечает, что так как искусству учиться на Кавказе некогда, нельзя требовать строгого изящества и формы от поэтических произведений, и будет достаточным, если в кавказской поэзии читатель найдет сердечную теплоту и правду, увидит, чем вдохновляется здесь всякое неискаженное чувство, потому что «настоящая поэзия Кавказа – дика как его горы, скромна как его женщины, сурова как его вечная война» [34]. Данное

утверждение фактически можно считать программным, поскольку оно отражает и специфику переводческих принципов поэзии, которая количественно преобладает над прозой: большая часть переводов выполнены дословно, подстрочно или ритмизованной прозой.

До 1880-х гг. издатели стремились в угоду имперской политике укоренить «в разноплеменном обществе края уверенность в том, что русский закон и русские власти одинаково заботливо охраняют интересы каждой отдельной народности, относясь с уважением к преданиям и святыням каждого племени и создания, для каждой из народностей условий, способствующих спокойному развитию их материальных и интеллектуальных сил» [35]. Действительно, за рассматриваемый период в газете были напечатаны и переводы произведений с английского (А. Ходзько – «Кер-Оглу» [36]), французского (Э. Гонсалес – «Кавказские танцоры» [37]), арабского (сказка «Делиля-Ель мухтале» [38], «Восточное сказание» [39]) и персидского («Персидская литература» [40]) языков, однако, как видно уже из самих заглавий, выбор тем и сюжетов определялся теми же этнокультурными настроениями, а их количество незначительно (всего пять текстов).

По количеству переводных произведений, напечатанных в газете «Кавказ», первенство занимает **грузинская** литература. В этой группе доминирует поэзия. В первый год издания, как было упомянуто выше, вышли отрывки из знаменитой грузинской эпической поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе И. Евлахова. В примечании он отмечал, что современники ошибочно переводили грузинское название «Вепхисткаосани» как «Барсова кожа», в то время как буквальный перевод гласил бы: «Герой, покрытый (одетый) барсовой кожей» [25]. В том же году газета опубликовала письмо Д. Чубинашвили из Санкт-Петербурга, в котором он подвергал критике упомянутый перевод и приводил альтернативный перевод того же отрывка, «который искажил г. Евлахов так безжалостно» [13]. В 1849 г. вышел еще один отрывок из грузинской поэмы, на этот раз из «Приезда Автандила к Фридону после разлуки его с Таризлом». Фрагмент был представлен в прозе, а редакция указывала, что переводчики «держались возможно близкого, буквального переложения на русский язык» [41].

Особую группу составляют произведения, посвященные «Самодержавной и Православной власти», лицам императорского царского двора, официальным представителям кавказской местной власти, русской армии. К таковым относятся ода А. Микеладзе «России» [42], стихотворение Зурбаба Антонова, посвященное Русскому престолу [43], «Песня о Чолокском вожде», записанная врачом гурийского отряда Григорием Шабуровым [44], «Плач грузин по Императоре Николае 1-м» Г. Эристова [45], песнь «Вождю победителей» И. Кереселидзе [46], стих Д. Бериева, посвященный Генералу-фельдмаршалу князю А.И. Барятинскому [47], письмо А. Микеладзе «Верным сынам Отечества» [48], стих кн. Мачабели, посвященный Великой княгине Ольге Федоровне [49], сочинения А. Церетели [50] и Хр. Ломизе [51], посвященные наместникам Кавказа.

В разные годы в газете публиковались лирические стихотворения, посвященные Российской империи и русским царям: ода имеретинского князя А. Микеладзе «России», которая по идейному содержанию представляет собой клятву в преданности «победоносной и грозной для врагов» России и ее императору, была напечатана с пометкой, что для незнающих грузинского языка, следующая публикация представляет собой «близкий перевод этого оригинального стихотворения»:

Непобедимая, победоносная!
В даль ты раскинулась, Русь неисходная!
Для супостатов своих вечно-грозная!
Для православия – щит и поборница!

Да и какие же царства сравняются
С тем, что зовут Николая державою?
Он лишь «Да, здравствует!» - Царь Православия –
А перед Ним все враги уничтожатся! [42].

По случаю кончины царя Николая I в газете печатается на грузинском и русском языках произведение князя Г. Эристова «Плач грузин по Императору Николаю I-ому», в котором переплелись ода и элегия. В примечании редакция обращает внимание на то, что перевод сделан «размером подлинника».

Слышны с севера стоны скорбные:
Русским, Иверцам сиротство гласят.
И мы плачем здесь, как Россия вся,
Что на троне нет уж Великого!
Его вспомним лишь,
Сердце стынет в нас!
Как представим мы Его благодать всю,
И могущество,
И величие,
Стройный рост Его, красоту Его,
Венценосного,
Царя Мудрого,
Правды рыцаря, Христианина! [45].

В 1859 г. выходит песнь «Вождю победителей» грузинского поэта, публициста и общественного деятеля И. Кереселидзе (1829–1892), посвященная Александру II. Вместе с оригинальным текстом на грузинском языке печатается русский перевод, что позволяет оценить стратегию его автора. В целом текст представляет довольно точный вариант поэтического перевода лирического произведения, однако если в оригинале хвала воздается в первую очередь Кавказу, то в переводе возникают образные определения родства народов, согласно которым появляется «великий отец Иверийцев», который «воспринял и тебя [Кавказ], как сына». В финале автор русского текста акцентирует одическую тональность, но вновь обращает ее не только в адрес Кавказа, но и в адрес народа, с которым он «слился» и «славится

величием», добавляя также последнюю строку: «И так воспоем на лире хвалу достойную виновнику сего, герою над героями!» [46]. Не находит соответствия в оригинале и упоминание «черной пучины, объятай тьмою дикости», к которой стремился «утлый челн судьбы» Кавказа без царственно парившего «над высью гор» двуглавого орла: в тексте на грузинском языке речь идет о «сильном тумане». Подобная трансформация, как и заглавие «Вождю победителей», отсылает читателя к одноименному песнопению В.А. Жуковского, посвященному Кутузову-победителю, в котором благодаря «укрупнению патриотического, исторического значения подвига» слог стихотворения «приобретает поэтико-мифологический характер» [52. С. 608]. Стихотворение Кереселидзе в русском переводе определенно связано и с классикой русской патриотической поэзии, посвященной Отечественной войне 1812 г., как и многие последующие переводы с грузинского, опубликованные в «Кавказе». Так, следующей печатается приветственная ода на грузинском языке с русским поэтическим переводом по случаю посещения Имеретии великой княгиней Ольгой Феодоровной.

Царица! К нам пожалуй;
В тебе отраду ждем;
Собою нас порадуй,
Пригрей Своим лучом.
С любовью стремятся
К Тебе наши сердца,
Их верность украшает,
И искренность живет [49].

А в начале периода Крымской войны (1853–1856) в 1854 г. в вольном переложении представлено стихотворение грузинского драматурга и театрального режиссера Зураба Назаровича Антонова (1820–1854) о доблестной русской армии, посвященное великому князю Николаю Николаевичу Старшему (1831–1891) и графу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому, князю Варшавскому (1782–1856).

Поборники веры и наши хранители,
Пришли к нам каратели вражеских сил,
Пашам, сераскирам отважные мстители...
Помолимся Богу, чтоб их сохранил!
А турку мы скажем: с главой чалмоносную,
Изменник трактатам кровавый Осман,
Тебе ль ополчаться на Русь громоносную?
Креста не поборет твой темный Коран! [43].

Поэтическая риторика Антонова выстраивается на религиозно-христианской образности, однако и в данном случае нельзя не вспомнить об эпистолярном обращении Жуковского к тому же адресату. В публичном письме к Паскевичу он использует иную парадигму образности, основываясь вновь на славословии имперской государственности и воспевая «чуд-

но-чистую славу России», приобретенную благодаря «превеликой материальной силе, мирной энергии русского вождя» и непоколебимой честности «русского полководца», который, «приняв покорность от целой армии, положившей перед ним оружие, и примерив с этой армией её императора, повёл обратно в отечество полки свои, не оставив на пути своём ни бед, ни разорения» [53. С. 482]. Особой метафорикой удостаивается в письме Жуковского «русское войско», совершившее свой подвиг и исчезнувшее «как призрак, как величественная гроза, только освежившая край, посещённый ужасом!» [54. С. 482]. Именно концепт «русскости» становится ключевым в рассуждении романтика, как и дихотомия Креста и Корана в стихотворении грузинского поэта. Те же мотивы использованы и в оде Д. Бериева по случаю возвращения генерала-фельдмаршала князя А. И. Барятинского из Петербурга на Кавказ: «Приди со славой, приди на радость в страну, вверенную тебе Царем. – Встречаем в тебе героя мощного, вождя Иверии. Когда царь поставил тебя правителем над нами, чувство возвещало нам покой, дела наперед обнаруживали, а сердце предсказывало нам тишину. И когда ты, герой, именем креста повел за собой воинство храброе, – мы испрашивали у неба победу и одоление над супостатом» [47].

Торжественные оды в честь кавказских наместников писались и посвящались как современникам, так и правителям прошлых лет. Например, в 1882 г. в газете «Кавказ» было напечатано произведение Хр. Ломидзе, посвященное и поднесенное князю А.М. Дондукову-Корсакову (1820–1893), вступившему в том же году в должность главноначальствующего на Кавказе.

Чрез мост Михайловский плетется
Грузинка старая, с ней внук,
Она бледнеет, сердце бьется,
И льются слезы; мальчик вдруг
Ее наивно вопрошает:
«Бабуля, плачешь отчего?
Иль шум Куры тебя пугает?
Боишься ли пугало того,
Стоит который перед нами?
Зачем, родная ты моя,
Проходишь мост все со слезами
И что-то шепчешь про себя?»
– Нет, то не пугало, мой милый,
А знаешь кто? Князь Воронцов!
То памятник Кавказом чтимый
Грозы всей Грузии врагов.
Залог того, что не забыли
Его времен ряд славных дней,
При нем мы русских полюбили
По вере братьев и друзей.
Не даром Мудрый Император
Его наместником избрал! [51].

Основной мотив стихотворения автор заимствовал у А. Церетели. Грузинское стихотворение посвящено деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе. Прозаический перевод этого текста был напечатан в № 103 газеты. Заметим, что это сочинение на грузинском языке издание не опубликовало, так как оригинал ранее вышел в газете «Дрозба»: «Маленький мальчик спрашивает у своей бабушки: отчего, когда мы с тобою проходим через мост, ты постоянно меняешься в лице, сердце начинает у тебя биться и со слезами на глазах ты смотришь на медного человека, поставленного около моста? Боишься, чтоб мост не провалился, или же страшит тебя это черное пугало. – Нет, друг мой, отвечает бабушка, это не пугало, а памятник герою: видишь он с обнаженной головой: как будто оплакивает что-то. Взгляни, он прислушивается к волнам реки, которые повествуют о тех страданиях, какие испытала эта страна, во имя человечества, своего родного языка и веры. Волны эти говорят о самопожертвовании сыновей этой страны во имя христианства...» [50].

В некоторых случаях переводные произведения печатались не в особом разделе, а были составной частью новостного, аналитического или публицистического материала. Так, например, в фельетоне, посвященном приезду в Грузию великого князя Михаила Александровича, в описание оживленной общественной жизни Тифлиса включается стихотворение князя, полковника и предводителя кутаисского дворянства Александра Тариеловича Микеладзе (1818–1881) «Верным сынам Отечества» на грузинском и русском языках. Перевод вновь представляет поэтическое дословное изложение оригинального текста, в котором устанавливается дружественная связь и проводятся параллели между «Иберским племенем» народов Кавказа и русскими.

საწრმუნოთა ძეთა მამულისათა

მესმის აღიძრა მტერნი მამულის და ეხებიან ჩვენსა ღირსებას

სურისთ მოგვკაცონ მათ ჭუწიხვედრი , მაცადინობენ გამოთვსებას.

თუმც მე არა ვარ ბუნებით რუსი , მაგრამ მე გეტრფიმარად მისებას.

ჰე ძმანო , თქუწნატა გრძნობა ვანგაგით , გული მოკიდეთ მტკიცედ თვსებას.

ყოფა , ცხოვრება , თავი ცოლაშვილით ერთად უმსხვერ,პლოთ ჭუწსერთმთავარსა.

კეთილშობილნი ,მდაბალნი ხალხნიც არავინ გიტეგით ამაზე გარსა ,

ერთგულუებადა თავის შეწირვა ძეგლად დაგვიძეგს იბერთა გვარსა.

Слышу, восстали враги Отечества и задевают его честь;

Хотят лишить нас нашего удела, стараются изменить его.

Хоть я и не природный русский, но всегда мне мило тамошнее (русское).

О, братья, и вы напрягите чувства, твердо за свое ухватитесь.

Достояние, жизнь, голову с семьею – все пожертвуем Единодержцу,

Благородные, простые люди – никто от этого да не откажется.

Усердие и самопожертвование суть памятники Иверского племени;

Этим прославим наше имя, которого никто не заслонит [48].

Русско-турецкая война оставила свой след и в массовом литературном творчестве, в том числе и в переводах с грузинского на страницах «Кавказа». Мотивация авторов оригиналов и русских переводов таких стихотворений, как и сам анализируемый корпус, может быть сопоставлена с русским литературным процессом послевоенного времени 1810-х гг., локализовавшимся на страницах периодики. Война с Наполеоном в первые десятилетия XIX в., как и практически не прекращавшееся противостояние на Кавказе в последующие десятилетия, создавала тот же «благоприятный фон для активного персонального участия в литературной коммуникации, стремления литераторов разного уровня, мировоззрения, художественных ориентаций обратиться к национальной аудитории напрямую, быстро откликаясь на текущие события» [54. С. 480]. Именно журналистика превращала эту коммуникативную установку в реальное «хоровое» единство, что способствовало тематической циклизации при выборе и переводе грузинской поэзии, и постепенно на первое место выходили образы царственных особ, их наместников и полководцев, конструировавшие многонациональную культурную идентичность региона империи.

Не только профессиональные литераторы писали стихотворения на актуальные темы, но и солдаты слагали песни о ратном искусстве и патриотическом духе. Подобные стихотворные импровизации находили свое место и на страницах газеты «Кавказ». Так, в одном из номеров были напечатаны «создания тушинской воинственной музыки», записанные врачом гурийского отряда Григорием Шабуровым. Редакция, передавая в оригинале и в буквальном переводе тушинские песни, написанные экспромтом перед Чолокским сражением и после него, проводит параллель «между этими истинно эпическими песнями и некоторыми местами Илиады Гомера, проникнутыми тем же мужественным, искренним и в то же время в высшей степени простосердечным колоритом».

Англия вместе с Франциею соединилась с Турком;
Помыслы трех царей соединились между собою,
И, поднятые силою своего воинства, озлобились на север,
Ища возмездие за старую кровь.
Двуглавый орел вызывает их на бой,
Не заботясь, что враг сильнее, как во времена Наполеона,
Орел – гроза чуждых царей, их губитель;
И подавно гроза Турции, искусительницы их [44].

Художественная литература военного и послевоенного времени несет на себе отпечаток идеологии и в той или иной степени служит патриотической пропаганде, превращаясь в историческую публицистику. Философско-эстетические проблемы отступают на второй план перед насущными задачами культуры, естественной необходимостью осмыслить недавнее прошлое и настоящее в контексте изменившихся реалий. По верному замечанию А.С. Янушкевича, поэзия этой эпохи отличалась «безличностью, безындивидуальностью», поскольку представляла собой «набор повторяющихся оборотов, образов, эпитетов» [55. С. 494].

Несмотря на социально-политические перемены, которые происходили в стране и регионе за 40 лет (1846–1884), идеологическая нагруженность упомянутых нами од, посвященных народным героям, монаршим особам и местной администрации, была инвариантна в плане сюжета и фабулы. Менялись главные действующие лица произведений, но содержание и форма литературных текстов практически не эволюционировали. Половина лирических сочинений данного жанра (7 текстов) были напечатаны с 1854 по 1863 г., что было обусловлено военными действиями Русской императорской армии по присоединению Северного Кавказа к Российской империи и ее противостоянию с Северо-Кавказским имаматом (Покорение Чечни, Дагестана, Черкесии).

Итак, основной акцент в контенте переводной литературы с грузинского языка в газете «Кавказ» ставился на истории и современности Кавказского наместничества: это были отголоски внешних и внутренних социально-политических процессов, связанных с историей и современностью края и, в частности, с культурными реалиями грузинского народа. В обществе царская политика принималась неоднозначно, чем и был продиктован пропагандистский характер переводной литературы, в основе которого лежали идеологические составляющие. Иными словами, она была призвана служить действенным имагологическим инструментом для реализации имперской культурной (в то числе и языковой) политики.

Из памятников грузинской письменной литературы редакция выбрала для перевода хвалебную песнь в честь царя Давида из знаменитой оды «Абдул-Мессия» Иоанна Шавтели (1150–1215), поэта и священнослужителя, секретаря и советника царицы Тамары.

Ты умный, разумный, мудрый, царь сильный,
Непонятный, непостижимый, неизреченный, преблагий,
Образованный, обновленный, блестящий, солнце небесное,
Изнеженный, лев могучий, приток Голиаф, с крошечным сердцем [56].

Из грузинского сборника рассказов просветителя, государственного деятеля, царского наставника Сулхана-Сабы Орбелиани (1658–1725) «Сибрдне-Сицруэ» («Мудрая ложь») в газете «Кавказ» был помещен отрывок под заглавием «Искатель невозможного» в переводе Николая Георгиевича Берзенова (1820–1874), критика и очеркиста, этнографа и популяризатора русской литературы. В небольшом комментарии объясняются роль и значение данного философско-сатирического произведения в истории грузинской литературы и причины, по которым оно пользовалось большой популярностью в Грузии: «Бог любит в царях особливо три качества: миролюбие, кротость и великодушие; Ему также угодны правосудие, нестяжательность и милосердие ко всем. В царях три свойства дороги народам: строгость без жестокости, правда без укоризны и щедрость. В царях три качества превозносят славные земли: приветливость без слабости, приятную беседу и в весельи веселость, а в невзгодах сочувствие...» [57].

Таким образом, репертуар переводной литературы в газете «Кавказ» формировался с учетом тех задач, которые были поставлены перед правящими кругами Кавказского наместничества. Переводные тексты (целостные и фрагментарные) печатались как в рубрике «Фельетон», так и в библиографическом, научно-литературном, этнографическом разделах, при этом обнаруживая идеологическую риторику, которая преследовала двойную цель. Во-первых, это способствовало трансферу локального текста вовне, стратегии отбора и перевода работали на трансляцию кавказской культуры в русскую и русскоязычную. Во-вторых, с помощью переводной художественной литературы происходил целенаправленный трансфер имперской ценностной системы в новую поликультурную парадигму, которая складывалась под мягким или жестким давлением Центра империи, поэтому контент переводной литературы имел в основном тенденциозный и пропагандистский характер.

Наибольшее количество переводных произведений в газете «Кавказ» было заимствовано из грузинской литературы (18 текстов). Количественный анализ таких произведений показал, что на втором месте у авторов переводов стояла литература на татарском языке (13 текстов), имели значение сочинения армянских и арабских литераторов, в этом контексте следует подчеркнуть незначительный интерес к ногайской, польской, английской, французской, польской и персидской литературам. Наиболее востребованным из аутентичных кавказских авторов стал основоположник азербайджанской национальной реалистической прозы и драматургии М.Ф. Ахундов, из наследия которого для перевода были выбраны 9 произведений (6 пьес).

Содержательный анализ выявленного корпуса текстов свидетельствует о том, что в переводных поэтических произведениях центрального периодического издания Кавказского наместничества газете «Кавказ» в период его расцвета в 1840–1880-х гг. преобладала имперская военно-патриотическая тематика: так, из 18 переводов с грузинского 10 были посвящены русскому владычеству на Кавказе. В этих сочинениях антагонистами местных народов представлялись турки, а освободителями и просветителями края – русские под предводительством российского монарха и верных ему военачальников.

Таким образом, переводная литература была призвана выполнять важную функцию для скрепления государственности империи и конструирования культурной идентичности кавказского региона. Преобладание переводов грузинской поэзии в литературных публикациях газеты «Кавказ» в 1840–1880-х гг., как и разнообразие ее репертуара, отражает основные цели издания по организации эффективной межкультурной коммуникации в стратегически важном для страны пространстве (с одной стороны, русификации окраин и с другой – ознакомления России с особенностями жизни, местных нравов и обычаев). В сравнении с контентом переводной литературы в периодике провинций времени ее расцвета, т.е. ближе к концу XIX – началу XX столетия, в самых продуктивных с данной точки зрения

изданиях переводы с грузинского также были представлены преимущественно поэзией, однако они единичны; следует специально упомянуть разве что цикл переводов из И.Г. Чавчавадзе, выполненных Н. Глокке для «Киевлянина» [58–61], в сибирском и юго-западном регионах ведущее место заняли переводы с французского и немецкого, что соответствовало специфике областнических тенденций в указанных регионах (подробнее см.: [66]). Тем не менее переводная литература как таковая в каждом случае сохраняла свои универсальные функции: идеологическую и функцию по реализации русификаторской языковой политики империи.

На первый взгляд переводы проимперских произведений грузинских писателей, которые в русской прессе «часто выполняли функции публицистически-новостных материалов» [54. С. 485], изоморфны по отношению к произведениям той же тематики русских писателей, но в идеологическом плане очевидна гетерогенность, так как в этнокультурном пространстве Кавказа в триаде *свой – чужой – другой* субординация действующих лиц не менялась даже в процессе аккультурации. *Другой* не становился своим, но *другой* – спаситель и защитник от *чужого* – врага все же оставался покровителем и властелином, а это в корне меняло коммуникативную интенцию редакции газеты, в публикациях которой акцентировалась доминантность этнического (русского) «ядра» в имперской иерархии.

Список источников

1. Жиякова Н.В. Мировая литература в зеркале провинциальной периодики. Рецензия на цикл хрестоматий и учебное пособие, посвященных переводам иностранной литературы в дореволюционных сибирских газетах // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 313–317.
2. Татарчук Е.П. Переводная французская литература в журналах 1820–1840-х годов и формирование русской прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
3. Никонова Н.Е. Переводная поэзия в периодике регионов дореволюционной России // Русская и зарубежная словесность; рецепция, перевод, коммуникация / под ред. Н.Е. Никоновой, Ю.С. Серягиной. Томск, 2020. С. 7–31.
4. Никонова Н.Е. Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 30–52.
5. Бурджанадзе К.В. Вопросы перевода в грузинской литературной критике второй половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1970. 19 с.
6. Одзели М.В. Проблемы связей грузинской литературы с английской (грузинская литература и творчество Чарльза Диккенса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984. 25 с.
7. Мхитарян М.А. Из истории восточноармянской периодической печати второй половины 19 века («Пордз», «Ардзаганк»). Ереван : Изд. АН АрмССР. 1976. 558 с. (на арм. яз.).
8. Матиаишвили Г.А. Творчество Ильи Чавчавадзе в русских переводах и литературной критике (1863–1907 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984. 195 с.
9. Махарадзе Н.А. Русская газета на Кавказе в 40–50-е годы XIX века: («Закавказский вестник» и «Кавказ» в 1845–1856 гг.). Тбилиси, 1984. 234 с.
10. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному

1812 году / подгот. текстов и приложений И.А. Айзикова, В.С. Киселёв, Н.Е. Никонова. М., 2015. С. 446–469.

11. *Zawodziński K.W.* W stulecie romantycznego tomu poezji // *Twórczość*. 1946. № 10. S. 121–135.

12. *Osuch T.* О судьбе ссыльных польских литераторов в Грузии во второй трети XIX века: Тадеуш Лада-Заблоцкий // *Acta Polono-Ruthenica*. 2002. № 7. С. 15–23.

13. *Д.Ч.* Замечания на перевод «Барсовой кожи» // *Кавказ*. 1846. № 27. С. 106–107.

14. *Ответ* на замечания г. Д.Ч. На перевод отрывка из поэмы «Барсова кожа» помещенного в № 15 газеты «Кавказ» // *Кавказ*. 1846. № 29. С. 113–114.

15. *Вацуро В.Э.* Первый русский переводчик «Витязя в тигровой шкуре» // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999 : материалы и исследования / под ред. Дэвида М. Бетеа, А.Л. Осповата, Н.Г. Охотина и др. М., 2001. С. 490–509. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7). URL: <http://www.ruthenia.ru/document/530593.html#26> (дата обращения: 10.09.2021).

16. *Сцена* из покорения Джаро-Белакан // *Кавказ*. 1846. № 4. С. 13–15.

17. *Айгони III.* Дагестанское предание // *Кавказ*. 1846. № 24. С. 93–94.

18. *Замок Вардихе.* Повесть // *Кавказ*. 1846. № 30. С. 118–120; № 31. С. 122–124; № 32. С. 126–128. Подпись: М. Майсуров.

19. *С. Хан-Гирей.* Наезд кунчука. (Предание). // *Кавказ*. 1846. № 37. С. 145–146; № 38. С. 149–150.

20. *Буба* (Лезгинская быль) // *Кавказ*. 1846. № 44. С. 173–174. Подпись: Арнальдъ Зиссерманъ.

21. *Мта-Цминда*, или Святая гора (Предание) // *Кавказ*. 1846. № 49. С. 193–194.

22. *Дикло* и Шанако // *Кавказ*. 1846. № 27. С. 105–107. Подпись: Тушинец Иван Цискаровъ.

23. *Рассказ* пленного тушинца // *Кавказ*. 1846. № 35. С. 157–158. Подпись: Д. Лисицевъ.

24. *Судъ* отца. // *Кавказ*. 1846. № 45. С. 177–179. Подпись: В. де Сень-Тома.

25. *Отрывок* из поэмы «Барсова кожа» // *Кавказ*. 1846. № 15. С. 59. Подпись: И. Евлахов.

26. *Отрывок* из поэмы «Тариель, Барсова кожа» // *Кавказ*. 1846. № 27. С. 107. Подпись: И. Бартдинский.

27. *Стришельницкий В.* Два узденя // *Кавказ*. 1846. № 18. С. 69–71; № 19. С. 73–75; № 20. С. 77–78; № 21. С. 81–83, № 23. С. 89.

28. *Сказка* о Кара-Оглу // *Кавказ*. 1846. № 39. С. 153–154. Подпись: А. В.

29. *Полонский Я.* Грузинка // *Кавказ*. 1846. № 31. С. 121.

30. *Солдатская сказка* // *Кавказ*. 1846. № 46. С. 181.

31. *Фельетон* // *Кавказ*. 1854. № 67. С. 265.

32. *Семеновский.* Условие // *Кавказ*. 1854. № 65. С. 257.

33. *Кавказская поэзия* // *Кавказ*. 1854. № 77. С. 305. Подпись: –.

34. *Фельетон* // *Кавказ*. 1854. № 26. С. 101–102.

35. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 51, ч. 1. Л. 50 об.

36. *Ходзько А.* Кер-Оглу, восточный поэт-наездник: (Полное собрание его импровизаций присовокуплением его биографии) // *Кавказ*. 1856. № 21. С. 83–84; № 22. С. 86–88; № 23. С. 91–92; № 24. С. 94–96; № 26. С. 103–104; № 27. С. 107–108; № 30. С. 118–119; № 31. С. 123–124; № 32. С. 129–130, № 33. С. 133–134; № 34. С. 137–138; № 36. С. 144–146; № 37. С. 149–150; № 38. С. 153–154; № 39. С. 156–158; № 40. С. 161–162; № 41. С. 165–166; № 42. С. 169–170. Подпись: С. Пеннь.

37. *Гонзалес Э.* Les Danseuses Du Caucase // *Кавказ*. 1876. № 145. С. 1–2; № 146. С. 1–2; № 147. С. 2; № 148. С. 2; № 149. С. 1–2; № 150. С. 2.

38. *Делиля-Ель* мухтале // *Кавказ*. 1851 № 97. С. 393–395; 1852. № 3. С. 9–11; № 6. С. 21–23; № 7. С. 25–27; № 8. С. 29–31; № 9. С. 33–34. Подпись: перевелъ Нассикъ-Эфенди.

39. *Восточное сказание* // Кавказ. 1853. № 66. С. 283–284.
40. *Персидская литература* // Кавказ. 1873. № 25. С. 1–2.
41. *Руставели Ш.* Приезд Автандила к Фридону после разлуки его с Таризлом Кавказ // Кавказ. 1849. № 22. С. 35–36. Подпись: А. Абашидзе.
42. *Микеладзе А.* России // Кавказ. 1854. № 26. С. 103. Подпись: Кн. Ал. Микеладзе.
43. *Антонов З.* На вступление в Тифлис Драгунского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича и Его Светлости князя Варшавского Графа Паскевича Эриванского полков // Кавказ. 1854. № 29. С. 115. Подпись: Зураб Антонов.
44. *Песня о Чолокском вожде* // Кавказ. 1854. № 77. С. 305–307.
45. *Плачь грузин по императоре Николае 1-мъ* // Кавказ. 1855. № 23. С. 93–94. Подпись: Кн. Г. Эристов.
46. *Вождю победителей (Песнь)* // Кавказ. 1859. № 70. С. 385. Подпись: Ив. Кереселдзе.
47. *Генерал-фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому (по случаю возвращения его Сиятельства из Петербурга)* // Кавказ. 1860. № 17. С. 91. Подпись: Димитрий Бериев.
48. *Письма в С.-Петербургъ. XXXI* // Кавказ. 1863. № 37. С. 229–231. Подпись: Ротмистрь кн. Ал. Микеладзе.
49. *По случаю посещения Имеретии Ея Императорским Высочеством, Государыней Великой Княгиней Ольгой Феодоровной* // Кавказ. 1865. № 8. С. 41–42. Подпись: Княгиня Мачабели.
50. *Церетели А.* Князь Воронцов // Кавказ. 1883. № 103. С. 3.
51. *Ломизе Хр.* А.М. Дондукову-Корсакову // Кавказ. 1882. № 142. С. 2.
52. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / ред.кол.: И.А. Айзиева, Э.М. Жиялова, Ф.Е. Канунова, О.Б. Лебедева, И.А. Поплавская, Н.Е. Разумова, Н.Б. Реморова, Н.В. Серебренников, А.С. Янушкевич (гл. редактор). Т. 1: Стихотворения 1797–1814 гг. / ред. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич. М., 1999. 760 с.
53. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 11 (первый полутом) : Проза 1810–1840-х гг. / ред.: Янушкевич А.С.; редкол.: Айзикова И.А., Жиялова Э.М., Киселев В.С., Лебедева О.Б., Никонова Н.Е., Поплавская И.А. М. : Языки славянской культуры (Кошелев А.), 2016. 1048 с.
54. *Киселев В.С.* Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: Юбил. изд. / подгот. текстов и приложений И.А. Айзикова, В.С. Киселёв, Н.Е. Никонова. М., 2015. С. 470–493.
55. *Никонова Н.Е.* Образы Наполеона в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: Юбил. изд. / подгот. текстов и приложений И.А. Айзикова, В.С. Киселев, Н.Е. Никонова. М., 2015. С. 494–505.
56. *Памятники письменности Грузии* // Кавказ. 1849. № 26. С. 102–103. Подпись: князь Георгий Баратов.
57. *Искатель невозможного* // Кавказ. 1860. № 37. С. 227–229. Подпись: с груз. Н. Б.
58. *Чавчавадзе И.* [С грузинского] // Киевлянин. 1898. № 148. С. 2.
59. *Чавчавадзе И.* Поэт // Киевлянин. 1900. № 37. С. 2;
60. *Чавчавадзе И.* Элегия // Киевлянин. 1900. № 37. С. 2.
61. *Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация : коллективная монография, посвященная 25-летию кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета / под ред. Н.Е. Никоновой, Ю.С. Серягиной.* Томск, 2020. С. 30.

References

1. Zhilyakova, N.V. (2020) World literature in the mirror of provincial periodicals. Review of a series of anthologies and a study guide on foreign literature translations in pre-revolutionary Siberian newspapers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 64. pp. 313–317. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/64/18
2. Tatarchuk, E.P. (2005) *Perevodnaya frantsuzskaya literatura v zhurnalakh 1820–1840-kh godov i formirovanie russkoy prozy* [Translated French literature in magazines of the 1820s – 1840s and the formation of Russian prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Nikonova, N.E. (2020) *Perevodnaya poeziya v periodike regionov dorevolutsionnoy Rossii* [Translated poetry in the periodicals of the regions of pre-revolutionary Russia]. In: Nikonova, N.E. & Seryagina, Yu.S. (eds) *Russkaya i zarubezhnaya slovesnost'; retseptsiya, perevod, kommunikatsiya* [Russian and Foreign Literature; Reception, translation, communication]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 7–31.
4. Nikonova, N.E. (2018) Translation and translators in tomsk literary periodicals at the late 19th century (I.I. Pochekas, P.A. Grabovsky, A.O. Stanislavsky and P.L. Chernevich). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 9. pp. 30–52. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/3
5. Burdzhnaze, K.V. (1970) *Voprosy perevoda v gruzinskoy literaturnoy kritike vtoroy poloviny XIX veka* [Questions of translation in Georgian literary criticism of the second half of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.
6. Odzeli, M.V. (1984) *Problemy svyazey gruzinskoy literatury s angliyskoy (gruzinskaya literatura i tvorchestvo Charl'za Dikkensa)* [Problems of relations between Georgian literature and English (Georgian literature and the work of Charles Dickens)]. Abstract of philology Cand. Diss. Tbilisi.
7. Mkhitarian, M.A. (1976) *Iz istorii vostochnoarmyanskoj periodicheskoy pechati vtoroy poloviny 19 veka ("Pordz", "Ardzagank")* [From the History of the Eastern Armenian Periodical Press of the Second Half of the 19th Century (Pordz, Ardzagank)]. Yerevan: Armenian SSR AS. (In Armenian).
8. Matiashvili, G.A. (1984) *Tvorchestvo Il'i Chavchavadze v russkikh perevodakh i literaturnoy kritike (1863–1907 gg.)* [The work of Ilya Chavchavadze in Russian translations and literary criticism (1863–1907)]. Philology Cand. Diss. Tbilisi.
9. Makharadze, N.A. (1984) *Russkaya gazeta na Kavkaze v 40-50-e gody XIX veka ("Zakavkazskiy vestnik" i "Kavkaz" v 1845–1856 gg.)* [Russian newspaper in the Caucasus in the 1840–1850s ("Transcaucasian Bulletin" and "Caucasus" in 1845–1856)]. Tbilisi: Tbilisi State University.
10. Kiselev, V.S. (2015) Ideologicheskiy kontekst "Sobraniya stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu" [The ideological context of the Collected Poems on the Unforgettable 1812]. In: Ayzikova, I.A., Kiselev, V.S. & Nikonova, N.E. (eds) *Sobranie stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu* [Collected Poems on the Unforgettable 1812]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 446–469.
11. Zawodziński, K.W. (1946) W stulecie romantycznego tomu poezji. *Twórczość*. 10. pp. 121–135.
12. Osuch, T. (2002) O sud'be ssyl'nykh pol'skikh literatorov v Gruzii vo vtoroy treti XIX veka: Tadeusz Lada-Zablotskiy [About the fate of exiled Polish writers in Georgia in the second third of the 19th century: Tadeusz Lada-Zablotsky]. *Acta Polono-Ruthenica*. 7. pp. 15–23.
13. D.Ch. (1846) Zamechaniya na perevod "Barsovoy kozhi" [Comments on the translation of "Leopard skin"] *Kavkaz*. 27. pp. 106–107.
14. Kavkaz. (1846) Otvet na zamechaniya g. D.Ch. Na perevod otryvka iz poemy "Barsova kozha" pomeshchennogo v № 15 gazety "Kavkaz" [Response to Mr. D.Ch.

comments on the translation of an excerpt from the poem “Leopard Skin” placed in No. 15 of the *Kavkaz* newspaper]. *Kavkaz*. 29. pp. 113–114.

15. Vatsuro, V.E. (2001) Pervyy russkiy perevodchik “Vityazya v tigrovoy shkure” [The first Russian translator of “The Knight in the tiger skin”]. *Ruthenia*. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/document/530593.html#26>. (Accessed: 10.09.2021).

16. *Kavkaz*. (1846) Stsena iz pokoreniya Dzharo-Belakan [Scene from the conquest of Dzharo-Belakan]. *Kavkaz*. 4. pp. 13–15.

17. Aygoni, Sh. (1846) Dagestanskoe predanie [Dagestan legend]. *Kavkaz*. 24. pp. 93–94.

18. Maysurov, M. (1846) Zamok Vardtsikhe [Vardtsikhe Castle]. *Kavkaz*. 30–32.

19. Khan-Girey, S. (1846) Naezd kunchuka. (Predanie) [The arrival of Kunchuk. (A Legend)]. *Kavkaz*. 37–38.

20. Zisserman, A. (1846) Buba (Lezginskaya byl') [Buba (A Lezgin Tale)]. *Kavkaz*. 44. pp. 173–174.

21. *Kavkaz*. (1846) Mta-Tsminda, ili Svyataya gora (Predanie) [Mta-Tsminda, or the Holy Mountain (A Legend)]. *Kavkaz*. 49. pp. 193–194.

22. Tushinets, I.T. (1846) Diklo i Shanako [Diklo and Shanako]. *Kavkaz*. 27. pp. 105–107.

23. Lisitsev, D. (1846) Rasskaz plennoogo tushintsa [The story of the captive tushinets]. *Kavkaz*. 35. pp. 157–158.

24. De Sen-Toma, V. (1846) Sud" ottsa [The father's judgment]. *Kavkaz*. 45. pp. 177–179.

25. Evlakhov, I. (1846) Otryvok iz poemyy “Barsova kozha” [Excerpt from the poem “Leopard Skin”]. *Kavkaz*. 15. P. 59.

26. Bartdinskiy, I. (1846) Otryvok iz poemyy “Tariel", Barsova kozha” [Excerpt from the “Tariel, Leopard skin” poem]. *Kavkaz*. 27. P. 107.

27. Strshel'niyskiy, V. (1846) Dva uzdenya [Two uzdens]. *Kavkaz*. 18–21, 23.

28. A.V. (1846) Skazka o Kara-Oglu [The Tale of Kara-Oglu]. *Kavkaz*. 39. pp. 153–154.

29. Polonskiy, Ya. (1846) Gruzinka [A Georgian woman]. *Kavkaz*. 31. P. 121.

30. *Kavkaz*. (1846) Soldatskaya skazka [A Soldier's tale]. *Kavkaz*. 46. P. 181.

31. *Kavkaz*. (1854) Fel'eton [Feuilleton]. *Kavkaz*. 67. P. 265.

32. Semenovskiy. (1854) Uslovie [A Condition]. *Kavkaz*. 65. pp. 257.

33. *Kavkaz*. (1854) Kavkazskaya poeziya [Caucasian poetry]. *Kavkaz*. 77. P. 305.

34. *Kavkaz*. (1854) [Feuilleton] *Kavkaz*. 26. pp. 101–102.

35. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 776. List 12. 1883. File 51. Part 1. P. 50 reverse.

36. Khodz'ko, A. (1856) Ker-Oglu, vostochnyy poet-naezdnyk (Polnoe sobranie ego improvizatsiy prisovokupleniem ego biografii) [Ker-Oglu, the Oriental poet-rider (The complete collection of his improvisations with the addition of his biography)]. *Kavkaz*. 21–24, 26, 27, 30–34, 36–42.

37. Gonzales, E. (1876) Les Danseuses Du Caucase. *Kavkaz*. 145–150.

38. *Kavkaz*. (1851–1852) Delilya-El' mukhtale. Translated by Nassik-Efendi. *Kavkaz*. 97, 3, 6–9.

39. *Kavkaz*. (1853) Vostochnoe skazanie [Oriental legend]. *Kavkaz*. 66. pp. 283–284.

40. *Kavkaz*. (1873) Persidskaya literatura [Persian literature]. *Kavkaz*. 25. pp. 1–2.

41. Rustaveli, Sh. (1849) Priezd Avtandila k Fridonu posle razluki ego s Tarielom *Kavkaz* [Avtandil's arrival to Fridon after his separation from Tariel *Kavkaz*]. *Kavkaz*. 22. pp. 35–36.

42. Mikeldadze, A. (1854) Rossii [To Russia]. *Kavkaz*. 26. P. 103.

43. Antonov, Z. (1854) Na vstuplenie v Tiflis Dragunskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knyazya Nikolaya Nikolaevicha i Ego Svetlosti knyazya Varshavskogo Grafa Paskevicha Erivanskogo polkov [On the entry into Tiflis of His Imperial Highness Grand Duke Nikolai Nikolaevich and His Serene Highness Prince of Warsaw Count Paskevich of Erivan Dragoon regiments]. *Kavkaz*. 29. P. 115.

44. Kavkaz. (1854) Pesnya o Cholokskom vozhdе [The song of the Cholok leader]. *Kavkaz*. 77. pp. 305–307.
45. Eristov, G., Prince. (1855) Plach” gruzin po imperatore Nikolae 1-m” [The lament of the Georgians for Emperor Nicholas I]. *Kavkaz*. 23. pp. 93–94.
46. Kereselidze, Iv. (1859). Vozhdyu pobediteley (Pesn’) [To the leader of the victors (A Song)]. *Kavkaz*. 70. P. 385.
47. Beriev, D. (1860) General-fel’dmarshalu knyazyu A. I. Baryatinskomu (po sluchayu vozvrashcheniya ego Siyatel’s’tva iz Peterburga) [To Field Marshal General Prince A.I. Baryatinsky (on the occasion of His Excellency’s return from Saint Petersburg)]. *Kavkaz*. 17. P. 91.
48. Mikeladze, A., Prince. (1863) Pis’ma v S.-Peterburg”. XXXI [Letters to Saint Petersburg. 31]. *Kavkaz*. 37. pp. 229–231.
49. Machabeli, Princess. (1856) Po sluchayu poseshcheniya Imeretii Eya Imperatorskim Vysochestvom, Gosudaryney Velikoy Knyaginey Ol’goy Feodorovnoy [On the occasion of Her Imperial Highness, Empress Grand Duchess Olga Feodorovna’s visit to Imereti]. *Kavkaz*. 8. pp. 41–42.
50. Tsereteli, A. (1883) Knyaz’ Vorontsov [Prince Vorontsov]. *Kavkaz*. 103. P. 3.
51. Lomize, Khr. (1882) A.M. Dondukovu-Korsakovu [To A.M. Dondukov-Korsakov]. *Kavkaz*. 142. P. 2.
52. Zhukovskiy, V.A. (1999) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoi kultury.
53. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 11. Part 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
54. Kiselev, V.S. (2015) Knizhnye i zhurnal’nye istochniki “Sobraniya stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” [Book and magazine sources for the Collected poems on the unforgettable 1812. Anniversary edition]. In: Ayzikova, I.A., Kiselev, V.S. & Nikonova, N.E. (eds). *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu* [Collected Poems on the Unforgettable 1812]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. pp. 470–493.
55. Nikonova, N.E. (2015) Obrazy Napoleona v “Sobranii stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” [Images of Napoleon in the Collected poems on the unforgettable 1812]. In: Ayzikova, I.A., Kiselev, V.S. & Nikonova, N.E. (eds) *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu* [Collected Poems on the Unforgettable 1812]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. pp. 494–505.
56. Baratov, G., Prince. (1849) Pamyatniki pis’mennosti Gruzii [Monuments of the written language of Georgia]. *Kavkaz*. 26. pp. 102–103.
57. N.B. (1860) Iskatel’ nevozmozhnogo [The Seeker of the impossible]. Translated from Georgian. *Kavkaz*. 37. pp. 227–229.
58. Chavchavadze, I. (1898) [S gruzinskogo] [[From Georgian]]. *Kievlyanin*. 148. P. 2.
59. Chavchavadze, I. (1900) Poet. *Kievlyanin*. 37. P. 2. (In Russian).
60. Chavchavadze, I. (1900) Elegiya [Elegy]. *Kievlyanin*. 37. P. 2.
61. Nikonova, N.E. & Seryagina, Yu.S. (eds) (2020) *Russkaya i zarubezhnaya slovesnost’: retseptsiya, perevod, kommunikatsiya* [Russian and Foreign Literature: Reception, translation, communication]. Tomsk: Tomsk State University. p. 30.

Информация об авторах:

Никонова Н.Е. – д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Даниелян Т.Р. – канд. филол. наук, доцент кафедры армянского языка и литературы Ванадзорского государственного университета им. Ов. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: t5plus@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.Ye. Nikonova, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

T.R. Danielyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: t5plus@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2021;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 20.10.2021;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/79/13

«Самодостраивающийся сверхсюжет» о поэте-пророке в русской поэзии XIX–XX вв.

Татьяна Владимировна Обласова¹

¹ *Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
tatianaoblasowa@yandex.ru*

Аннотация. С опорой на идеи С. Бочарова о наличии в пространстве русской литературы «самодостраивающихся сюжетов» рассматривается ряд стихотворений XIX–XX вв., диалогически связанных через заголовки, мотивы, образы как компоненты одного из таких сюжетов. Интертекстуальный анализ позволяет обнаружить в русской лирике «сверхсюжет» о судьбе поэта-пророка, воспроизводящий этапы духовных исканий творческого субъекта, обусловленные самосознанием и миропониманием человека различных историко-культурных эпох.

Ключевые слова: «самодостраивающийся сверхсюжет», Пророк, миссия поэта, путь самопознания творческого субъекта

Для цитирования: Обласова Т.В. «Самодостраивающийся сверхсюжет» о поэте-пророке в русской поэзии XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 262–273. doi: 10.17223/19986645/79/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/79/13

The “self-building plot” about the poet-prophet in Russian lyric poetry of the 19th and 20th centuries

Tatyana V. Oblasova¹

¹ *University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, tatianaoblasowa@yandex.ru*

Abstract. Based on the ideas of S.G. Bocharov about the presence of “self-adapting mainstream super-plots”, formed as a result of contacts between works and developing in the field of entire literature in the space of Russian literature, the article proves the possibility of considering a number of Russian lyric poetry works, from Gavrila Derzhavin’s “God” (1784) to Timur Kibirov’s poem “A Pale Youth Coming Out to Print” (1998), as compositional and semantic parts of one of such superplots. The author studied texts dialogically connected through titles, common motifs and images (and above all the image of a poet, who somehow self-identifies in relation to the mission “poet-Prophet”), and focused on reflections on the fate and purpose of the poet and poetry. The intertextual analysis of such texts shows that, for more than 200 years, a special plot “self-aligned” in Russian lyric poetry – a basically dramatic path

of a poet losing his mission, which is a consistent separation from the Creator, people and art as the meanings and goals of his high service. In the course of the analysis, the author has established that it is possible to interpret “what is happening” in Derzhavin’s ode, Pushkin’s, Lermontov’s, Nekrasov’s “The Prophet”, in Bryusov’s poem “A Pale Youth With a Burning Gaze”, then in “The Prophet” by V. Kazantsev, and, finally, in Kibirov’s “A Pale Youth Coming Out to Print” as plot events, compositionally correlated with the exposition, setting, and course of action, the climax and denouement of a single super-plot, unfolding chronologically logically from the point of view of both artistic reality and the historical and cultural context. The author of the article reveals a feature of this super-plot: on the one hand, it is the ideological-figurative “attachment” of the first four in the above-mentioned series of poems to the Biblical texts, and, on the other hand, the explicit going beyond the Sacred history in the 20th century, as a result of which the universal biblical plot is somewhat “finished”. Using the method of structural analysis of poems, the author identifies general constructs which connect texts both with each other and with a universal plot: two planes of space – earthly and another – with the possibility of their meeting at the lyrical subject’s or the described actor’s location and interdimensional movements; established or recalled contact with a transcendental entity; the inevitability of sacrifice; self-determination in relation to the mission of the Prophet. The general conclusion is drawn about the dramatic nature of the unfolding path of the poet-Prophet, which also manifests itself at the level of pathos: a change in intonation from odic at the beginning to ironic in the final text, which signifies the collapse of the very idea of poetry serving to anything and the impossibility for poetry to acquire meaning beyond itself.

Keywords: “self-building plot”, Prophet, mission of poet, way of creative subject’s self-determination

For citation: Oblassova, T.V. (2022) The “self-building plot” about the poet-prophet in Russian lyric poetry of the 19th and 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 262–273. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/13

Анализ ряда стихотворений, диалогически связанных через образ поэта-пророка, позволяет обнаружить их отнесенность к такому явлению, которое С.Г. Бочаров назвал «самодостраивающимися магистральными сверхсюжетами», образующимися в результате контактов произведений, иногда предусмотренных, иногда не предусмотренных их авторами и «развивающимися в поле целой литературы», представляемом как метапроизведение [1. С. 8]. Очевидно, значение, в котором С. Бочаровым используется понятие «сверхсюжет», несколько выходит за рамки представления о нем как универсальном сюжете, устойчивой фольклорно-мифологической событийной схеме, берущей начало в мифе и/или ритуале и облекаемой в конкретно-исторические и конкретно-бытовые формы в том или ином произведении. И в этом случае сверхсюжет являет себя, по определению В.М. Марковича, как «возникающий в повествовании о героях «символический подтекст», перерастающий эмпирическое содержание образов и сюжета, но в то же время неразрывно связанный с этим содержанием, в конечном счете расширяющий и углубляющий универсальный сюжет» [2. С. 21]. Существенными признаками «самодостраивающегося сверхсюжета» является не только наличие в нем некоторых инвариантных компонентов, соотнесенных с тем

или иным универсальным сюжетом, но и его принципиальная композиционная «рассредоточенность» – реализация в нескольких текстах, принадлежащих разным авторам. При этом тексты представляют собой не воспроизведение и индивидуально-авторское осмысление одной универсальной схемы, но обнаруживают преемственность сюжетно-событийного ряда, обеспечивающую движение сюжета, порождающего новую «сверхидею», носителем которой становится образовавшийся «в результате контактов» некоторого числа произведений «сверх-текст».

И несколько стихотворений в русской лирике, а именно «Бог» Г.Р. Державина, «Пророк» А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Вас. Казанцева, «Юному поэту» В. Брюсова и «Юноша бледный, в печать выходящий...» Т. Кибирова, принадлежащие различным историко-культурным и историко-литературным периодам, связанные на уровне заголовков, хронотопа, лирического субъекта, событийного ряда, на наш взгляд, могут быть рассмотрены как компоненты одного из таких «самодостраивающихся сверхсюжетов». Сюжет этот – драматичный в своей основе путь утраты поэтом его миссии, последовательного отъединения от Творца, людей и искусства как смысла и цели его высокого служения. Разворачивающийся в русской лирике на протяжении двухсот лет сверхсюжет по сути своей воспроизводит этапы духовных исканий творческого субъекта и в некотором роде «кристаллизует» ключевые вехи на пути самопознания литературой ее сущности и назначения, обусловленные сменой историко-культурных эпох. Особенность данного сверхсюжета состоит в том, что, будучи «прикрепленным» четырьмя первыми в названном ряду стихотворениями XIX в. как образно-художественными вариантами к Библейским текстам, в XX в. он именно «дописывается», выходя за пределы Священной истории.

Несмотря на то, что линейка Пророков в русской лирике номинативно начинается с «Пророка» А.С. Пушкина, есть основания возвести начало данного «самодостраивающегося сверхсюжета» к державинской оде «Бог». Именно в ней заявлены основные параметры ситуации, т.е. те самые инвариантные компоненты, которые будут воспроизводиться или «вспоминаться» в общих чертах при последующих «сюжетных» поворотах.

Во-первых, это общение с трансцендентным: лирический субъект вступает с Богом в некоторые отношения. У Г.Р. Державина, единственного в данном ряду, это непосредственный диалог с Богом, что номинируется через местоимения второго лица «ты», «тебя», «твое», а также прямое обращение «Отец». В последующих стихотворениях контакт опосредуется: например, сначала явлением Серафима и только затем обращением Бога с «заданием» («Бога глас ко мне воззвал») у А.С. Пушкина. У М.Ю. Лермонтова сам факт общения не представлен, есть воспоминание о нем: «Когда Всевышний судия мне дал всеведение пророка» и «любви и правды чистые ученья». Некрасовского пророка послал к людям «Бог гнева и печали». У Вас. Казанцева – «прокатился гром в пустыне». Передаваемые «заветы» у В. Брюсова ассоциативно отсылают к «Новому завету». Наконец, у

Т. Кибирова трансцендентная сущность исчезает совершенно и передаются уже не заветы, а даются советы – совершенно человеческая, даже бытовая реальность, никак не связанная с Богом, однако само отрицание возможно только с учетом предшествующего литературного контекста размышлений о пророческом даре: «Ты не пророк».

Во-вторых, межпространственное перемещение лирического субъекта: «летаю всегда пареньем в высоты» и «телом в прахе истлеваю», как у Державина; из/в пустыни у Пушкина, Лермонтова и Вас. Казанцева, противопоставленные другим местам – городу («из городов бежал я нищий» у Лермонтова), морям и землям («и обходя моря и земли») у Пушкина; у Т. Кибирова «юноша бледный» тоже «выходит» – в «печать», которая через глагольную форму «выходящий» ассоциативно подключает «выходящего в печать юношу бледного» к контексту всех «выходов» лирических субъектов, саморефлексируемых как субъект-поэт: «в пустыне мрачной я влачился», «выхожу один я на дорогу» и др.

В-третьих, наличие мотива жертвы, неизбежной гибели, смерти, изгнания, физического или нравственного страдания: «...телом в прахе истлеваю... чтоб чрез смерть я возвратился, Отец, в бессмертие твое» (Державин); «Грудь рассек мечом...», «Как труп в пустыне я лежал...» и т.д. (Пушкин); «Из городов бежал я нищий...», «бросали бешено камень...» (Лермонтов); «Час придет – он будет на кресте...» (Некрасов); «Молча паду я бойцом побежденным...» (Брюсов); «Лежу – подкошенный – во прахе...» (Вас. Казанцев); «юноша бледный» (Т. Кибиров).

И наконец, каждый из лирических субъектов так или иначе связан с осмыслением миссии поэта. У Державина миссия заключается в прославлении Бога как подателя жизни и создателя вселенной и устремленности к нему как воплощению высокого: «Как им к тебе лишь возвышаться, / В безмерной разности теряться / И благодарны слезы лить». Пушкинское – «глаголом жгя сердца людей»; лермонтовский пророк осознал миссию как «провозглашение любви и правды чистые учения», пророк у Некрасова послан «раба земли напомнить о Христе». Идея выполнения неких заветов звучит и у Брюсова: «Ныне даю я тебе три завета». В стихотворении Вас. Казанцева отказ от миссии, от дара: «угль, пылающий огнем... возьми его обратно...». И необходимость осознания отсутствия миссии у Т. Кибирова: «...ты не пророк-заруби себе это».

Данные компоненты во всех названных стихотворениях составляют сюжетную схему, «сверхсюжет» в приведенном выше значении, сформулированном В.М. Марковичем, поверх которого каждым поэтом создается не просто новый текст как вариация на тему с индивидуально-авторским ее осмыслением, а текст, продвигающий «общий» сюжет, превращая его тем самым в «самодостраивающийся сверхсюжет». И при этом у каждого из названных стихотворений в данном сверхсюжете обнаруживается определенное композиционно-смысловое место.

Началом, своеобразной экспозицией представляется ода «Бог» Г.Р. Державина, в которой очевидна идейная и образная соотнесенность с

Первой книгой Моисеевой, фактически поэтическое переложение главы 1 «Бытия»: Хаоса бытность довременну / Из бездн ты вечности воззвал (В начале сотворил Бог небо и землю); Ты свет, откуда свет истек (и сказал Бог: да будет свет, и стал свет); Создавый все единым словом (и **сказал** Бог: да будет свет, и **стал** свет; да будет твердь, да соберется вода... и **стало** так; да произрастит земля зелень – и **стало** так и т.д.); Светил возженных миллионы / В неизмеримости текут (и сказал Бог: да будут светила на тверди небесной). Ода являет доконфликтное состояние мира, пронизанное верой лирического субъекта в благость мира и Творца, четкое и радостное осознание своего места в великом замысле. Первоначальный тезис о ничтожестве человека перед Богом («А я перед тобой – ничто») снимается размышлением о том, что осознание человеком своего существования есть утверждение бытия Бога, поскольку Бог проявляет себя в человеке: «Но ты во мне сияешь / Величеством твоих доброт; / Во мне себя изображаешь, / Как солнце в малой капле вод». Ощущение себя частицей вселенной дает твердые основания для самоопределения человека как «средоточия живущих», «связи миров» и «твари премудрости создателя».

Этим особым положением в мире и объясняется возможность прямого обращения к Богу без посредников и предшествующих перевоплощений, диалог с ним, поскольку его наличие неоспоримо, доказуемо всем устройством бытия, где жизнь и смерть осознаются в рамках целесообразности мудрого замысла («твоей то правде нужно было»). При этом и сердце и ум в равной степени причастны к знанию: «Гласит мое мне **сердце** то, / Меня мой **разум** уверяет...». Важно, что осознание себя причастным Богу (одновременно и прямое – «я бог», и «твое создание я, создатель», и «ты во мне сияешь»), ведет и к обладанию творящим словом, принадлежащим Богу («Создавый все единым словом...») – в связи с чем сама ода есть своеобразный акт утверждения бытия Божия, следовательно, лирический субъект тоже наделен словом утверждающим, близким творящему слову Бога. Таким образом, державинская ода – в прямом смысле и в соответствии с заглавием – о Боге – познаваемом, постижимом, открытом для познания в зримых явлениях мира как предмете поэтического (и шире – человеческого) служения – «славословить должно», славословие, однако мыслится не в прямом значении, а как акты устремления к Богу («ничем иным почтить, как им к тебе лишь возвышаться») и выражения благодарности («и благодарны слезы лить»).

Хронологические следующие три текста – о Пророках (1826, 1841, 1864 гг.) – меняют интенцию миссии поэта: теоцентрически ориентированное слово державинского лирического субъекта как результат бескорыстного творческого порыва сознания, потрясенного величием мира, перенаправляется на мир людей и утверждается «получение» поэтом богоданного задания по отношению к ним. Благостное первородное состояние мира и ощущение человека при ниспослании его на землю (ассоциативно восстанавливаемое из контекста главы 3 Книги бытия – изгнание / выселение из рая) очевидным образом утрачиваются лирическим субъектом.

Пушкинский, лермонтовский, некрасовский Пророки соотносимы с ветхозаветными пророками – и поэтические тексты выглядят как поэтические переложения ветхозаветных историй о Пророках и о слове направленно-убеждающем.

Именно пушкинский «Пророк» представляет собой завязочный эпизод, меняющий экспозиционную картину. И здесь важна соотнесенность текста стихотворения с ветхозаветной историей главы 6 библейской книги пророка Исаии, которая служит источником и самого события, и отчасти образности в пушкинском тексте: явление шестикрылого Серафима, горящий уголь с жертвенника, сущностно изменяющий грешного человека, и голос Господа, посылающего с миссией: «...**пойди и скажи** этому народу...» [З. С. 679]. Но важны и те трансформации библейского текста, которые произведены в «Пророке». В исходном библейском тексте узрение Господа происходит немотивированно и воспринято оно драматично, поскольку незаконно: «...горе мне! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа». Незаконность «узрения Бога» грешным человеком, собственно, снимается действиями одного из Серафимов, принесшего горящий уголь с жертвенника и прикосновением к устам удалившего беззаконие и очистившего грех. В пушкинском же тексте за счет своеобразной детализации и физиологизации манипуляций, в отличие от воспринимаемого эмоционально и физически как индифферентное библейского «коснулся уст моих углем», расширяется и усиливается «болевая» составляющая преобразования физического тела: Серафим **вырвал** грешный **язык**, **грудь рассек** мечом, при этом десница, вкладывающая жало мудрой змеи – **кровавая** (окровавленная). У пушкинского Пророка трансформации подвергаются не только «грешные уста», но все важные органы, сопряженные с духовной работой: зрение, слух, язык, сердце. Как бы пропущенный вопрос Господа, обращенный не к кому-то конкретно («кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?»), в ответ на который субъект библейского текста вызывается: «И я сказал: вот я, пошли меня», и переход сразу к призыву («Бога глас ко мне воззвал») в пушкинском тексте снимает элемент случайности и некоторого самозванства и акцентирует избранность Пророка, получившего свой дар в ответ на «духовную жажду», неудовлетворенность бессмысленным земным существованием («влачением в пустыне»). Меняется причинно-следственная связь, заданная библейским текстом: Исаия сначала увидел Бога и Серафимов, очевидно, испугался («и сказал я: горе мне! погиб я!») и в ответ на его возглас прилетает Серафим и очищает его уста, чтобы он мог говорить о Боге. Пушкинский же Пророк томится «влачением в пустыне», и Серафим является ему не для очищения, не для освобождения его от греховности, а для открытия ему мироздания: «отверзлись вещи зеницы», «внял неба содроганье» и «горний ангелов полет». И сама миссия выглядит эмоционально более заряженной и трудной: вместо библейского «пойди и скажи» – пушкинское «глаголом жги сердца людей», т.е. не просто сообщи нечто, но воспламени / убеди / пробуди.

В соотношении с державинским текстом очевидно сюжетное продвижение: явленное в «Бог» исполненное веры и благодарности существование лирического субъекта почему-то оказалось нарушенным и теперь Бог не открывается ему. Непосредственно явленное, распаханное мироздание, с которым лирический субъект державинского «Бога» вступает в прямое соприкосновение и беседует с Творцом, ощущая себя «частицей целой вселенной, поставленной в середине естества», в пушкинском «Пророке» обнаруживает границу, преодоление которой требует от лирического субъекта принятия страдания и принятия особого дара как миссии через посредника. Переход опосредуется сначала Серафимом, производящим действия, умертвляющие грешную плоть (помним, что у Державина плоть и дух существовали как будто одновременно, во всяком случае грамматически это представлено именно так: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю»). И уже затем лирический субъект оказывается способным услышать Бога глас, призывающий его глаголом жечь сердца людей: таким образом, Бог осознается не в непосредственном созерцании мира или умозрительно, а через миссию, порученную поэту. Меняется назначение поэта, содержание и смысл его слова: с благодарного славословия самому Творцу, со слова благодного и радостного, утверждающего искреннюю веру, граничащую со знанием, на слово тревожащее, жгущее. Собственно, это наказ – речью воспламенять сердца, видимо, для этого сам Пророк и был наделен «углем, пылающим огнем» вместо сердца. При этом важно и то, что когда открылись глаза и уши Пророка, то он обрел прежде всего способность «внимать» и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье, т.е. скрытую жизнь вверх, в глубине и на самой земле, сам ток жизни целого мироздания. Эта способность видеть и внимать миру задана и как призыв – «восстань, и виждь, и внемли», таким образом, преобразование человека в Пророка предусматривается прежде всего как акт познавательный – открытие скрытых свойств жизни.

Хронологически следующий «Пророк» М.Ю. Лермонтова является фактически содержательным продолжением пушкинского стихотворения в контексте той же главы 6 Книги Пророка Исаии. В пушкинском тексте умалчивается о знании Пророком невыполнимости миссии: ветхозаветный Исаия предупрежден, что слова людям об их слепоте и глухоте будут не приняты и люди обречены на гибель, «...ибо **огрубело сердце народа сего**, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и **не уразумеют сердцем**, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. 11 И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. 12 И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле» [3. С. 684]. Создается впечатление, что эта часть сюжета Книги пророка Исаии и восстановлена в стихотворении М.Ю. Лермонтова. Таким образом, отход от миссии (надо заметить, что, с точки зрения Книги Пророка Исаии, миссия в принципе выполнена – он пришел и сказал людям о Боге) и побег лермонтовского Пророка в пустыню, но не

безгласную, не мрачную, а внимлющую и приемлющую его, в соотнесении с библейским сюжетом вполне закономерен и оправдан: «Мне тварь покорна там земная, / И звезды слушают меня, / Лучами радостно играя».

И наконец, третий поэтический текст о судьбе Пророка – некрасовский – образно соотносится уже не с ветхозаветным текстом, а с текстом Нового Завета через лексический ряд: распятие, крест, смерть для других, знание собственной судьбы и сознательный выбор этой судьбы, служение добру, напомнить о Христе. Важно, что уже не слову принадлежит убеждающая сила (бессилие пророческого слова означено как факт в стихотворении Лермонтова) – напоминание должно быть действенным: «час придет – он будет на кресте» – напоминание о судьбе и правде Христа, чтобы быть услышанным, очевидно, требует большей жертвы. Пророческая миссия передается тому, кто готов пожертвовать собой – «умереть для других». Безусловно, такой взгляд на Пророка озаменован в целом идейными движениями эпохи делания, действия, поступка, в которую поэзия как слово о прекрасном мире оказалась неуместной. Собственно, роль поэзии как пророческого слова отринута: она больше не нужна, поскольку озабочен некрасовский Пророк «рабами земли» и напоминанием им не о Боге, а о Христе, т.е. о любви к человеку и его жертве во имя этой любви, а не Творцу и сотворенному им миру. Таким образом, можно зафиксировать переакцентировку смысла и цели жизни на служение земному и человеческому.

Хронологически следующие три стихотворения: «Юному поэту» В. Брюсова (1896), «Пророк» Вас. Казанцева (1970), «Юноша бледный, в печать выходящий...» Т. Кибирова (1998) – это своеобразные три акта отречения поэзии от причастности пророческому слову, то самое трехкратное отречение Петра, которое было предсказано Христом.

На роль Пророка в стихотворении В. Брюсова может претендовать не юный поэт, к которому обращено послание, а лирический субъект, поскольку он является носителем и субъектом передачи заветов – «ныне даю я тебе три завета». Семантика же слова «завет» в русской культуре имеет очевидную религиозную отнесенность, что позволяет трактовать «заветы», данные «юноше бледному, со взором горящим», как новые правила взаимоотношений Бога и поэта, некогда наделенного самим же Богом словом пророческим, словом о Боге: новая установка формулирует разъединение миссии пророка и поэта, поэзии и любви к людям, провозглашая служение искусству выше служения человечеству (никому **не** сочувствуй) и актуальному – злободневному (**не** живи настоящим), своеобразное извлечение-исключение из поэтического слова пророческого содержания. При этом провозглашение поклонения искусству как сфере подлинного служения обнаруживает явное противоречие с заповедью – не сотвори себе кумира, поскольку как раз и предполагает замещение божества искусством, что и позволяет говорить о лирическом субъекте Брюсова как о скорее своего рода отступнике от первоначальной миссии и, более того – воинствующем отступнике: «молча паду я бойцом побежденным / Зная, что в мире оставил поэта».

Акт отречения продолжается и, пожалуй, завершается в двухчастном стихотворении Вас. Казанцева «Пророк» (1969, 1970 гг.), по драматизму и эмоциональному напряжению, на наш взгляд, претендующему на то, чтобы занять место кульминационного момента «самодостраивающегося сверхсюжета». Поэт-пророк дерзнул обратиться не с духовным вопрошанием к Богу, а с отказом от дара, оказавшегося слишком тяжелым бременем: «И плащ, и посох в тягость мне... / Но горше, тягостней стократно – / Угль негасимый в глубине / Он – жжёт... Возьми его обратно!» Действия в стихотворении выстраиваются обратно тому, что происходило в пушкинском тексте: «И он мне грудь мечом **рассёк**» – обратность действий отражена на уровне порядка слов: в пушкинском тексте «И он мне грудь **рас-сек** мечом». После рассечения мечом в пушкинском тексте следует целая серия действий – сердце трепетное вынул и угль, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул. Глас Бога у Пушкина есть призыв от смерти к новой жизни: «Как труп в пустыне я лежал, и Бога глас ко мне воззвал». В тексте Казанцева после рассечения груди следует голос, воспринимаемый как «гром в пустыне», объявляющий об окончании пророческой миссии и страданий, с нею связанных: «Забудь свою печаль. Отныне / Ты – не пророк, но человек». Следующее за этим преобразование мира в «мертвую пустыню, безглагольную» так же обратно преобразению в пушкинском тексте. Возникает перекличка с одой Державина: «...лежу, подкошенный во прахе» («я телом в прахе истлеваю»), но с очевидным отсутствием второй составляющей – «умом громам повелеваю» и без возможности «паренья в высоты». Собственно, отсутствие этого выхода в иное бытие, сопряженное с присутствием Бога, оказывается губительным: «Хотел шагнуть я. И... упал / Лежу – подкошенный – **во прахе**. / В груди – зияет след меча / Незаживающею раной. / **Песок** – светла и горяча – / Кровь красит струйкою багряной». Решившись на отказ от полученного дара, поэт-Пророк проявил своеволие, а значит, гордыню человека, полагающего, что он может распоряжаться своей судьбой и своим даром, о чем, собственно, получил предупреждение в первом из двух стихотворений, объединенных общим заголовком «Пророк»: «Ты не сочти из простоты, / Мгновенною гордыней болен, / Что волен слышать голос ты / И голоса не слышать волен».

Закономерной развязкой данного сверхсюжета выглядит стихотворение Т. Кибирова «Юноша бледный, в печать выходящий». Интертекстуально соотнесенное со стихотворением В. Брюсова «Юноша бледный со взором горящим», оно вступает с ним в полемику, отрицая не только данные в нем «новейшие» заветы юному поэту, но и переоценивая в целом всю предшествующую традицию восприятия поэта как пророка. Отрицающая формулировка дана в подчеркнуто сниженной разговорной манере: «...ты не пророк – заруби себе это!» Поклонение искусству, названное у Брюсова единственно достойным («поклоняйся искусству, только ему...»), у Кибирова оценивается как «вовсе последнее дело». И «юноша бледный», связанный у Брюсова через «взором горящим» с образным рядом пушкинского Пророка – «угль, пылающий огнем», «глаголом жги», также снижен и прямым

отрицанием «ты не пророк», и направлением своего движения – «в печать выходящий» (а не в «естественную» для Пророков «пустыню»). Таким образом, текст Кибирова прочитывается как манифест отхода и от пророческого в литературе, и от литературного вообще, отказ и от теоцентризма, и от искусствовцентризма (литературоцентризма) как смыслоорганизующих начал жизни, и от богоданности миссии поэта. В этом контексте значение слова «настоящее» («живи настоящим») иное, чем у Брюсова, заявившего «не живи настоящим»: в брюсовском стихотворении «настоящее» дано в антонимической паре с «грядущим» и поэтому прочитывается как «сегодняшнее». В стихотворении Т. Кибирова в сочетании с отрицанием «И поклоняться Искусству не надо» настоящее может прочитываться как жизненное, подлинное, не искусственное.

Итак, в совокупности названные выше стихотворения очевидным образом соединяются в самодостраивающийся внутренне развивающийся сюжет о судьбе поэта, который вполне может рассматриваться как саморефлексия литературы о собственном месте и назначении. Сюжет этот, собственно о том, как поэт, изначально приобщенный к Божественному началу мира, постепенно утрачивает связь с первоисточником, разочаровывается в предназначении и фактически не осуществляется как Пророк сначала для людей, а затем и для самого себя, отказываясь от в сущности невыполнимой миссии. Для державинского поэта славословие Бога было порывом вследствие естественного восхищения перед чудом и величием бытия, красота и гармония которого не оставляли сомнения в наличии мудрого грандиозного замысла, исполненного любви к человеку и всему сотворенному, что само по себе являлось доказательством бытия Божьего. Собственно, в этом отразилось сознание человека эпохи классицизма, «мира неизменных, четких критериев и оценок, твердых представлений о добре и зле, пороке и добродетели, истине и лжи...», человека, жившего «в строго упорядоченном мире, ясно сознавая свое место в нем» [4. С. 4]. Очевидно, это сознание было во многом унаследовано от древнерусского искусства, пронизанного, по определению Д.С. Лихачева, чувством «значительности происходящего, значительности всего временного, значительности истории человеческого бытия...» и памятью «о мире в целом как огромном единстве, ощущением своего места в этом мире» [5. С. 10]. «Большой мир и малый, Вселенная и человек! Все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека... Человек ощущал себя в большом мире ничтожной частицей и все же участником мировой истории. В этом мире все значительно, полно сокровенного смысла... Ощущение значительности и величия мира лежало в основе литературы» [5. С. 11]. Именно это восприятие мира отражено в оде Г.Р. Державина «Бог».

Но поэту XIX в. ненаправленное славословие Бога как подателя жизни оказалось недостаточным, он обратил взор и Слово свое на человечество, появилась потребность воздействовать на людей, искать новый смысл жизни. У Державина же лирический субъект «несытым некаким» летал

«пареньем в высоты» – ни о каком «влачении в пустыне» речи не могло быть: ответы находились в «чине природы», «в разуме», «в сердце», в собственной душе («тебя душа моя быть чаёт», «гласит мне сердце», «разум уверяет» – «Ты есть – и я уж не ничто!»). Порыв к служению, к деянию – глаголом, провозглашением любви и правды чистых учений, собственной гибелью – явился, вероятно, как один из ответов на вопрос, которые В.Я. Линков называет главным для XIX в., – это «вопрос о ценности жизни, ее оправдании», как путь избавления от «томления» и реализацией «стремления к обладанию ценностями, придающими смысл жизни» [4. С. 5]. Три Пророка XIX в. знаменуют переживания человека, пытающегося обрести смысл жизни в служении людям, добру, правде: искренняя вера в возможность такого служения у Пророка пушкинского, разочарование – у Лермонтова, согласие на жертву во имя любви к людям, смирение перед неизбежностью гибели, принятие ее части миссии – у Некрасова.

Однако на рубеже XIX–XX вв. поэт все же отворачивается от служения людям, пытается искать новый предмет поклонения, и в качестве такового выбирается искусство, что согласуется с общими исканиями порубежной эпохи, снова разочарованной и снова обращенной от земного и сиюминутного к вечному и незыблемому.

Тем не менее и этот объект направленного служения оказался временным. И в 1970 г. лирический субъект очередного «Пророка» (Вас. Казанцева) признается в непосильности бремени как такового, нестерпимости самого внутреннего огня: «...горше, тягостней стократно / Угль негасимый в глубине. / Он – жжет». И уже Казанцевым окончательно зафиксирована смерть поэта – Пророка: «...упал / Лежу – подкошенный – **во прахе**», истекая кровью. После этого и появляется поэт – как «юноша бледный, в печать выходящий», не имеющий оснований даже помыслить себя в качестве Пророка.

Можно проследить, как от начала к концу меняется интонация поэтического свертхтекста – с одической на ироническую, проходя через пафос жизнеутверждения (у Пушкина), порожденного радостью обретения человеческого телом и духом новых свойств, открывающих мироздание как одухотворенное, обретением веры в возможность подчинения жизни исполнению свыше назначенной миссии как ее смысла; через разочарование (у Лермонтова) и утрату веры в исполнимость миссии; через пафос утверждения подвига и жертвенности (у Некрасова) как высших форм жизни; через открытие возможности служения искусству и, наконец, к отчаянию и краху самой идеи служения, за которым – почти бытовое признание безмиссийности поэтического творчества у Т. Кибирова.

Движение свертхсюжета о поэте-пророке в свернутом виде воспроизводит духовные искания и путь самопознания творческого субъекта на протяжении двух столетий русской литературы. Русская поэзия как бы порождает летопись собственной судьбы, написанную очевидцами в различные эпохи ее бытования и учитывавшими опыт предшественников (за исключением, пожалуй, Пророков Пушкина и Лермонтова, ассоциативная при-

вязка которых к одному библейскому тексту позволяет рассматривать их как две последовательные стадии одного события). И к настоящему времени сюжет утраты самоопределения поэта как пророка выглядит вполне завершенным.

Список источников

1. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. 632 с.
2. Мелетинский Е. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. М., 1991. 925 с.
4. Линков В.Я. История русской литературы XIX века в идеях : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2008. 192 с.
5. Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. СПб., 2016. 476 с.

References

1. Bocharov, S.G. (1999) *Syuzhety russkoy literatury* [Plots of Russian Literature]. Moscow: Yazyki russkoi kultury.
2. Meletinskiy, E. (1994) *O literaturnykh arkhetyпах* [On Literary Archetypes]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
3. *The Bible*. (1991) Moscow: Bibleyskiye komissii "Dukhovnoye prosveshcheniye". (Reprinted from the Synodal edition). (In Russian).
4. Linkov, V.Ya. (2008) *Istoriya russkoy literatury XIX veka v ideyakh* [History of Russian Literature of the 19th Century in Ideas]. 2nd ed. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
5. Likhachev, D.S. (2016) *Velikoe nasledie: Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevney Rusi* [The Great Heritage: Classical works of literature of Ancient Russia]. Saint Petersburg: Logos.

Информация об авторе:

Обласова Т.В. – д-р пед. наук, канд. филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: tatianaoblasowa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Oblasova, Dr. Sci. (Pedagogics), Cand. Sci. (Philology), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: tatianaoblasowa@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.11.2021;
одобрена после рецензирования 07.07.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 24.11.2021;
approved after reviewing 07.07.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

Научная статья
УДК 821.133.1
doi: 10.17223/19986645/79/14

Игра как средство трансгрессии в романе Шань Са «Играющая в го»

Наталья Сергеевна Шуринова¹

¹ Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия, interjectio@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается роман Шань Са «Играющая в го» с точки зрения реализации в нем поэтики игры. Игра представлена в романе как инструмент трансгрессии, обеспечивающий деполяризацию бинарных оппозиций. В тексте чередуются исповедальные голоса героя и героини, выражающие противоположные типы мировоззрения, культуры, женское и мужское начало. Игра в го является ключевым символическим образом, она показана как специфический язык, делающий возможным экзистенциальный диалог с сознанием другого.

Ключевые слова: трансгрессия, деконструкция, дискурс, бинарные оппозиции, экзистенциальная коммуникация, игра

Для цитирования: Шуринова Н.С. Игра как средство трансгрессии в романе Шань Са «Играющая в го» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 274–286. doi: 10.17223/19986645/79/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/14

Game as a tool for transgression in the novel *La Joueuse De Go* by Shan Sa

Natalya S. Shurinova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, interjectio@yandex.ru

Abstract. The article considers the novel *La Joueuse De Go* [The Girl Who Played Go] by Shan Sa and its poetics of game as a tool for transgression, providing the depolarization of binary oppositions and leading to the establishment of an existential dialogue with the consciousness of the other in particular. Analyzing the narrative structure of Shan Sa's text, as well as referring to the philosophical and aesthetic interpretation of the key image of the game of Go, the author comes to the conclusion that the concept of game is presented in *La Joueuse De Go* via the organization of the narration and a specific symbolic image. Shan Sa's novel has a binary structure: it is constructed by interchanging confessional fragments and voices of protagonists; this structure imitates a game of Go, in which two players play with stones of different colors. The confessional fragments, written on behalf of the hero and the heroine, are connected by common motifs, this feature allows perceiving the heroes as doubles. Connections between fragments of the text show the convergence of oppositions,

demonstrate the possibility of transgression. While researching, the author also considers various discourses which can be seen in the confessional voices of the main characters of the novel. This allows discovering nuances in the problematization of transgression in the novel. The analysis helps identify the historical and political opposition between Japan and China in a state of war, this makes it possible to associate the transgressive experience with the betrayal and rejection of established ideological models. The characters express opposite cultures and types of thinking; their images represent the opposition between nationalism and cosmopolitanism, hierarchy and chaos. In addition, the novel assumes the possibility of interpretation through the prism of gender studies: in this perspective, the pair of contrasting characters can be associated with the opposition of the feminine principle of Yin and the masculine principle of Yang, solar and lunar codes; the characters' rapprochement is accompanied by the convergence of the Sun and the Moon in the motif organization of the text. The game of Go is a key symbolic image in the novel, it literalizes the idea of the need of going beyond the bounds of binarity to establish productive communication with the other. The game of Go is shown as a specific language which provides the authenticity of existential dialogue; in the novel it is opposed to imperfect natural languages, which keep consciousness within the framework of nationality and culture. Thus, by deconstructing various codes, the author shows that consciousness is not completely limited to the languages that define it; authentic communication can take place only outside the sign systems.

Keywords: transgression, deconstruction, discourse, binary oppositions, existential communication, game

For citation: Shurinova, N.S. (2022) Game as a tool for transgression in the novel *La Joueuse De Go* by Shan Sa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 274–286. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/14

Роман французской писательницы китайского происхождения Шань Са «Играющая в го» («La joueuse de go», 2001), снискавший Гонкуровскую премию лицеистов и пробудивший повышенный интерес европейского читателя к экзотической игре в го, привлекает к себе внимание многоплановостью.

Э. Шоффре предлагает смотреть на «Играющую в го» как на исторический роман, в котором исследуется конкретный исторический период, «повествование, где автор смешивает рассказ о вымышленных героях и вымышленных событиях с рассказом о реальных фактах и исторических лицах» [1. Р. 7]. Автор романа также настаивала на значимости такого прочтения: «Я хотела <...> осветить этот специфический период в истории Китая, краткий период боли и удовольствия, момент перехода от феодализма к обществу современного типа» [2]. Действие романа происходит во время японской интервенции в независимую Маньчжурию и японо-китайской войны 1937–1945 гг.: автор показывает историю японского офицера и маньчжурской девушки, которые узнают и влюбляются друг в друга, играя в го – китайскую настольную игру.

Между тем Л. Бисингер предлагает смотреть на изображаемые в романе события в более широкой перспективе. Она пишет, что в тексте Шань Са «исследуется вопрос об идентичности и изменениях, которые должны с

ней произойти для того, чтобы стал возможен подлинный межкультурный диалог» [3. Р. 171].

Интересно деконструктивистское прочтение романа. Дж. Пролл настаивает на том, что игра в го в романе Шань Са выступает не просто как культурная реальия, связанная с востоком, но как концептуальная метафора, используемая для деконструкции культурной идентичности [4]. Этот аспект, как представляется, в данном тексте наиболее значим, так как именно тема игры акцентируется в заглавии романа.

В статье мы обратимся к поэтике игры в романе «Играющая в го» и рассмотрим игру как специфический инструмент трансгрессии: в тексте Шань Са она реализуется как серия «жестов, которые обращены на предел» [5. С. 117], игра значима в романе и как устройство текста, и как непосредственный предмет изображения.

В романе, на наш взгляд, реализовано постмодернистское понимание игры, которое не сводится лишь к определенной системе правил. Ключевым образом становится именно игра в го, допускающая самые разнообразные комбинации. У Ж. Делеза можно прочесть: «Нет никакого распределения шансов среди различного числа бросков; совокупность бросков утверждает случай и бесконечно разветвляет его с каждым новым броском» [6. С. 81]. На наш взгляд, Шань Са воспроизводит в тексте тотальную постмодернистскую игру, выражающую не только релятивистское отношение к традиции, но особое мировоззрение, игровое сознание. Такая игра «ставит под вопрос проблему “границы” и дает о себе знать в постоянной трансгрессии» [7. С. 130]. В романе она является способом преодоления самых разнообразных границ средствами текста – культурных, личностных, гендерных.

Обратим внимание на то, что абсолютизация игры в постмодернистском романе, когда она уже не противопоставляется традиции, а становится основой представлений о мире (как о лабиринте или ризоме), приводит к тому, что «теряется главное игровое свойство: наслаждение свободой; в ситуации абсолютной игры человек раздавлен необходимостью всё время делать выбор» [7. С. 130]. Как видится, именно поэтому современный игровой роман стремится при помощи игры исследовать экзистенциальный опыт отдельного индивида.

У Шань Са игра рассматривается как определенный способ бытия, демонстрируется экзистенциальный потенциал игры. Для главных героев игра является средством самопознания и познания другого. Деконструкция культурных кодов посредством игры не только выводит за границы дуалистичности, но и позволяет состояться экзистенциальной коммуникации, которая в романе противопоставляется коммуникации языковой и является средством постижения идентичности и культуры другого.

Под экзистенциальной коммуникацией мы понимаем диалог, позволяющий подлинно воспроизвести феномен другого. Такой диалог в определенной степени созвучен проекту психобиографии Гюстава Флобера «Идиот в семье» Ж.П. Сартра [8]. Возможность постижимости другого че-

ловека философ связывал с воображением и эмпатией, противопоставляемой симпатии, оценочному суждению. Значимо, что подлинная коммуникация возможна только тогда, когда мы не сталкиваемся с «конкретностью» и телесностью индивида; конкретные отношения с другим Сартр связывает с неизбежностью конфликта и взаимной объективации: «Конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого» [9. С. 558]. Однако он воспроизводит феномен Флобера, которого никогда не знал лично и которого на тот момент не было в живых, пользуясь воображением, позволяющим понять «стиль его экзистенциального проекта»; не просто описать совокупность переживаемых личностью конкретных феноменов, но понять внутреннюю логику ее существования, сделанных ей выборов. Этот опыт Сартра был направлен на доказательство коммуникабельности «Я», объективной постижимости человека человеком.

Как видится, Шань Са выстраивает в романе схожую концепцию, в которой ключевое место, однако, занимает не просто воображение, а игра, позволяющая побыть другим, понять тот выбор, который другой делает, находясь в игровом пространстве. Человек объективирует себя в игре так же, как «Флобер объективировал себя в своих книгах» [8. С. 5]. Именно игровое пространство дает возможность понимания феномена другого, в отличие от пространства конкретно-исторического, где отношения с другим конфликтны.

Однако для начала нам необходимо рассмотреть формальное устройство романа, позволяющее говорить о деконструкции бинарных оппозиций. Цель этой деконструкции состоит не только в демонстрации условности кодов, но и в отражении мировоззренческих изменений, которые необходимы самим героям романа для того, чтобы коммуникация между ними могла состояться.

Текст Шань Са выстроен в соответствии с игровым принципом. Он имеет бинарную повествовательную структуру, имитирующую игру в го, где два игрока играют камнями двух контрастных цветов. Роман представляет собой чередование двух исповедей – героя и героини. Таким образом, текст построен как игра с оппозиционными точками зрения, противоположными голосами и кодами: читатель становится на точку зрения одного персонажа, но ему тут же показывают ее относительность.

Истории персонажей выстраиваются как зеркальные отражения друг друга. Эффект зеркальности достигается за счет введения в главы параллельных сцен, заставляющих воспринимать героя и героиню как двойников. Можно согласиться с И. Гильерес, которая утверждает, что Шань Са в своих романах постоянно обращается к теме поиска идентичности, частым приемом, который она использует, является прием двойничества [10].

Например, офицер, лагерь которого стоит в китайских снегах, говорит: «Уже три месяца заснеженный лес отделяет нас от внешнего мира. Среди моих солдат растет ожесточение, они все время напиваются и задирают друг друга» [11. С. 22]. Героиня, празднующая Новый год, произносит схожую фразу: «Еловая роща отделяет гостиницу “Империял” от остально-

го мира» [11. С. 27]. Герои, какими бы разными они ни были, проживают схожие судьбы: оба они заперты в границах своих миров, действуют в пределах предопределенности культурной средой и историческим моментом. Это показывается в романе как неизбежный детерминизм, за которым подлинное «Я» труднообнаружимо.

В финале романа герои осознают собственную несвободу. И он и она в следующих друг за другом фрагментах рассуждают о «течении». Офицер говорит: «Впервые азарт войны не возбуждает меня: мы просто исполняем свое предназначение, как лососи, плывущие против течения на нерест. В этом нет ни красоты, ни величия»¹ [11. С. 202]. Героиня, идущая по Пекину, тоже сопротивляется «течению»: «С самого рассвета я иду по дороге “против течения” – поток беженцев направляется в другую сторону» [11. С. 204]. В первом случае офицер говорит о неестественности войны и манипулятивности военной риторики, жертвой которой он стал. Китайка оказалась вынужденной бежать из Маньчжурии и также стала заложницей обстоятельств. Оба героя в равной степени несвободны, их тяготит обусловленность индивидуальной судьбы глобальными историческими процессами.

Подобная игра с чередующимися фрагментами текста, их одновременное противопоставление и сопоставление, позволяет продемонстрировать возможность трансгрессии, выхода за границы предопределенности, показывает точки схождения, в которых личный опыт становится прозрачным. Автор деконструирует различные коды, демонстрируя, что подлинная коммуникация пролегает за границами знаковых систем.

С другой стороны, исповеди главных героев иллюстрируют влияние различных культурных кодов. Как утверждал В.А. Подорога, «трансгрессия постоянно утверждает предел, отрицая его» [13]. Это позволяет говорить и о многоаспектности рассмотрения функций игры в романе: границы, которые преодолевают главные герои, являются границами и историческими, и культурными, и гендерными.

Первый значимый аспект – историко-политический. В романе показываются японцы, пришедшие в Маньчжурию как агрессоры, восстание китайских коммунистов, пытки и казнь восставших. Однако историческая достоверность в романе Шань Са реализуется не столько через соответствие реальным фактам, сколько через воспроизведение образа мышления, характерного для определенного исторического момента и определенной общности. Например, показывается японская империалистическая риторика, передается она в речи матери офицера, которую тот воспроизводит в

¹ В оригинале: «Pour la première fois, l'aventure militaire a cessé de m'exalter: nous rejoignons notre destin comme les saumons remontent les fleuves» [12. P. 315]. Дословно: «Впервые война меня больше не воодушевляет: мы все покоряемся нашей участи, как лосось, плывущий против течения вверх по реке» (перевод наш. – Н.Ш.). О высоком предназначении воина здесь речи уже не идет: лишь о коллективной участи (destin), историческом фатализме.

своей исповеди: «Маньчжурия – братская страна! – кричит она. – К несчастью, террористы пытаются разрушить дружбу между нашими императорами. Твой долг – оберегать хрупкий мир. Выбирая между смертью и трусостью, отдай предпочтение смерти!» [11. С. 8]. Становится понятно, что внимание сконцентрировано не столько на исторических фактах, сколько на дискурсах – исторических, политических, культурных. Эти коды определяют содержание «Я», становятся частью идентичности по мере того, как сама личность овладевает ими и учится их воспроизводить.

Кроме того, история японца позволяет увидеть и исторические причины японской экспансии. В детстве офицер стал свидетелем землетрясения Канто, разрушившего Токио и лишившего героя отца. Землетрясения, проживание на территориях с высокими сейсмическими рисками показаны как коллективная травма японского народа, эта травма мифологизируется, а завоевание новых земель воспринимается как условие выживания: «Легенда гласит, что Япония – это плавучий остров, стоящий на спине рыбы-кота. Когда эта рыба начинает шевелиться, происходят землетрясения. <...> Уничтожить бога было нам не по силам, но мы могли выместить свое отчаяние на соседях. Китай, необъятный и процветающий, находился под боком, на расстоянии вытянутой руки. Там мы обеспечим будущее наших детей» [11. С. 47].

Свободолюбивая китайская девочка противопоставляется японскому офицеру. Героиня вступает в связь с участником восстания против японской оккупации, Минем, наблюдает за казнью восставших: история неизбежно вовлекает ее, делает сопричастной политической ситуации. И после этого ее протест против личной несвободы приобретает политизированное выражение, она начинает имитировать патриотическую риторику: «Ненавижу англичан – они дважды воевали с нами, чтобы продавать здесь опиум, запрещенный у них на родине. <...> Я ненавижу японцев! Завтра они завоюют весь континент, и вы вздохнете с облегчением – ведь раздавленный Китай избавится наконец от мракобесия» [11. С. 162].

В ракурсе историко-политической проблематики романа противопоставление героя и героини может быть интерпретировано как оппозиция между Японией как страной-оккупантом и Китаем как страной оккупируемой, которая сопротивляется и сражается за свою свободу с иноземными вторжениями. В этой оптике трансгрессия связана с предательством, отвержением существующих идеологических моделей – как с одной, так и с другой стороны.

Вместе с тем Шань Са показывает не только историко-политическую предопределенность, но и культурный детерминизм, который также неизбежно приводит к ситуации войны. Самурайская культура феодальной Японии мифологизирует войну, ритуализирует все, что связано с войной, через понятия долга и чести. В речи офицера, особенно в начале романа, хорошо заметны идеологические штампы: «Теперь мне не стыдно взглянуть в лицо предкам. Они передали мне фамильное оружие, заповедали быть храбрым и мужественным. И я не посрамил славных имен» [11. С. 15].

Ключевой ценностью китайки, напротив, является свобода. Значимо, что она с самого начала подается читателю как «играющая» («joueuse»). Игра противопоставляется концепции долга и «духу серьезности», с которым живет японец. Китайка хочет остаться свободной, отвергает принципы взрослого мира и предается игре в го: «Лу ничего не понял. Он хочет привести меня в мир взрослых, не ведая, что этот скучный и суетный мир наводит на меня ужас» [11. С. 22]. Сильна в романе связанная с героиней феминистская линия: замужество связывается с неизбежным подавлением «Я».

Кроме того, заметим, что в сознании японца выстраивается иерархия культур, где Япония всегда занимает более высокое положение по отношению к Китаю: «Легенда гласит, что эту удивительную игру придумали в Китае четыре тысячи лет назад. В ходе слишком долгой истории культура ее истощилась, го утратила не только утонченность, но и изначальную чистоту. Игра пришла в Японию несколько сотен лет назад, над ней размышляли, ее улучшали, и она стала божественным искусством. Моя родина в очередной раз доказала свое превосходство над Китаем» [11. С. 98]. Японию здесь можно интерпретировать как образ универсального агрессора, стремящегося к расширению своего влияния и подавлению другого, в приемах японской военной риторики легко можно опознать приметы риторики, например нацистской, а солнце, становящееся символом империи, воспринять как аналог свастики: «Брат! Знай, что теперь, после первого боя, я поклоняюсь одному только Солнцу. Это светило есть воплощение постоянства смерти» [11. С. 31].

Китайка воплощает не столько китайское сознание, сколько сознание поликультурное: она воспринимает пространство с точки зрения постмодернистского либерализма, как пространство хаотичное, в котором иерархия упразднена, а границы иллюзорны. В начале романа она рассказывает, что родилась в Европе: «Я родилась в туманном Лондоне, что с первых же дней жизни сделало меня необычным ребенком» [7. С. 24]. Отец, увлеченный европейской культурой, увез на Запад свою семью, из-за чего разразился скандал. Сознание китайской девочки космополитично, она не принадлежит к какой-то одной культуре, видит мир как хаотичный. Поэтому она спокойно описывает время японской интервенции в Китай как время, когда нестабильная жизнь наконец наладилась, а на улицах появились дорогие гостиницы и рестораны.

Кроме того, в романе рассматривается и вопрос гендерных границ: гендер воспринимается читателем как определенный код. Шань Са, опираясь на древнекитайскую натурфилософию, мифологизирует своих персонажей, показывая их проявлениями двух противоположных начал – мужественного начала «ян», связываемого с Солнцем, и женственного начала «инь», связываемого с Луной.

С этой точки зрения упоминания солнца в романе можно прочитывать как выражение энергии «ян»: «На фюзеляже каждого самолета нарисован национальный флаг: алое солнце на девственно белом снегу. Наши сердца переполняет гордость» [11. С. 135]. Политический аспект здесь связан с

гендерным: патриархальная культура использует концепцию мужественности, позволяет проявляться энергии «ян».

Образ китаянки воплощает женское начало, связывается с Луной. Имя ее старшей сестры – Лунная Жемчужина («Perle de Lune»). В финале перед смертью героиня успевает признаться японцу, что ее собственное имя – Ночная Песня («Chant de nuit»). Автор намеренно переводит с китайского на французский эти имена: они подчеркивают связь главной героини с женским началом, оппозицию между солнечным и лунным кодами.

Вначале солярный персонаж отвергает лунное начало. «Остерегайся Луны, – говорит он младшему брату, – она служит зеркалом красоте. Она растет и убывает, эта непостоянная предательница» [11. С. 31]. Однако впоследствии сближение героев символически выражается в сближении Солнца и Луны. Значимая встреча героев, когда Ночная Песня просит офицера постеречь ее сон, происходит днем, а заканчивается ночью, когда показывается луна, «словно прочерченная мелом» [11. С. 176]. Объяснение героев, когда китаянка говорит офицеру, что он проживает не свою жизнь, и просит помочь ей уехать в Пекин, также происходит при лунном свете.

В судьбе самой китаянки сближение с Солнцем тоже значимо. Вся ее история выстраивается как попытка поиска идентичности в отношениях с различными мужчинами. Вначале, боясь взросления, она отвергает кузена Лу, который зовет ее замуж. Затем она сближается с революционером Минем и открывается миру, превращается в женщину. Сексуальные эксперименты для героини связаны с самопознанием и возможностью преодоления границы между «Я» и «не-Я». Важно, что определенные моменты на ее пути маркируются солярной символикой или солнечным светом. «Я похожа на слепца, не ведающего, как прекрасно солнце», – говорит она подруге Хун [11. С. 36]. Эпизод с Минем происходит жарким летом, и здесь вновь появляется образ солнца: «Солнце льет на меня с неба потоки золота» [7. С. 86]. Первая встреча китаянки с замаскированным офицером также происходит при дневном свете: «Внезапно на меня падает чья-то тень. Я поднимаю голову и вижу незнакомца в панаме и больших очках в роговой оправе» [11. С. 93].

Как видится, гендерная проблематика занимает особое место в романе Шань Са: именно возможность взаимопонимания между мужчиной и женщиной говорит о возможности познания другого и эмпатии. Трансгрессивный опыт подается в романе как опыт любовный, границы дискурса преодолеваются любовью.

Таким образом, оппозиция между Японией и Китаем может интерпретироваться не только исторически, но и в более широком диапазоне значений: как оппозиция между национализмом и космополитизмом, иерархией и хаосом, серьезностью и игрой, мужским и женским. Герои воплощают два разных типа мышления. Авторская игра позволяет продемонстрировать, что противоположные герои могут понять друг друга. Под трансгрессией в данном случае можно понять преодоление не только границ между конкретными историческими типами культур, но и любой идеологической

обусловленности, накладывающей на личность свою печать. В конечном счете Шань Са показывает то, как посредством игры достигается проницаемость самой психики.

Игра в го переживается героями как экзистенциальный опыт, своеобразная «пограничная ситуация». Столкновение с другим в игровом пространстве расшатывает их ценности, приводит к прозрению, в результате которого другой оказывается постижимым. Игра становится основой для экзистенциальной коммуникации, средством воспроизведения феномена другого, она буквально отражает суть идеи о деконструкции бинарных оппозиций как условия контакта с другим: другой станет постижимым только тогда, когда черные и белые камни смешаются на одной доске.

Важно, что специфическое общение героя и героини друг с другом посредством игры обусловлено невозможностью видеть друг друга в конкретно-исторической действительности: она не знает, что он японский офицер, он не знает, что она связана с повстанцами, их общение направлено на установление эмпатии, а не на вынесение оценочного суждения, обусловленного той или иной идеологией.

Во многом это связано с отказом от традиционной коммуникации: общаясь при помощи игры в го, герои просто не могут рассказать об этом так, как если бы они говорили на естественном языке. Капитан Накамура, который когда-то тоже был влюблен в китайскую девушку, говорит герою: «Я присел у стены, не выпуская ее из объятий, мы целовались и шептались друг другу слова любви, каждый на своем языке» [11. С. 149]. Язык также представляет собой культурно-обусловленную знаковую модель, замыкает личность в границах культуры. Поэтому любовь как коммуникация, требующая прозрачности и открытости по отношению к другому, оказывается за границами естественного языка. Это созвучно идее Р. Барта, высказанной в «Нулевой степени письма»: «Пользуясь языком, мы обречены разыгрывать свои эмоции на языковой сцене: в известном смысле можно сказать, что не человек пользуется языком, а язык пользуется человеком» [14. С. 26].

Главные герои романа находят для коммуникации альтернативный язык, очищенный от влияния искажающих факторов. Таким языком становится в романе игра в го. Герой и героиня регулярно встречаются на площади Тысячи ветров, где китайские игроки собираются для разыгрывания партий. Японский офицер приходит туда в качестве шпиона, он должен выследить коммунистов-заговорщиков. Героиня же постоянно проводит время на площади в ожидании достойного соперника и однажды встречается там с японцем.

Согласно классическому определению Й. Хейзинги «всякая Игра есть прежде всего и в первую голову свободная деятельность. Игра по приказу уже больше не игра» [15. С. 17]. Именно поэтому героиня, желающая сохранить свою индивидуальность, сбегает на площадь Тысячи ветров от сценариев взрослой жизни. Игра вводит героев в пространство, свободное от всякой обусловленности, и поведение за доской ничего не предопреде-

ляет, кроме самого играющего. Здесь они – просто игроки, а не японский солдат и китайская школьница.

Не случайно в качестве языка общения фигурирует в романе именно игра в го. Выбор автора определяется одновременными сложностью и простотой этой игры. Правила го очень просты, в них отсутствует понятие об иерархии фигур и стандартных положениях их на доске. Однако именно по этой причине во время игры может возникать бесконечное множество ситуаций, от игрока требуется умение как выстраивать стратегию, так и адаптироваться к постоянным изменениям.

По сути, го и является специфическим языком: каждый ход здесь служит знаком, сообщает что-то об индивидуальности – интеллекте, настроении, способе принятия решений, склонностях и т.д. У. Пинкард, много писавший об истории и философии игры в го, цитируя анонимного игрока, подчеркивал: «Происходящее на доске показывает, о чем думает игрок во время игры. Когда мастер изучает протокол игры, он может сказать, в какой момент учеником овладела жадность, когда он устал, когда впал в растерянность, а когда пришла служанка с чаем» [16. Р. 4]. Феномен другого у Шань Са оказывается, таким образом, познаваемым через «проигрывание», схожее с сартровским «воображением».

Героиня романа с самого начала воспринимает игру в го как средство коммуникации. Мужчины, с которыми она общается, так или иначе разочаровывают ее, потому что плохо играют в го. Концепция игры в романе оказывается близкой идеям Е. Финка, который рассматривал игру как инструмент экзистенциального познания, «один из способов понимания, с помощью которых человек понимает себя» [17. С. 362].

Во время первой партии в го китайка, наблюдающая за манерой игры японца, замечает: «Незнакомец очерчивает свои зоны на доске удивительно точно и экономно. Го – отражение души человека, его душа педантична и холодна» [11. С. 112]. Однако в процессе игры героиня начинает замечать состояние самоотчуждения, в котором пребывает ее противник: «Я побывала в вашей душе, ощупала все ее закоулки, о которых вам самому ничего не известно, я стала вами и поняла: вы – совсем не вы» [11. С. 192].

Японец отлично улавливает настроение китайки по манере обращения с камнями, в то время как в кругу семьи ей легко удается притворяться и не раскрывать себя: «Когда мы встретились, китайка зажимала камень между указательным и средним пальцем и опускала его на доску с веселым стуком. Когда звук изменился, стал глухим, я догадался, что она впала в угрюмость» [11. С. 137].

Кроме того, игра в го представлена как язык, который выражает только индивидуальное переживание существования, показывает выбор, который делает человек, но выбор этот совершается в виртуальном пространстве, никаких реальных сведений не сообщается. Во время игры герои почти не разговаривают друг с другом. В финале оказывается, что они не знают друг о друге никаких конкретных фактов: «И тут я понимаю, что до сих

пор не знаю, как зовут моего незнакомца. Я вообще ничего о нем не знаю – только его душу» [11. С. 202].

Кроме того, выход за пределы кодов в романе приводит к познанию смерти. Трансгрессия реализуется в духе М. Бланшо – как «движение оспаривания <...> завершающее себя в потустороннем» [18. С. 67]. Умирает обвиненная в связи с японцем возлюбленная капитана Накамуры, умирают и влюбленные друг в друга главные герои романа, и их коммуникация продолжается уже за пределами материального мира: «Я знаю – там мы продолжим нашу партию» [11. С. 207].

В связи с последним заметим, что, по сути, постижимость другого у Шань Са оказывается возможной только в трансцендентном, когда будет осуществлен выход за пределы всех возможных границ. Это эскапистский, романтический вывод, который вытекает из абсолютизации власти дискурса. Подлинно свободным выбором представляется не выбор, сделанный в исторической ситуации, как было у Сартра, а выбор, сделанный на доске для игры.

Подытоживая сказанное, можно прийти к заключению, что в романе Шань Са «Играющая в го» игра с бинарными оппозициями превращается в инструмент экзистенциального диалога.

Игру можно рассматривать и как символический образ, и как принцип организации повествования, построенного по принципу чередования фрагментов исповедальных высказываний героя и героини. Ключевые персонажи романа являются двойниками, за счет эффекта зеркальности в композиции их исповедей исчезает антагонизм внутри оппозиций Японии и Китая, серьезного и игрового, мужского и женского, иерархии и хаоса, национализма и космополитизма, патриархального и либерального. Это показывает возможность трансгрессии и постижения опыта другого. Деконструируя различные коды, автор демонстрирует, что сознание не сводится полностью к определяющим его языкам, подлинное общение может состояться только за пределами знаковых систем.

Образ игры в го закрепляет этот эффект на сюжетном уровне: общаясь при помощи игры, герои достигают взаимопонимания. Принципы игры в го позволяют говорить об игре как об универсальном языке экзистенциальной коммуникации, который дает возможность выразить подлинное содержание «Я».

Список источников

1. Choffray É. La Joueuse de go de Shan Sa (Questionnaire de lecture). Bruxelles : le Petit Litteraire fr, 2015. 24 p.
2. Le Clair E. Entretien avec San Sha. // Zone littéraire. 2001. URL: <http://www.zone-litteraire.com/litterature/interviews/entretien-avec-shan-sa.html>
3. Bisinger L. Rencontre interculturelle dans le roman franco-chinois. Invitation au voyage d'un genre emergent. Berlin : Logos Verlag Berlin, 2016. 282 p.
4. Pröll J. La métaphore du jeu dans l'œuvre de Shan Sa: Indice d'une hybridation identitaire et culturelle? // Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. 2010. № 17. URL: https://www.inst.at/trans/17Nr/3-4/3-4_proell.htm

5. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб. : Мифрил, 1994. С. 113–131.
6. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академия, 1995. 299 с.
7. Голобородова Т.Н. Феномен игры в культуре постмодернизма: проблемы философского анализа : дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2000. 157 с.
8. Сартр Ж.П. Идиот в семье: Гюстав Флобер от 1821 до 1857. СПб. : Алетейя, 1998. 646 с.
9. Сартр Ж.П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии. М. : АСТ, 2009. 925 с.
10. Guillerez É. Doubles, dualité et effets miroir dans l'oeuvre de Shan Sa. // *Francofonia*. Casa Editrice Leo S. Olschki s.r.l., 2010. № 58. P. 67–81.
11. Шань Са. Играющая в го. М. : Текст, 2005. 208 с.
12. Shan Sa. La joueuse de go. Paris : Gallimard, 2003. 325 p.
13. Подорога В.А. Трансгрессия и предел // Новая философская энциклопедия. 2018. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c331d98407f8b24187c>
14. Барт Р. Нулевая степень письма. М. : Академический Проект, 2008. 431 с.
15. Хейзинга Й. *Homo ludens* // Й. Хейзинга. *Homo ludens*: Опыт определения игрового элемента культуры. М. : Прогресс-Академия, 1992. С. 7–240.
16. Pinckard W. Go and the 'Three Games' // *The Go Player's Almanac*. 2001. P. 4–5.
17. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1998. С. 357–403.
18. Бланио М. Опыт-предел // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 63–78.

References

1. Choffray, É. (2015) *La Joueuse de go de Shan Sa (Questionnaire de lecture)*. Bruxelles: lePetitLitteraire.fr.
2. Le Clair, E. (2001) Entretien avec San Sha. *Zone littéraire*. [Online] Available from: <http://www.zone-litteraire.com/litterature/interviews/entretien-avec-shan-sa.html>.
3. Bisinger, L. (2016) *Rencontre interculturelle dans le Roman Franco-chinois. Invitation au voyage d'un genre emergent*. Berlin: Logos Verlag Berlin.
4. Pröll, J. (2010) La métaphore du jeu dans l'œuvre de Shan Sa: Indice d'une hybridation identitaire et culturelle? *Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften*. 17. [Online] Available from: https://www.inst.at/trans/17Nr/3-4/3-4_proell.htm.
5. Foucault, M. (1994) O transgressii [On transgression]. Translated from French. In: Fokin, S.L. (ed.) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French thought of the middle of the 20th century]. Saint Petersburg: Mifril. pp. 113–131.
6. Deleuze, Zh. (1995) *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Translated from French. Moscow: Akademiya.
7. Goloborodova, T.N. (2000) *Fenomen igry v kul'ture postmodernizma: problemy filosofskogo analiza* [The phenomenon of play in the culture of postmodernism: problems of philosophical analysis]. Philosophy Cand Diss. Barnaul.
8. Sartre, J.-P. (1998) *Idiot v sem'e: Gyustav Flober ot 1821 do 1857* [The Family Idiot]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya.
9. Sartre, J.-P. (2009) *Bytie i Nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness]. Translated from French. Moscow: AST.
10. Guillerez, É. (2010) Doubles, dualité et effets miroir dans l'oeuvre de Shan Sa. *Francofonia*. 58. pp. 67–81.
11. Shan, Sa. (2005) *Igrayushchaya v go* [The Girl Who Played Go]. Translated from French. Moscow: Tekst.
12. Shan, Sa. (2003) *La joueuse de go*. Paris: Gallimard.

13. Podoroga, V.A. (2018) Transgressiya i predel [Transgression and limit]. In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c331d98407f8b24187c>.
14. Barthes, R. (2008) *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing Degree Zero]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiiy Proekt.
15. Huizinga, J. (1992) *Homoludens. Opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury* [Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture]. Translated from Dutch. Moscow: Progress-Akademiya. pp. 7–240.
16. Pinckard, W. (2001) Go and the 'Three Games'. In: Bozulich R. (ed.) *The Go Player's Almanac*. Kiseido Publishing Company. pp. 4–5.
17. Fink, E. (1998) Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya [The main phenomena of human existence]. Translated from German. In: Popova, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress. pp. 357–403.
18. Blanchot, M. (1994) Opyt-predel [Limit-experience]. Translated from French. In: Fokin, S.L. (ed.) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French thought of the middle of the 20th century]. Saint Petersburg: Mifril. pp. 63–78.

Информация об авторе:

Шуринова Н.С. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: interjectio@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.S. Shurinova, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: interjectio@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2020;
одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 25.09.2020;
approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия

УДК 94(47)043

doi: 10.17223/19986645/79/15

**Рецензия на книгу: Попов Д.В. Стиль «плетение словес»
в посланиях Ивана Грозного. – М. : Перо, 2021. – 143 с.**

Ирина Юрьевна Гаврикова¹

¹ *Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, dolunay@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные особенности монографии, отмечается её практическая и теоритическая значимость. Даётся краткое описание структуры и содержания научного труда. Отмечается методологическая связь рецензируемой монографии с более ранними исследованиями, посвящёнными следующим темам: специфика русского литературного языка XVI в. и отражения в нём стиля «плетения словес», истоки русской публицистики и эпистолярного жанра, языковая личность Ивана Грозного. Особое внимание уделяется принципиальной новизне работы, выделяющей её из достаточно большого количества публикаций по вышеперечисленным темам.

Ключевые слова: история русского литературного языка, второе южнославянское влияние, стиль «плетение словес», эпистолярный жанр, языковая личность Ивана Грозного

Для цитирования: Гаврикова И.Ю. Рецензия на книгу: Попов Д.В. Стиль «плетение словес» в посланиях Ивана Грозного. – М. : Перо, 2021. – 143 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 287–292. doi: 10.17223/19986645/79/15

Review

doi: 10.17223/19986645/79/15

Book review: Popov, D.V. (2021) *Stil' "pletenie sloves" v poslaniyakh Ivana Groznogo* [The style of “weaving words” in the epistles of Ivan the Terrible]. Moscow: Pero

Irina Yu. Gavrikova¹

¹ *Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russian Federation, dolunay@yandex.ru*

Abstract. This article is a review of the book *The Style of “Weaving Words” in the Epistles of Ivan the Terrible* by Dmitry Popov. The reviewed monograph is dedi-

cated to one of the most pressing problems in modern linguistics – the problem of the development of the Russian literary language, as well as the role of the second South Slavic influence in its formation. In the book, the author considers the following issues: the definition of the norm of the Russian literary language of the 16th century, the peculiarities of the language personality of Ivan the Terrible, the problem of the correlation of individual features of the style and linguistically significant features of the linguistic situation of that era, linguistic bilingualism manifested in the opposition of the spoken style of speech to the language of literature, etc. Having analyzed the structural and content features of this work, the reviewer states its undoubted theoretical and practical significance. The relevance of the book is in the author's discussion of one of the essential, yet insufficiently studied, problem – the second South Slavic influence and its role in the formation of the literary language of that time. The novelty of the work lies in the characterization of the style of “weaving words” as one of the best models of the manifestation of the second South Slavic influence in the journalistic texts of the 16th century on the example of the epistolary heritage of Ivan the Terrible. The author for the first time examines in detail the lexical, syntactic, stylistic features of the epistles of Ivan the Terrible as a language personality. Popov characterizes these features in the context of the “weaving words” style, including the following features: (a) lexical (a large number of borrowed words, composites, abstract nouns, contextual synonyms and antonyms, tautology, inclusion of colloquialisms and even swear words); (b) grammatical (the presence of a complex system of verb forms of the past tense); (c) syntactic (the use of periphrastic phrases, various rhetorical devices, means of expressive syntax), etc. Popov comes to the conclusion that Ivan the Terrible brought some qualitatively new features to the structure and content of the works of the epistolary genre, including the following: pronounced journalistic, polemical elements of colloquial style of speech, mixing of oral speech (often abusive vocabulary) with high literary language, irony. The author of the book notes that, thanks to Ivan the Terrible, writing lost its canonical features, becoming a free genre. In this regard, we can speak about the emergence of the so-called epistolary journalism in the 16th century. He draws a conclusion about the influence on literature and public consciousness as a whole of the Hesychastic religious teaching that dominated in that era and was realized in the form of the predominance of the “weaving words” style. This monograph may be of interest to linguists, literary critics interested in the problem of the formation of the Russian literary language, in particular the reflection of the second South Slavic influence in it.

Keywords: history of Russian literary language, second South Slavic influence, “weaving words” style, epistolary genre, language personality of Ivan the Terrible

For citation: Gavrikova, I.Yu. (2022) Book review: Popov, D.V. (2021) *Stil' "pletenie sloves" v poslaniyakh Ivana Groznogo* [The style of “weaving words” in the epistles of Ivan the Terrible]. Moscow: Pero. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 287–292. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/15

Одной из наиболее актуальных проблем в современном языкознании является проблема развития и становления русского литературного языка, а также роли второго южнославянского влияния. На данный момент создано большое количество работ, посвящённых этой теме, однако некоторые вопросы и в наши дни требуют более детального и глубокого изучения, в их числе, например, следующие: определение нормы русского литературного языка XVI в.; вопросы, связанные с языковой личностью Ивана Гроз-

ного; проблема соотношения индивидуальных особенностей стиля и лингвистически значимых признаков языковой ситуации той эпохи; лингвистическое двуязычие, проявляющееся в противопоставлении разговорного стиля речи языку литературы, названное Н.С. Трубецким борьбой языковой архаики и новизны [1. С. 16]. В рецензируемой монографии находят отражение все вышеупомянутые вопросы, что говорит о её несомненной теоретической и практической значимости.

Данный научный труд продолжает ряд начатых в середине XX в. исследований, посвящённых вышеперечисленным темам, в числе которых наиболее значимыми являются работы Д.С. Лихачёва [2], Б.А. Успенского [3], И.П. Еремина [4]. Автор монографии рассматривает произведения эпистолярного жанра, созданные Иваном Грозным, в частности письма, адресованные Андрею Курбскому, как яркий образец стремительно развивающейся публицистики того времени, в которой находят отражение борьба книжного и разговорного стилей, а также ключевые элементы второго южнославянского влияния. Второе южнославянское влияние и его роль в становлении русского литературного языка изучались многими исследователями, к примеру Д.С. Лихачёвым [5. С. 7–56], Л.А. Дмитриевым [6] и др. Новизной именно этой работы является характеристика и спецификация стиля «плетения словес» как одного из ярчайших примеров проявления второго южнославянского влияния в публицистических текстах указанного периода: автором анализируется эпистолярное наследие Ивана Грозного, в котором нашли отражение как элементы стиля «плетения словес», восходящего к литерной традиции, заложенной Епифанием Премудрым, так и иные значимые черты языковой ситуации XVI в.

Отличительной чертой этого научного труда, выделяющей его из достаточно большого объёма созданных ранее исследований, является более подробный и структурированный анализ лексических, синтаксических, стилистических особенностей посланий Ивана Грозного как языковой личности, охарактеризованных в контексте именно данного стиля.

Наконец, новизной работы можно считать удачную попытку автора совместить два существующих в языкознании на данный момент направления исследований [7]. Первое, как отмечает автор, связано с языковыми особенностями русской литературы периода второго южнославянского влияния, а второе – «с идеологическими движениями эпохи, с укреплением отношений Москвы с Византией и южнославянским миром» [7. С. 4–5]. Так, автор не только проводит исследование в области стилистических особенностей произведений эпистолярного жанра XVI в., но и рассматривает их в рамках общелингвистической проблематики, изучая такое понятие, как исихазм, а также его отражение в литературе рассматриваемого периода.

Актуальность монографии заключена в обращении автора к одной из крайне важных, но тем не менее недостаточно хорошо изученной проблеме – второму южнославянскому влиянию и его роли в процессе становления литературного языка того времени.

Практическая значимость данной монографии состоит в том, что её материалы могут быть полезны для филологов, продолжающих исследования в области русского литературного языка в диахроническом аспекте, а именно изучающих мало разработанную на данный момент проблему второго южнославянского влияния в русской литературе, а также вопросы, касающихся лингвистического двуязычия, специфики эпистолярного жанра древнерусской литературы, языковой личности одной из ключевых фигур русской истории – Ивана Грозного.

Монография состоит из введения, трех частей (глав) и заключения. В первой части работы автор рассматривает общие характеристики языковой ситуации в Московской Руси XVI в.

В частности, он обращается к освещению достаточно спорного вопроса, связанного с периодизацией истории русского литературного языка, а также проблемам второго южнославянского влияния, которые можно проследить на примере произведений литературы того времени. Анализируя стилевые особенности русской письменной традиции XIV–XVI вв., автор приходит к выводу о существовании так называемого двуязычия, выражавшегося в противопоставлении литературного языка, на котором создавались богослужебные книги и научные труды, языку разговорному, характерному и для публицистики, при этом разговорный стиль развивался значительно быстрее литературного, видоизменяясь и приобретая более современные черты.

Во второй части монографии автор анализирует особенности развития эпистолярного жанра, в эпоху второго южнославянского влияния, обращаясь к специфическим чертам данного жанра, который является одним из ярчайших примеров русской публицистики того времени. Автором описаны основные особенности русских публицистических произведений в целом, а также специфика наиболее значимых для истории литературного языка образцов этого жанра XVI в.

В последней части работы автор переходит к описанию языковых особенностей эпистолярного наследия Ивана Грозного. Главу открывает спецификация взаимоотношений понятий «узус» и «норма» применительно к русскому литературному языку данного временного промежутка, что крайне важно для дальнейшего описания произведений эпистолярного жанра, созданных Иваном Грозным, в которых отразились как нормативные языковые элементы, так и индивидуально-авторские черты. Значительная часть главы посвящена рассмотрению лексико-грамматического своеобразия стилистики посланий Ивана Грозного. Автором анализируются следующие аспекты: а) лексика (отмечается большое количество заимствованных слов, композитов, абстрактных имён существительных, контекстных синонимов и антонимов, тавтология, включение просторечий и даже бранной лексики); б) грамматика (описывается система глагольных форм прошедшего времени, форма двойственного числа; в) синтаксис (акцентируется внимание на использовании перифрастических оборотов, различных риторических приемов, средств экспрессивного синтаксиса) и др.

Особое внимание уделяется отражению элементов стиля «плетения словес» как одной из важнейших черт эпистолярного наследия Ивана Грозного, при этом автор не только перечисляет элементы данного стиля (ритмизация текста, абстрагирование, обилие неологизмов, синонимика, оценочные эпитеты, большое количество тропов), нашедшие воплощение в письмах, но и характеризует отражение в стилистике жанра языковой, культурной и религиозной ситуации русской действительности того времени. Так, к примеру, наличие тавтологических оборотов, рядов синонимов автор объясняет не стремлением доказать какую-либо мысль логическим путём, всесторонне описывая то или иное явление, а скорее желанием «вызвать у читателя целостное впечатление» [7. С. 32], реализуя за счёт многократного повтора лексем со схожей ритмикой и значением приём так называемой суггестии. В этом, считает автор, заключается влияние на литературу и общественное сознание в целом исихастского религиозного учения, доминировавшего в ту эпоху.

В заключении автором монографии подводятся итоги проведённого исследования. Выводы касаются своеобразия языковой ситуации в XVI в.: так, автор обращает внимание на её неравновесность, несбалансированность, обусловленные, по его мнению, разными темпами развития языка литературы и деловой письменности, который вбирал в себя черты разговорного стиля. Выделяя значимые черты эпистолярного жанра того времени, Д.В. Попов называет Ивана Грозного наиболее ярким автором произведений данного жанра, отмечая новаторский характер эпистолярия Ивана Грозного, который привнес некоторые качественно новые элементы. В их числе следующие: выраженная публицистичность, полемичность, элементы разговорного стиля речи, смешение устной речи (зачастую бранной лексики) с высоким литературным языком, ироничность. Автор монографии делает вывод, что благодаря Ивану Грозному письмо утратило канонические черты, становясь свободным жанром, в связи с этим мы можем говорить о появлении в XVI в. так называемой эпистолярной публицистики.

Но именно на этом этапе в произведениях данного жанра наиболее ярко проявились черты второго южнославянского влияния, а именно стиля «плетения словес». Автор предлагает собственное определение данного стиля на основе проведенного им исследования фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических особенностей языка того времени, называя его «стилем письменных памятников периода второго южнославянского влияния, наиболее важные, лингвистические признаки которого обнаруживали себя на всех уровнях языковой структуры и в комплексе были направлены на создание возвышенных (панегирических) характеристик» [7. С. 123].

Итак, данный научный труд имеет неоспоримую теоретическую и практическую значимость, продолжая, но, надеемся, не завершая ряд исследований в области русского литературного языка, предоставляя благодатную почву для дальнейшего изучения этой проблемы.

Список источников

1. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М. : Прогресс – Универс, 1995. 800 с.
2. Лихачёв Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV века). Л. : АН СССР, 1962. 172 с.
3. Успенский Б.А. История русского литературного языка XI–XVII вв. 3-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2002. 558 с.
4. Еремин И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М. : Наука, 1966. 263 с.
5. Лихачёв Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л. : Наука, 1986. 407 с.
6. Дмитриев Л.А. Нерешённые вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. // ТОДРЛ. Т. 20. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 72–89.
7. Попов Д.В. Стиль «плетение словес» в посланиях Ивана Грозного. М. : Перо, 2021. 143 с.

References

1. Trubetskoy, N.S. (1995) *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress – Univers.
2. Likhachev, D.S. (1962) *Kul'tura Rusi vremeni Andrey Rubleva i Epifaniya Premudrogo (konets XIV – nachalo XV veka)* [The Culture of Russia of the Time of Andrei Rublev and Epiphany the Wise (Late 14th – early 15th century)]. Leningrad: USSR AS.
3. Uspenskiy, B.A. (2002) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv.* [History of the Russian Literary Language of the 11th–17th Centuries.]. 3rd ed. Moscow: Aspekt Press.
4. Eremin, I.P. (1966) *Literatura Drevney Rusi (etyudy i kharakteristiki)* [Literature of Ancient Russia (Sketches and characteristics)]. Moscow: Nauka.
5. Likhachev, D.S. (1986) *Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Studies on Ancient Russian Literature]. Leningrad: Nauka.
6. Dmitriev, L.A. (1964) *Nereshennyye voprosy proiskhozhdeniya i istorii ekspressivno-emotsional'nogo stilya XV v.* [Unresolved issues of the origin and history of expressive-emotional style of the 15th century]. *TODRL*. 20. pp. 72–89.
7. Popov, D.V. (2021) *Stil' "pletienie sloves" v poslaniyakh Ivana Groznogo* [The Style of "Weaving Words" in the Epistles of Ivan the Terrible]. Moscow: Pero.

Информация об авторе:

Гаврикова И.Ю. – канд. пед. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Московского физико-технического института (национального исследовательского университета) (Москва, Россия). E-mail: dolunay@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.Yu. Gavrikova, Cand. Sci. (Pedagogics), senior lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: dolunay@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2022;
одобрена после рецензирования 21.05.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 16.05.2022;
approved after reviewing 21.05.2022; accepted for publication 22.09.2022.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2022. № 79

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 24.10.2022 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 18,3; усл. печ. л. 23,8. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5173.

Дата выхода в свет 16.11.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru